

ВЕСТНИК
ТОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

ИСТОРИЯ

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL OF HISTORY

Научный журнал

2015

№ 4 (36)

Свидетельство о регистрации средства массовой информации:
ПИ № ФС77-29498 от 27 сентября 2007 г.

Международный стандартный номер сериального издания (ISSN 1998-8613).

Подписной индекс 44014 в объединённом каталоге «Пресса России».

Журнал входит в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук» Высшей аттестационной комиссии.

Полный «Перечень...» (редакция: 26 марта 2010 г.)

**РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ НАУЧНОГО
ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК ТОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА.
ИСТОРИЯ»**

Галажинский Эдуард Владимирович, д-р психол. наук, проф., ректор Томского государственного университета; **Дацишен Владимир Григорьевич**, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой всеобщей истории Сибирского федерального университета (Красноярск); **Иванова Наталья Анатольевна**, д-р ист. наук, главный научный сотрудник Института Российской истории РАН (Москва); **Кiryushin Юрий Федорович**, д-р ист. наук, проф., президент Алтайского гос. университета (Барнаул); **Красильников Сергей Александрович**, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой отечественной истории Новосибирского государственного университета; **Лузянин Сергей Геннадиевич**, д-р ист. наук, проф., зам. директора Института Дальнего Востока РАН; **Могильницкий Борис Георгиевич**, д-р ист. наук, проф. Томского государственного университета; **Мерлин Од**, доктор политической истории, проф. Свободного университета Брюсселя (Бельгия); **Саква Ричард**, PhD, проф. Кентского университета (г. Кентербери, Соединенное королевство Великобритании и Северной Ирландии); **Функ Дмитрий Анатольевич**, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой этнологии Московского государственного университета; **Ермекаев Жарас Акишевич**, д.и.н. проф. кафедры социально-гуманитарных дисциплин Казахстанского филиала МГУ (Астана); **Суляк Сергей Георгиевич**, к.и.н., гл. ред. международного исторического журнала «Русин», президент общественной организации «Русь» (Молдавия)

**НАУЧНАЯ РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА
«ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА. ИСТОРИЯ»**

Зиновьев Василий Павлович, председатель научной редакции, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой отечественной истории, декан исторического факультета; **Румянцев Петр Петрович**, ответственный секретарь, канд. ист. наук, доцент; **Кулемзин Владислав Михайлович**, д-р ист. наук, проф.; **Ларьков Николай Семёнович**, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой истории и документоведения; **Румянцев Владимир Петрович**, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой новой, новейшей истории и международных отношений; **Тимошенко Алексей Георгиевич**, канд. ист. наук, доцент, зав. кафедрой мировой политики; **Фоминых Сергей Фёдорович**, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой современной отечественной истории; **Харусь Ольга Анатольевна**, д-р ист. наук, проф.; **Черняк Эдуард Исаакович**, д-р ист. наук, проф., директор института искусств и культуры ТГУ; **Чиндина Людмила Александровна**, д-р ист. наук, проф.; **Шевелев Дмитрий Николаевич**, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой истории Древнего мира, Средних веков и методологии истории; **Шерстова Людмила Ивановна**, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой востоковедения; **Шиловский Михаил Викторович**, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой истории России Новосибирского государственного университета

**EDITORIAL BOARD OF THE
“JOURNAL OF TOMSK STATE UNIVERSITY.
HISTORY”**

Galazhinsky Eduard V., Dr. of Psychology, Professor, Rector of Tomsk State University; **Datsyshen Vladimir G.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of World History, Siberian Federal University (Krasnoyarsk); **Ivanova Natalia A.**, Dr. of History, Senior Researcher, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Moscow); **Kiryushin Yuriy F.**, Dr. of History, Professor, President of Altai State University (Barnaul); **Krasilnikov Sergey A.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of Russian History, Novosibirsk State University; **Luzyanin Sergey G.**, Dr. of History, Professor, Deputy Director, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences; **Mogilnitsky Boris G.**, Dr. of History, Professor of the Faculty of History, Tomsk State University; **Merlin Aude**, PhD (History), Professor of the Free University of Brussels (Belgium); **Sakwa Richard**, PhD (History), Professor of the University of Kent at Canterbury (Great Britain); **Funk Dmitry A.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of Ethnology of Moscow State University; **Ermekbaev Zharas A.** Dr. of History, Professor of Department of social and humanitarian disciplines of Kazakhstan Moscow State University branch (Astana); **Sulyak Sergey Georgiyevich**, PhD of History, editor-in-chief of the international historical magazine «Rusin», president of public organization «Rus'» (Moldova)

**ACADEMIC EDITORIAL BOARD OF THE
“JOURNAL OF TOMSK STATE UNIVERSITY.
HISTORY”**

Zinoviev Vasily P., Chairman of the Academic Editorial Board, Dr. of History, Professor, Head of the Department of Russian History, Dean of the Faculty of History; **Rumyantsev Peter P.**, Executive Editor, PhD (History), Associate Professor of the Department of Russian History; **Kulemzin Vladislav M.**, Dr. of History, Professor, Professor of the Faculty of History; **Larkov Nikolay S.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of History and Documentation Studies; **Rumyantsev Vladimir P.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of Modern and Contemporary History and International Relations; **Timoshenko Aleksey G.**, PhD (History), Associate Professor, Head of the Department of World Politics; **Fominykh Sergey F.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of Modern Russian History; **Kharus Olga A.**, Dr. of History, Professor of the Faculty of History; **Chernyak Eduard I.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of Museum Studies, Cultural and Natural Heritage, Director of the Institute of Art and Culture; **Chindina Lyudmila A.**, Dr. of History, Professor, Professor of the Faculty of History; **Sheve-lyov Dmitry N.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of Ancient and Medieval History and Methodology of History; **Sherstova Lyudmila I.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of Oriental Studies; **Shilovsky Mikhail V.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of Russian History, Novosibirsk State University

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ РОССИИ

Черняк Э.И. Д.А. Клеменц и создание музея в Кяхте	5
Ворошилова А.С. Церковное строительство и крестьянские переселения 1907–1917 гг. (на материалах истории православных приходов таежного Причумылья)	9
Кутилова Л.А. Советская Россия, Запад и Китай: иерархия внешнеполитических проблем в 1924 г. (на материалах газеты «Красноярский рабочий»)	14
Красильникова Е.И. Мемориализация С.М. Кирова в Западной Сибири (1934 – первая половина 1941 г.)	21
Федосов Е.А. Национальные категории в советском агитационном плакате периода Великой Отечественной войны	29
Рассказчикова А.А. Демографические особенности формирования населения «закрытого» г. Железногорска (Красноярский край)	35
Кузнецова А.А. Участие сибирских диссидентов в движениях за свободу выбора страны проживания и эмиграции в 1960–1980-х гг.	41
Приходько Ю.С. Деятельность региональных органов власти на Севере Западной Сибири в реализации государственной экологической политики во второй половине XX в.	47
Соколов Н.Н. Анализ российского варианта федерализма в контексте зарубежного опыта	55

ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

Малыхина И.В. О влиянии географического фактора на развитие учётных операций в Древнем Египте	59
Данилова В.Ю. Особенности прихода к власти императора Траяна	63
Галстян А.С. Истоки и проблемы формирования армянской диаспоры в США (1630–1920 гг.)	68
Комилова Х.Г. Роль и место интеграционных структур в системе международных отношений в Центральной Азии	73
Тройнина Е.Ю. Политика правительства Тайваня в области развития биотехнологий в 1990–2000-е гг.	79

ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ

Савельева А.С. Цветной металл тагарской культуры: история исследований состава сплавов на медной основе с 1860-х по 1950-е гг.	85
Бейсенов А.З. Околокурганные жертвенники как разновидность памятников тасмолинской культуры	96
Бейсенов А.З., Шаблавина Е.А. Особенности литья предметов конского снаряжения тасмолинской культуры	105

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ

Хабибуллин М.З. Народы Среднего Поволжья в ракурсе историко-конфессиональных исследований Якова Дмитриевича Коблова	113
Ратушняк О.В. Изучение казачьего зарубежья в российской историографии	119

PROBLEMS OF HISTORY OF RUSSIA

Chernyack E.I. D.A. Clementce and his role in making of Kyakhta museum	5
Voroshilova A.S. Churchly constructions and migration of peasants in 1907–1917 (based on the materials of history of the Orthodox parishes in taiga region near Chulim river)	9
Kutilova L.A. Soviet Russia, the West and China: the hierarchy of foreign policy problems of Soviet foreign policy in 1924 according to the newspaper "Krasnoyarsk Worker"	14
Krasilnikova Ye.I. Memorialization of Sergey Kirov in Western Siberia (1934 – first half of 1941)	21
Fedosov E.A. National categories in the Soviet agitational posters during the Great Patriotic war	29
Rasskazhikova A.A. Demographic features of the population formation of the "closed" city Zheleznogorsk (Krasnoyarsk region)	35
Kuznetsova A.A. Participation of the Siberian dissidents in the movements for freedom of choice of country of residence and emigration in 1960–1980	41
Prikhodko Yu.S. Activity of regional authorities in the north of Western Siberia in realization of the state environmental policy in the second half of the XX century	47
Sokolov N.N. Analysis of Russian version of federalism in the context of the international experience	55

PROBLEMS OF WORLD HISTORY

Malykhina I.V. On the influence of geography On the development of accounting operations in Ancient Egypt	59
Danilova V.Yu. The specificity of Trajan's way to power	63
Galstyan A.S. The origins and problems of formation of the Armenian diaspora in the United States	68
Komilova K.G. Role and place of integration structures in the system of international relations in Central Asia	73
Troynina E.Y. Biotechnologies development policy of the government of Taiwan in the 1990–2000s.	79

PROBLEMS OF ARCHEOLOGY

Savelieva A.S. Non-ferrous metal of the Tagar culture: the history of studies of the composition of copper-based alloys in the 1860s – 1950s.	85
Beisenov A.Z. Sacrificial constructions near kurgans as types of Tasmola culture monuments	96
Beisenov A.Z., Shablavina E.A. Features of casting saddlery items in Tasmola culture	105

PROBLEMS OF HISTORIOGRAPHY

Khabibullin M.Z. The peoples of the Middle Volga region in the perspective of historical-religious studies Yakova Dmitrievicha Koblova	113
Ratushnyak O.V. Studying the Cossack émigré in Russian historiography	119

РЕЦЕНЗИИ И НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Анисимова Л.Ю. Рецензия: Северьянов М.Д. Присаянье на перепутье эпох: люди, события, факты. Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2015. 580 с.	128
Лузянин С.Г. Рецензия: Бычкова Т.А. Страны Азии на пути от традиционного общества к индустриальному (XVII – начало XX в.) : учеб. пособие / под ред. В.П. Зиновьева. Томск : Издательский Дом Томского государственного университета, 2014. 460 с.	130
Кокоулин В.Г. Письмо в редакцию «Вестник Томского государственного университета. История» (Ответ на рецензию Н.С. Ларькова «Количество без качества, или Снова “в кроссовках по истории”»)	131
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	134

REVIEWS & SCIENTIFIC LIFE

Anisimova L.Y. Review: Severyanov M.D. Prisyanye at the crossroads eras: people, events, facts. Krasnoyarsk: Sib.Feder.Un-t, 2015. 580 p.	128
Luzyanin S.G. Review: Bychkova T.A. The countries of Asia on the way from traditional society to industrial (XVII – the beginning of the XX century): the manual / ed. by V.P. Zinovyev. Tomsk : Publishing house of Tomsk State University, 2014. 460 p.	130
Kokoulin V.G. Letter to edition «Tomsk State University. Journal of History» (Answer to review : Larkov N.S. Quantity without quality, or superficial knowledge of history)	131
INFORMATION ABOUT THE AUTHORS	134

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ РОССИИ

УДК 94:069+929(571.1)
DOI 10.17223/19988613/36/1

Э.И. Черняк

Д.А. КЛЕМЕНЦ И СОЗДАНИЕ МУЗЕЯ В КЯХТЕ

Освещаются недостаточно изученные в исторической литературе вопросы истории музейного дела Сибири. Характеризуется личность ссыльного народника Д.А. Клеменца, выясняются условия и обстоятельства, способствующие приобщению его к музейной работе, прослеживаются представления и мысли Д.А. Клеменца о роли и значении музеев в России, актуализируется понимание им сущности музейной работы, определяется вклад в создание и деятельность Кяхтинского музея.

Ключевые слова: история музейного дела; музейведческая деятельность Д.А. Клеменца; Кяхтинский краеведческий музей.

Вопрос об изучении истории отдельных музеев, поставленный еще на рубеже 1960–1970-х гг. видным московским музейведом А.М. Разгоном [1. С. 5–7], получил вполне адекватный ответ в таком солидном издании, как «Российская музейная энциклопедия» (М., 2001. Т. 1–2). Эту работу нужно продолжать, а с учетом того, что в нынешнем году исполняется 125 лет со дня основания Кяхтинского краеведческого музея, есть резон обратиться к его истории. Ведь для всесторонней объективной оценки процессов музейного строительства в Сибири требуется изучение условий и обстоятельств формирования Кяхтинского музея, поименного выяснения участников и свидетелей его создания. По опубликованным материалам известно, что у истоков музея в Кяхте стояли политические ссыльные И.И. Попов и А.Н. Чарушин, что его деятельность поддерживали Г.Н. Потанин, В.А. Обручев и другие видные исследователи [2. С. 321; 3. С. 256]. Но в этом перечне явно не хватает имени еще одного исследователя и музейведа, имевшего непосредственное отношение к созданию Кяхтинского музея, а именно – Д.А. Клеменца. О том, что требуется «пристальное изучение <...> многогранной и оригинальной фигуры» Д.А. Клеменца, писал в свое время А.В. Адрианов, пытаясь осветить некоторые грани его деятельности [4. С. 1]. Но ни Адрианов, ни более поздние авторы, изучавшие жизнь и труды Д.А. Клеменца, даже не упоминали о его вкладе в дела Кяхтинского музея. Только в 1975 г. в очерке Н. Якушева, опубликованном в журнале «Сибирские огни», было сказано об участии Д.А. Клеменца в музейной работе в Кяхте. Позже этот факт биографии Д.А. Клеменца был отмечен в «Исторической энциклопедии Сибири», а также в Википедии [5. С. 177; 6. С. 81; 7]. Как продолжение начатого в настоящей публикации ставится задача расширить, конкретизировать и уточнить данные о вкладе Д.А. Клеменца в создание Кяхтинского музея.

Дмитрий Александрович Клеменц (1848–1914) – участник народнического движения, один из руководителей партии «Земля и Воля», редактор нелегального

журнала «Земля и Воля», в 1879 г. был арестован и после двухлетнего заключения сослан в Сибирь. Следует подчеркнуть, что в литературе Д.А. Клеменца характеризовали как «человека оригинального, блестяще образованного и в то же время прирожденного народного пропагандиста» [8. С. 16]. Известно, что он учился в Казанском, затем в Петербургском университете, но полного курса не окончил. По свидетельству Г.Н. Потанина, он «готовился к научной деятельности» и в студенческую пору «особенно изучал геологию» [9. С. 135]. О стремлении к знаниям Д.А. Клеменц рассказывал и сам в воспоминаниях, изданных много лет спустя после его кончины. Писал, в частности, что, спасаясь от полицейского преследования, уехал в Европу, жил некоторое время в Берлине, потом в Париже, «бегал по музеям, осматривал памятники прошлого, и, чтобы не забыть математику, стал слушать в Сорбонне лекции...» [10. С. 128, 133].

Личностные качества Д.А. Клеменца, стремление к образованию, интерес к культурным ценностям, без сомнения, помогли ему изменить свою жизнь и направить ее в другое русло. Оказавшись в ссылке, лишенный возможности продолжать революционную борьбу, он обратился к единственно тогда возможной в сибирских условиях культурной работе, конкретно – к работе в музее. «По счастливой случайности», как писал об этом Г.Н. Потанин, Клеменц был направлен с партией ссыльных в Минусинск, окружной центр Енисейской губернии, в котором к тому времени имелись музей и библиотека, созданные Н.М. Мартьяновым. По воспоминаниям О.К. Булановой-Трубниковой, также отбывавшей ссылку в Минусинске, Н.М. Мартьянов привлек Клеменца к работе в музее и «нашел себе идеального помощника» [11. С. 33].

Работа в Минусинском музее потребовала от Д.А. Клеменца немалых усилий, он сложился как специалист, занимался археологией, производил геологические сборы, изучал географию, участвовал в подготовке и издании музейных каталогов. По свидетельству А.В. Адрианова, он проводил «научное определение

притекающего музейного материала», проявил себя как «один из самых деятельных собирателей коллекций и материалов для музея и исследователей» [4. С. 8].

Важно отметить, что Д.А. Клеменц щедро делился своими знаниями и находками с коллегами. Известно, например, что в декабре 1889 г. Д.А. Клеменц прислал в дар Минералогическому музею Императорского Томского университета коллекцию пород и шлихов, собранную в Енисейском горном округе, а также коллекцию пород с правого берега Ангары, породы и окаменелости, найденные в Минусинском округе. Эти коллекции, по отзыву заведующего Минералогическим музеем Томского университета профессора А.М. Зайцева, отличались систематичностью, были снабжены подробными описаниями [12. Л. 129–130].

С 1890 по 1894 г. Д.А. Клеменц был правителем дел Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества (ИРГО), выступал как организатор научных исследований обширнейших территорий, совершил ряд экспедиций по Сибири и Монголии. В 1891 г. он участвовал в Орхонской экспедиции, работал под руководством академика В.В. Радлова, одного из самых авторитетных российских тюркологов. Позже сам организовал и провел двухлетнюю экспедицию по Северной Монголии, большую экспедиционную поездку по Якутии, собрал богатейший геологический и этнографический материал [13. С. 274]. Возглавляя отдел ИРГО, Д.А. Клеменц одновременно руководил Иркутским музеем, бывшим составной частью географического отдела. По свидетельству нынешних исследователей, он держал в поле зрения все восточно-сибирские музеи [14].

Следует отметить, что к музейной работе в Восточной Сибири обращались и другие политические ссыльные. Например, бывший член подпольной организации «Народная расправа» А.К. Кузнецов в 1870–1900-х гг. устроил музеи в Нерчинске, Якутске, Чите, а в 1913 г., после большого пожара, уничтожившего музейное здание и коллекции, восстановил, практически создав новый, музей в Чите [11. С. 130–132]. Товарищ Д.А. Клеменца по народническому движению Н.А. Чарушин, вместе с женой, тоже народницей, А.Д. Кувшинской, проживал в Троицкосавске. Он выучился у А.К. Кузнецова фотографированию, получил официальное разрешение и открыл в Троицкосавске фотографию. Почти одновременно в сибирской ссылке оказался народоволец И.И. Попов. Женатый на дочери кяхтинского купца 1-й гильдии А.М. Лушникова Вере И.И. Попов поселился в доме тестя в Кяхте.

В конце XIX в. русские городки Троицкосавск и Кяхта, а также китайский поселок Маймачен составляли практически одно поселение, большинство его жителей занималось русско-китайской торговлей. Следует подчеркнуть мнение Н.А. Чарушина о том, что кяхтинские купцы-часторговцы значительно отличались от других русских купцов «культурностью и независимостью» [Там же. С. 292]. В Троицкосавске, не имевшем

даже статуса уездного центра, действовали не только начальные школы, но и средние учебные заведения – женская гимназия и реальное училище. В городке нередко останавливались русские путешественники по Китаю и Монголии. Показательно, что идея открытия новых культурно-просветительных учреждений в Кяхте / Троицкосавске принадлежала, по свидетельству И.И. Попова, Григорию Николаевичу Потанину, который был там проездом в 1886 г. [15. С. 298].

Совместными усилиями местные учителя, в частности преподаватель Троицкосавского четырехклассного городского училища П.С. Михно, просвещенные купцы, например А.Д. Старцев и Лушниковы, ссыльные И.И. Попов и чета Чарушиных организовали в Кяхте библиотеку, а вскоре открыли музей [11. С. 185; 16]. Естественно, что идею создания в Кяхте музея горячо поддерживал Д.А. Клеменц. Возвращаясь из монгольской экспедиции, он сделал остановку в Кяхте, жил в доме Н.А. Чарушина и А.Д. Чарушиной. По-видимому, Чарушины организовали публичную лекцию, которую Д.А. Клеменц прочитал в октябре 1892 г., а затем опубликовал в «Сибирском сборнике», который издавался в Иркутске, в редакции газеты «Восточное обозрение». В этой лекции Клеменц одним из первых в России дал определение музея: «Музей есть систематическое собрание произведений природы или каких-либо видов человеческого труда с целью наглядного и опытного изучения собранных предметов» [17. С. 2].

Независимо от того, что определение страдает односторонностью, следует отметить глубокое понимание Клеменцем сущности музейной работы, а также и знакомство с развитием музейного дела. (Сказалось, видимо, его пребывание в Европе.) Подчеркивая научное значение музейных собраний, Д.А. Клеменц провел краткий экскурс зарождения и развития музеев в Европе и России. При этом он указал на особое значение местных музеев, создание которых, по его мнению, было обусловлено «потребностями развития науки», а именно – необходимостью организовывать наблюдения, собирать материалы на местах [Там же. С. 14].

Д.А. Клеменц подчеркивал социокультурное значение местных музеев, говорил, что они могут дать прикладные знания о природных ресурсах территории, обеспечить культурный досуг населения [Там же. С. 15–18]. Отметив роль органов городского самоуправления и конкретно – городского головы Гусева в деле создания Минусинского музея, приведя примеры частной инициативы в открытии музеев в Ачинске, Енисейске, Тобольске и других сибирских городах, Д.А. Клеменц напрямую обращался к городскому обществу с предложением открыть в Кяхте музей, поддержать его материально [Там же. С. 27–31].

Сохранилось письмо Д.А. Клеменца, отправленное в октябре 1893 г. одному из адресатов. Письмо было опубликовано в 1916 г. в «Известиях Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества», а в недавнее время перепечатано в

«Краеведческих записках Иркутского музея». В этом письме Клеменц вспоминал о своем участии в деле создания Кяхтинского музея: «Нужен необходимо местный музей в Троицкосавске. Там собраны и материалы для этого. Хлопотал там и я об этом. Прочел там публичную лекцию на тему о местных музеях. Лекция понравилась настолько, что попросили сотню отдельных оттисков в Кяхту, но дело вперед не двинулось благодаря опасениям – хорошо-то хорошо, да как посмотрит на это высшее начальство. Новая затея, как бы то ни было, – страшно!! Одного слова о желании начальника края было бы достаточно, чтобы двинуть дело. А Кяхта, при ее больших денежных средствах, при связи с Китаем, могла бы создать не только местный, но и Монгольско-Китайский музей, такой музей, которому стали бы завидовать столицы. Надобно только разрешить, подбодрить, поощрить, дать понять, что такое дело встретит сочувственный отклик в высших местных сферах» [14].

Убежденные в необходимости просвещения, в активизации культурной жизни, жители Кяхты отвели под музей «поместительное каменное здание», как его характеризовал Н.А. Чарушин [11. С. 293]. Ныне известно, что каменный дом для музея пожертвовал купец 1-й гильдии А.Д. Старцев, а первым хранителем музея стала учительница Е.Н. Соколова [7]. Определились и источники поступления материалов, их привозили из своих путешествий по Сибири и Монголии и Д.А. Клеменц, и Г.Н. Потанин. Сам А.Н. Чарушин впоследствии вспоминал, как с разрешения Департамента полиции совершил вместе с Г.Н. Потаниным ученую поездку в монгольскую столицу Ургу и привез большую коллекцию антропологических снимков для Кяхтинского музея [11. С. 293]. По сведениям современных авторов, фотоколлекции А.Н. Чарушина до сих

пор представляют одну из главных культурных ценностей Кяхтинского музея [2. С. 321]. Важно отметить, что альбом с фотографиями монголов и видов г. Урги, сделанных Н.А. Чарушиным, был приобретен для Археологического музея Императорского Томского университета [18. С. 40].

В 1894 г. в фонды Кяхтинского музея поступили материалы из экспедиции Д.А. Клеменца по Монголии. Участник экспедиции Иннокентий Лушников, сын купца А.М. Лушникова, выпускник Троицкосавского реального училища, доставил в музей 15 видов птиц, коллекцию минералов, фотографии ландшафтов Хангая и Малой Гоби [19. С. 124–125]. Позже, уже в Петербурге, где он занимался организацией этнографического отдела Русского музея, Д.А. Клеменц привлек другого сына А.М. Лушникова, Александра, ставшего художником, к этнографическим работам в Монголии. По сделанным во время поездки по Монголии зарисовкам А.А. Лушников написал две картины «Хутухта благословляет народ» и «Монгольский национальный праздник». Они получили высокую оценку в научном мире. Первая из этих картин была передана самим художником в Кяхтинский музей, а вторую картину его племянник, А.И. Попов, подарил в 1959 г. Иркутскому музею [Там же. С. 131].

В завершении можно сделать вывод: мысли Д.А. Клеменца о создании Кяхтинского музея как хранилища свидетельств о культурных и экономических связях России и Китая не утратили своей злободневности. Актуально его предположение о том, что по музейным коллекциям, «как по живой книге, будут знакомиться с Китаем и Монголией русские люди» [17. С. 35]. И по-прежнему значима уверенность, что в будущем сохранится благодарная память потомков основателям Кяхтинского музея.

ЛИТЕРАТУРА

1. Разгон А.М. К вопросу об изучении истории музейного дела. (Вместо предисловия) // Очерки истории музейного дела в СССР. М., 1971. Вып. 7. С. 3–8.
2. Пентелейчук О.С. Кяхтинский краеведческий музей // Российская музейная энциклопедия : в 2 т. М. : Прогресс ; «РИПОЛ КЛАССИК», 2001. Т. 1. С. 321.
3. Кяхтинский краеведческий музей им. В.А. Обручева // Историческая энциклопедия Сибири : в 3 т. Новосибирск : Издательский дом «Историческое наследие Сибири», 2009. Т. 2. С. 256.
4. Адрианов А.В. Памяти супругов Клеменц: отдельный оттиск из 45-го тома «Известий Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества». Иркутск, 1917. 22 с.
5. Якушев Н. Неутомимый исследователь Сибири // Сибирские огни. Новосибирск. 1975. № 4. С. 169–184.
6. Шиловский М.В. Клеменц Дмитрий Александрович // Историческая энциклопедия Сибири : в 3 т. Новосибирск : Издательский дом «Историческое наследие Сибири», 2009. Т. 2. С. 81.
7. Кяхтинский краеведческий музей // Википедия. URL: <http://ru.wikipedia.org/?oldid=68908362>, свободный (дата обращения: 24.03.2015).
8. Гинев В.Н. Блестящая плеяда // Революционеры 1870-х годов: воспоминания участников народнического движения в Петербурге / отв. сост. В.Н. Гинев. Л. : Лениздат, 1986. С. 5–55.
9. Потанин Г.Н. Д.А. Клеменц // Литературное наследство Сибири / сост. Н.Н. Яновский. Новосибирск : Кн. изд-во, 1986. Т. 7. С. 134–139.
10. Клеменц Д.А. Из прошлого. Воспоминания. Л. : Колос, 1925. 181 с.
11. Автобиографии революционных деятелей русского социалистического движения 70–80-х годов XIX века // Деятели СССР и революционного движения России: энциклопедический словарь Гранат. Репринт. изд. М. : Советская энциклопедия, 1989. С. 13–343.
12. Государственный архив Томской области. Ф. 102. Оп. 1. Д. 6.
13. Равикович Д.А. Клеменц Дмитрий Александрович // Российская музейная энциклопедия : в 2 т. М. : Прогресс ; «РИПОЛ КЛАССИК», 2001. Т. 1. С. 274.
14. Колесник Л.М., Пушкина Т.Л., Свинин В.В. ВСОРГО и музейное дело в Иркутске // Краеведческие записки. Иркутск, 2001. Вып. 8. URL: <http://museum.irkutsk.ru/ru/page/articles1.html>, свободный (дата обращения: 12.08.2010).
15. Попов И.И. Из воспоминаний // Литературное наследство Сибири / сост. Н.Н. Яновский. Новосибирск : Кн. изд-во, 1986. Т. 7. С. 294–304.
16. Петр Саввич Михно // Википедия. URL: https://ru.wikipedia.org/w/index.php?title=Михно,_Пётр_Саввич&oldid=67044756, свободный (дата обращения: 24.03.2015).
17. Клеменц Д. Местные музеи и их значение в провинциальной жизни (публичная лекция, читанная в Кяхте 8 октября 1892 г.) // Сибирский сборник: приложение к «Восточному обозрению». Иркутск, 1893. Вып. 2. С. 1–35.

18. Отчет о состоянии Императорского Томского университета за 1889 год. Томск, 1890. 71 с.
 19. Даревская Е.М., Тагаров Ж.З. Кяхтинцы Лushниковы и ссыльный народник Д.А. Клементц // Ссыльные революционеры в Сибири. Иркутск, 1989. Вып. 11. С. 118–138.

Chernyack Eduard I. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: ed.i.chernyak@gmail.com

D.A. CLEMENTCE AND HIS ROLE IN MAKING OF KYAKHTA MUSEUM.

Keywords: the history of museum science; Clementce's museum investigation; Kyakhta museum of regional research.

In order to study the history of Russian museum science as a whole it is necessary to do an examination of the history of every detached museum. Such purpose was formulated by the prominent museum scientist A.M. Razgon in 1971. This task was begun to solve in the Russian Museum's encyclopedia, and it needs to be explored further. For example on the materials of Kyakhta Museum, it marks 125 years since its foundation. There are names of such authors or investigators as I.I. Popov, A.N. Charushin, G.N. Potanin, V.A. Obruchev, who did much for the Museum in Kyakhta. As for D.A. Clementce only short notes about his participant in the affairs of the Kyakhta Museum were published in "Historical Encyclopedia of Siberia" and Wikipedia. This information needs increasing and it is necessary to make more precise the contribution of D.A. Clementce in foundation of Kyakhta Museum. Now it is known that Dmitry Aleksandrovich Clementce (1848–1914) took part in revolution movement, he called himself narodnik (populist), and he was one of the leaders of the party "Land and Freedom" (Zemlya i Volya). In 1879 he was arrested and exiled to Siberia and ended up in the small town of Minusinsk. There he met N.M. Martyanov, the founder of Minusinsk Museum, and began to work in the Museum. He compiled collections in archaeology, geology, geography, took part in preparing of Museum catalogues. It is important to emphasize that D.A. Clementce participated in adding new subjects to other museums in Siberia. In 1889 he sent to the Mineralogy Museum of the Imperial Tomsk University some collections he made in Eastern Siberia. His successes in the Museum's work were not accidental, being in University he prepared himself to scientific activity, and then in exile in Europe visited museums in Berlin and Paris and understood the importance of the Museum science. D.A. Clementce worked as the ruler of the Eastern Siberian Department of an Imperial Russian geographical society. And it had defined his role in the organization of research and the creation of new museums in Siberia. So he supported the initiative of Kyakhta citizens to make a museum. In order to support that initiative, in 1892 he had read a public lecture, and expressed his attitude to the Museum as a Centre for local studies. His lecture, published in 1893, had the first definition of museum. He said that museum is a systematic collection of nature works or any results of human labor collected for visual and experience study of the objects. So he expressed interpretation of Museum work, showed his knowledge of the history of the Museum science. In 1894, just after opening of Kyakhta Museum, D.A. Clementce handed to it some materials took from Mongolian expedition. Simultaneously the participant of this expedition, Innokenty Lushnikov, son of Kyakhta merchant A.M. Lushnikov, donated 15 species of birds, collection of minerals and pictures of Mongolia landscapes to the Museum. The opening of Kyakhta Museum meant that the main idea of D.A. Clementce to preserve and learn cultural and economic relations of Russia, China and Mongolia was fulfilled.

REFERENCES

- Razgon, A.M. (1971) K voprosu ob izuchenii istorii muzeynogo dela [On studying the history of museology]. In: *Ocherki istorii muzeynogo dela v SSSR* [Essays on the history of museums in the USSR]. Issue 7. Moscow, 1971. pp. 3-8.
- Penteleychuk, O.S. (2001) Kyakhtinskiy kraevedcheskiy muzey [The Kyakhta Local History Museum]. In: Sundieva, A.A. (ed.) *Rossiyskaya muzeynaya entsiklopediya: v 2 t.* [The Russian Museum Encyclopaedia. In 2 vols]. Vol. 1. Moscow: Progress; RIPOL KLASSIK. p. 321.
- Anon. (2009) Kyakhtinskiy kraevedcheskiy im. V.A. Obrucheva [Kyakhta Local History Museum named after V.A. Obruchev]. In: Lamin, V.A. (ed.) *Istoricheskaya entsiklopediya Sibiri: v 3 t.* [The Historical Encyclopedia of Siberia. In 3 vols]. Vol. 2. Novosibirsk: Istoricheskoe nasledie Sibiri. p. 256.
- Adrianov, A.V. (1917) *Pamyati suprugov Klements: ot del'nyy ottisk iz 45-go toma "Izvestiy Vostochno-Sibirskogo otdela Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva"* [In memory of the Clements: a special reprint from Vol. 45 of "Izvestia of East Siberian department of the Imperial Russian Geographical Society"]. Irkutsk: East-Siberian Branch of Imperial Russian Geographical Society.
- Yakushev, N. (1975) Neutomimyy issledovatel' Sibiri [The tireless explorer of Siberia]. *Sibirskie ogni*. 4. pp. 169-184.
- Shilovsky, M.V. (2009) Klements Dmitriy Aleksandrovich [Dmitry Clements]. In: Lamin, V.A. (ed.) *Istoricheskaya entsiklopediya Sibiri: v 3 t.* [The Historical Encyclopedia of Siberia. In 3 vols]. Vol. 2. Novosibirsk: Istoricheskoe nasledie Sibiri. p. 81.
- Wikipedia. *Kyakhtinskiy kraevedcheskiy muzey* [Kyakhta Local History Museum]. [Online] Available from: <http://ru.wikipedia.org/?oldid=68908362>. (Accessed: 24th March 2015).
- Ginev, V.N. (1986) Blest'yashchaya pleyada [The brilliant galaxy]. In: Ginev, V.N. (ed.) *Revolutsionery 1870-kh godov: vospominaniya uchastnikov narodnicheskogo dvizheniya v Peterburge* [The revolutionaries of the 1870s: the memories of participants of the populist movement in St. Petersburg]. Leningrad: Lenizdat. pp. 5-55.
- Potanin, G.N. (1986) D.A. Klements [Dmitry Clements]. In: Yanovsky, N.N. (ed.) *Literaturnoe nasledstvo Sibiri* [Literary Heritage of Siberia]. Vol. 7. Novosibirsk: Book Publ. pp. 134-139.
- Klements, D.A. (1925) *Iz proshlogo. Vospominaniya* [From the past. Memories]. Leningrad: Kolos.
- Anon. (1989) *Deyateli SSSR i revolyutsionnogo dvizheniya Rossii: entsiklopedicheskiy slovar' Granat* [The USSR leaders and the revolutionary movement in Russia: Granat Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya. pp. 13-343.
- The State Archives of Tomsk Region. Fund 102. List 1. File 6. (In Russian).
- Ravikovich, D.A. Klements Dmitriy Aleksandrovich [Dmitry Clements]. In: Sundieva, A.A. (ed.) *Rossiyskaya muzeynaya entsiklopediya: v 2 t.* [The Russian Museum Encyclopaedia. In 2 vols]. Vol. 1. Moscow: Progress; RIPOL KLASSIK. p. 274.
- Kolesnik, L.M., Pushkina, T.L. & Svinin, V.V. (2001) VSORGO i muzeynoe delo v Irkutske [East Siberian Branch of Imperial Russian Geographical Society and museums in Irkutsk]. In: Kolesnik, L.M. & Svinin, V.V. (eds) *Kraevedcheskie zapiski* [Notes on Local History]. Issue 8. [Online] Available from: <http://museum.irkutsk.ru/ru/page/articles1.html>. (Accessed: 12th August 2010).
- Popov, I.I. (1986) Iz vospominaniy [From the memoirs]. In: Yanovsky, N.N. (ed.) *Literaturnoe nasledstvo Sibiri* [Literary Heritage of Siberia]. Vol. 7. Novosibirsk: Book Publ. pp. 294-304.
- Wikipedia. Petr Savvich Mikhno [Petr Mikhno]. [Online] Available from: https://ru.wikipedia.org/w/index.php?title=Mikhno_Petr_Savvich&oldid=67044756. (Accessed: 24th March 2015).
- Klements, D. (1893) Mestnye muzei i ikh znachenie v provintsial'noy zhizni (publichnaya lektsiya, chitannaya v Kyakhte 8 oktyabrya 1892 g.) [Local museums and their role in the life of province (the public lecture delivered in Kyakhta on October 8, 1892)]. In: Yadrintsev, N.M. et al. (eds) *Sibirskiy sbornik* [Siberian Collection]. Issue 2. Irkutsk. pp. 1-35.
- Anon. (1890) *Otchet o sostoyanii Imperatorskogo Tomskogo universiteta za 1889 god* [Report on the Imperial Tomsk University in 1889]. Tomsk.
- Darevskaya, E.M. & Tagarov, Zh.Z. (1989) Kyakhtintsy Lushnikovy i ssyl'nyy narodnik D.A. Klements [The Lushnikovs from Kyakhta and narodnik D. Klements]. In: *Ssyl'nye revolyutsionery v Sibiri* [Revolutionary exiles in Siberia]. Issue 11. Irkutsk. pp. 118-138.

УДК 314.151-051+27-523(571.1)"1907–1917"
DOI 10.17223/19988613/36/2

А.С. Ворошилова

ЦЕРКОВНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО И КРЕСТЬЯНСКИЕ ПЕРЕСЕЛЕНИЯ 1907–1917 гг. (НА МАТЕРИАЛАХ ИСТОРИИ ПРАВОСЛАВНЫХ ПРИХОДОВ ТАЕЖНОГО ПРИЧУЛЫМЬЯ)

Выполнено в рамках работ по проекту «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности» (грант Правительства РФ П 220 № 14.В25.31.0009).

Рассматривается строительство храмов и часовен на переселенческих территориях таежного Причулымья как один из способов поддержания православной идентичности мигрантов-переселенцев. Особое внимание уделено причинам возведения часовен. Сопоставление с конкретными архивными материалами которых позволило выдвинуть предположения о возможной принадлежности приходского населения рассматриваемого региона не только к официальным церковным институтам, но и неформальным группам защитников старообрядческих скитов. На основании отчетных данных Томской духовной консистории и Святейшего Синода проводится анализ процесса церковного строительства в Томской епархии.

Ключевые слова: церковное строительство; переселение; часовня; храм; православное самосознание; староверие.

Проблемы адаптации населения Сибири в период столыпинских переселений изучаются современными исследователями в различных ракурсах: этнокультурном, экономическом, социально-психологическом и природно-географическом [1–4]. В то же время такой значимый аспект, как мировоззренческая основа православного самосознания переселенческого населения Сибири, остается малоизученным. В данном случае изучение церковного строительства представляется особо значимым для ее понимания. Многочисленные ходатайства о церковном строительстве из разных переселенческих районов позволяют рассмотреть это строительство как способ поддержания православной идентичности – важной составляющей социокультурной адаптации переселенческого населения. Мировосприятие православного сельского человека формировало понимание храма как основного источника православного самосознания, поэтому его наличие в приходе считалось обязательным условием благополучной жизни православного мигранта-переселенца на новом месте жительства.

Богослужение, по мнению клириков, должно было оказывать «всестороннее воздействие на людей, трогая, а возможно, даже и трансформируя их ум, душу и тело», а храм – развивать религиозную чувствительность личности и ее богосознания [5. С. 114]. С позиций официальной русской православной церкви можно говорить об особой духовной миссии храма: церковное здание строилось для того, чтобы верующие могли обрести «духовное зрение, знание и просвещение». Официально наличие храма в приходе означало проведение в нем регулярных богослужений для того, чтобы он воспринимался прихожанами как «живой», причем независимо от того, посещают их прихожане или нет. В переселенческих поселках Сибири возникновение храма не всегда было связано с обязательным открытием прихода и работой полноценного причта. Это ставило под вопрос проведение регулярных богослужений, для которых необходимым условием было наличие постоянного священника. Бывало так, что жители доволь-

ствовались нерегулярными богослужениями, совершаемыми батюшкой из соседнего прихода, что не могло не влиять на общий уровень приходской жизни в переселенческих поселках. Отсутствие постоянно действующего причта в приходах после строительства церкви в течение нескольких лет было делом обычным и объяснялось несколькими причинами.

Одна из них лежит на поверхности и связана с тяжелым бедственным положением переселенцев, которые зачастую приезжали без какого-либо движимого и недвижимого имущества и начинали строить свое хозяйство с нуля. Не налаженный должным образом механизм обустройства мигрантов на заселяемых территориях, неразвитая инфраструктура, злоупотребления местных властей и переселенческих чиновников, задержки ссуд, а иногда и вообще их отсутствие приводили к тому, что большая часть приезжающих долгое время находилась на уровне крайней бедности, а «правительство прилагало все усилия для того, чтобы скрыть правду об отчаянном, нищенском положении переселенцев, о голодовках и вымирании их» [6. С. 2]. Очевидно, что в подобном финансовом положении переселенец не мог содержать причт, хотя по закону это было его обязанностью, поскольку казенное жалование составляло лишь долю общего дохода священника.

Более скрытой и требующей тщательной проверки и подтверждения причиной, возможно, являлось наличие в регионе сети старообрядческих скитских общин, которые пополнялись в период переселенческих волн новыми членами [7]. Таким образом, у переселенцев появлялся альтернативный путь удовлетворения их духовных нужд, который был менее затратным финансово и освобождал от необходимости постоянного взаимодействия с духовными лицами.

Косвенным подтверждением этих предположений могут служить данные из клировых ведомостей за 1907 г. нескольких сел благочиния № 3 – одного из беднейших благочиний Томской епархии о лицах, не посещающих исповедь и причастие (табл. 1) [8].

Количество лиц в приходе, не посещающих исповедь и причастие с указанием причин*

Населенный пункт	Всего человек в приходе	По малолетству	Наклонность в сектантстве	По отлучкам	По неизвестным причинам	По нерадению	Общий процент исповедывающихся
с. Ново-Рождественское	2035	427	0	9	49	0	96
с. Лебедянское	2023	495	0	6	0	182	88
с. Ишимское	2917	387	377	89	0	1562	35
с. Судженское	1911	400	0	48	0	70	92
с. Александровское	3115	468	97	55	0	1363	44
с. Сергиевское	1901	374	0	68	5	129	87
с. Ольгинское	2751	603	0	35	1	117	93
с. Данковское	1090	232	0	25	0	549	33
с. Вороно-Пашенское	3813	778	0	150	0	95	91
с. Пышкинское	4643	931	0	53	66	1320	63

*Таблица составлена по данным из нескольких клировых ведомостей за 1907 г. представленных населенных пунктов.

Как видно из табл. 1, 1/3 населенных пунктов имела достаточно низкий процент регулярно посещающих церковь и причащающихся, 2/3 – очень высокий, а в одном из сел – средний. Примечательно, что большая часть деревень с низким процентом имеет высокий показатель численности населения, значит, они были достаточно развиты и обжиты для того, чтобы задуматься об удовлетворении и духовных потребностей – создать формальные структуры, позволяющие им чувствовать себя включенными в православный социум через посещение храма, но, судя по всему, это происходило далеко не всегда.

Возвращаясь к вопросу о роли храма в жизни православных сельских приходов, необходимо отметить, что сделать однозначные выводы здесь проблематично. Это связано с многозначностью самого понятия «храм» в сельской культуре и функциями в жизни православных мирян. Во-первых, официальная структура храма с особым историческим контекстом, не привязанным к местоположению определенной церкви, формировала отдельный культурный мир через духовенство, храмовое пространство и обряды, в который оставалось только войти, а не создавать заново. Во-вторых, сочетая в себе две формы жизнедеятельности – приходскую и сельскую – и две разные культуры – священную и мирскую, храм становился средством связи мирян с внешним миром, местом обсуждения важных вопросов жизни села, что способствовало укреплению их общинного уклада, сплочению как единого православного коллектива и формированию групповой солидарности в принятии важных решений.

Возведение храма было не единственным способом выражения принадлежности переселенцев к церкви и православной вере. В отсутствие достаточных средств им приходилось обращаться к альтернативным формам христианской литургической культуры, одним из которых являлись часовни, занимавшим промежуточное положение между домом и церковью. Примечательно, что их наиболее активное строительство наблюдалось в

сельской местности, и с 1861 по 1917 г. их количество в России увеличилось почти вдвое [5. С. 169].

Этимология слова «часовня» восходит к христианскому понятию «час», и в православной традиции «часы» обозначали богослужения, которые миряне могли проводить без участия духовенства [9. С. 405]. Именно этот факт был основой непростой и противоречивой истории появления и распространения часовен в Российской империи. Несмотря на то что часовни были близки к храмам и должны были служить опорой официальной православной веры, в XVIII в. властями не поощрялось их строительство из-за опасений, что они станут местом сосредоточения старообрядцев. Высшие церковные иерархи опасались, что построенные мирянами и функционирующие без священника они выйдут из-под контроля духовных властей. Все это делало часовню точкой соприкосновения нескольких независимых сил: церковных иерархов, государственной бюрократии, приходского духовенства и мирян, взгляды которых на такие важнейшие церковные вопросы, как «духовный авторитет, роль мирян и духовенства, роль личности в отношениях с церковной общиной», различались [5. С. 174].

В середине XIX в. ситуация меняется из-за масштабной колонизации, начавшейся в Российской империи. Осознав, что закрытие часовен привело к отрицательным последствиям для православных, живущих на окраинах, церковные власти разрешают их возведение, но оно перестает быть делом самостоятельным как раньше, а становится больше схожим со строительством новой церкви – таким же долгим, сложным и утомительным. Как правило, часовни строились в труднопроходимых местах, окруженных лесами или болотами, поскольку центральные приходские церкви располагались слишком далеко друг от друга. Незрелость путей сообщения и суровые климатические условия также влияли на удаленность. В совокупности все эти факторы мешали крестьянам регулярно посещать приходскую церковь, поэтому возникало желание иметь хотя бы часовню.

Рассматривая вопрос о том, кто был инициатором их строительства, стоит отметить, что не всегда прошения исходили от священников. Чаще всего миряне сами собирали сельские сходы, устраивали сборы и почти все строительные мероприятия брали на себя. В данном случае последующая деятельность новой часовни могла вызывать сомнения у представителей церковной власти из-за возможности распространения «раскольничьей заразы», и зачастую это служило поводом для её закрытия.

В этом отношении интересной представляется классификация причин возведения часовен сельскими прихожанами, предложенная В. Шевцовой. Она выделяет две основные группы, которые обозначает как «центростремительную» и «центробежную». В первом случае часовни являлись «форпостами церкви» и были связаны с идеей прихода, отражающей желание прихожан быть единым с христианским миром в целом. Вторая группа выражала интересы какой-либо локальной части верующих, стремящихся «сохранить часовню как свидетельство Божьего присутствия» вблизи своего места жительства [5. С. 179]. Если рассматривать строительство часовни как один из способов духовной адаптации переселенцев, то наличие подобной классификации позволяет проследить двойственную связь этого культового сооружения с официальной церковью или нелегальными общинами староверов-скитников.

Так, например, «центростремительная» группа причин характеризует часовню как некую замену приходской церкви, особенно в случаях обделенности материальными ресурсами, и сравнительно недорогой путь решения проблемы недоступности ближайших храмов из-за бездорожья или неблагоприятных природно-климатических условий. Следовательно, увеличение в той или иной местности числа часовен может свидетельствовать об исключительной важности приходской жизни для ее населения, естественном переходе к ее полноценным формам. Таким образом, жители села часто строили часовни для установления «связи с православной церковью в широком смысле этого слова» и демонстрации собственной причастности к ней через повышенную инициативу.

«Центробежная» группа причин характеризует часовню скорее как «священный исторический памятник», а не средство связи с «внешним православным миром», поскольку здесь на первое место выступало стремление сохранить память о каком-либо событии (преодолении последствий стихийного бедствия и пр.) или желание найти коллективный способ искупления грехов.

В классификации церковных сооружений существует еще один тип – «молитвенный дом», но поскольку по смыслу и содержанию он представлял собой модифицированную часовню, то разделение это условно. История показывает, что молитвенные дома не строились как самостоятельные церковные здания, а в основном возникали из часовен, которые в силу своих маленьких размеров не могли обслуживать приходы

при их количественном приросте. Подобная ситуация случилась с часовней в д. Сергеевской Пышкинского прихода Ново-Кусковской волости, которая к 1911 г. сильно обветшала и после водворения значительного числа переселенцев перестала вмещать всех желающих («при совершении службы большинство людей остается вне помещения» [10. Л. 2], – писали бывшие инородцы д. Сергеевой своему благочинному). В результате на общем сельском сходе жители деревни решили не просто отремонтировать здание, а построить новое, переименовав его в молитвенный дом. При этом все обязательства по строительству, как видно из ходатайства, они полностью брали на себя, требуя лишь разрешить бесплатно заготовить лес. В ходатайстве епархиальному начальству также значатся такие пункты, как: «...иметь при молитвенном доме свои приходо-расходные книги и независимыми быть от церкви в покупке и продаже свеч» и «разрешение обратиться к добровольным пожертвованиям вне нашего прихода (соседних), если своих средств окажется не достаточно» [Там же. Л. 2 об].

Это желание селян вполне обосновано, ведь деревня состояла всего из 75 дворов, которые самостоятельно смогли собрать средства на строительство лишь в сумме 300 руб. Епархиальное управление не препятствовало строительству молитвенного дома, требуя прислать информацию только о его размерах. В материалах дела по данному строительству отсутствуют сведения о том, получилось ли у сергеевцев осуществить задуманное, но в справочной книге по Томской епархии за 1914 г. церковное здание д. Сергеевой именуется «часовней». Это значит, что либо к этому году жители еще не закончили строительство, либо оно так и не было начато. Можно также предположить, что епархиальное ведомство не выделило в статистических обзорах «молитвенный дом» в отдельную категорию. Любопытно, что помимо Сергеевской часовни в Пышкинском приходе находились еще две, которые располагались в юртах инородцев. В данной ситуации можно говорить о причислении их к часовням, «по происхождению» не связанным с «центробежной» и «центростремительной» группами. Это, в свою очередь, позволяет сделать предположение о том, что часовня, построенная коренным этносом, либо становилась легальной формой сохранения собственных (не православных) религиозных устоев, традиций и обычаев, либо появлялась по инициативе епархиального начальства и рассматривалась им как способ христианизации инородцев.

В православной культуре понятия «часовня» и «храм» тесно переплетены и на первый взгляд может показаться, что они – явление цельное. На самом деле прослеживается некоторая их двойственность. В этом смысле они – две стороны одной медали, которые отражают два разных подхода к формированию «общего» – православного – самосознания верующих. Если храм целиком и полностью являлся мощным инструментом поддержания официальной православной иден-

тичности крестьянина-переселенца, то часовня могла быть способом взращивания ее альтернативных форм (инославной, старообрядческой, сектантской). Данный факт особенно важен при рассмотрении вопроса принадлежности к сети скитов-старообрядцев, присутствующих на территории таежного Причумылья.

Используя ведомости о церквях и белом духовенстве, ежегодно предоставлявшиеся благочинными в консисторию, можно сделать некоторые выводы на этот счет. В частности, в таблице представлены данные по нескольким благочиниям Томского уезда из ведомости за 1909 г. (табл. 2) [11].

Таблица 2

Число храмов, часовен и молитвенных домов на территории таежных переселенческих поселков в 1909 г.*

Благочиние	Кол-во храмов	Кол-во часовен и молитвенных домов	Всего церковных зданий
№2	18	20	38
№3	24	9	33
№5	12	5	17
№39	7	–	7
По Томскому уезду	104	50	154

*Для составления таблицы была использована отчетная документация, подготовленная канцелярией Томской духовной консистории на основании ведомостей о церквях и белом духовенстве благочинных.

В целом часовни и молитвенные дома занимали 1/3 от общего количества церковных зданий. Примечательно, что на фоне четыре представленных благочиний особо выделяются два, в котором часовен находилось чуть более половины по сравнению с приходскими храмами. Этот факт может служить основой для более подробного рассмотрения данного региона, чтобы выяснить причины появления здесь именно часовен, но уже сейчас можно с большой долей уверенности предположить, что значительная часть прихожан данного благочиния была самодостаточна в плане организации своей духовной жизни и, вероятно, могла обходиться без причта.

Не менее любопытной представляется динамика строительства часовен и молитвенных домов в Томской епархии в период 1907–1914 гг. При сравнении епархий Российской империи по этому показателю становится видно, что Томская на протяжении указанного периода стабильно занимала одну из лидирующих позиций: здесь в среднем в год строилось 16 часовен и молитвенных домов. На основании данных отчетов Правительствующего Синода по ведомству православного вероисповедания была составлена таблица, наглядно это демонстрирующая (табл. 3).

Таблица 3

Степень активности церковного строительства в Томской епархии в 1907–1914 гг.*

Отчетный год	1907	1908	1909	1910	1911	1912	1913	1914
Кол-во построенных часовен и молитвенных домов	14	13	14	22	20	15	15	13
Место по строительству часовен и молитвенных домов среди всех епархий империи	3	5	4	1	2	3	3	4

*Таблица составлена по данным отчетов Правительствующего Синода по православному вероисповеданию о количестве возведенных в отчетном году церковных сооружений.

Из табл. 2 видно, что пик строительства пришелся на 1910–1911 гг., вероятно, это было связано с переселенческим потоком в Сибирь после столыпинской аграрной реформы, но были ли другие причины, предстоит выяснить. Логично предположить, что молитвенные дома и часовни строились по инициативе и на средства прихожан, а это значит, что Томская епархия имела значительное количество предприимчивых и активных сельских жителей, желающих иметь собственную часовню.

Так, например, сопоставив план церковно-школьного строительства в переселенческих поселках Сибири на 1913 г. [12. Л. 434–435], с отчетом Синода [13] за этот же год, можно увидеть, что ни Святейший

Синод, ни переселенческое управление не выделяли средств на строительство часовен и молитвенных домов, а между тем, их было возведено 15 в данном году. Не остается сомнений, что его финансировали исключительно прихожане.

Таким образом, у переселяющегося в Сибирь православного человека было несколько путей поддержания православной идентичности: один из них – строительство храма, что означало ориентацию на официальную православную церковь; другой – возведение часовни, что можно считать частичным, на наш взгляд, подтверждением скрытой принадлежности к неформальным группам защитников старообрядческих скитов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Коровушкин Д.Г. Этнокультурная адаптация поздних переселенцев в Западной Сибири (конец XIX – первая четверть XX вв.) : дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 2004. 219 с.

2. Токарев Н.В. Адаптация тамбовских переселенцев в условиях сибирского фронта на рубеже XIX–XX вв. // Вестник Тамбовского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2013. № 10 (126). С. 126–129.
3. Пожарская К.А. Некоторые аспекты природно-климатической и хозяйственной адаптации столыпинских переселенцев на Алтае // Емельяновские чтения : матер. II межрегион. науч.-практ. конф. Курган, 19–20 апреля 2006 г. Курган, 2006. С. 116–118.
4. Чуркин М.К. Переселения крестьян черноземного центра Европейской России в Западную Сибирь во второй половине XIX – начале XX вв.: детерминирующие факторы миграционной мобильности и адаптации. Омск, 2006. 375 с.
5. Шевцова В.Ф. Православие в России накануне 1917 г. СПб. : Дмитрий Буланин, 2010. 488 с.
6. Соловьёва Е.И. Из истории становления переселенческих хозяйств Западной Сибири в период Столыпинской реформы // Вопросы аграрной истории Урала и Западной Сибири. Свердловск, 1966. С. 293–304.
7. Дутчак Е.Е., Васильев А.В., Ким Е.А., Полежаева Т.В. Православный ландшафт таежной Сибири: концепция исследования // Сибирские исторические исследования. 2013. № 1. С. 79–90.
8. Государственный архив Томской области (далее – ГАТО). Ф-170. Оп. 1. Д. 3387.
9. Часовни // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1903. Т. XXXVIII. С. 404–405.
10. ГАТО Ф-170. Оп. 7. Д. 289.
11. ГАТО Ф-170. Оп. 3. Д. 4756.
12. ГАТО Ф-239. Оп. 9. Д. 26.
13. *Всеподданнейший отчет обер-прокурора святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1913 год.* СПб., 1915. Приложение № 4. С. 8.

Voroshilova Anna S. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: Annet1010552@mail.ru

CHURCHLY CONSTRUCTIONS AND MIGRATION OF PEASANTS IN 1907–1917 (BASED ON THE MATERIALS OF HISTORY OF THE ORTHODOX PARISHES IN TAIGA REGION NEAR CHULIM RIVER).

Keywords: the church building; migration; chapel; church; orthodox self-consciousness, old belief.

Problems of adaptation of Siberian population in the period of Stolypin's removals are studied by modern researchers in different perspectives: ethno-cultural, economical, socio-psychological and natural – geographical. At the same time such an important aspect as the basis of the worldview of the Orthodox self-consciousness of the Siberian migrant population remains underinvestigated. In this case, the research of churchly constructions appears to be especially important for this understanding. Numerous petitions about church construction from different regions of resettlement allow to consider this construction as a means of maintaining of the Orthodox identity – an important component of the socio-cultural adaptation of the population of distant migrants. The world perception of the Orthodox peasant formed his understanding of the church as the main source of the Orthodox self-consciousness that is why its presence in the parish was believed to be the necessary condition for the happy life of the Orthodox distant migrant in the new place of residence. The construction of the church was not the only way to reveal the affiliation of distant migrants to the Church and the Orthodoxy. In the absence of ample means they had to refer to the alternative forms of the Christian liturgical culture, one of these forms were chapels, which had the intermediate position between the house and the church. Taking into the account the fact that reasons for chapels construction can be divided on «centripetal» and «centrifugal» groups, it is possible to say that in the first case chapels were «outposts of the Church» and were associated with the idea of the parish, reflecting the desire of parishioners to be the integral whole with the Christian World, and the second group evinced interests of any local group of believers, who were trying to keep chapel as the evidence of God's presence nearby their new place of residence. If we consider the construction of the chapel as one of the ways of spiritual adaptation for distant migrants, then the presence of such classification allows to follow the relations between this house of worship with the official Church or illegal communities of hermits of old-believers. In the Christian culture the notions «chapel» and «church» are closely intertwined and, at the first glance, it may seem that they are integral parts of the same event. But in the reality, one can see a sort of their ambivalence. In this sense, they are two sides of the same coin, which reflect two different approaches to the formation of the «common» – Orthodox – self-consciousness of believers. If the church was from top to bottom the powerful instrument of maintaining of the official Orthodox identity of the distant migrant peasant, then the chapel could be the way of cultivation of its alternative form. Thus, the Orthodox person, who lived off to Siberia had several ways of the Orthodox identity maintaining: one of them was the construction of the church, which meant the orientation on the official Orthodox Church; another way was the building of the chapel that may be considered as a partial, on the author's point of view, confirmation of the secret involvement into informal groups of defenders of the priories of old-believers.

REFERENCES

1. Korovushkin, D.G. (2004) *Etnokul'turnaya adaptatsiya pozdnikh pereselentsev v Zapadnoy Sibiri (konets XIX – pervaya chetvert' XX vv.)* [Ethno-cultural adaptation of the late migrants in Western Siberia (the late 19th – early 20th centuries)]. History Doc. Diss. Novosibirsk.
2. Tokarev, N.V. (2013) Adaptation of Tambov migrants in conditions of Siberian frontier at the turn. *Vestnik Tambovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Tambov University Reports. Humanities.* 10(126). pp. 126-129. (In Russian).
3. Pozharskaya, K.A. [Some aspects of the climatic and economic adaptation of Stolypin settlers in the Altai]. *Emel'yanovskie chteniya* [The Emelyanov Readings]. Proc. of the 2nd Interregional Research Conference. Kurgan, 19th to 20th April 2006. Kurgan. pp. 116-118.
4. Churkin, M.K. (2006) *Pereseleniya krest'yan chernozemnogo tsentra Evropeyskoy Rossii v Zapadnyuyu Sibir' vo vtoroy polovine XIX – nachale XX vv.: determiniruyushchie faktory migratsionnoy mobil'nosti i adaptatsii* [The resettlement of peasants from the black earth centre of European Russia to Western Siberia in the late 19th – early 20th centuries: determining factors of migration mobility and adaptation]. Омск: Омск State Pedagogical University.
5. Shevtsova, V.F. (2010) *Pravoslaviye v Rossii nakanune 1917 g.* [Orthodoxy in Russia on the eve of 1917]. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin.
6. Solovyova, E.I. (1966) *Iz istorii stanovleniya pereselencheskikh khozyaystv Zapadnoy Sibiri v period Stolypinskoy reformy* [From the history of the resettlement farms in Western Siberia during the Stolypin reforms]. In: Gorovoy, F.S. (ed.) *Voprosy agrarnoy istorii Urala i Zapadnoy Sibiri* [Issues of agrarian history of the Urals and Western Siberia]. Sverdlovsk: Sverdlovsk State Pedagogical Institute. pp. 293-304.
7. Dutschak, E.E., Vasiliev, A.V., Kim, E.A. & Polezhaeva, T.V. (2013) Orthodox Landscape of the Siberian Taiga Region: the Concept of Research. *Sibirskie istoricheskie issledovaniya – Journal of Siberian Historical Research.* 1. pp. 79-90. (In Russian).
8. The State Archives of Tomsk Region (GATO). Fund 170. List 1. File 3387. (In Russian).
9. *Collegiate Dictionary of Brockhaus and Efron.* (1903) Chasovni [Chapels]. Vol. XXXVIII. St. Petersburg. pp. 404-405.
10. The State Archives of Tomsk Region (GATO). Fund 170. List 7. File 289. (In Russian).
11. The State Archives of Tomsk Region (GATO). Fund 170. List 3. File 4756. (In Russian).
12. The State Archives of Tomsk Region (GATO). Fund 239. List 9. File 26. (In Russian).
13. *Vsepoddaneyshiy ochet ober-prokurora svyateyshego Sinoda po vedomstvu pravoslavnogo isповedaniya za 1913 god* [The Most Humble Report of the Procurator of the Holy Synod of the Orthodox faith for 1913]. St. Petersburg. 4. p. 8.

УДК 94(470) «19/...»
DOI 10.17223/19988613/36/3

Л.А. Кутилова

**СОВЕТСКАЯ РОССИЯ, ЗАПАД И КИТАЙ:
ИЕРАРХИЯ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ В 1924 г.
(НА МАТЕРИАЛАХ ГАЗЕТЫ «КРАСНОЯРСКИЙ РАБОЧИЙ»)**

*Статья подготовлена в рамках реализации проекта РГНФ № 13-11-2405
«Приенисейская Сибирь в советско-китайских отношениях в 1920–1960-е гг.
(на материалах сибирских архивов и периодической печати)».*

Рассматривается вопрос о приоритетах внешней политики СССР в 1924 г. через призму публикаций на международные темы в старейшей российской региональной газете «Красноярский рабочий». Тема дипломатического признания представлена через сопоставление отношения СССР к странам Запада и Китаю. В анализе материала газетных публикаций акцент сделан на особенностях процесса формирования общественных представлений советских людей в сфере международных отношений, объяснении мотивов поведения западных стран и Китая в отношении Советского Союза, и наоборот, а также риторике публикаций.
Ключевые слова: газета «Красноярский рабочий»; приоритеты внешней политики; 1924 г.; дипломатическое признание СССР.

Материалы газет, журналов, вообще средств массовой информации являются важнейшим историческим источником. В данной работе основным материалом для исследования стали публикации крупнейшего регионального издания не только в Сибири, но и в России – газеты «Красноярской рабочий». Цель проведенной работы – фронтально проанализировать выпуски газеты за 1923–1924 гг. по проблемам внешней политики Советского союза, в рамках сравнительно-исторического анализа на основе публикаций в газете выявить ее приоритеты и определить соотношение западного и восточного направлений политики в первой половине 1920-х гг.; проследить процесс формирования представлений читателей региональной прессы по внешнеполитическим проблемам, выявить те акценты, на которые должны были обратить внимание читатели, проанализировать риторiku публикаций и арсенал побудительных мотивов, которые, по мнению газеты, сделали неизбежным процесс признания Советского государства зарубежными странами – западными и восточными.

Газета «Красноярский рабочий» – региональное издание с серьезным прошлым. Ее первые номера увидели свет еще в декабре 1905 г. во время революционных событий, однако после пяти выпусков издание было прекращено. Первые номера содержали в основном агитационные материалы, включали также революционную хронику. Издание возобновлялось в 1917–1918 гг., но окончательно выпуск газеты был налажен только в 1920 г. Таким образом, сегодня это одно из старейших средств массовой информации в России. Размышляя о своей истории, сотрудники газеты в 1924 г. отмечали, что новую жизнь издание получило в 1923 г., когда оно стало «газетой нового типа». От прежних средств массовой информации царского времени ее отличали следующие качества: классовый характер – она «отвечала чаяниям рабоче-крестьянской

власти» [1. 1924. 18 мая], нацеленность на освещение процесса строительства нового общества, кроме того, газета располагала штатом сотрудников, вышедших из пролетарской массы. Ее новое качество подкреплялось стремлением избежать «интеллигентской трескотни» [Там же] и разного рода рассуждений, не случайно газета отмечала важность обращения к местным проблемам, особенно крестьянским, подчеркивая интерес читателей именно к локальной тематике. Также изменился внешний вид издания. Понимая актуальность визуального воздействия, газета обратила внимание на внешний вид: он стал более ярким, стало больше иллюстраций, подчеркиваний, выделений шрифтом и т.д. Свою основную задачу издание формулировало следующим образом: «Побольше внимания к тому, как рабочая и крестьянская масса на деле строит нечто новое... побольше проверки того, насколько коммунистично это новое» [Там же]. Последнее замечание не случайно: не только «Красноярский рабочий», но и вся периодическая печать в эти годы в стране находилась под полным контролем партийных органов. Исследователь советских СМИ А.А. Макаров отмечает, что они «осуществляли проверки работы редакций, проверку комплектации штатов газет для выявления «антисоветских элементов», проведение совещаний и семинаров редакторов. <...> В зависимости от изменения политических установок корректировали содержание публикаций» [2. С. 103].

Процесс выстраивания газеты завершился к 1924 г., и издание предстало в новом году в завершенном виде. Первая страница всегда была посвящена основным политическим событиям, как внутренним, так и внешним. Причем зачастую международная информация на первой странице превалировала, размещаясь как в виде передовицы, так и в нескольких небольших по объему заметках, посвященных разным странам и событиям. Также на первой странице размещалась информацион-

ная лента по следам значимых событий в зарубежных странах с минимальным комментарием. Достаточно редко анонсы сопровождались подробным комментарием на второй странице газеты. Стиль изложения материала чаще всего официально-деловой, много повторяющихся трафаретных формулировок, стандартных фраз. Фаворитом, безусловно, была Германия. Публикации 1923–1924 гг. поддерживают и развивают тему внутреннего кризиса Германии, охватившего ее в 1923 г. Причем немецкие события в газете рассматриваются через призму активности рабочего класса, приближающего мировую пролетарскую революцию. В ее событиях «В ногу с красноармейцем Фрицем» шагает «Красноармеец Иван», по словам поэта А. Шарова, чьи стихи были напечатаны в газете 12 октября 1923 г. Поэтические строки автора раскрывают ожидания советских людей: «Выше голову, Коминтерн. Эх, какого железного друга Мир готовит для СССР!» [1. 1923. 12 окт.].

На втором месте, пожалуй, шли события в Великобритании. Однако лейтмотивом публикаций в первой половине 1924 г. стала тема неизбежности признаний Советского Союза зарубежными странами при сохранении внимания к вопросам внутреннего развития Германии и Великобритании. При этом об авторстве публикаций на международные темы говорить не приходится, это всегда анонимные публикации. Экспертов по международным отношениям в редакции не существовало, стиль работы редакций советских региональных газет и не требовал этого, поскольку издания помещали исключительно разрешенную, санкционированную информацию. Могли меняться лишь манера подачи материала и тон, доходящий иногда до агрессивного.

Значимые публикации, посвященные теме международного признания СССР, всегда отражают траекторию развития событий, выступая, таким образом, своеобразным рупором советского дипломатического ведомства. Агрессивность тона публикаций является отражением агрессивного настроения советской страны, требующей признания. Свидетельством этому служит, например, доклад члена Политбюро ЦК ВКП(б), заместителя СНК РСФСР Л. Каменева на Втором Всесоюзном съезде Советов, опубликованный в номере «Красноярского рабочего» за 2 февраля 1924 г. В нем признание становится инструментом угроз и шантажа: «Мы снова должны повторить слова Ленина: “Чем позже признание, тем хуже условия этого признания” (очевидно, для признающих стран. – Л.К.) [Там же. 1924. 2 фев.]. В докладе Каменева, опубликованном в качестве передовицы, определена позиция Советской страны по поводу признания. Основные тезисы сводятся к следующему:

1. Предупреждая возможные покушения на советские принципы внешней торговли, Каменев в докладе отмечает, что «монополия внешней торговли остается неизменной основой нашей политики. Эта та броне-

которая предохраняет СССР от расхищения и превращения в объект колониальной эксплуатации» [Там же].

2. Советская страна не станет расплачиваться за признание, поскольку последнее выгодно в первую очередь самим пока не признавшим СССР странам; они нуждаются «в нашем хлебе, лесе и нефти» [Там же]. Действительно, публикации в газете сообщают, например, о возрастании торговли хлебом [1. 1924. 5 марта]. 12 стран покупают российский хлеб: «Хлеб завоевывает Европу и укрепляет международное положение СССР» [Там же]. А заметка от 28 февраля сообщает об увеличении экспортной торговли лесом. Так, например, поставки леса в Англию осуществляет Енисейский гублестранс; Швеция тоже заинтересована в поставках леса [1. 1924. 28 фев.; 21 марта]. Сообщается, что советский импорт в 1923–1924 гг. намного превышает экспорт: вывезено было товаров на сумму 437 284 000 руб., а ввезено на сумму 298 114 000 руб. [Там же]. Акцент сделан на положительном сальдо внешней торговли.

3. Лишь изредка в заметках и статьях (например, в опубликованной речи народного комиссара по внешней торговле Л.В. Красина о признании) речь идет о том, насколько признание необходимо самой Советской стране. Представляя развитие внешней торговли как острейшую задачу, Красин отмечает, что Россия «нуждается в крупных долгосрочных иностранных займах» [Там же]. Поведение Советской страны диктовалось тем, что «расчет делался на конкуренцию между возможными зарубежными партнерами за развитие хозяйственных связей с Москвой» [3. С. 154].

В публикациях по теме достаточно часто признание предстает не просто как неизбежность, но как объективная необходимость для всей системы международных отношений. Доказательствами ее выступают как уже известные, так и новые аргументы:

1. Легитимность Советской власти. Она подчеркивается свидетельствами посетивших СССР промышленников, предпринимателей, представителей различных объединений [1. 1924. 10, 15, 16 и мн. др.]. При этом в статьях и заметках фиксируется смысловая двойственность, особенно когда газета решает задачу убедить читателя, что наличие разногласий в партии РКП(б) не является возможным предвестником падения власти, а предстает как внутривнутриполитическая проблема страны, обсуждающей пути своего развития, вариант политической дискуссии [Там же. 5 янв.].

2. Объективную необходимость признания диктуют свидетельства восстановления и развития российской промышленности, причем подчеркивается, что Советский Союз восстановился самостоятельно, а помощь других стран нужна ему лишь постольку, поскольку «вы (западные страны. – Л.К.) сами в ней нуждаетесь».

3. Объективная необходимость признания подчеркивается также расколом в политической элите Европы. Примером выступает позиция чехословацкого премьер-министра Э. Бенеша и увеличение числа его сто-

ронников среди западных политиков. При характеристике Бенеша отмечается противоречивость его политики, однако справедливо утверждается, что она обусловлена двойственностью положения Чехословакии: страна «нуждается в торговле с СССР, чтобы сбывать свои товары», но имеет серьезного противника в лице Польши; совокупность этих двух факторов заставляет искать опору в советской стране. В то же время пребывание в Малой Антанте заставляет не просто прислушиваться к Франции, но иногда прямо следовать ее курсу [1. 1924. 12, 15, 9, 14 фев. и др.].

4. Бизнес-интересы западных промышленников, безусловно, диктуют признание. Так, американец, глава газетного треста Вильям Херст стал другом СССР и изменил «свою политику клеветы и измышлений», его газеты стали рупором признания СССР в США [Там же. 5 янв.]. В газетах Херста теперь печатают отчеты разного рода делегаций, которые активно посещают советскую страну. Точка зрения такого рода делегаций состоит в том, чтобы, не ожидая юридического признания, подписать торговый договор. Противники же признания предстают в неприглядном виде – повторяют небылицы, причем чаще всего со слов белогвардейцев, в противовес сторонникам признания, которые сами уже побывали в Советской стране и убедились в ее успешном развитии. Таков, например, профсоюзный лидер С. Гомперс (основатель АФТ, крупнейшего американского профсоюза) – соглашатель, предатель интересов рабочего класса, лидер «желтого» профсоюза. Вывод газеты однозначен – «торговые фирмы за признание» [Там же. 16 фев.]. Анализ большого количества публикаций в газете подтверждает вывод о том, что «большевики с самого начала ориентировались не на общий компромисс с кредиторами, а на разжигание интереса к сотрудничеству с Россией в среде деловых кругов западных стран» [3. С. 154].

5. Другим объективным фактором, повелительно требующим признания, называется внутренний экономический кризис в западном мире [1. 1924. 5 фев., 1 мая и др.]. Подобная трактовка была традиционна для советского времени, когда история капиталистического мира в новейшую пору рассматривалась сквозь призму все углубляющегося кризиса капитализма. Несоответствие подобных оценок реальным обстоятельствам подробно рассмотрено в трудах западных и современных российских историков, авторы которых без сомнения называют недолгий период 1920-х гг. «просперити» – процветание [4. С. 102–103; 5. С. 88–89]. Так, российский исследователь А.Ю. Ватлин говорит о «всемирном просперити», он же анализирует качественный рост экономики Германии, подчеркивая повышение эффективности производства за счет технологических новаций [6. С. 58]. В.П. Смирнов утверждает, что после 1924 г. «последующие шесть лет развитие французской экономики шло по восходящей линии» [5. С. 88]. Особенно впечатляющими были цифры роста экономики США, на их долю к концу 20-х гг. приходилось 48%

промышленного производства всего капиталистического мира, «валовой национальный продукт вырос за десятилетие почти на 50% при том, что население выросло на 16%» [7. С. 330]. Не только профессиональные политики или историки пользовались метафорой «просперити», в сфере культуры также сформировалось подобное убеждение. Знаменитый американский писатель Ф.С. Фицджеральд называл 1920-е гг. «веком чудес», когда «самой могущественной страной стала наша» [8. С. 1]. Впрочем, взвешенные оценки периода встречались и в советской исторической науке и трактовках тех лет [см., напр.: 9. С. 142–144]. В Москве вынуждены были признать факт наступления «стабилизации капитализма», разумеется, с оговоркой, что она является временной и непрочной [Там же. С. 144–145]. Однако в прессе тех лет эксплуатируют именно тему кризиса как яркую и доступную для понимания.

Отмечу еще одно важное обстоятельство. Основное внимание в публикациях по теме признания, безусловно, уделяется западным, а не восточным странам. Но и среди них выстраиваются приоритеты, связанные с развитием международной ситуации и изменением активности советского МИДа на том или ином направлении. Так, если в 1923 г. приоритет отдавался германским событиям, то в начале 1924 г. основное внимание уделяется позиции Великобритании, она выступает индикатором и катализатором изменения политики в отношении СССР других ведущих стран Запада. Признание СССР Великобританией создало международный прецедент, с которым должны были считаться другие государства. Это обстоятельство подчеркивается как количеством публикаций (по Великобритании они преобладают), их напором, так и несколько агрессивным тоном. Заметки на первой полосе газеты «Красноярский рабочий» пестрят информацией о внутреннем положении в Великобритании, поскольку именно приход к власти лейбористов в результате выборов в январе 1924 г. позволил вопрос о признании поставить на повестку дня [1. 1924. 3, 5, 9, 13 фев. и мн. др.].

Последовавшее за выборами формирование правительства рабочей партии во главе с Р. Макдональдом, действительно, было в высшей степени важным в истории не только внутренней, но и внешней политики страны, которая 1 февраля установила дипломатические отношения с СССР. Напомню, что Великобритания также была инициатором диалога с Советской Россией, первой признав советское правительство де факто в декабре 1921 г. и заключив с ним торговое соглашение [3. С. 153]. Формируя первое лейбористское правительство, Макдональд сам занял пост министра иностранных дел. Его важной целью стала стабилизация международных отношений в Европе. Поэтому не удивительно активное участие Великобритании в решении германской репарационной проблемы, Рурского кризиса в целом и ее активность в признании СССР. Установление дипломатических отношений с Россией стало

одной из приоритетных задач лейбористского правительства, так как экономические связи с ней могли способствовать завершению процесса восстановления британской промышленности и снижению уровня безработицы. Современные научные исследования вполне подтверждают такие суждения «Красноярского рабочего». Так, С.Б. Ценин отмечает, что для Великобритании установление отношений с СССР позволило ускорить решение внутренних экономических проблем: «Признание де-юре Советского союза открыло путь к продуктивному диалогу между государствами по вопросам долгов. В результате длительного англо-советского переговорного процесса было заключено два важных соглашения: торговый и общий договор... Они послужили началом выстраивания отношений Великобритании с СССР» [10]. Таким образом, внешнеполитические усилия Р. Макдональда способствовали временному установлению баланса сил и стабилизации международных отношений в Европе.

Вместе с тем, давая оценки установлению отношений с Британией, авторы газеты «Красноярский рабочий» подчеркивают именно триумф политики Советской страны, заслуги советской стороны, событие преподнесено как подарок съезду Советов СССР [1. 1924. 5 фев.]. Оно расценивается как переломный момент в плане последующего поведения всех западных стран. Такой подход выглядит вполне резонным, поскольку именно британское признание изменило настроения лидеров разных стран, начинается настоящая волна признаний. Называя событие «коренным поворотом в политике самой сильной страны Европы» [Там же], газета определяет веские причины, заставившие Британию пойти на такой шаг. Некоторые из этих причин уже многократно обсуждались в публикациях в отношении всего блока западных стран, значимость других подчеркивается именно по отношению к Британии. Рассмотрим их.

1. Сила Советского Союза, которую Британия почувствовала при неудаче интервенции.

2. Разброд в лагере международной буржуазии, который выражается в мировом противостоянии американской экономики с европейской и дальневосточной. В Европе эта «бешеная борьба» происходит между британским и французским империализмом [Там же].

3. Наконец, победа рабочей, лейбористской, партии происходит вследствие раскола британской буржуазии. При этом критика партии, которая сформировала правительство, признавшее СССР, не отходит на второй план. Напротив, газета обличает буржуазный характер партии и ее руководства: лейбористская партия является псевдорбочей, для которой признание – это лишь средство борьбы с безработицей и конкуренцией со стороны французского империализма [1. 1924. 5, 8 янв.]. Довольно часто «Красноярский рабочий» противопоставляет английский рабочий класс и якобы «рабочую партию лейбористов» во главе с Макдональдом, поскольку она не является коммунистической и

революционной, политическая окраска партии названа «розовой». Р. Макдональд «остаётся врагом» рабочих, поскольку он «на побегушках у господ», – постулирует газета [1. 1923. 5 июля].

4. Признание со стороны Британии подается исключительно как попытка преодолеть собственный внутренний экономический кризис.

Однако справедливым будет отметить не только триумф советской внешней политики, на чем настаивают публикации в газете, но и подчеркнуть эволюцию политических настроений избирателей в Европе, приведшую к власти левые силы (лейбористы в Британии в январе 1924 г., Картель левых во Франции в мае 1924 г.). А.Ю. Сидоров и Н.Е. Клейменова подчеркивают другое важное обстоятельство: «Установление дипломатических отношений также должно было способствовать, по мысли европейских политиков, эволюции советского» строя [12. С. 131]. Эти партии поддерживали идею сменовеховства в России, эволюции ее политического курса. В то же время внимательный анализ публикаций в газете по теме внутривнутриполитического развития Великобритании и Франции позволяет в статьях и заметках увидеть явное противоречие: признание со стороны Великобритании называется и основополагающим, и в то же время не самым главным. В основе этого противоречия убежденность политического руководства СССР, что «дирижером в оркестре западных стран является Франция». Однако на нее делать ставку в начале 1924 г. было не вполне оправдано: господство «Национального блока» не позволяло в перспективе изменить французскую позицию, победа Левого картеля на предстоящих выборах представлялась маловероятной [5. С. 93–94].

После последовавшего 1 февраля 1924 г. признания со стороны Великобритании камертоном последующих публикаций «Красноярского рабочего» постепенно становится позиция Франции. Рассказывая о противниках страны Советов, газета подчеркивает особо негативную роль французского премьера Раймона Пуанкаре, называя его кровавым, с ним связывая войну и интервенцию. Лидер французских правых – это злейший контрреволюционер, организатор мировой контрреволюции, ловкий, хитрый, лживый политик. В отношении политика у читателей формируется исключительно негативное впечатление, его имя должно вызывать негативные коннотации.

Публикации по поводу отношений с Великобританией и Францией активизируют интерес газеты к теме признания советской страны Китаем, поскольку фундаментальной в этом плане является позиция, согласно которой именно Франция и Великобритания удерживали Китай в его стремлении наладить отношения с СССР. Уход «Национального блока» в оппозицию во Франции сопровождается уходом Р. Пуанкаре, который и в отношении Китая предстает как «кровавый империалист, вершитель судеб колониальных стран» и народов. Падение же политика расценивается газетой как

«улучшение позиций Китая, обретение им свободы в своих действиях» [1. 1924. 30 марта]. Р. Пуанкаре демонизируется, выступая вершителем судеб теперь уже не только западных, но и колониальных стран и народов. Газета, безусловно, преувеличивает степень влияния именно Франции на политическое поведение Китая и степень интереса именно Франции к Китайско-Восточной железной дороге (КВЖД). К установлению контроля над КВЖД проявляли интерес многие державы, но в их числе в первую очередь исследователи обычно называют США и Японию [11. С. 132].

Обсуждение советско-китайских отношений активизируется, поскольку, по мнению газеты, сняты основные препятствия для их нормализации: отстранены от власти «империалисты-ростовщики» в Великобритании и Франции, колониальная политика которых строилась на попытках помешать Китаю быть самостоятельным и завладеть КВЖД. Прежде тема Китая и взаимоотношений с ним лишь изредка появлялась на страницах газеты (сюжеты о русских селах в Урянхайском крае, о китайской торговле в этом удаленном районе, о «харбинских белогвардейцах», немногочисленные публикации о бесчинствах китайских банд в пограничье) [1. 1923. 5 июля, 16 сен.; 1924. 4, 6 янв. и др.]. О миссии Л. Карахана по восстановлению дипломатических отношений и ее задачах газета начинает подробно информировать читателей только в марте 1924 г., решая задачу информационного сопровождения одного из предстоящих внешнеполитических соглашений. Учитывая сложность ситуации внутри Китая и вокруг переговоров с ним, «Красноярский рабочий» пытается объяснить читателю неоднозначность, противоречивость переговорного процесса и причины срыва его на одном из этапов: речь идет об отказе утвердить соглашение от 14 марта.

Публикации рассказывают, что западные страны разрывают Китай на части, натравливают одну часть Китая на другую, провоцируют междоусобные братоубийственные войны, стремясь по-прежнему распоряжаться богатствами Китая. Газета отмечает, что единого Китая не существует, он распался на ряд крупных провинций, каждая из которых имеет правительство: «Южный Китай... имеет своим президентом известного реформатора и решительного противника Японии, сторонника федеративной китайской республики Сунь Ять Сена... Призрачное Пекинское правительство в срединном Китае во главе с президентом Цао Кунем... опирается на штыки маршала У Пей Фу. В Северном Китае (Манчжурия) орудут сторонники Японии... Южная Манчжурия вообще является японской колонией. В Тибете утвердилась Англия... Маршала У Пей Фу поддерживают Англия и Америка в противовес Чжан Дзо Мину, которого поддерживает Япония, чтобы монархию в Пекине передать японскому принцу, чтобы распространить влияние на срединный и северный Китай» [1. 1924. 6 апр.]. В этой ситуации подписание советско-китайского договора является для Китая

демонстрацией его независимости. Таким образом, советская печать, обсуждая вопрос установления дипломатических отношений между СССР и Китаем, акцентирует внимание на преимуществах для Китая; побудительные мотивы СССР добиваться признания Китаем не только не анализируются, даже не называются.

Стремясь подчеркнуть значение вопроса о КВЖД в рамках ведущихся переговоров, газета помещает информацию о претензиях на дорогу со стороны западных империалистов, позицию которых определяет Франция и всемогущий Р. Пуанкаре, который «готовит холопов Франции» к войне в районе КВЖД. По мнению газеты, под его дудку пляшет не только «дряблое Пекинское правительство», но и Америка, и Япония. Становится понятно, почему роль других стран, например Японии или США, в китайских событиях уходит на второй план. Однозначно законным владельцем дороги признается Советский Союз, стремление Китая вернуть себе контроль над дорогой представлено как империалистическая интрига [1. 1923. 16 сен.; 1924. 20 марта]. Дана неверная информация о сути решений по КВЖД, принятых на Вашингтонской конференции. Серьезная дискуссия в Вашингтоне выявила противоречивость позиций участников конференции, что предопределило расплывчатость окончательных формулировок. В итоге обсуждений техническая комиссия Вашингтонской конференции (1921–1922) подчеркнула необходимость возвращения КВЖД России и выразила стремление не допустить передачи прав собственности на нее другим странам, под которыми подразумевалась не только Япония, но и Китай [13]. «Красноярский рабочий» уверяет читателей, что собственная позиция Китая по КВЖД является исключительно просоветской: сам Китай поддерживает стремление СССР вновь закрепить за собой дорогу. Резонно называя вопрос о КВЖД самым сложным при подготовке договора 14 марта, в срыве договоренностей газета обвиняет Японию и Францию. В публикациях усилия Пекинского правительства по закреплению дороги за собой и ее «китаизации» поставлены в один ряд со стремлением «обнаглевших империалистов» продолжать колониальную эксплуатацию Китая; а жизненные интересы китайского народа связаны с возвращением КВЖД Советскому Союзу: «Передать КВЖД Китаю – значит передать ее японцам и белогвардейцам» [1. 1924. 20 марта, 26 апр.; 14].

Тон статей в целом соответствует общей тональности публикаций разоблачающего характера, когда речь идет о политике западных стран; преобладает использование уже оформившихся штампов и даже оскорблений – «жадные к наживе ростовщики», «нервничающие господа», «авантюристы и спекулянты», «лапы загребущие», «пляшут под дудку» и т.п. Этот арсенал обличений уже привычен для читателя. В газете сформирован и транслируется собирательный образ западного реакционера, персонифицированный в личности Р. Пуанкаре, который препятствует установлению со-

ветско-китайских отношений. 24 мая газета публикует сообщение о Японии, которая ищет сближения с СССР, тот же Карахан, советский полпред в Китае, возглавляет советскую делегацию на переговорах с Японией. Причем явно в противовес переговорам с Китаем подчеркивается, что с Японией переговоры идут настолько быстро, что договор будет подписан еще в мае [1. 1924. 24 мая]. В заметке от 6 апреля 1924 г. сообщается о трансформации позиции Пекина: «Пекин уже колеблется...», несмотря на давление империалистов [Там же. 6 апр.]. В середине апреля – мае китайская тема затухает. Ни ход переговоров, ни их содержание больше не интересуют газету вплоть до конца мая 1924 г., когда соглашение было подписано. С одной стороны, это связано с секретностью завершающего этапа переговоров, с другой стороны, каждый раз активность прессы только сопровождает активность власти на том или ином направлении внешней политики. Сообщение о подписании советско-китайского договора появилось на страницах газеты 3 июня. Однако при всем внимании к этому, безусловно, важнейшему событию международной жизни передовицей в номере стала публикация о взрыве пороховых складов в Бухаресте [1. 1924. 3 июня]. Содержание подписанных договоров в газете не анализируется, подчеркивается их значение. Опираясь на мнение главы советской миссии Карахана, «Красноярский рабочий» отмечает: «...впервые договор установил принцип полного равноправия и взаимности сторон» [Там же], утверждается, что советско-китайский договор был первым, который действительно учитывал права и интересы Китая. Действительно, российские историки высоко оценивают его как пример равноправия и отмены привилегий, которыми продолжали пользоваться западные державы [11. С. 135].

Подведем итоги проведенному исследованию. Безусловно, средства массовой информации, в нашем случае региональная газета «Красноярский рабочий», являются важным историческим источником, который содержит разнообразный материал, в том числе по проблемам внешней политики и международных отношений. Исследование региональной прессы позволяет расширить горизонты самых разных тем, имеющих не только региональное, но и общероссийское значение. Основным для проведенного исследования стал анализ влияния региональной газеты на формирование внешнеполитических ориентиров советского человека в контексте изменений в сфере массовых представлений. Недаром именно с 1923 г. «Красноярский рабочий» предстает перед читателем газетой нового типа.

Анализ публикаций позволил резюмировать, что газета решала задачи информационного сопровождения важнейших внешнеполитических событий на региональном уровне, формируя правильное, соответствующее партийному курсу, представление о событиях или процессах. Активность публикаций газеты по внешнеполитическим темам связана исключительно с активностью внешнеполитических усилий советской власти. В силу этого она выступала в роли разоблачителя «империалистической» политики западных стран, которая противостоит советской внешней политике, причем даже тогда, когда обсуждает договор о признании Китаем.

Наибольший объем публикаций за 1923–1924 гг. приходится на Германию, на «острие пера» репарационный кризис и пролетарская борьба. В первой половине 1924 г. накануне установления отношений с Великобританией на некоторое время выходит на первый план британская тематика. Среди персоналий выделяется французский политик Раймон Пуанкаре, именно он персонифицирует злобного империалиста, реакционера, ростовщика, под его дудку пляшут не только западные страны, но и Китай. В целом количество публикаций по той или иной теме формирует вполне ясную иерархию среди проблем и задач советской внешней политики. Восточная, в частности китайская, проблематика находится на периферии внимания газеты. Все крупные публикации имеют характер «установочных», концептуально раскрывая позицию советского руководства по отношению к Германии, Великобритании, Франции или Китаю. Материала о Китае меньше всего, он малоразнообразен, активность публикаций зависит напрямую от успехов работы миссии Л. Карахана. В остальные периоды о Китае в газете появляются лишь небольшие заметки. Для публикаций газеты в целом характерна смысловая двойственность, идеологические штампы, представление информации в заведомо неверном, но пропагандистски выигрышном ключе. Авторские статьи по важнейшим внешнеполитическим вопросам отсутствуют, нет полемики, разные мнения не представлены. «Красноярский рабочий» выполняет задачу разъяснения правительственной политики и формирования в ее русле общественных представлений по поводу важнейших событий, будь то Запад или Китай. В то же время именно газетные публикации по самым разным темам позволяют рассмотреть нюансы процесса формирования общественного мнения, подробности пропагандистской работы, а также проанализировать некоторые ее инструменты.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Красноярский рабочий* (Красноярск). 1923–1924.
2. Макаров А.А. Периодическая печать в процессе агитационно-пропагандистского обеспечения массовых репрессий 1934–1938 гг. (на материалах Красноярского края) // Известия Алтайского государственного университета. 2007. № 4/2. С. 102–106.
3. Системная история международных отношений : в 2 т. / под ред. А.Д. Богатурова. 2-е изд. М. : Культурная революция, 2009. Т. 1: События 1918–1945 годов. 480 с.
4. Хобсбаум Э. Эпоха крайностей: Короткий двадцатый век (1914–1991). М. : Независимая Газета, 2004. 632 с.
5. Смирнов В.П. Франция в XX веке. М. : Дрофа, 2001. 352 с.
6. Ватлин А.Ю. Германия в XX веке. М. : Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2002. 336 с.

7. Согрин В.В. Исторический опыт США. М. : Наука, 2010. 581 с.
8. Фицджеральд Ф.С. Отзвуки века джаза. URL: <http://www.rulit.net/books/otzvuki-veka-dzhaza-read-112976-1.html>, свободный.
9. История новейшего времени стран Европы и Америки: 1918–1945 гг. / под ред. Е.Ф. Язькова. М. : Высш. шк., 1989. 463 с.
10. Ценин С.Б. Первое лейбористское правительство Великобритании : дис. ... канд. ист. наук. Рязань, 2010. 250 с. URL: <http://www.disserscat.com/content/pervoe-leiboristskoe-pravitelstvo-velikobritanii#ixzz3BUIY3r00>, свободный.
11. Россия и Китай: четыре века взаимодействия. История, современное состояние и перспективы развития российско-китайских отношений / под ред. А.В. Лукина. М. : Весь мир, 2013. 704 с.
12. Сидоров А.Ю., Клейменова Н.Е. История международных отношений. 1918–1939. М. : ЗАО Центрполиграф, 2008. 640 с.
13. См., напр.: Аблова Н.Е. История КВЖД и российской эмиграции в Китае (первая половина XX в.). Минск : БГУ, 1999. 316 с. и др.
14. Пескова Г.Н. Становление дипломатических отношений между Советской Россией и Китаем, 1917–1924 // Новая и новейшая история. 1997. № 4. С. 121.

Kutilova Larisa A. Siberian Federal University, Institute for the Humanities (Krasnoyarsk, Russian Federation). E-mail: kutilovalarisa@rambler.ru

SOVIET RUSSIA, THE WEST AND CHINA: THE HIERARCHY OF FOREIGN POLICY PROBLEMS OF SOVIET FOREIGN POLICY IN 1924 ACCORDING TO THE NEWSPAPER "KRASNOYARSK WORKER"

Keywords: The newspaper "Krasnoyarsk worker"; foreign policy priorities in 1924; diplomatic recognition of the USSR.

The issue of external policy priorities of the USSR in 1924 is viewed through the prism of publications of the oldest regional Russian newspaper "Krasnoyarsk Worker" devoted to the international relations. The problem of diplomatic recognition is observed with the comparison of the relations of the USSR and Western countries and China. At this work the general review of the newspaper issues from 1923 to 1924 on problems of external policy of the Soviet country is presented. On the base of the comparative-historical analysis of newspaper publications theme priorities are found out and the balance of western and eastern directions of the USSR policy at the first part of 1920s is defined. The process of shaping of public perceptions of regional papers' readers in the sphere of international relations is overviewed. Moreover, the rhetoric of publications is analyzed and the range of incentive motives that made the process of recognition of the Soviet state inevitable according to the "Krasnoyarsk Worker" is researched. It is concluded that the newspaper solved the problems of informational support of the most important events of external policy on the regional level shaping correct (according to the party plank) perception of events or processes. Because of such a position the newspaper acted as an exposé of the "imperial" policy of western countries. The major volume of publications from 1923 to 1924 is devoted to Germany depicting the reparation crisis and proletarian struggle at the cutting edge. Among personalities they highlighted Raymond Poincaré who was shown as a cruel imperialist and a reactionary manipulating both western countries and China. Generally, even the amount of publications on the certain theme formed the hierarchy among problems and objectives of the Soviet external policy. As a result Chinese issues are out of the cutting edge in the newspaper. The data about China is the poorest and unvaried. The number of these publications is directly dependent on success of L. Karakhan's mission. All of major publications are keynote conceptually expanding the Soviet authorities' views towards Germany, Great Britain, France or China. Semantic duality, ideological clichés, and presenting information in a false way admittedly but in an advantageous propagandistic way were typical for the publications of the newspaper in general. "Krasnoyarsk Worker" solved the problem of explanation of the governmental policy and shaping it in a way of public perceptions of major events including international ones.

REFERENCES

1. *Krasnoyarskiy rabochiy*. (1923–1924).
2. Makarov, A.A. (2007) Periodical press in the process of propaganda ensuring of the mass repression in 1934–1938 (in Krasnoyarsk Region). *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta – The News of Altai State University*. 4/2 (56). pp. 102-106. (In Russian).
3. Bogaturov, A.D. (ed.) (2009) *Sistemnaya istoriya mezhdunarodnykh otnosheniy v dvukh tomakh* [The system history of international relations in two volumes]. 2nd ed. Vol. 1. Moscow: Kul'turnaya revolyutsiya.
4. Hobsbawm, E. (2004) *Epokha krainostey: Korotkiy dvadtsatyy vek (1914–1991)* [The age of extremes. The short twentieth century 1914–1991]. Translated from English by E.M. Naryshkina. Moscow: Nezavisimaya Gazeta.
5. Smirnov, V.P. (2001) *Frantsiya v XX veke* [France in the 20th century]. Moscow: Drofa.
6. Vatlin, A.Yu. (2002) *Germaniya v XX veke* [Germany in the 20th century]. Moscow: ROSSPEN.
7. Sogrin, V.V. (2010) *Istoricheskiy opyt SShA* [The historical experience of the United States]. Moscow: Nauka.
8. Fitzgerald, F.S. *Otvuki veka dzhaza* [Echoes of the Jazz Age]. Translated from English. [Online] Available from: <http://www.rulit.net/books/otzvuki-veka-dzhaza-read-112976-1.html>.
9. Yaz'kov, E.F. (ed.) (1989) *Istoriya noveyshego vremeni stran Evropy i Ameriki: 1918–1945 gg.* [The history of modern times in Europe and America: 1918–1945]. Moscow: Vysshaya shkola.
10. Tsenin, S.B. (2010) *Pervoe leyboristskoe pravitel'stvo Velikobritanii* [The first Labour government of Great Britain]. History Cand. Diss. Ryazan. [Online] Available from: <http://www.disserscat.com/content/pervoe-leiboristskoe-pravitelstvo-velikobritanii#ixzz3BUIY3r00>.
11. Lukin, A.V. (ed.) (2013) *Rossiya i Kitay: chetyre veka vzaimodeystviya. Istoriya, sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya rossiysko-kitayskikh otnosheniy* [Russia and China: four centuries of interaction. History, current state and prospects of development of Russian-Chinese relations]. Moscow: Ves' mir.
12. Sidorov, A.Yu. & Kleymenova, N.E. (2008) *Istoriya mezhdunarodnykh otnosheniy. 1918–1939* [The history of international relations. 1918–1939]. Moscow: Tsentrpoligraf.
13. Ablova, N.E. (1999) *Istoriya KVZhD i rossiyskoy emigratsii v Kitae (pervaya polovina XX v.)* [The history of the CER and Russian emigration in China (the first half of the twentieth century)]. Minsk: BSU.
14. Peskova, G.N. (1997) *Stanovlenie diplomaticheskikh otnosheniy mezhdru Sovetskoy Rossiei i Kitae, 1917–1924* [The establishment of diplomatic relations between Soviet Russia and China, 1917–1924]. *Novaya i noveyshaya istoriya*. 4. p. 121.

УДК 069.53(571.13)
DOI 10.17223/19988613/36/4

Е.И. Красильникова

МЕМОРИАЛИЗАЦИЯ С.М. КИРОВА В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ (1934 г. – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА 1941 г.)

Статья посвящена различным формам и способам увековечивания в городах Западной Сибири (Томск, Омск, Новосибирск, Барнаул) памяти об убитом в 1934 г. Сергее Мироновиче Кирове. Коммеморации, приуроченные к гибели С.М. Кирова, оцениваются как процесс формирования политического культа героя, который использовался государством в целях социальной мобилизации. Охарактеризована траурная кампания (декабрь 1934 г.), участие сибиряков в массовом прощании с Кировым, дни памяти Кирова, устраивавшиеся в последующие годы. Особое внимание уделено роли западносибирских музеев в мемориализации Кирова.

Ключевые слова: мемориализация; коммеморация; политика памяти; траурная кампания; Западная Сибирь.

Сергей Миронович Киров – секретарь Ленинградского губкома ВКП(б), член Политбюро ЦК ВКП(б) и член ЦИК СССР, был широко известен в Советском союзе второй половины 1920-х – начала 1930-х гг. Неожиданное убийство С.М. Кирова 1 декабря 1934 г. потрясло страну и послужило началом массовой идеологической кампании, направленной на увековечивание памяти этого «кристально чистого большевика». Однако до сих пор историки уделяли мало внимания политике памяти, выраженной в подходах и практической стороне мемориализации Кирова после его гибели. Между тем образ погибшего героя, политический культ которого формировался по всей стране, на несколько лет занял чуть ли не центральное место в официальных массовых коммеморациях.

Посмертное формирование культа Кирова в различных регионах имело свою специфику. Именно поэтому представляется актуальным обобщить имеющиеся свидетельства о характере мемориализации С.М. Кирова в Западной Сибири, где Сергей Костриков (настоящая фамилия С.М. Кирова) начинал свой путь революционера. Советский пропагандистский дискурс не упускал из внимания Сибирь как «кузницу революционных кадров». Там, где Киров жил и вел революционную деятельность, складывался местный коммеморативный нарратив, а использование имени погибшего члена советского правительства подчинялось локальным целям, которые представляли собой составную часть общесоветского целеполагания социальной мобилизации.

Таким образом, цель данной статьи состоит в характеристике особенностей мемориализации С.М. Кирова в Западной Сибири на этапе между декабрем 1934 г., когда состоялось его убийство, и серединой 1941 г., связанной со сменой акцентов пропаганды на фоне Великой Отечественной войны. Для этого предстоит: указать на основные тенденции и черты увековечивания памяти крупных политических деятелей в Западной Сибири в предыдущие годы; определить содержание советской политики памяти, нашедшей выражение в формировании культа Кирова, выявить и описать этапы

и приемы увековечивания памяти о С.М. Кирове, использовавшиеся в Западной Сибири в конце 1934 – первой половине 1941 г., а также охарактеризовать проблемы, сложности и результаты мемориализации Кирова в Западной Сибири.

В методологическом отношении данное исследование базируется на подходе, известном на Западе как «memory studies» («memory research»). Нами использован понятийный аппарат, разработанный преимущественно в рамках этого подхода. Ключевым понятием данного исследования является «коммеморация» – сознательный социальный акт передачи нравственно, эстетически, мировоззренчески или технологически значимой информации (или ее актуализации) путем увековечения определенных лиц и событий, т.е. введения образов прошлого в пласт современной культуры [1. С. 1]. Под «мемориализацией» (от лат. *memorialis* – памятный) мы подразумеваем коммеморативный процесс, включающий в себя комплекс различных практик, необходимых для увековечивания памяти о некоем лице или о событии. В условиях сталинского политического режима увековечивание памяти о члене правительства и «лучшем друге вождя» подчинялось государственной «политике памяти», т.е. способам и самим процессам идеологизации прошлого, создания необходимых власти социальных представлений и национальных символов [2. С. 41].

Избранные властью пути мемориализации С.М. Кирова привели к формированию политического культа героя. Подобные культы, характерные для советской политической культуры сталинской эпохи, немецкий историк Я. Плампер определяет как символическое выражение чрезвычайного возвышения какого-либо лица над всеми окружающими [3. С. 9]. Разработка теории советских политических культов осуществлялась, в частности, Э. Шлисом и К. Гиртцем, по выводам которых эти культы стоит признать порождением массовой политики, а их возникновение было возможно лишь в условиях закрытых обществ и борьбы с религией (эти культы признаются квазирелигиозными) [Там же. С. 11–13].

Наше исследование выполнено при опоре на разнообразные источники. Во-первых, это – периодическая печать, отражавшая сквозь призму идеологии события, связанные со смертью, похоронами и памятными мероприятиями, посвященными С.М. Кирову. Мы использовали ежедневные газетные издания городов Западной Сибири за 1934–1941 гг.: «Советская Сибирь», «Красное знамя», «Красный Алтай», «Алтайская правда», «Омская правда». Во-вторых, это – неопубликованные мемуары сибиряков о Кирове из фондов региональных архивов, документы личного фонда С.М. Кирова, хранящиеся в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ). В-третьих, это отложившиеся в западносибирских архивах документы партийных организаций, отражающие кировские коммеморации в Западной Сибири, а также делопроизводственные материалы музеев, использовавших материалы о С.М. Кирове в выставочной и экспозиционной деятельности.

Историография убийства и посмертного почитания С.М. Кирова внушительна. Еще во второй половине 1930-х гг. И. Разгон в биографической книге о Кирове писал, что «дни скорби» и похороны Кирова «превратились в грандиозную демонстрацию единства советского народа, его беззаветной преданности большевистской партии и своему вождю товарищу Сталину» [4. С. 118]. В духе пропаганды середины 1930-х гг. гибель Кирова в книге Разгона преподносится как горестный урок советскому народу: «Не дело большевиков почивать на лаврах и ротозействовать. Не благодущие нужны нам, а бдительность, настоящая большевистская, революционная бдительность. Надо помнить, что чем безнадежнее положение врагов, тем охотнее они будут хвататься за крайнее средство» [Там же. С. 120]. Биографы Кирова 1950–1980-х гг. не заостряли особенного внимания на посмертных почестях, выраженных герою. Его гибель объяснялась с точки зрения официальной версии, согласно которой за убийством Кирова стояла «троцкистско-зиновьевская банда» [5, 6 и др.]. В эти годы было издано немало художественных и научно-популярных книг о Кирове на Кавказе. Однако была написана лишь одна повесть сибирского автора Г.М. Пушкарева о Кирове в Сибири, излагавшая ставшую уже шаблонной биографическую версию и не акцентировавшая внимания на посмертном почитании героя [7].

С конца 1980-х гг. идеологизации гибели Кирова и ее использованию в мобилизационных целях уделяется внимание в работах как отечественных, так и зарубежных авторов, которые расходятся во мнениях относительно виновников преступления, однако солидарны в выводах об «эпохальном» политическом значении этого события, позволившего И.В. Сталину обосновать усиление террора [8–10]. Пышность похорон С.М. Кирова и оказанных ему посмертных почестей нашла отражение в работе А.А. Кириллиной «Неизвестный Киров» [11]. Кампания по увековечиванию

памяти Кирова в Москве и Ленинграде охарактеризована М.Е. Леное, который предлагает собственную оценку ее идеологического значения. Этот автор обратил внимание и на восприятие траурной кампании ленинградцами [12]. Слухам и пересудам по поводу смерти Кирова уделено внимание в исследовании С. Дэвид, работавшей с оперативными сводками о политических настроениях в народе [13]. Между тем вопрос об участии различных регионов страны в формировании культа Кирова до сих пор изучен слабо. Мифологизация биографии Кирова на его родине – в Уржуме (Вятская губерния, теперь Кировская область) затрагивался А. Рашковским [14]. А специфика формирования и восприятия культа Кирова в Томске уже освещалась нами в ряде предыдущих работ [15, 16]. Данное исследование подводит основные итоги изучения специфики мемориализации Кирова в Западной Сибири.

Формирование политического культа Кирова в регионах необходимо рассматривать в контексте предыстории этого процесса, поскольку большевики повсеместно использовали уже существовавший до них опыт увековечивания памяти о героях. Еще до революции в России уделялось немало внимания мемориализации членов императорской семьи и политических деятелей. Не оставалась в стороне от этих коммеморативных процессов и Западная Сибирь. Показателен пример прощания томичей с убитым в 1911 г. П.А. Столыпиным: память председателя Совета министров городская дума почтила вставанием, его семье была направлена телеграмма с соболезнованиями; городскому Белозерскому смешанному училищу присвоили имя Столыпина; состоялось и благотворительное мероприятие, закреплявшее в народной памяти позитивный образ жертвы террориста. В память о П.А. Столыпине учредили городскую стипендию в 100 рублей в пользу приюта для бездомных и нищих детей [17. Л. 3].

Население городов Западной Сибири также активно включалось в процессы мемориализации императоров династии Романовых, рассмотренной нами в одной из предыдущих статей [18]. В отличие от дореволюционных, советские коммеморативные практики были подчеркнута гражданскими, однако в остальном соответствовали дореволюционным образцам.

Формирование культа Кирова осуществлялось в опоре на образцы ленинских коммемораций. В одной из наших предыдущих работ показана преемственность в организации траурных мероприятий в Западной Сибири, приуроченных к смерти и похоронам вождей в период между 1924 г. и концом 1930-х гг. Нами сделан вывод о сохранении в эти годы приверженности ритуальным образцам, сложившимся еще в начале 1920-х гг. и связанным с ними внешне с дворцовыми церемониалами имперского периода. Мы показали, что массовые прощания сибиряков с С.М. Кировым, Г.К. Орджоникидзе, В.В. Куйбышевым и другими «героями» второй поло-

вины 1930-х гг. лишь в деталях отличались от траурных ленинских коммемораций [19]. Однако именно в этих деталях проявилась смена идеологических акцентов, на которых представляется важным остановиться.

После трагической кончины Киров стал символом борьбы с внутренними врагами политического режима. В 1930-х гг. официальная пропаганда стремилась создать в общественном сознании образ современности как героической эпохи. Еще в 1928–1930 гг. перед народом СССР государство поставило новую героическую, «боевую» задачу построения мощной индустрии. Идеологический характер этой задачи британский историк М.Е. Леное отразил в выражении «эпическая битва» [20. С. 250]. В последующие годы страна менялась на глазах: шла форсированная индустриализация, создавались колхозы, обновлялся общий культурный фон жизни, одновременно начались массовые репрессии. Власть объясняла ситуацию закономерным усилением классового сопротивления «врагов» и «вредителей» успехам социалистического строительства. В «боевых» условиях тех лет население должно было научиться различать друзей и врагов, почитать героев и проклинать вредителей. Для мобилизации масс на производственные подвиги и укрепления советской политической идентичности власть нуждалась в новых героях – невинных жертвах врагов и примерных тружениках, положивших жизнь на служение советской стране. Именно поэтому яркой чертой 1930-х гг. стали пышные коммеморации – массовые похороны новых героев и дни их памяти. Я. Плампер считает, что «маленькие», по сравнению с культом Сталина, культы героев были характерным признаком политической культуры 1930-х гг. Прославление героев наряду со Сталиным повышало «сакральную заряженность» и самого вождя, и прославляемых героев, служивших примером для масс [3. С. 72]. Все эти культы являлись порождением массовой политики (их аудиторией и источником являлось все население) и секуляризованной советской культуры, «изгнавшей всех богов» [Там же. С. 12–13]. Плампер считает, что эти культы передавали отголоски религии [Там же. С. 11], однако в их назначении было гораздо больше политической прагматики. Все героические культы 1930-х гг. были похожи между собой. Уже в первые дни после гибели Кирова пропаганда формировала в общественном сознании фигуру памяти, соответствовавшую соцреалистическому канону, но не реальности. Печать транслировала в массы типичный образ героя: скромный, неприязнительный, отзывчивый и верный товарищам, деятельный и отважный [21].

Мемориализация С.М. Кирова в Западной Сибири была многоаспектной и многоэтапной. Она включала в себя такие основные мероприятия, как проведение в регионе траурной кампании в декабре 1934 г., организацию ежегодных дней памяти С.М. Кирова, музеефикацию артефактов и иных материалов, связанных с жизнью Кирова в Сибири, формирование кировских

памятных мест и их использование в идеологических целях.

Мемориализация началась со «всенародного» прощания с героем. Комиссию, отвечавшую за похороны С.М. Кирова в Москве, возглавил А.С. Енукидзе, который прежде возглавлял комиссию по похоронам В.И. Ленина. Соответственно, опыт похорон Ленина был во многом повторен. Складывавшийся культ Кирова был, конечно, мельче культа Ленина. Но в середине 1930-х гг. печать и радио располагали большими ресурсами для трансляции свежей информации о похоронах, более впечатляющими были газетные репортажи, представлявшие четкие визуальные репрезентации тела Кирова в гробу. Наконец, общественный отклик на гибель Кирова в условиях политики середины 1930-х гг. базировался на подготовке, которую вели многоопытные специалисты в области пропаганды, с годами освоившие стандарт траурных мероприятий.

Работа на местах над формированием политического культа Кирова – «жертвы врагов», началась с объявления о его гибели в начале декабря 1934 г. Об этом событии сибиряки узнали, прежде всего, из ежедневных газет, где по образцу центральных печатных изданий публиковались портреты еще живого Сергея Мироновича в черной траурной рамке и сообщения о его смерти. Печать же детально информировала население о ритуале прощания с героем в Москве и освещала официальное отношение власти к случившемуся. Череда детальных траурных репортажей должна была создавать у тех, кто находился в Сибири, ощущение присутствия на похоронах. Читателей посвящали не только в то, какими были массовые коммеморации, но и в то, как в конце церемонии с героем прощались его близкие и соратники за закрытыми дверями. Газеты подчеркивали личное участие вождя в похоронах: согласно репортажам, он присутствовал у гроба, нес гроб на плече, провожая «лучшего друга» в последний путь. В день похорон газеты публиковали крупные и отчетливые снимки сцен прощания, что не представлялось технически возможным, когда страна хоронила Ленина. В газетах также печатали биографические материалы о Кирове, имевшие значение расширенных некрологов. При этом существовали местные акценты: в газетах можно было прочесть о том, как Киров начинал революционную деятельность в Томске и Новосибирске (до 1926 г. – Новониколаевск). Печать акцентировала факт биографической связи Кирова с Западной Сибирью, пытаясь заставить местных жителей глубже прочувствовать траур, подчеркивая, что в Кремлевской стене хоронили прах их земляка, отдавшего юность освобождению «каторжной Сибири» от «гнета царизма».

Уже 3 января 1935 г. прошло траурное заседание партийной группы III краевого съезда советов Западной Сибири по поводу убийства С.М. Кирова. На этом мероприятии, где присутствовали две тысячи человек, давалась идеологическая оценка событиям, которую

члены партии в дальнейшем должны были транслировать в массы. Главную идеологическую мысль, на наш взгляд, отражает витиеватая цитата из речи Никулькова: «То возмущение, которое мы сегодня видим со стороны рабочего класса и трудящихся масс по поводу гнусного убийства товарища Сталина – Сергея Мироновича Кирова, является свидетельством той преданности, того безграничного доверия партии со стороны рабочего класса, когда враг посягает на лучших людей, борцов за проведение этой генеральной линии партии» [22. Л. 1]. Заметно, что уже в начале траурной кампании на местах боялись идеологических разночтений и антисоветских настроений, спровоцированных идеологической кампанией. Все-таки оперативные сводки прошлых лет неоднократно фиксировали «контрреволюционные» высказывания в адрес В.И. Ленина и его похорон. Особенно нежелательными антисоветские высказывания были в среде самих членов партии в условиях уже начавшихся репрессий. Поэтому именно на этом заседании публично обращалось внимание на нарушения партийной дисциплины. На весь зал сообщалось: «Рупасов Р.С. перед траурным собранием организовал “совещание” у себя дома с выпивкой. В итоге он и его собутыльники на заседание опоздали». Далее следовал вопрос: что именно «они там обсуждали» за рюмкой водки [23. Л. 2]?

В преддверии похорон 6 декабря 1934 г. сибиряки должны были присутствовать на митингах, организованных в память о Кирове на предприятиях, в учреждениях, на центральных городских площадях. За посещением этих мероприятий устанавливался жесткий контроль в силу их идеологического значения. Митинги служили цели создания в обществе эмоционального подъема, всплеска трудового энтузиазма, который должен был послужить целям индустриализации. Синхронно с похоронами Кирова в западносибирских городах проходили объединенные заседания горсоветов и горкомов партии. На этих заседаниях воспроизводился ритуал прощания с В.И. Лениным десятью годами ранее, однако, как мы считаем, речи ораторов были более однотипными и напыщенными, а траурное убранство залов более пышным. По правилам подобных мероприятий 1930-х гг. в конце заседания говорилось о тяжелой политической обстановке, необходимости мобилизовать силы в борьбе за задачи социалистического строительства, о бдительности и о гении вождя, который без усталости заботится о благе советской страны. Это «сплочение в горе» было нужно не только для мобилизации, но и для демонстрации единства партии, внутри которой реально существовали разногласия, а также для подтверждения широкой народной поддержки правительства и для легитимации власти.

С. Дэвид обнаружила многочисленные свидетельства сочувствия трагедии, произошедшей с Кировым. Она отмечает, что многие заявляли, будто «Киров равен Ленину», требовали похоронить его в Ленинграде. На похороны Кирова пришло около полутора миллио-

нов человек, что, по мнению С. Дэвид, говорило о мистическом, религиозном отношении к власти. Одновременно находились и те, кто отвергал эти коммеморации, смеялся над гиперболизированной помпезностью похорон, сравнивал портреты Кирова с иконами, возмущался огромными тратами средств на эти похороны [13. С. 115, 161]. Безусловно, далеко не вся страна разделяла чувство «душераздирающего горя». М.Е. Леное обнаружил свидетельства безразличного отношения беспартийных рабочих к гибели Кирова, а также многочисленных фактов неприятия траурных коммемораций. Звучала критика и даже брань в адрес самого «героя», в частности его называли «карьеристом», говорили: «Собаке – собачья смерть» [12. С. 492, 497].

В адрес В.И. Сталина и вдовы С.М. Кирова Марии Львовны летели многочисленные письма с соболезнованиями. Письма Сталину в духе времени прославляли вождя, содержали благодарности, адресованные ему. Письма вдове Кирова также были проникнуты выражением глубоких переживаний. Письма-соболезнования, которые получала десятью годами ранее Н.К. Крупская, отличались большей сухостью и формализмом. Телеграммы и письма, адресованные Марии Львовне, заверяли, что их авторы «всей душой переживают глубокое горе» [23. Л. 1–98]. Риторике этих посланий была присуща гиперболизированная сердечность, задававшая настроение и печатным репортажам. Стоит отметить, что вдова Кирова получила гораздо меньше телеграмм и писем, нежели вдова Ленина. А в контексте нашего исследования важно и то, что среди них вообще не было посланий из Сибири.

Через год после смерти Кирова был установлен стандарт «кировских дней», ставших, по словам С. Дэвид, «частью ритуала официальной культуры». Порядок торжеств определялся циркуляром, подписанным лично И.В. Сталиным [13. Р. 518]. Вождь требовал, чтобы местные партийные организации «показали тов. Кирова одним из величайших руководителей нашей партии, трибуном нашей партии, любимым всеми трудящимися СССР» [11. С. 145].

В память о Кирове устраивались собрания на предприятиях и в школах, а также в кружках агитации, местная печать неизменно размещала на своих страницах материалы о жизни «железного большевика», о его революционной и партийной деятельности [24–26 и др.]. Пропаганда актуализировала образы Гражданской войны, напоминая о героизме тех лет. Повторялся миф о героизме Кирова, всегда верного революционным идеалам, вновь и вновь звучали призывы «работать по-кировски». Шел процесс присвоения имени С.М. Кирова предприятиям [27], улицам и городским районам, возводились памятники герою. Кинотеатры демонстрировали картины, посвященные «любимому герою». Музеи устраивали тематические выставки и дорабатывали уже существовавшие экспозиции, включая новые экспонаты, отражавшие тему «Киров».

Транслировались соответствующие радиопередачи. Годовщины смерти С.М. Кирова сопровождались обязательными собраниями партийных ячеек различных учреждений и предприятий, где звучали биографические доклады о погибшем герое, а также об усилении подрывной работы вредителей и необходимой бдительности. В иных случаях это была уже не просто пропаганда: от общих фраз ораторы переходили на личности. После обсуждения общей политической ситуации в стране члены ячейки могли подвести разговор к разбору «вредительства» в их конкретном учреждении. Такие разборы могли заканчиваться очень серьезными обвинениями, имевшими решающее значение в судьбе человека. К примеру, именно таким был вечер памяти, устроенный первичной партийной организацией новосибирского краеведческого музея [28. Л. 22]. Вечера памяти Кирова, проходившие также в рабочих клубах и учебных заведениях, содержали не только коммеморативную часть, но и критику представителей конкретного коллектива, а также и обвинения в инакомыслии [29].

Многочисленны примеры того, как неосторожное слово о Кирове стоило людям свободы или даже жизни. При этом не обязательно было критиковать его деятельность. Достаточно для обвинения было опоздать на траурное собрание, посвященное гибели Кирова [22. Л. 2], или сказать, что «Киров был хорошим оратором, но Троцкий в свое время говорил лучше, мог зажечь молодежь и молодежь за ним шла» [30. Л. 11]. Автор этого высказывания – вчерашний школьник А.П. Синцов – десять лет провел в сталинских лагерях. «Благодаря» Кирову трагично сложилась судьба директора Томского краеведческого музея А.С. Уланова. В 1937 г. он создал довольно подробную выставку, посвященную С.М. Кирову и его пребыванию в Томске. Специально для выставки изготовили макеты его конспиративной квартиры и организованной при его участии подпольной типографии. Музейщики даже воссоздали общий вид одиночной камеры томской тюрьмы, где в 1906 г. сидел Сергей Миронович в юности. Выставка включала книги, фотографии Кирова, революционные лозунги, листовки, тексты речей Кирова и Сталина. Посчитав деньги, израсходованные на эту выставку, Уланов пробурчал: «На эту тварь отпустил столько денег...». О подобных высказываниях, как и о найденной в мусорном ящике фотографии Кирова с семьей, коллеги Уланова доложили «куда следует», что вскоре привело к увольнению и аресту директора [31. Л. 33–34].

Между тем в задачи местных органов пропаганды входило привлечение массового внимания к С.М. Кирову. Томские музейщики, в частности, получили директиву, согласно которой кировская тема должна была стать доминирующей в экспозиции [32. Л. 116а]. Музейными работниками Томска была проделана большая работа по сбору материала о жизни Кирова в их городе. Информацию о Кирове томичи полу-

чали, прежде всего, из устных свидетельств старых революционеров, живших в их городе. Записанные воспоминания использовались не только для экспозиционных целей, но также для разработки экскурсий и подготовки газетных публикаций. Вопросы, задававшиеся респондентам, часто предполагали вполне определенный ответ, к примеру: «Какую роль играл Киров в организации подполья?». Исследователи должны были лишь насытить деталями известную в общих чертах историю героя. Но это было не просто: заметно, что томичи плохо помнили настоящего, знакомого им в далекой юности Кирова, который в Томске получил лишь первый опыт революционной деятельности. Одна из опрошенных по фамилии Кузнецова заявила открыто, что к ней с вопросами о юности Кирова уже обращались москвичи, но рассказать было особенно нечего, поскольку Сережа Костриков являлся обычным парнем, а роль в организации подполья играл «такую, как и все» [33. Л. 116в]. Круг сюжетов, о которых вспоминали респонденты, был довольно узким. Томичи рассказывали, что Киров с 1904 г. участвовал в тайных массовках большевиков. Большинство опрошенных шаблонно свидетельствовало о его таланте оратора. Лишь революционерка Позина отметила, что он редко выступал на собраниях, при этом волновался и заикался [34. Л. 249]. Преподаватели курсов при Томском политехническом институте смогли сообщить в сущности лишь то, что в 1905 г. способный Костриков окончательно бросил учебу, чтобы стать профессиональным революционером [33. Л. 96; 130]. Большинство опрошенных говорили об участии Кирова в вооруженной антиправительственной демонстрации, устроенной томичами, в протест против событий «Кровавого воскресенья». И здесь оценки мемуаристов различались: одни сообщали о том, что Костриков был одним из организаторов демонстрации, другие гиперболизировали его роль [Там же. Л. 96; 130]. Некоторые вспоминали о совместном пребывании в томской тюрьме [Там же. Л. 38]. Почти никто не вспоминал историй, которые могли бы охарактеризовать Сергея Кострикова как обычного, живого человека: не говорили о его семье, интересах, не касавшихся революции, о других аспектах частной жизни. Стандартно описывали и его характер.

Кроме Б.И. Гольдберга, никто не свидетельствовал о поддержании связи с Кировым после революции 1905 г. Преподаватель П.А. Козьмин думал, что Костриков погиб в 1905 г., лишь их случайная встреча в 1919 г. доказала обратное [Там же. Л. 96]. Многие не узнавали в С.М. Кирове своего старого знакомого. Д. Ильин лишь в 1932 г. выяснил из разговора с товарищем Тюменцевым, побывавшим в Ленинграде, что Костриков стал «самим Кировым» [Там же. Л. 38]. Не узнавал в Кирове Сережу Кострикова и перебравшийся в Москву П.А. Носов, который только после гибели секретаря Ленинградского губкома партии понял, что был знаком с ним в молодости, живя в Томске [34. Л. 6]. Очевидно, что, работая над подготовкой коллек-

ции воспоминаний о Кирове, томские музейщики применяли шаблон соцреалистического канона, редактируя первоисточники. Из записей и без того не особенно достоверных воспоминаний музейщики должны были «отжать» факты – реальные и вымышленные, необходимые для доказательства следующих основных выводов. С.М. Киров уже в юности демонстрировал пример энергичного и бесстрашного большевика, абсолютно верного делу революции, готового на бескомпромиссную борьбу. Его роль в организации томского подполья была велика, он принял участие во всех самых значительных мероприятиях томских большевиков периода Первой русской революции, часто выступал организатором. Для Томска память о Кирове чрезвычайно важна, ведь именно благодаря таким «пламенным борцам» и на этой земле, где некогда царил произвол буржуев и черносотенцев, ныне побеждает социализм, как и по всей стране, в которой стираются различия между столицей и «глухими окраинами». Сведения из воспоминаний, не работавшие на доказательство этих идей, «отбраковывались», не включались в официальные репрезентации.

Кировская тематика также поднималась на станции Тайга близ Томска, куда Киров перебрался после освобождения из томской тюрьмы, и в Новосибирске, где прошел небольшой период жизни молодого революционера. О подготовке Кировым забастовки на станции «Тайга» рассказывали преимущественно томичи. В 1936 г. новосибирским Истпартом были также записаны воспоминания революционера Фортова. Набор сюжетов и оценок в этом тексте был стандартным, сходным с содержанием томских мемуаров. Автор говорил о Кирове как о скромном и непритязательном человеке, который, однако, обладал лидерскими качествами. Именно Кирову Фортов приписывал «верное решение работать в глубоком подполье» и создать подпольную типографию на окраине в доме семьи Шамшиных. В этом тексте стандартно описано времяпрепровождение новониколаевских революционеров: конспиративные ночные встречи на обских островах, катания на лодках и пение революционных песен [35. Л. 5]. Показательно, что воспоминания, записанные в Томске и Новосибирске, не использовались авторами, работавшими в столице над составлением биографии Кирова. По данным М.Е. Леное, ленинградский биограф Кирова Б.И. Позерн использовал лишь недостоверные воспоминания М. Попова, некогда жившего в Томске [12. С. 520].

Сравнение «сибирских» фрагментов биографических книг о Кирове, подготовленных во второй половине 1930-х гг. И. Разгоном и Б.И. Позерном [36], позволяет сделать вывод об их абсолютной шаблонности. Кроме того, заметны явные расхождения в сторону преувеличений свидетельств томичей, и без того не вызывающих доверия. В первую очередь это заметно на примере последовательности сюжетов. К примеру, в книгах Разгона и Позерна молодой Киров выступал

организатором обороны социалистов во время черносотенного погрома с поджогом в Томске [4. С. 20]. Томичи же говорили лишь о том, что Кострикову повезло выскочить из здания, подожженного погромщиками [37. Л. 3]. Официальные биографии называют Кострикова организатором вооруженной демонстрации в Томске 1905 г., а в томских мемуарах он назван «одним из организаторов», в роли главного организатора фигурирует студент Ляпидевский [33. С. 250]. Столичные биографии сообщали, что ночью после демонстрации, устроенной социалистами в Томске в 1905 г., Костриков пробрался в мертвецкую, где находилось тело убитого знаменосца И.Е. Кононова, и выкрал знамя, которое Кононов успел спрятать в карман [4. С. 14; 36. С. 16]. Томичи по-разному преподносили этот сюжет: одни говорили, что Киров еще на демонстрации подхватил знамя из рук смертельно раненного Кононова, сорвал знамя с древка и спрятал его на груди [33. Л. 3], другие просто сообщали, что «знамя спасли» [Там же. Л. 20], сообщали, что всю ночь после демонстрации Сергей провел на квартире гравера Ильина [Там же. Л. 75].

В 1938 г. в Томске на Гоголевской улице был открыт музеем, посвященный памяти С.М. Кирова. Именно заведующий фондами этого музея по фамилии Ляхов отвечал за создание коллекции воспоминаний томичей о Кирове. Некогда в здании этого музея размещалась конспиративная квартира революционеров. Экспозиция была крайне политизирована. Она посвящалась биографии героя: его деятельности в годы «стольпинской реакции», Гражданской войны, его труду на посту руководителя партийной организации Ленинграда, его гибели и траурным дням, последовавшим после убийства Кирова. Последний траурный зал экспозиции был проникнут особым драматизмом [38]. В 1940 г. этот музей присоединили к краеведческому музею. Материалы из экспозиции музеем перенесли в новую экспозицию, посвященную Кирову.

В городах Западной Сибири, особенно в Томске, во второй половине 1930-х гг. появилось немало кировских мест. Имя Кирова было присвоено индустриальному институту, улице, проспекту и району. На пересечении проспекта Ленина и проспекта Кирова установили памятник герою. В 1940 г. Томский краеведческий музей разработал экскурсионный маршрут «По кировским местам», куда включались места, где проходили революционные события, в которых принял участие С.М. Киров, дом, где он проживал, дом, где он был впервые арестован [39. Л. 120]. В Новосибирске именем Кирова также назвали улицу, новый городской район, обувную фабрику, построенную в 1936 г. Улицы, переименованные в честь Кирова, появились также в Омске и Барнауле. На плане г. Омска появился и Кировский район.

Подводя итоги, необходимо признать, что мемориализация С.М. Кирова в Западной Сибири всецело была инициирована органами центральной власти и

находилась под жестким идеологическим контролем. Лица, ответственные за увековечивание памяти о Кирове, старались работать, не выходя за пределы жестких идеологических рамок. Эта задача была сложной в силу реальной неактуальности памяти о Кирове в нашем регионе и ее слабого соответствия заданному стандарту. Важно и то, что воспоминания о Кирове, с трудом собранные местными музейщиками, оказались мало востребованными, фактически ненужными для формирования политического культа

героя, и уж тем более для реконструкции хоть сколько-нибудь правдивой биографии С.М. Кострикова. После 1934 г. Киров занял заметное место в символическом пространстве городов Западной Сибири, память о нем активно навязывалась населению региона. Однако при всех попытках сделать Кирова «своим» для сибиряков, официальный метанарратив едва ли эффективно справлялся с этой задачей, фигура памяти Кирова быстро «бронзовела», утрачивая жизнеспособность.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Святославский А.С.* Среда обитания как среда памяти: к истории отечественной мемориальной культуры : автореф. дис. ... д-ра культурологии. М., 2012. 53 с.
2. *Савельева И.М., Полежаев В.А.* Социальные представления о прошлом: типы и механизмы формирования. М., 2004. 55 с.
3. *Плампер Я.* Алхимия власти. Культ Сталина в изобразительном искусстве. М., 2010. 511 с.
4. *Разгон И.* Сергей Миронович Киров. Краткий биографический очерк. М., 1938. 124 с.
5. *Красников С.В.* Киров в Ленинграде. Л., 1966. 198 с.
6. *Мельников А.И.* Сергей Миронович Киров. М. : Мысль, 1973. 110 с.
7. *Пушкарев Г.М.* В борьбе за рабочее дело: С.М. Киров в Сибири. Новосибирск, 1959. 175 с.
8. *Балан В.* Сталин и убийство Кирова // Лебедь: независимый альманах. 2002. 1 дек. (№ 300). URL: <http://www.lebed.com/2002/art3162.htm>, свободный (дата обращения: 19.02.2015).
9. *Эгге О.* Загадка Кирова. Убийство, развязавшее сталинский террор. М., 2011. 285 с.
10. *Conquest R.* Stalin and the Kirov Murders. Oxford, 1989. 164 p.
11. *Кириллина А.А.* Неизвестный Киров. Мифы и реальность. СПб., 2002. 543 с.
12. *Леное М.Е.* The Kirov Murder and Soviet History. London : New Haven, 2011. 833 p.
13. *Дэвид С.* Мнение народа в сталинской России. Террор, пропаганда и инакомыслие (1934–1941 гг.). М., 2011.
14. *Раиковский А.* Мифы и правда о Кирове // Кругозор: интернет-журнал. 2009. Июнь. URL: www.krugozormagazine.com/show/Kirov.397.html, свободный (дата обращения: 19.02.2015).
15. *Красильникова Е.И.* Томский краеведческий музей как место памяти жителей города (1920 – первая половина 1941 гг.) // Вопросы музеологии. 2013. № 1. С. 60–72.
16. *Красильникова Е.И.* Участие музеев Томска в увековечивании памяти о С.М. Кирове (1934 – первая половина 1941 гг.) // История и историография России в исследовательском и образовательном контекстах. Новосибирск, 2014. С. 159–165.
17. *Государственный архив Томской области (далее – ГАТО).* Ф. Д-223. Оп. 3. Д. 3440.
18. *Красильникова Е.И.* Создание в городах Западной Сибири памятников, посвященных юбилеям ключевых событий в истории Дома Романовых (конец XIX – начало XX вв.) // Тобольск научный – 2012. Тобольск, 2012. С. 347–351.
19. *Красильникова Е.И.* «Народная скорбь»: массовые коммеморации в городах Западной Сибири, приуроченные к похоронам и поминовению С.М. Кирова, В.В. Куйбышева и Г.К. Орджоникидзе (30-е гг. XX в.) // Вестник Омского университета. 2014. № 1. С. 48–55.
20. *Леное М.Е.* Close to the masses: Stalinist culture, social revolution, soviet newspapers. London : Cambridge, 2004. 315 p.
21. *Профессор Бродский о тов. Кирове* // Красное знамя (Томск). 1934. 8 дек.
22. *Государственный архив Новосибирской области (далее – ГАНО).* Ф. П-3. Оп. 2. Д. 987.
23. *Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ).* Ф. 80. Оп. 19. Д. 10.
24. *Чумандрин М.* Отрывок из книги «Киров» // Красное знамя (Томск). 1935. 1 дек.
25. *Товарищ С.М. Киров в Томске* // Красное знамя (Томск). 1937. 1 дек.
26. *С.М. Киров в Новониколаевске* // Советская Сибирь (Новосибирск). 1939. 1 дек.
27. *Рабочие весового цеха ходатайствуют о присвоении заводу им. товарища Кирова* // Красное знамя. 1935. 1 дек.
28. ГАНО. Ф. П-353. Оп. 1. Д. 1.
29. *Вечер памяти С.М. Кирова* // Красное знамя (Томск). 1938. 1 дек.
30. ГАНО. Ф. Р. 600. Оп. 1. Д. 183.
31. ГАНО. Ф. П-3. Оп. 11. Д. 797.
32. *Томский областной краеведческий музей им. М.Б. Шатилова (далее – ТОКМ им. М.Б. Шатилова).* Ф. 1. Оп. 4. Д. 159.
33. ГАТО. Ф. Р-1612. Оп. 1. Д. 39.
34. РГАСПИ. Ф. 80. Оп. 19. Д. 18.
35. ГАНО. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 293. Л. 5
36. *Киров Сергей Миронович (1886–1934)* : краткий биографический очерк / под ред. Б.И. Позерна. Л., 1937. 119 с.
37. ГАТО. Ф. Р-1612. Оп. 1. Д. 4.
38. *Федоренко А.* Дом-музей памяти С.М. Кирова в Томске // Красное знамя (Томск). 1938. 11 ноя.
39. ТОКМ им. М.Б. Шатилова. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1.

Krasilnikova Yekaterina I. Novosibirsk State Technical University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: katrina97@yandex.ru
MEMORIALIZATION OF SERGEY KIROV IN WESTERN SIBERIA (1934 – FIRST HALF OF 1941).

Keywords: memorialization; commemoration; memory politics; mourning campaign memoir; West Siberia.

The article is devoted to various forms and methods of perpetuating in the cities of Western Siberia (Tomsk, Omsk, Novosibirsk, Barnaul) the memory of Sergei Kirov, who was murdered in 1934. The author explains the ideological significance of the mass commemorations, associated with the death of Kirov, who was the leader of Leningrad party organization and a member of the government. Perpetuating the memory of Sergei Kirov estimated as the process of forming a political cult of the hero, which was used by the state for social mobilization. Mourning campaign (December 1934), the participation of Siberians in the mass farewell to Kirov, Kirov memorial days, arranged in the following years are characterized. Particular attention is paid to the role of the West Siberian's museums in memorialization of Kirov, their work on the creation of memories collection of old revolutionaries who were colleagues of Sergei Kirov during the First Russian revolution. The author focuses on the uniformity of Tomsk revolutionaries memories. It is suggested that the primary

sources of memories plunged careful adjustment of the museum staff. This led to achieve the ideological correctness. The opening of Kirov museum in Tomsk and its integration with the Region museum is announced. Museum's display is briefly characterized. The author reports the appearance of the Kirov places in Western Siberia, the formation of tourist routes «on the Kirov places» (places somehow related to Sergei Kirov). Tendencies of Kirov commemoration's perception by Siberians are identified. The author reports some political repressions, which were triggered by incorrect statements about Sergey Kirov. The author concludes that the memorialization of Kirov in Western Siberia was entirely initiated by the central government and was under control of the state. The author believes that memoirs about Kirov collected by the museum staff of Tomsk were actually kept on the sidelines. The information given in there did not concurred with the data reflected in the biographical works of Kirov, written by authors from Leningrad and Moscow. In Western Siberia newspapers, as well as across the country, was set out only one version of the biography of Kirov. Contradicting viewpoints and opinions were punished, they could lead to arrests. Kirov took a prominent place in the symbolic space of the cities of Western Siberia, the memory of him was actively imposed in the region.

REFERENCES

1. Svyatoslavsky, A.S. (2012) *Sreda obitaniya kak sreda pamyati: k istorii otechestvennoy memorial'noy kul'tury* [The habitat as a storage medium: a memorial to the history of Russian culture]. Abstract of Culturology Doc. Diss. Moscow.
2. Savelieva, I.M. & Poletaev, V.A. (2004) *Sotsial'nye predstavleniya o proshlom: tipy i mekhanizmy formirovaniya* [Social representations of the past: the types and mechanisms of formation]. Moscow: HSE.
3. Plamper, Ya. (2010) *Alkhimiya vlasti. Kul' Stalina v izobrazitel'nom iskusstve* [Alchemy of power. Stalin's cult in the visual arts]. Translated from English by N. Edelman. Moscow: NLO.
4. Razgon, I. (1938) *Sergey Mironovich Kirov. Kratkiy biograficheskiy ocherk* [Sergei Kirov. A brief biographical sketch]. Moscow: Molodaya gvardiya.
5. Krasnikov, S.V. (1966) *Kirov v Leningrade* [Kirov in Leningrad]. Leningrad: Lenizdat.
6. Melnikov, A.I. (1973) *Sergey Mironovich Kirov* [Sergey Kirov]. Moscow: Mysl'.
7. Pushkarev, G.M. (1959) *V bor'be za rabochee delo: S.M. Kirov v Sibiri* [In the struggle for the workers' cause: SM Kirov in Siberia]. Novosibirsk: Book Publ.
8. Balan, V. (2002) Stalin i ubiystvo Kirova [Stalin and the Kirov Murder]. *Lebed'*. 2002. December 1st. [Online] Available from: <http://www.lebed.com/2002/art3162.htm>. (Accessed: 19.02.2015).
9. Egge, O. (2011) *Zagadka Kirova. Ubiystvo, razvyazavshee stalinskiy terror* [Kirov's riddle. The murder unleashed by Stalin's terror]. Translated from English by A.A. Peshkov & G.I. Germanenko. Moscow: The Boris Yeltsin Presidential Center.
10. Conquest, R. (1989) *Stalin and the Kirov Murder*. Oxford: Oxford University Press.
11. Kirillina, A.A. (2002) *Neizvestnyy Kirov. Mify i real'nost'* [The Unknown Kirov. Myths and Reality]. St. Petersburg: Neva, Olma-press.
12. Lenoe, M.E. (2011) *The Kirov Murder and Soviet History*. New Haven: Yale University Press.
13. Davis, S. (2011) *Mnenie naroda v stalinskoj Rossii. Terror, propaganda i inakomyслиye (1934–1941 gg.)* [Popular opinion in Stalin's Russia. Terror, propaganda and dissent, 1934–1941]. Translated from English by V.N. Morozov. Moscow: POSSPEN.
14. Rashkovskiy, A. (2009) Mify i pravda o Kirove [Myths and truth about Kirov]. *Krugozor*. June. [Online] Available from: www.krugozormagazine.com/show/Kirov.397.html. (Accessed: 19.02.2015).
15. Krasilnikova, E.I. (2013) Tomskiy kraevedcheskiy muzey kak mesto pamyati zhitel'ey goroda (1920 – pervaya polovina 1941 gg.) [Tomsk Regional Museum as a place of memory of the city people (1920 – early 1941)]. *Voprosy muzeologii – The Problems of Museology*. 1. pp. 60-72.
16. Krasilnikova, E.I. (2014) Uchastie muzeev Tomska v uvekovechivanii pamyati o S.M. Kirove (1934 – pervaya polovina 1941 gg.) [Participation of Tomsk museums in perpetuating the memory of S.M. Kirov (1934 – early 1941)]. In: *Istoriya i istoriografiya Rossii v issledovatel'skom i obrazovatel'nom kontekstakh* [History and historiography of Russia in the research and educational contexts]. Novosibirsk. pp. 159-165.
17. The State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund D-223. List 3. File 3440. (In Russian).
18. Krasilnikova, E.I. (2012) Sozdanie v gorodakh Zapadnoy Sibiri pamyatnikov, posvyashchennykh yubileyam klyuchevykh sobyitij v istorii Doma Romanovykh (konets XIX – nachalo XX vv.) [The erection of monuments dedicated to the anniversaries of key events in the history of the House of Romanov in the cities of Western Siberia (the late 19th – early 20th centuries.)]. In: *Tobolsk nauchnyy – 2012* [Tobolsk Research – 2012]. Tobolsk. pp. 347-351.
19. Krasilnikova, E.I. (2014) The national grief: massive commemorations in the cities of Western Siberia dedicated to the funerals and to the memorable days of S. Kirov, V. Kuybyshev and G. Ordzhonikidze (1930s). *Vestnik Omskogo universiteta – Herald of Omsk University*. 1. pp. 48-55. (In Russian).
20. Lenoe, M.E. (2004) *Closer to the masses: Stalinist culture, social revolution, soviet newspapers*. Cambridge; London: Harvard University Press.
21. *Krasnoe znamy*. (1934) Professor Brodskiy o tov. Kirove [Professor Brodsky about Kirov]. 8th December.
22. The State Archives of Novosibirsk Region (GANO). Fund P-3. List 2. File 987.
23. The Russian State Archives of Socio-Political History (RGASPI). Fund 80. List 19. File 10.
24. Chumandrin, M. (1935) Otryvok iz knigi "Kirov" [An excerpt from Kirov]. *Krasnoe znamy*. 1st December.
25. *Krasnoe znamy*. (1937) Tovarishch S.M. Kirov v Tomske [Comrade S. Kirov in Tomsk]. 1st December.
26. *Sovetskaya Sibir'*. (1939) S.M. Kirov v Novonikolaevske [S. Kirov in Novonikolaevsk]. 1st December.
27. *Krasnoe znamy*. (1935) Rabochie vesovogo tsekha khodataystvuyut o prisvoenii zavodu im. tovarishcha Kirova [The workforce from the weight management workshop apply for naming the plant after S. Kirov]. 1st December.
28. The State Archives of Novosibirsk Region (GANO). Fund P-353. List 1. File 1.
29. *Krasnoe znamy*. (1938) Vecher pamyati S. M. Kirova [Kirov's memorial evening]. 1st December.
30. The State Archives of Novosibirsk Region (GANO). Fund R-600. List 1. File 183.
31. The State Archives of Novosibirsk Region (GANO). Fund P-3. List 11. File 797.
32. Tomsk Regional Local History Museum named after M. Schatiloff. (TOKM). Fund 1. List 4. File 159.
33. The State Archives of Tomsk Region. Fund R-1612. List 1. File 39.
34. The Russian State Archives of Socio-Political History (RGASPI). Fund 80. List 19. File 18.
35. The State Archives of Novosibirsk Region (GANO). Fund P-5. List 2. File 293. L. 5
36. Pozern, B.I. (ed.) (1937) *Kirov Sergey Mironovich (1886–1934): kratkiy biograficheskiy ocherk* [Sergei Kirov (1886–1934): A brief biographical sketch]. Leningrad: Partizdat.
37. The State Archives of Tomsk Region. Fund R-1612. List 1. File 4.
38. Fedorenko, A. (1938) Dom-muzey pamyati S.M. Kirova v Tomske [S. Kirov Memorial House in Tomsk]. *Krasnoe znamy*. 11th November.
39. Tomsk Regional Local History Museum named after M. Schatiloff. (TOKM). Fund 1. List 1. File 1.

Е.А. Федосов

НАЦИОНАЛЬНЫЕ КАТЕГОРИИ В СОВЕТСКОМ АГИТАЦИОННОМ ПЛАКАТЕ ПЕРИОДА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Выполнено в рамках работ по проекту «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности» (грант Правительства РФ П 220 № 14.В25.31.0009).

Пропагандистская практика любого государства неизбежно сталкивается с необходимостью формирования самосознания собственных граждан, определения роли страны во внешнем мире и оценки взаимоотношений с другими народами. Создающиеся при этом образы часто укладываются в три условные имагологические категории: «свой», «чужой», «другой». Присутствуя постоянно, как правило, в этническом контексте, в период открытых конфликтов и войн они не только заостряются и конкретизируются, но и по-особому осмысливаются. Этот процесс и будет рассматриваться на примере советского агитационного плаката времён Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: наглядная агитация; СССР; Великая Отечественная война; имагология.

Интернационализм, как ключевая ценность советской идеологии 1920–1930-х гг., выполнял две важные функции. Базируясь на принципе классового единства, во-первых, он был призван обеспечить единство многочисленных народов СССР, обладавших существенными этническими и культурными различиями, во-вторых, привлекал внимание населения к внешнеполитической проблематике в контексте международной роли Страны Советов в утверждении коммунизма во всём мире и борьбе с его врагами, которые также определялись классовым критерием. С точки зрения имагологии – дисциплины, анализирующей взаимное восприятие народов, социумов, культур [1. С. 54], – специфика советской довоенной пропаганды заключалась в том, что в ней хотя и прослеживались категории «свой–другой–чужой», но строились они не на этнических признаках. Однако в условиях Великой Отечественной войны, непосредственного ожесточённого столкновения конкретных народов, интернационалистическая система внутри- и внешнеполитических образов не могла не претерпеть заметных изменений и не обрести новые контексты. Для исследования этого процесса из более чем 430 советских агитационных плакатов 1941–1945 гг. была сделана выборка по трём основным направлениям: материалы, содержащие национальные категории¹, относящиеся к СССР (свои), странам Оси (чужие, враждебные), Союзникам (другие, дружественные)².

Следует отметить, что вопросы имагологии подвергаются сейчас активному изучению, в том числе применительно к советскому пропагандистскому опыту в условиях различных конфликтов XX в. Вместе с тем практически отсутствуют специальные исследования на тему агитационного плаката военного времени, которые выявляли бы не только наиболее общие тенденции формирования образов «своих», «чужих» и «других» как таковых, но и прослеживали их внутреннюю взаимосвязь и динамику использования, акцентируясь на некоторых специфических чертах.

Советские плакаты следует отнести к сложным политическим креолизованным текстам с вербальными и невербальными элементами, образующими «одно визуальное, структурное, смысловое и функциональное целое, нацеленное на комплексное воздействие на адресата» [2. С. 187]. По сравнению с другими средствами пропаганды, они имеют ряд особенностей: постоянство обращения, краткость и доходчивость призыва, устойчивость и яркость визуального образа, который, по оценкам исследователей, может усиливать восприятие информации на 55% [3. С. 27].

Что касается плакатов военного времени, то уровень их воздействия на советское население, как представляется, был весьма высоким. Так, ветеран Великой Отечественной войны М.С. Кузнецов³ вспоминал, что агитки иногда попадались «злые и преувеличенные, но толковые», и воспринимались они на фронте очень живо и с доверием [4]. Наиболее удачные работы вызывали особо сильные эмоции. Например, плакату В. Корецкого «Воин Красной Армии, спаси!» (1942) (рис. 1) посвящали стихи, и солдаты, увидев на нём женщину и ребёнка, над которыми занесён кровавый немецкий штык, клялись громить и уничтожать врага [5. С. 155–156]. А плакат Н. Жукова и В. Климашина «Боец, Украина ждёт тебя!» (1943) (рис. 2) размещали на броне советских танков, освобождавших Киев [6. С. 393].

Таким образом, осязаемое влияние агитации на моральный дух армии и тыла говорит в пользу большой степени солидаризации населения СССР с предложенной в ней картиной мира. Безусловно, отчасти она сформировалась ещё в предвоенные годы. К началу Великой Отечественной войны уже хорошо известны следующие *образы врага*: германские *фашисты* (не смотря на заключение «Пакта о ненападении», они прочно закрепились в сознании советских людей как угроза [4]), японские *самураи-милитаристы*, *белофинны*, польские *паны* [7. С. 199–200].

Рис. 1. Художник В. Корецкий (1942 г.)

Хотя они и ассоциируются с конкретными государствами, их отрицательные качества здесь увязаны, прежде всего, с социально-политической и даже словесной принадлежностью, а не с национальными чертами. Нечто подобное наблюдалось и после нападения Германии и её сателлитов на Советский Союз. Так, в 51 плакате за 1941 г. враги предстают преимущественно карикатурными и даже зооморфными существами, олицетворявшими Гитлера, его армию и режим. В лозунгах они 31 раз названы *фашистами*, и лишь по разу *немцами* и *гитлеровцами*. Эта идеологическая тенденция находит подтверждение и в воспоминаниях М.С. Кузнецова, бывшего на фронте до октября 1941 г.: «...не давалась характеристика: раз немец – это враг вообще... Ненависти к самой нации не было. Я даже над этим не задумывался. Вот, Гитлер, его окружение – это враги» [4].

Однако ситуация постепенно начинает меняться: затягивающаяся война обретает характер ожесточённого противостояния народов, появляются и первые сведения о чудовищных преступлениях немецкой армии против советского мирного населения и пленных. На этом фоне нарастает жёсткость советских характеристик врага, особенно усилившаяся с появлением лозунга «Убей немца!», прозвучавшего в стихотворении К. Симонова и статье И. Эренбурга, опубликованных в «Красной звезде» в июле 1942 г. [8]. На языке плаката это выразилось в снижении антифашистской риторики в пользу антинемецкой. Если в 1942 г. *фашисты* ещё незначительно преобладают над *немцами* (14 упоминаний против 13), то в 1943 г. по частоте использования

Рис. 2. Художник Н. Жуков, В. Климашин (1943 г.)

национальная категория более чем в 2 раза опережает политическую (28 против 13). При этом такое альтернативное наименование противника, как *гитлеровец*, применяется ещё реже (всего 10 раз за 1942–1943 гг.). Параллельно закрепляется и реалистичная манера изображения немецких солдат, достигающая подчас фотографической точности, как на плакате В. Корецкого «Боец, спаси этих ребят от голодной смерти, истребляй немецких разбойников!» (1943) (рис. 3). Наконец, особую убедительность образу врага в плакате придавали описания случаев реальных злодеяний фашистов, дополнявшие призывные лозунги⁴. Очевидная карикатурность в 1942–1943 гг. сохраняется в основном только в изображениях Гитлера, которые в этот период относительно редки (всего 10).

Важно, однако, отметить, что использование устойчивых национальных стереотипов, выступающих обычно значимым компонентом «образа врага» [1. С. 59–60], советскому военному плакату не свойственно. Отрицательный образ немца обусловлен здесь исключительно действиями вражеской армии. Лишь очень отдалённо примером обратной тенденции можно считать ссылку на исторический опыт, присутствовавшую в агитках «Били, бьём и будем бить (немцев. – Е.Ф.)!» (1941, 1942) и «Русские прусских всегда бивали...» (1944) (рис. 4).

Интересной в этом контексте выглядит аналогия с древними нашествиями, взятая в плакат С. Боима из доклада И.В. Сталина от 6 ноября 1943 г.: «Как средневековые варвары или орды Аттилы, немецкие злодеи вытаптывают поля, сжигают деревни и города, разру-

шают промышленные предприятия и культурные учреждения...» (1943). В целом можно выделить три крупные группы качеств, указывающие как на *преступную* (80 раз: оккупанты-захватчики, бандиты, убийцы и др.) и *антигуманную* (34 раза: звери, гады, людоеды и др.) сущность противника, так и на его *уничжительные* характеристики (18 раз: мерзавцы, нечисть, варвары и т.п.). В 1944–1945 гг. вместе с общей жёсткостью тона советского плаката снизилась и

национальная окрашенность образа врага, что выразилось в преобладании качеств политического плана: *фашистские* и *немецко-фашистские*, а также учащении карикатурных изображений Гитлера и его окружения. К этому же периоду относятся и единичные появления в агитках восточноевропейских, финских, итальянских и японских союзников Германии⁵, не составивших сложной системы каких-либо политических или национальных черт.

Рис. 3. Художник В. Корецкий (1943 г.)

Рис. 4. Художник П. Алякринский (1944 г.)

Рис. 5. Художник Н. Павлов (1943 г.)

Рис. 6. Художник Б. Бобров (1942 г.)

Что касается образа своих, героически противостоящих врагу, то в текстовом и изобразительном пространстве плаката особое место занимают категории советского национального самосознания. Причем если в призывах они обнаруживаются довольно явно – 28 раз, – то их визуализация не поддается столь очевидной интерпретации. Изучая агитки времён войны, исследователи Д. Шальгина и В. Куликов предложили

считать маркерами советской идентичности изображения «серпа и молота», «красной звезды», «красного флага» и т.п. [9. С. 55–56]. Однако сама по себе государственная и армейская символика лишь весьма условно раскрывает черты советской идентичности. Как представляется, идея этнически разнообразного, но сплочённого единым самосознанием народа наиболее ярко передана образом красноармейцев разных нацио-

нальностей в плакате Н. Павлова «Да здравствует наша великая родина!» (1943) (рис. 5) с цитатой И.В. Сталина: «Дружба народов нашей страны выдержала все трудности и испытания войны и ещё более закалилась в общей борьбе *всех советских людей* против фашистских захватчиков» (курсив мой. – Е.Ф.) Внутренний интернационализм советского человека также вложен в такие идеологемы, как «советская Отчизна», «сыны всех народов», «армия братства и дружбы народов СССР». «Советский» на языке агитации означает ещё и наделённый исключительными боевыми качествами: «Покажем презренным фашистским убийцам, как драться умеет *советский моряк!*» (1941) (курсив мой. – Е.Ф.) или «И один в поле воин, если он *советский воин*» (1942) (рис. 6).

Специфически выражают национальные черты плакаты на тему оккупации. В лозунгах семи из них прямо прослеживается контекстуальная оппозиция понятий *советский–немецкий*. Визуально почти портретные образы простых женщин, детей и стариков здесь противопоставлены немцам, выглядевшим не менее реалистично и оттого особо зловеще. Данная тенденция является собой распространённый имагологический сюжет, контрастно сочетающий близких *своих*, нуждающихся в сочувствии, защите, освобождении, и враждебных *чужих*, несущих угнетение, разрушение и смерть⁶. С подобными материалами связан ещё более этнически окрашенный мотив *славянства*. И хотя в текстах он встречается лишь трижды, во внешнем виде и деталях костюма героев некоторых агиток косвенно угадываются славянские черты (всего 18 раз). Развитием этих тенденций можно считать и изображение нежных зо-

вущих женских образов наиболее пострадавших от оккупации республик со славянским населением в таких плакатах, как «Слава освободителям Украины! Смерть немецким захватчикам!» (1943) (рис. 7) и «Боец, освободи свою Белоруссию!» (1943) (рис. 8).

Примечательно, что здесь налицо и определённый гендерный стереотип восприятия данных регионов СССР, тогда как, например, с Кавказом связаны преимущественно мужские образы⁷. Национальная категория *русские* также имела место в 11 военных плакатах. Отчасти она воспроизводится в контексте исторического опыта страны и цитатах великих полководцев прошлого⁸, но иногда применяется и к настоящему моменту, как в красноречивом плакате И. Серебряного, изобразившего советского партизана и поверженного немецкого офицера: «Русский народ никогда не будет стоять на коленях» (1943) (рис. 9).

Не столь разнообразным, но значимым элементом военной имагологии следует считать интернационалистические агитки на тему союзничества. Они стали результатом наиболее коренного пересмотра пропагандистской линии государства. Ведь с началом мировой, а на языке агитации – империалистической войны⁹, отношение к её участникам было одинаково отрицательным. Так, Ю.В. Куперт¹⁰ вспоминает, что такое резонансное событие, как потопление немцами английского крейсера «Худ» 24 мая 1941 г., было встречено окружающими без малейшего сочувствия к британцам [10]. Между тем в том же 1941 г. после нападения Германии на СССР в свете первых советско-британских бомбардировок Берлина в агитках появляется *образ союзника*¹¹.

Рис. 7. Художник Д. Шмаринов (1943 г.)

Рис. 8. Художник В. Корецкий (1943 г.)

Рис. 9. Художник И. Серебряный (1943 г.)

Рис. 10. Художник Н. Жуков (на русском, польском и чешском языках) (1944 г.)

Достигнув пика распространения в 1944–1945 гг., он продемонстрировал две беспрецедентных тенденции. Во-первых, в плакатах данной тематики активно демонстрируется символика западных стран – всего 20 раз. Во-вторых, впервые положительный образ иностранца олицетворяют не трудящиеся, а вооружённые силы¹². Отдельной отраслью агитации на тему союзничества можно считать материалы, обращённые прежде всего к восточноевропейским народам. Сюда следует отнести как адаптированные и переведённые на соответствующие языки плакаты СССР (рис. 10)¹³, так и самостоятельные работы, авторами которых были советские художники А. Кейль, М. Нестерова-Берзина и др.¹⁴ Подобное распространялось, в том числе, и на бывшие страны Оси, ярким примером чему служит агитка 1944 г., посвящённая немислимому ещё недавно сюжету – советско-румынскому братству по оружию!¹⁵

На основе проанализированных материалов можно сделать вывод, что национальные категории являлись заметной частью образного ряда советской наглядной агитации военного времени, так или иначе прослежива-

ясь в более чем половине всех плакатов 1941–1945 гг.¹⁶, которые имелись в распоряжении автора. Пик националистических тенденций в них пришёлся на 1943 г., когда в образе врага преобладает антинемецкая риторика, хотя на протяжении всей войны фашизм и фашисты, а не немцы, были его главной составляющей (76 против 66 упоминаний). В этот же период образ своих также особенно интенсивно осмысливался в качестве советского, славянского или русского. В целом же исходный интернационализм советской пропаганды, видимо, не допускал длительного противопоставления одних народов другим и воспроизводства устойчивых национальных стереотипов даже в военное время, предлагая руководствоваться исключительно критериями конкретного момента. Этим объясняется и распространявшийся к концу войны положительный образ союзников, включавший западные и восточноевропейские страны, безусловно, враждебные ещё в 1930-е гг. Но вскоре после Победы и те и другие весьма быстро обрели новые качества уже в соответствии с логикой «холодной войны».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Поскольку понятие «национальный» относится к категориям как государственной, так и этнической принадлежности, предпринятый в данной статье анализ нацелен, в том числе, на выявление их соотношения в содержании советской наглядной агитации.

² Плакаты общесоюзных и республиканских издательств, в которых на текстовом или образном уровне выражены национальные признаки, а также агитационные материалы, ориентированные на освобождённые Красной Армией страны Восточной Европы, были рассмотрены методом контент- и интент-анализа. Для написания данной статьи использовались репродукции плакатов из каталогов музеев, библиотек, аукционов, а также частных коллекций, находящихся в свободном доступе в сети Интернет.

³ Михаил Сергеевич Кузнецов (1922–2015) – историк, профессор Томского государственного университета. В 1941 г. – военфельдшер в составе войск Резервного, Западного и Калининского фронта.

⁴ См., напр.: В. Иванов «Мщение и смерть злодеям немцам!» (1942); Л. Голованов «Мсти немецким псам!» (1943); Ф. Антонов «Я хочу жить!» (1943); Н. Жуков «Сынок, отмести!» (1944).

⁵ См., напр.: А. Кокош «Гитлеровская Германия и её вассалы стоят накануне своей катастрофы» (1943); Ю. Непринцев «Смерть немецко-финским захватчикам!» (1944); Н. Дени «Бесславный конец фашистских агрессоров» (1945).

⁶ См., напр.: Л. Голованов «Боец, освобождай советских людей от немецкой каторги» (1943) и «Спасём советских ребят от немцев (1943); Н. Ватолина «Товарищ боец, помни! Только в этих городах и областях немцы замучили и убили сотни тысяч советских людей...» (1945) и др.

⁷ См., напр.: В. Сурьянинов «Защитим двери родного Кавказа!» (на армянском яз.) (1942).

⁸ См., напр.: А. Барутчев «Русские не прежде пожелают вкусить сладость мира, как истребив ненавистного противника, осквернившего своим нашествием землю отцов наших (М. Кутузов)» (1943); В. Иванов, О. Бурова «Мы русские... Мы всё одолеем (А. Суворов). Для нас нет преград!» (1944).

⁹ См., напр.: Б. Ефимов «Долой империалистическую войну, долой капиталистическую реакцию!» (1940).

¹⁰ Юрий Васильевич Куперт (род. 1931) – историк, профессор Томского государственного университета. В 1941 г. – школьник.

- ¹¹ См., напр.: Кукрыниксы «Назначили народы-братья над вражьем городом свидание. При каждом их рукопожатьи трещит фашистская Германия» (1941).
- ¹² См., напр.: В. Пинчук «Единым ударом!» (1942); В. Иванов, О. Бурова «Да здравствует единый фронт свободолюбивых народов против фашистских захватчиков» (1942).
- ¹³ Так, плакаты «Поляки! Час расплаты с фашизмом!» (на польском яз.) (1944) и «Чехословаки! Час расплаты с фашизмом настал! (на чешском яз.) (1944) являлись аналогами плаката Н. Жукова «Славяне! Час расплаты настал!» (1944).
- ¹⁴ См., напр.: А. Кейль «Поляки, к оружию!» (на польском яз.) (1944); М. Нестерова-Берзина «Спасибо вам за спасение Родины!» (на польском яз.) (1945).
- ¹⁵ Неизвестный автор «Румынская армия плечо-к-плечу с победоносной Красной Армией сражается для уничтожения захватчиков гитлеристов» (на русском и румынском яз.) (1944).
- ¹⁶ 250 плакатов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Сенявский А.С., Сенявская Е.С.* Историческая имагология и проблема формирования «образа врага» (на материалах российской истории XX в.) // *Вестник РУДН. Серия «История России»*. 2006. № 2 (6). С. 54–72.
2. *Ворошилова М.Б.* Креолизованный текст: аспекты изучения // *Политическая лингвистика*. 2006. Вып. 20. С. 180–189.
3. *Ворошилова М.Б.* Политический креолизованный текст: ключи к прочтению. Екатеринбург, 2013. 194 с.
4. *Интервью* с Михаилом Сергеевичем Кузнецовым. Томск. Сентябрь 2013 г. // *Личный архив автора*.
5. *Демосфенова Г.Л.* Советский политический плакат. М., 1962. 444 с.
6. *История городов и сел Украинской ССР*: Киев. Киев, 1982. 622 с.
7. *Конева К.А., Федосов Е.А.* Особенности визуализации внешнего мира в советском агитационном плакате // *Исторический ежегодник*. Новосибирск, 2013. Вып. 7. С. 190–208.
8. «*Убей немца*» в советской пропаганде. URL: <http://propagandahistory.ru/648/Ubey-nemtsa-v-sovetskoj-propagande> (дата обращения: 22.02.2015).
9. *Шалыгина Д.Л., Куликов В.А.* Специфика пропагандистского плаката во время Великой Отечественной войны как средства конструирования советской идентичности // *Вестник Пермского университета. Серия: История*. 2011. № 2 (16). С. 54–57.
10. *Интервью* с Юрием Васильевичем Купертом. Томск. Февраль 2014 г. // *Личный архив автора*.

Fedosov Egor A. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: karamba243@yandex.ru

NATIONAL CATEGORIES IN THE SOVIET AGITATIONAL POSTERS DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR.

Keywords: visual agitation; USSR; the Great Patriotic War; imagology.

The propagandistic practice of any state inevitably faces with the necessity to form the identity of their citizens, to definite the role of the country in the outer world and to evaluate the relations between nations. Created images are often included in three conditional imagological categories: “native”, “alien” and “other”. Existing constantly, as a rule, in ethnic context, during open conflicts and wars they are not only sharpened and concretized, but are comprehended specially. This process viewed by the example of the Soviet agitational posters during the Great Patriotic War. The internationalism was a key value of the Soviet ideology of the 1920–1930s. In terms of imagology, in pre-war propaganda categories of “native–other–alien” are traced, but they were mostly specifically constructed on non-ethnic signs. But in the conditions of the Great Patriotic War – direct fierce struggle between nations – the internationalist system of internal and foreign images could noticeably change and had new contexts. To consider that process from more than 430 agitational posters the sample by three directions was made: the materials which contented national categories of the USSR (native), the Axis (alien, hostile) and the Allies (other, friendly). Posters of the all-Union and republican publishing houses, in which texts and images expressed national signs, were researched by the content- and intent-analysis method. Also for creating this article used agitation, oriented to East European countries, freed by the Red Army. According these materials, we could conclude, that national categories were noticeable part of the visual propaganda imagery during the war-time. Anyway they were traced in more than half of all the 1941–1945’s posters (250 posters), which the author has. The highest point of the nation-centric trends was in 1943, when in enemy’s image anti-German discourse prevailed, although throughout the War fascism and fascists, not Germans, were the main content of it. In that period native image also was comprehended mostly as Soviet, Slavic or Russian. In general, the original Soviet propaganda’s internationalism, apparently, did not allow to contrast different nations and to reproduce national stereotypes for a long time even during the war, offering to consider only criteria of the specific moment. It could explain the spread of the positive allies’ image in the end of the war, including Western and East European countries, which were certainly hostile in 1930s. But soon after the victory in the Second World War they all found new qualities according the Cold War era logic.

REFERENCES

1. Senyavsky, A.S. & Senyavskaya, E.S. (2006) Istoricheskaya imagologiya i problema formirovaniya “obraza vraga” (na materialakh rossiyskoy istorii XX v.) [Historical imagology and formation of the “enemy image”]. *Vestnik RUDN. Istoriya Rossii – Bulletin of People’s Friendship University of Russia. Russian History*. 2(6). pp. 54-72.
2. Voroshilova, M.B. (2006) Kreolizovannyi tekst: aspekty izucheniya [The creolized text: aspects of studying]. *Politicheskaya lingvistika – Political Linguistics Journal*. 20. pp. 180-189.
3. Voroshilova, M.B. (2013) *Politicheskii kreolizovannyi tekst: klyuchi k prochteniyu* [The creolized political text: Keys to reading]. Ekaterinburg: Urals State Pedagogical University.
4. Kuznetsov, M.S. (2013) *Interv’yu s Mikhailom Sergeevichem Kuznetsovym* [Interview with Mikhail Sergeevich Kuznetsov]. Tomsk. September 2013. [Recording in possession of author].
5. Demosfenova, G.L., Nurok, A. & Shantiko, N. (1962) *Sovetskii politicheskii plakat* [The Soviet political poster]. Moscow: Iskusstvo.
6. Anon. (1982) *Istoriya gorodov i sel Ukrainской SSR: Kiev* [The history of the towns and villages of the Ukrainian SSR: Kiev]. Kiev: Ukrainian Soviet Encyclopedia.
7. Koneva, K.A. & Fedosov, E.A. (2013) Osobennosti vizualizatsii vneshnego mira v sovetskom agitatsionnom plakate [Visualization of the outer world in the Soviet propaganda poster]. In: Elert, A.Kh. (ed.) *Istoricheskii ezhegodnik* [Historical Yearbook]. Vol. 7. Novosibirsk: Parallel. pp. 190-208.
8. Propagandahistory.ru (2012) “*Ubey nemtsa: v sovetskoj propagande*” [“Kill the German” in Soviet propaganda]. [Online]. Available from: <http://propagandahistory.ru/648/Ubey-nemtsa-v-sovetskoj-propagande>. (Accessed: 22nd February 2015).
9. Shalygina, D.L. & Kulikov, V.A. (2011) Propaganda poster of the Great Patriotic War as a means of Soviet identity formation. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Istoriya – Perm University Herald. History*. 2(16). pp. 54-57. (In Russian).
10. Kupert, Yu.V. (2014) *Interv’yu s Yuriem Vasil’evichem Kupertom* [Interview with Yuri Vasilyevich Kupert]. Tomsk. February 2014. [Recording in possession of author].

А.А. Рассказчикова

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ НАСЕЛЕНИЯ «ЗАКРЫТОГО» г. ЖЕЛЕЗНОГОРСКА (КРАСНОЯРСКИЙ КРАЙ)

Исследование выполнено в рамках работ по проекту «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности» (грант Правительства РФ П 220 № 14.В25.31.0009).

Рассматриваются особенности формирования населения г. Железнодорожска (Красноярский край) как «закрытого». Большое влияние оказывал режим секретности, который в первые годы строительства города становился негативным фактором при решении о переселении в город, хотя в дальнейшем он способствовал стабилизации криминогенной обстановки. Еще одной особенностью являлась «искусственно созданная» мононациональность города, в силу того, что предпочтение при заселении отдавалось выходцам из преимущественно славянских по составу населения регионов СССР. Как и в других новых городах, население в Железнодорожске увеличивалось за счет механического прироста, а рождаемость долгое время превышала смертность. Автор приходит к выводу, что процессы формирования населения г. Железнодорожска имели как общие для всех новых городов черты, так и характерные для «закрытых» атомных городов особенности.

Ключевые слова: «закрытый» город; ЗАТО; Железнодорожск; демография.

Феноменом эпохи научно-технической революции в СССР стали «закрытые» города, часть которых находится в Сибирском регионе. В СССР к категории закрытых относился ряд городов, имевших разную степень закрытости и подчинявшихся различным ведомствам военно-промышленного комплекса. По специализации ЗАТО можно разделить на шесть типов: 1) атомные города – 10 городов, находящихся в ведении Государственной корпорации по атомной энергии «Росатом»; 2) военно-морские базы; 3) поселения при ракетных частях и полигонах (эти ЗАТО находятся в ведении ракетных войск стратегического назначения или военно-космических сил России); 4) ЗАТО химического профиля; 5) поселки, поддерживающие военную связь; 6) центр разработки лазерного оружия – г. Радужный. До начала 1990-х гг. информация об этих городах была военной и государственной тайной; они не показывались на географических картах, сведения о них не приводились в справочниках и энциклопедиях. Поэтому история «закрытых» городов только начинает разрабатываться. Есть исследования, освещающие вопросы создания первой атомной бомбы, строительства первых радиохимических заводов, работы научно-исследовательских институтов и ход испытаний первой плутониевой бомбы [1–3]. С середины 1990-х гг. изучение истории закрытых административно-территориальных образований начинает развиваться в самих закрытых городах Минатома. В ряде городов вышли юбилейные издания в связи с празднованием 40- и 50-летий со дня их основания [4–8]. Однако в целом названные работы носят преимущественно публицистический характер.

Когда в середине 1950-х гг. в Сибири стали появляться «закрытые» города, заселение и проживание в них было ограничено и строго регламентировано. Первыми группами, составившими основную часть вольнонаемного населения города, были, во-первых, военные строители, которые могли остаться в городе после

демобилизации; во-вторых, специалисты и молодые люди, приехавшие по комсомольскому набору из разных регионов СССР; в-третьих, местное население ближайших деревень и городов Красноярского края. При этом все приезжающие в город проходили строгий контроль в соответствующих режимных органах на благонадежность. Следует учитывать и то, что в городе с момента его образования сохраняется строгий контрольно-пропускной режим, что затрудняет въезд/выезд граждан. Данные факторы не могли не повлиять на формирование особой идентичности жителей «закрытого» города, отличной от идентичности жителей сибирского региона в целом.

Особый статус «закрытого» города давал значительные привилегии и льготы – в эпоху дефицита населенные пункты этой категории имели лучшее снабжение, здесь был высок уровень образования и медицинского обслуживания, города были лучше распланированы и благоустроены, жителей меньше волновала жилищная проблема. Однако недостаток объективной информации порождал различные слухи о реальной и выдуманной опасности, что приводило к негативному отношению соседних поселений к «закрытым» городам.

Все это обуславливает научную и практическую значимость изучения истории образования и развития «закрытых» городов Советского Союза. Назрела необходимость объективно подойти к проблеме строительства «закрытых» городов, изучить специфику формирования населения, а также их развития в условиях изоляции. Автор проводил исследование данных проблем на примере г. Железнодорожска (Красноярский край), который можно считать типичным «закрытым» городом.

Из истории г. Железнодорожска. В СССР к концу 1940-х гг. ускоренными темпами шло строительство комплекса предприятий по производству компонентов ядерного оружия. По решению 1-го Главного Управления при Совете Народных Комиссаров СССР один из секретных заводов требовалось расположить близ реки или озера (для

забора воды на охлаждение реакторов), достаточно далеко от государственной границы, в сейсмичном районе, около крупного промышленного центра и обязательно – под землей. Ученые утверждали, что лишь 200-метровая толща земли гарантирует сохранность основного объекта от любого ракетно-бомбового удара.

Облетев на арендованном самолете территорию, руководители изыскательной экспедиции 1949 г. остановили свой выбор на районе деревни Додоново. Атамановский хребет здесь вплотную приближается к Енисею, огородив с востока довольно широкую долину, на которой можно построить жилой поселок. Хребет отлично подходил для сооружения секретного промышленного объекта: район практически сейсмичный, рядом р. Енисей, Транссибирская магистраль и крупный промышленный центр – г. Красноярск.

На основании инженерных изысканий красноярской и томской площадок 26 февраля 1950 г. И.В. Сталин подписал Постановление Совмина СССР № 826-302 сс/оп о строительстве комбината № 815. «Комбинат по производству плутония построить под землей в скальных породах с заглублением не менее 230 метров над потолком сооружений. Утвердить для строительства комбината площадку на реке Енисей, на правом его берегу, в 50 км ниже г. Красноярска», – говорилось в постановлении [9. С. 194–198].

Размещение поселка утвердили в предгорьях Атамановского хребта. 14 августа 1950 г. строители забили первый колышек на месте будущего города. Вопросы проектирования жилого поселка находились под пристальным вниманием А.П. Завенягина. Чтобы сократить сроки, застройку города было решено вести одновременно с южной и северной сторон, по просекам будущих улиц проложить временные грунтовые дороги и даже железнодорожные пути для доставки стройматериалов и деталей. С самого начала застройка велась комплексно: не только форсировалось строительство жилья, но одновременно вводились объекты соцкультбыта – школы, столовые, бани, кинотеатры.

В июне 1950 г. была организована дирекция строящегося Горно-химического комбината под условным (открытым) наименованием «Восточная контора Главгорстроя СССР» в составе: кураторское отделение, бухгалтерия, 1-й отдел, транспортный отдел, отдел кадров, отдел материально-технического снабжения. Горно-химический комбинат (ГХК) был запроектирован в составе трех производств: реакторного, радиохимического, металлургического. ГХК – это уникальный комплекс взаимосвязанных подземных сооружений, размещенных на значительной площади. Сооружение таких объектов потребовало неординарных технических решений от проектировщиков, горняков, строителей, монтажников и специалистов комбината. Горно-проходческие и строительные работы велись круглосуточно, широким фронтом.

18 августа 1958 г. начали загрузку рабочих урановых блоков в активную зону реактора. Она была

успешно завершена 19 августа. Далее предстояло выполнить ряд пусконаладочных работ, необходимых для подготовки реактора к подъему мощности. 28 августа был подписан акт о готовности и начальнику смены Н.П. Осипенко была дана команда на подъем мощности реактора, которая скоро достигла 260 МВт. Это была первая ступень, на которой разрешалось работать. Реактор АД и Горно-химический комбинат вступили в строй действующих предприятий страны.

В первом полугодии 1961 г. широким фронтом шли монтажные и пусконаладочные работы на реакторе АДЭ-1 (буква «Э» означает энергетический). 27 июля 1961 г. реактор был принят в эксплуатацию. 25 января 1964 г. реактор АДЭ-2 был введен на 1-ю ступень мощности, а 31 января был синхронизирован и включен в сеть первый турбогенератор на ТЭЦ. Первая в мире подземная атомная электростанция вступила в строй. Реактор АДЭ-2 впервые в СССР был введен в эксплуатацию сразу в энергетическом режиме. В это же время была разработана и впервые в мире внедрена схема использования тепла от реактора для теплоснабжения и горячего водоснабжения Красноярска-26.

Реализация таких амбициозных проектов в кратчайшие сроки не могла быть возможной без использования принудительного труда заключенных. Сооружение комбината № 815 было возложено на стройуправление № 994 Главпромстроя МВД СССР, а прокладка железнодорожной ветки от станции Базаиха (близ г. Красноярска) до площадки строительства комбината – на ГУЛЖДС (Главное управление лагерей железнодорожного строительства) МВД СССР. Работы вели заключенные ИТЛ «Гранитный». В конце 1950 г. на его основе был образован ИТЛ ДФ-9 «Полянский» в составе 5 000 заключенных [10. С. 23, 46]. Наличие среди заключенных значительного количества репрессированных инженерно-технических работников и других специалистов в первые годы строительства делало их предпочтительнее военнослужащих срочной службы. Основной задачей заключенных в г. Железногорске являлось выполнение горнопроходческих работ. Кроме того, в начальный период они широко использовались на вспомогательных производствах, в подсобном хозяйстве и строительстве гражданских объектов города. Ряд заключенных после амнистии или по окончании срока наказания в первые годы составили некоторую часть населения города, но позднее они подлежали выселению по режимным соображениям. В 1965 г. Полянский лагерь был ликвидирован. По подсчетам С.П. Кучина, с 1950 по 1964 г. через Полянский ИТЛ прошло 80 483 заключенных [Там же. С. 181, 184].

Помимо заключенных, в строительстве объектов МСМ и создании социально-бытовой инфраструктуры в больших масштабах применялись военно-строительные части. В строительстве объектов горно-химического комбината и населенного пункта при нем с 1949 по 1992 г. в общей сложности было задействовано около 60 войсковых частей различной численности и с разным

сроком дислокации на территории закрытого административно-территориального образования. В основном это были военно-строительные войска, железнодорожные и военно-строительные части, а также подразделения, обеспечивающие охрану объектов и лагерей [11]. Войсковые части выполнили основные объемы строительно-монтажных и отделочных работ на строительстве ГХК, промышленных объектах, жилье и объектах соцкультбыта. Солдаты принимали непосредственное участие в лесозаготовках, в работах на бетонных и асфальтобетонных заводах, ДОКе, РМЗ, на песчано-гравийных карьерах, на кирпичном заводе, на строительстве и обслуживании железной дороги и т.д. Использование заключенных и военных строителей было закономерным явлением в условиях экономической и политической обстановки в Советском Союзе в 1940–1950-е гг.

Особенности формирования населения г. Железногорска. Важную роль в становлении нового города играет процесс формирования постоянного населения. Можно выявить некоторые особенности становления и развития г. Железногорска, связанные со статусом ЗАТО.

Как и в других новых городах, в г. Железногорске увеличение населения происходило главным образом за счет механического прироста. В то же время приток вольнонаемной рабочей силы был невелик, поскольку основной объем работ по сооружению объектов ГХК, прокладке транспортных коммуникаций, закладке первичной социально-бытовой инфраструктуры города выполняли заключенные и военные строители. В начале 1950-х гг. они составляли основу населения объекта.

Преобладающими формами пополнения трудоспособного населения в новых городах являлся общественный призыв молодежи, а также переезд по собственной инициативе, перевод в составе производственных коллективов, направление после окончания учебного заведения.

Важным источником увеличения населения были жители центральных и восточных областей СССР, которые привлекались вербовщиками. Такая работа проводилась уже с 1954 г. В 1955 г. для работы на строительстве было завербовано 2 334 человека [12. С. 40].

Отбор также проводился в воинских частях, расположенных на территории строительства. Представители отдела кадров также выезжали в воинские части, расположенные от Урала до Владивостока. Ежегодно из воинских частей на строительство прибывали 200–300 человек. Бывшим солдатам, согласившимся работать на строительстве, устанавливались льготы и разные денежные пособия [13. С. 50].

Одной из основных проблем являлось отсутствие необходимого профессионального уровня переселенцев. По общественному призыву приезжала в основном молодежь в возрасте от 18 до 24 лет. Большинство добровольцев получили лишь начальное образование и не имели опыта строительных работ. Одни в силу молодости еще нигде не работали, другие имели такие специ-

альности, которые в данный момент не требовались [14. Д. 1–35]. Многим переселенцам приходилось на месте обучаться требовавшимся в данный момент специальностям. Так, к началу 1957 г. из числа добровольцев на строительстве работали 1 630 человек, а в субподрядных организациях – 332. Подлежали обучению 1 059 человек. Прошли обучение с присвоением разрядов 760 человек, в том числе: каменщиков – 148, маляров – 122, монтажников крупных блоков – 41, плиточников – 21, крановщиков башенных кранов – 34, штукатуров – 83, плотников – 39, бетонщиков – 43 [13. С. 51]. При этом наиболее трудоемкую работу выполняли военные строители и заключенные.

Несмотря на режимность, имела место обратная миграция. В 1965–1966 гг. количество выехавших из города было 4 499 человек, что составляло 7–8% от общего количества жителей (по данным паспорта города по состоянию на 1 января 1966 г.) [15. Д. 2]. Причины обратной миграции в первые годы строительства ЗАТО г. Железногорск могло быть несколько: сложные природно-климатические условия, непривычные для выходцев из европейской части СССР, и бытовая неустроенность в первые 5–10 лет. Существенную роль также играли непривычные режимные ограничения на въезд и выезд, ввоз родственников.

На рис. 1 отражен процесс ротации населения в г. Железногорске. В первые годы заметно превышение прибывшего населения над выехавшим. Это связано с целенаправленным привлечением дополнительной рабочей силы и ее выездом из-за неудовлетворенности условиями труда и проживания на таежной строительной площадке. Позднее, по мере образования семей, переселенцы закреплялись на новом месте жительства и происходила определенная стабилизация. В 1970-е гг. происходит выравнивание количества выехавших и въехавших. Некоторое возрастание численности выехавших в 1980-х гг. связано с отъездом молодежи на учебу и нехваткой рабочих мест на предприятиях города. Миграционные процессы в 1970–1980-е гг. стали более плавными, что свидетельствует о том, что формирование постоянного населения города к этому времени в основном завершилось.

Как видно из рис. 2, население города увеличивалось высокими темпами. В 2004 г. был преодолен стотысячный рубеж. Как и в прочих новых городах, в г. Железногорске рождаемость значительно превышала смертность. Это обстоятельство можно объяснить тем, что в город прибывала в основном самая мобильная группа населения в возрасте от 20 до 40 лет. Жителей преклонного возраста было на порядок меньше. Долгое время механический прирост населения превышал естественный, а механическая убыль преобладала над смертностью. Однако к началу 1990-х гг. разница этих показателей сократилась, что, в основном, связано с естественным «старением» населения (повышением среднего возраста горожан).

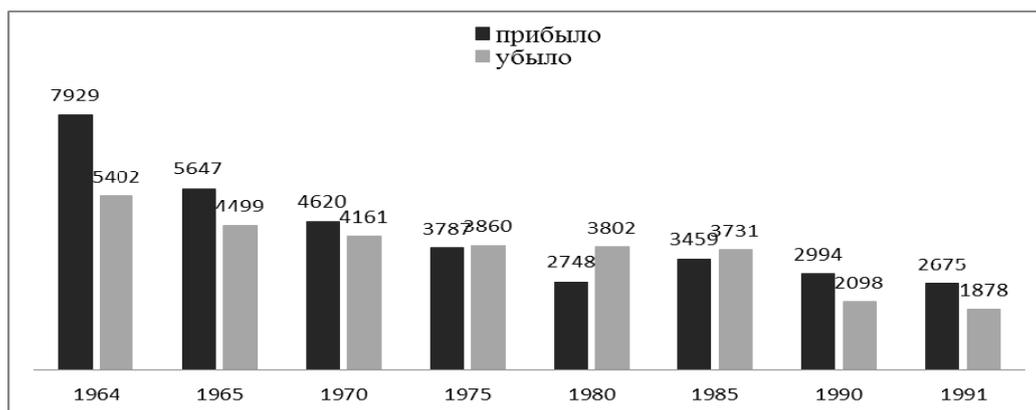

Рис. 1. Количество выехавших и прибывших в г. Железнодорожский в 1964–1991 гг. (по данным паспортов города за 1965–1991 гг.) [15. Д. 1–23, 25, 27, 29, 31; 16. Д. 87]

Рис. 2. Общая численность населения 1964–1990 гг. (по данным паспортов города за 1965–1990 гг.) [15. Д. 1–23, 25, 27, 29, 31]

К числу особенностей города следует также отнести характер его национального состава. Хотя он и был разнообразным с первых дней строительства города, но русские преобладали. По данным переписи 1989 г., русские составляли 91,1%, украинцы – 3,3%, белорусы – 1,0% [17]. На строительство молодого города съехались представители 116 регионов Советского Союза – в том числе из 65 краев и областей России, 21 области Украины, 5 областей Белоруссии, 9 территорий Казахстана. В городе работали специалисты из Узбекистана, Прибалтики, Таджикистана, Туркмении, Грузии, Молдавии, Армении и Азербайджана [18. С. 141–142]. При этом режимными органами (в том числе и вербовщиками) проводился отбор кандидатов по национальному признаку – предпочтение отдавалось представителям славянских народов, в то время как выходцев с Кавказа ограничивали во въезде в город; на высококвалифицированные должности предпочитали приглашать евреев. В итоге образовался мононациональный по составу населения город с русской культурой и ментальностью.

Демографическая ситуация неблагоприятно влияла на социальный климат молодого города. В условиях быстро растущего населения, большую часть которого составляла молодежь, задача обеспечения правопоряд-

ка была весьма сложной. Специфические условия, в которых происходило формирование населения города, оказывали существенное воздействие на криминогенную обстановку, которая имела особое значение для режимного объекта. Обеспечение контроля за соблюдением правопорядка было одной из важнейших составляющих режима в ЗАТО.

Стабилизации криминальной обстановки в значительной мере способствовали специфические условия закрытого города: строгий паспортный контроль; обязательная проверка вновь въезжающих лиц на благонадежность и лояльность; запрет на поселение в режимной зоне лиц, осужденных по определенным статьям уголовного кодекса; выселение утративших производственные связи с предприятиями города граждан; лишение права въезда/выезда за нарушение режима; более благоприятные условия снабжения товарами народного потребления; более высокий уровень бытового обслуживания; поддержка художественной самодеятельности, спорта, активного отдыха и т.п. [13. С. 65].

Проблемы охраны правопорядка тесно связаны с обеспечением особого режима проживания, который является одним из наиболее характерных отличий закрытых городов Министерства среднего машиностро-

ния СССР (Минсредмаш). Сохранение секретности строившегося объекта явилось одним из важнейших условий обеспечения безопасности стратегического производства. Впервые целые города были превращены в закрытую режимную зону. Охрана государственной тайны считалась обязанностью не только сотрудников режимно-секретных служб, но и всех участников строительства: от вольнонаемных и военных строителей до заключенных. Эти требования распространялись на всех без исключения жителей города, даже не связанных напрямую с основным производством. Лицам, имевшим непосредственное отношение к объекту, при посещении иностранных выставок запрещалось давать отзывы, сообщать фамилию, место работы и адрес, а также заказывать на выставках в частном порядке литературу. В период отпуска или командировок им не разрешалось оставаться в подведомственных «Интуристу» гостиницах, посещать иностранные представительства, посольства, консульства, вступать в контакт с иностранцами, поддерживать с ними письменную связь, уезжать в туристические поездки за границу и т.д. Горожанам рекомендовалось говорить, что они живут в Красноярске или в военном городке, не вдаваясь в какие-либо подробности.

Серьезное внимание уделялось сохранению в тайне сведений не только о характере объекта, но и о месте его дислокации. В связи с этим периодически изменялись условные наименования промышленного объекта и населенного пункта. Например, горно-химический комбинат г. Железногорска в разные годы именовался Восточной конторой, комбинатом № 815, п/я 20, п/я 135, п/я А-3487 и др. В целях конспирации объект в открытой переписке указывался как «строительство железных рудников». Это название призвано было объяснить предназначение поступавшей на строительство горнодобывающей техники [13. С. 78, 83].

Важной составной частью режима ЗАТО являлся контроль над перемещением населения. Для регулирования въезда/выезда из города была введена пропуск-

ная система. Выезд за пределы зоны разрешался только по служебной необходимости и работникам объекта, проживающим в прилегающих к городу населенных пунктах. Предусматривался также выезд на санаторно-курортные лечения и при некоторых исключительных обстоятельствах (смерть или тяжелая болезнь близкого родственника, свадьба детей). В каждом случае требовалось получить разрешение у руководства режимной службы. При этом устанавливались и строго контролировались сроки пребывания вне города.

Тем не менее очевидно, что сохранить в тайне место нахождения и все сведения о таком крупном объекте, как ГХК, и о городе с большим количеством населения в течение длительного периода времени было практически невозможно.

Таким образом в формировании населения г. Железногорска присутствовали как общие для всех новых городов черты, так и характерные для ЗАТО Минсредмаша особенности. В частности, как и в других закрытых городах, на первом этапе строительства (1950–1960-е гг.) основную часть населения составляли заключенные и военные строители. Когда же основные строительные работы на комбинате были закончены, эти категории населения города стали заменять вольнонаемными работниками. Заключенным было запрещено оставаться на территории закрытых городов, поселение же здесь военных строителей, наоборот, приветствовалось. На жизнь в городе во многом влиял режим секретности: это не только трудности с въездом/выездом из города, но и присутствие режимных служб, которые проверяли на благонадежность каждого желающего поселиться в городе. В первые несколько десятилетий существования города были заметны следующие тенденции: преобладание молодого населения, отсюда – рождаемость превышала смертность, значительное число горожан имели высшее или среднее специальное образование, механический прирост населения превышал естественный.

ЛИТЕРАТУРА

1. Головин И.Н. Кульминация // Спутник. 1992. № 4.
2. Антонов-Авсеев А. Атомный король // Спутник. 1992. № 4.
3. Создание первой советской ядерной бомбы. М., 1995.
4. Ануриев Ю.П. Новоуральск. Годы и судьбы. Екатеринбург : Средн.-Урал. кн. изд-во, 1995.
5. Заречный: История закрытого города. 1958–1998 / ред.-сост. А.П. Киреев. Заречный, 1998.
6. Лесной: история закрытого города / сост. Т.В. Шипулина. Екатеринбург, 1997.
7. Томск-7 // Совершенно открыто. 1993. № 1.
8. Город (Железногорск) в цифрах // Совершенно открыто. 1994. № 3.
9. Атомный проект СССР. Документы и материалы: в 3 т. / под общ. ред. Л.Д. Рябева. Т. II: Атомная бомба. 1945–1954. Кн. 5 / отв. сост. Г.А. Гончаров. М. : Наука; Саров: РФЯЦ-ВНИИЭФ, 2005.
10. Кучин С.П. Полянский ИТЛ (ГУЛАГ – уголовный). Железногорск (Красноярск-26), 1999.
11. Кучин С.П. Созидатели в пилотках. Красноярск-26, 1994.
12. Фролов А.А. Сибхимстрой: 50 лет в строю. Красноярск, 2000.
13. Реут Г.А., Савин А.П. Становление и развитие г. Железногорска (Красноярск-26) как закрытого административно-территориального образования атомной промышленности (1950–1991 гг.). Красноярск, 2007.
14. По данным переписи населения 1959 г. // Железногорский городской архив (далее – ЖГА). Ф. Р-4. Оп. 1а.
15. ЖГА. Ф. Р-4. Оп. 4.
16. ЖГА. Ф. Р-4. Оп. 1.
17. Город и горожане (Железногорск). 1994. 5 авг.
18. Кучин С.П., Просвирина А.А. Биография МО ЗАТО Железногорск (Красноярск-26). Красноярск : Буква, 2006.

Rasskazchikova Albina A. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: dream91.07@gmail.com

DEMOGRAPHIC FEATURES OF THE POPULATION FORMATION OF THE "CLOSED" CITY ZHELEZNOGORSK (KRASNOYARSK REGION).

Keywords: the "closed" city; the closed administrative-territorial entity; Zheleznogorsk; demography.

In the given article the features of the population formation of Zheleznogorsk (Krasnoyarsk region) as a "closed" city are discussed. The first nuclear reactor of the Krasnoyarsk Mining and Chemical Combine was put into operation within 8 years after the beginning of its construction. This became possible thanks to the widespread use of the forced labor of prisoners, and in the future – of military constructors. During 15 years of existence of the labor camp "Polyanskiy" based on the territory of Zheleznogorsk over 80 thousands of prisoners passed through it. The use of prisoners' and military constructors' labor was a natural phenomenon in the economic and political conditions of the Soviet Union in 1940–1950-s. Population formation was greatly influenced by the secrecy regulations that in the first years of the city construction became a negative factor in the decision to move to the city, although it later helped stabilize the crime situation. Nevertheless the special status of the "closed" city gave significant privileges and benefits: in that period of shortage settlements of this category had a better supply, they had a high-level education and medicine service, those cities were better planned and well-organized, their population was less worried about the living conditions. The main forms of the employable population reinforcement in new cities were public appeal to the youth, moving on one's own initiative, transfer together with the working stuff, as well as the placement after graduation from the educational institutions. During the first years of the city construction one of the main problems was the lack of necessary professional education level of the resettlers. Most of the young people aged 18 to 24 came to this city by the public appeal to the youth. Many of the resettlers had to learn demanded professions on the spot. Another feature is the "artificially created" mono-ethnic population of the city, due to the fact that the preferences were given to immigrants from the regions of the USSR with mainly Slavic population. Like in other new cities, the population of Zheleznogorsk increased due to mechanical growth, and the birth rate exceeded the death rate for a long time. However by the beginning of 1990-s the difference between these indicators decreased mainly because of the natural "ageing" of the city population (the increase of average age of citizens). The author concludes that the processes of formation of the Zheleznogorsk population had common traits as in all new cities, and also specific features of the "closed" nuclear cities.

REFERENCES

1. Golovin, I.N. (1992) Kul'minatsiya [The culmination]. *Sputnik*. 4.
2. Antonov-Avseenko, A. (1992) Atomnyy korol' [The Atomic King]. *Sputnik*. 4.
3. Mikhailov, V.N. (1995) *Sozdanie pervoy sovetskoy yadernoy bomby* [The first Soviet nuclear bomb]. Moscow: Énergoatomizdat'.
4. Anur'ev, Yu.P. (1995) *Novoural'sk. Gody i sud'by* [Novouralsk. Years and fates.]. Ekaterinburg: Mid-Urals Book Publ.
5. Kireev, A.P. (ed.) (1998) *Zarechnyy: Istoriya zakrytogo goroda 1958–1998* [Zarechnyi: The history of a forbidden town. 1958–1998]. Zarechnyy: Zarechnyy Town Administration.
6. Shipulina, T.V. (ed.) (1997) *Lesnoy: istoriya zakrytogo goroda* [Lesnoy: The history of a forbidden town.]. Ekaterinburg: Mid-Urals Book Publ.
7. Anon. (1993) Toms-7 [Tomsk-7]. *Sovershenno otkryto*. 1.
8. Anon. (1994) Gorod (Zheleznogorsk) v tsifrakh [Zheleznogorsk in figures]. *Sovershenno otkryto*. 3.
9. Ryabev, L.D. (ed.) (2005) *Atomnyy projekt SSSR. Dokumenty i materialy: v 3 t.* [The USSR Atomic Project. Documents and materials. In 3 vols]. Vol. II. Moscow: Nauka; Sarov: RFYaTs-VNIIEF.
10. Kuchin, S.P. (1999) *Polyanskiy ITL (GULAG – ugovolnyy)* [The Polyanski Corrective Labour Camp (The Criminal Gulag)]. Zheleznogorsk (Krasnoyarsk-26): Exhibition Centre.
11. Kuchin, S.P. (1994) *Sozdateli v pilotkakh* [Constructors in forage caps]. Krasnoyarsk-26: Exhibition Centre.
12. Frolov, A.A. (2000) *Sibkhimstroy: 50 let v stroyu* [Sibkhimstroy: 50 years]. Krasnoyarsk: Ofset.
13. Reut, G.A. & Savin, A.P. *Stanovlenie i razvitie g. Zheleznogorska (Krasnoyarsk-26) kak zakrytogo administrativno-territorial'nogo obrazovaniya atomnoy promyshlennosti (1950–1991 gg.)* [The formation and development of Zheleznogorsk (Krasnoyarsk-26) as a forbidden administrative-territorial formation of the nuclear industry (1950–1991)]. Krasnoyarsk.
14. The Zheleznogorsk City Archives. *Po dannym perepisi naseleniya 1959 g.* [According to the 1959 census]. Fund R-4. List 1a.
15. The Zheleznogorsk City Archives. Fund R-4. List 4.
16. The Zheleznogorsk City Archives. Fund R-4. List 1.
17. *Gorod i gorozhane*. (1994). 5th August.
18. Kuchin, S.P. & Prosvirin, A.A. *Biografiya MO ZATO Zheleznogorsk (Krasnoyarsk-26)* [The biography of MO Zheleznogorsk (Krasnoyarsk-26)]. Krasnoyarsk: Bukva.

А.А. Кузнецова

УЧАСТИЕ СИБИРСКИХ ДИССИДЕНТОВ В ДВИЖЕНИЯХ ЗА СВОБОДУ ВЫБОРА СТРАНЫ ПРОЖИВАНИЯ И ЭМИГРАЦИИ В 1960–1980-х гг.

Рассматриваются причины формирования и развития движений сибирских диссидентов за свободу выбора страны проживания и эмиграции. Анализируются методы государственной власти, препятствующие выезду за пределы СССР. Показаны основные способы борьбы диссидентов с нарушениями права на выезд и эмиграцию в Советском Союзе. Особое внимание уделяется национальным и религиозным движениям региона: немцам и евреям, баптистам и пятидесятникам. Рассмотрены численные показатели эмигрировавших в данный период времени.

Ключевые слова: эмиграция; диссиденты; инакомыслие; история Сибири.

Вопрос эмиграции – один из наиболее значимых в полемике диссидентов 1960–1980 гг. Мнения известных диссидентов А.Д. Сахарова и А.И. Солженицына на этот счет всегда были кардинально противоположные. Александр Исаевич не принимал веры Андрея Дмитриевича в «предпочтительную важность эмиграции перед всеми видами других прав остающегося населения» [1. С. 117].

Дискуссия была открытой. Признавая, что «всякое препятствие эмиграции есть дикость, не достойная цивилизованной страны», Солженицын, однако, считал, что «эмигрируют, в общем, те, кто бегут, спасают себя от наших ужасных условий. Гораздо более мужественные стойкие люди остаются для того, чтобы исправить положение, чтобы добиться улучшения» [2]. За эту позицию эмигранты 1970-х гг. упрекали Солженицына

неоднократно, он же отвечал: «Эмиграция – всегда и везде слабость, отдача родной земли насильникам» [2].

Период 1960–1980-е гг. вошел в так называемую «третью волну эмиграции» (1948–1986) – это есть вся эмиграция периода «холодной войны», так сказать, между поздним Сталиным и ранним Горбачевым. Количество ее укладывается примерно в полмиллиона человек [3].

Сумма показателей «третьей волны», согласно С. Хайтману, такова: за 1948–1986 гг. СССР покинуло около 290 тыс. евреев, 105 тыс. советских немцев и 52 тыс. армян (еврейская, немецкая и армянская линии, таким образом, были наиболее реальными способами выезда из СССР). Внутри этого периода С. Хайтман различает три специфических подэтапа: 1948–1970, 1971–1980 и 1980–1985 гг. (таблица).

Эмиграция из СССР евреев, немцев и армян (1948–1985 гг.) [3]

Период	Евреи, чел.	Евреи, %	Немцы, чел.	Немцы, %	Армяне, чел.	Армяне, %	Итого, чел.	Итого, %	В среднем
1948–1970 гг.	25 200	8,7	22 400	21,4	12 000	23	59 600	13,3	2 700
1971–1980 гг.	248 900	85,8	64 200	61,1	34 000	65,5	347 000	77,7	34 700
1981–1985 гг.	15 900	5,5	18 400	17,5	6 000	11,5	40 300	9	8 000
Всего	290 000	100	105 000	100	52 000	100	447 000	100	–

Таким образом, можно судить о том, что еврейская эмиграция преобладала на первых двух этапах, немецкое же население отличалось меньшей активностью, чем евреи.

В 1970-е – первой половине 1980-х гг. еврейская интеллигенция подсоединилась к борьбе за национальные права, создавались кружки по изучению иврита и истории Израиля. В этот период государство продолжало дискриминационную политику в отношении евреев, высылало за рубеж активистов диссидентских объединений.

Что касается Западной Сибири, в 1950–1960-х гг. организованные еврейские общины здесь сохранялись лишь в отдельных городах, например в Новосибирске; однако здесь не было ни раввинов, ни канторов, ни резников (должностные лица общины). В таких крупных центрах, как Омск и Томск, не оставалось ни одной функционирующей синагоги [4]. Поэтому говорить о массовом движении евреев в Израиль именно с тер-

ритории Западной Сибири, по нашему мнению, не приходится.

Одним из способов борьбы за право на эмиграцию еврейского народа из Сибири были открытые письма евреев-отказников, которые они направляли в адрес правительства СССР, а также секретарю ООН. Так, в 1982 г. семь евреев из Новосибирска написали письмо, в котором просили обратить внимание на ситуацию в отношении «отказников по режимным соображениям», к которым применялось ограничение на выезд за пределы СССР. В своем письме они просили ООН способствовать выполнению их просьбы, адресованной Президиуму Верховного Совета СССР, что могло бы повысить, по их мнению, взаимное доверие стран, без чего невозможны ни разоружение, ни прочный мир на планете [5].

Одним из подписавших это письмо был Феликс Кочубиевский, которого впоследствии обвинили в «изго-

товлении и распространении заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй». В материалах приговора говорится о том, что Ф. Кочубиевский написал и размножил на своей пишущей машинке юридическое пособие под названием «Правовые основы выезда из СССР на постоянное жительство в другие государства». Автор пособия приходит к выводу, что в СССР нарушаются права человека.

Это было не единственное издание автора, «порочащее Советский Союз». В сентябре 1979 г. Ф. Кочубиевский написал доклад «За дружбу народов СССР и Израиля», из которого, как посчитало следствие, вытекает, что правительство СССР якобы не заботится об информации советского народа об Израиле, что вся информация сводится к извращенной критике сионизма. Доклад был размножен и автор ознакомил с его содержанием свою жену, также содержание доклада он передал по телефону в Израиль.

Феликс Кочубиевский продолжал писать книги и открытые письма, адресованные главам западных государств, Организации Объединенных Наций, а также правительству СССР.

Когда состоялся суд, автор не признал свою вину. Он утверждал, что ни в одной из своих работ не было сведений, порочащих советский общественный и государственный строй. Однако суд признал эти заявления несостоятельными и приговорил его к 2,5 годам лишения свободы в исправительно-трудовой колонии общего режима [6].

Понятие «движение за эмиграцию» не следует упоминать только в контексте еврейского движения за выезд в Израиль, иначе стирается международное значение права на свободу эмиграции и возвращение людей на историческую родину. Стремление вернуться на родину возникало у каждого народа, который подвергался гонению властей. Кроме того, в упомянутом еврейском движении не всегда участвовали только евреи.

Эмиграция из Западной Сибири, конечно, не была столь массовой, как в Центральном регионе. Кроме того, здесь вопрос эмиграции был тесно переплетен с религиозными притеснениями. Отсюда в основном старались уехать члены религиозных групп баптистов и пятидесятников, для которых легальная регистрация своих общин была осложнена большим количеством заведомо невыполнимых условий. Повсеместно сотрудники ОВИРа старались создать многочисленные препоны для желающих покинуть СССР.

Наступление на церковь и религию проводилось и с использованием административных методов. По постановлению Совета Министров СССР «О монастырях в СССР» от 16 октября 1958 г. в стране закрывалось около 50% действующих храмов, монастырей и молитвенных домов. К 1961 г. по заданию ЦК КПСС органам власти, осуществлявшим связь правительства с религиозными организациями (Совет по делам Русской православной церкви и Совет по делам религиозных куль-

тов), была разработана серия инструкций, в основу которых легло Постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях» от 1929 г. Инструкции юридически закрепляли запреты на некоторые сферы канонической, социальной, административно-хозяйственной деятельности церкви. В частности, запрещалось основывать кассы взаимопомощи и оказывать материальную поддержку участникам ассоциации, организовывать собрания и кружки по религиозному просвещению, неподконтрольно распространять религиозную литературу, без разрешения административных органов проводить церковные совещания и съезды, самовольно назначать церковных глав и т.д. Верующее население очень негативно отреагировало на антирелигиозные и антицерковные деяния властей [7]. В среде верующих союза церковью евангельских христиан – баптистов и поддерживающих их требования части меннонитских общин, было зафиксировано в начале 1970-х гг. усиление эмиграционных настроений на выезд в ФРГ. Невзирая на советско-западногерманский договор 1970 г. и международную разрядку, выезд из СССР в 1970-е гг. по-прежнему оставался закрытым.

Лидер одной из групп пятидесятников Г. Ващенко открыто в 1970 г. заявил, что «...советские законы направлены на уничтожение всех верующих... Нас сажают только за веру, в стране нет свободы, все делается на износ и истребление верующих – отпустите нас в другую страну» [8. С. 110].

Баптистские общины в некоторых районах региона наполовину состояли из представителей немецкой национальной группы. Требования на эмиграцию проще реализовывались в среде верующего населения: большая часть членов протестантских общин являлись родственниками, и если кто-то из общины выезжал в ФРГ, то по цепочке духовно-родственных связей осуществлялся выезд остальных членов [7. С. 133].

Управление КГБ контролировало граждан, которые переписывались с родственниками и друзьями за границей. В период 1970-х гг. 350 немцев, живших в Томской области, сохраняли постоянную письменную связь с родственниками, знакомыми, благотворительными объединениями и официальными организациями западных стран. 280 человек (80%) из них были в возрасте от 50 лет и старше. Переписка шла с адресатами из ФРГ (264 человека), США и Канады. Более ста человек систематически получали из ФРГ посылки. В целом переписка носила семейно-бытовой или дружеский характер. Но часто знакомые и родственники писали о лучших условиях жизни на Западе: хорошие квартирные условия, отсутствие очередей, обилие продуктов и промышленных товаров на прилавках магазинов, многочисленные льготы и пособия людям, приезжавшим на постоянное жительство в ФРГ из Советского Союза. Иногда с письмами присылали вырезки из газет Западной Германии о том, что в 1970 г. СССР и ФРГ заключили договоренность о разрешении выезда значительной части советских немцев [9]. Так, много-

численные желающие покинуть Советский Союз не оставляли надежду на скорейшее возвращение домой и улучшение своего положения.

В период с 1953 по 1987 г. в ФРГ в среднем в год прибывали 37 тыс. переселенцев. В 1950–1987 гг. 62% переселенцев приехали из Польши, 15% – из Румынии и 8% из СССР, хотя здесь этнических немцев было больше всего [10].

Управление КГБ вместе с партийными властями проводили профилактические меры по предупреждению эмиграционных настроений. В частности, применялся следующий метод: некоторые немцы, выехавшие из СССР в Западную Германию, в посланиях к родственникам рассказывали о том, что не могут привыкнуть к новым условиям жизни. По этим посланиям эмигрантов в областных, районных и городских газетах выпускались статьи. К примеру, были напечатаны статьи в Томском «Красном знамени» («На Рейне туман», март 1977 г.), в «Шахтерской правде» г. Прокопьевска («Запоздалое раскаяние» в 1980 г.) [9]. Многие лица немецкой национальности, которые хотели эмигрировать в ФРГ, под влиянием суровой идеологической кампании были вынуждены отказаться от выезда. Наличие за границей членов семьи, желание соединить семью, помочь престарелым родителям, наследовать оставленное по завещанию имущество и другие ценности – главные причины эмиграционных настроений немецких жителей, которые указывали в заявлениях о выезде. Увеличению ходатайств о выезде за границу способствовало получение вызовов от родственников с указанием возможности быстрого получения жилья и высокооплачиваемой работы. Отдельных лиц привлекал «наивысший» уровень жизни на Западе, возможность заниматься частным предпринимательством. Наиболее замкнуты в общении и обижены тем, что после репатриации они не были возвращены к бывшему месту жительства, были люди старшего поколения, а находясь на спецпоселении, они иногда ощущали к себе враждебное отношение со стороны коллег по месту работы и соседей [Там же. С. 149].

Часто в Томске и городах Кузбасса квалифицированными рабочими на предприятиях (газозлектросварщики, слесари) были мужчины-немцы, принадлежавшие к протестантской вере, которая известна своей этикой, где человек спасает свою душу постоянным трудом. Выполняя работу, человек следует божественным заповедям. Это и есть священный долг человека протестантской веры. Но жесткий режим СССР ограничивал частную инициативу и не давал полностью удовлетворить собственные потребности. Многие представители немецкой национальности были недовольны советской уравнилельной системой. Принадлежность к национальности Запада, кроме всего прочего, приводила к тому, что немцы, работающие на предприятиях, меньше награждались и поощрялись [11].

Поэтому не случайно в 1970-е гг. немцы-протестанты, занятые квалифицированной работой,

активно добивались выезда на историческую родину. К примеру, в Юрге (Кемеровская область), по данным Кемеровского обкома КПСС, наибольшее число немцев работало в тресте «Юрпромстрой» – 318, из них 10–12% строили планы на эмиграцию, несмотря на обеспеченность жильем и автомашинами. Одной из причин желания возвратиться на историческую родину был как раз более низкий уровень жизни в СССР по сравнению с ФРГ. Активно ходатайствовали в Томске о выезде из СССР квалифицированные рабочие (строгальщики, слесари, механики, технологи, настройщики, мастера и др.) заводов «Сибэлектромотор», ГПЗ-5, электролампового, измерительной аппаратуры, стройматериалов [Там же].

В написанном в 1984 г. письме, обращенном к правительству СССР, 84 гражданина немецкой национальности выражали свою позицию: «Человек должен иметь свои культурно-исторические национальные корни, а также благодатную почву для их роста и развития. Это в основном и заставляет нас покинуть эту страну, в лице которой мы так и не обрели настоящей Родины, подлинно национального равноправия» [12].

Группа немцев из Новосибирска, добивавшаяся улучшения условий жизни немцев в СССР и поэтому подвергавшаяся репрессиям, писала в 1982 г., что жизнь в подобных условиях для них уже невыносима и что у них только один выход – это выезд к родственникам и друзьям на историческую родину. В этих же документах можно увидеть, что факт существования в Германии родственников и знакомых укреплял веру в то, что истинная родина – это Германия [Там же]. Трудно сказать, какое влияние на решение покинуть страну имели бы облегченные условия для путешествия за границу. Но можно сделать вывод, что в отдельных случаях именно ограниченность свободы путешествий привела к решению выехать в Германию к родственникам.

После ввода советских войск в Афганистан, в начале 1980-х гг., серьезно увеличилась конфронтация между Советским Союзом и государствами Запада. В итоге количество положительных решений о выезде немцев за границу снизилось. Так, в 1979 г. из СССР выехали 7 226 немцев, в 1980 г. – 6 650, но в 1981 г. – лишь 3 723, а в 1982 г. – 1 958. В это время в Советском Союзе осуществлялось активное глушение западных радиостанций. В отношении деятелей национального движения и верующих органы власти усилили методы административного давления. Но в первой половине 1980-х гг. немцы получали обширные сведения из-за границы, невзирая на глушение радиостанций и фальсифицированную информацию о Западе в советской печати [9]. В условиях холодной войны многие немцы были наиболее опасны для государственных органов, так как продолжали переписку с родственниками из стран Запада, что могло существенно влиять на эмиграционные настроения.

В марте 1981 г., как сообщает 63-й выпуск «Хроники текущих событий», в Новосибирске Владимир Ко-

зицкий, Юрий Мироханов, Валерий Дедушев и Эмиль Горбман обратились к председателю облисполкома В.А. Филатову с просьбой зарегистрировать демонстрацию, которую они собирались провести 25 апреля под лозунгами: «Вся власть Советам! Да здравствует демократия! Каждый человек имеет право покидать любую страну, включая собственную, – Закон СССР от 1976 г.» [13]. Авторы заявляли, что цель их мирной демонстрации – обратить внимание общественности на вопиющие факты нарушения и игнорирования административными органами Новосибирска законов СССР. Информационное письмо о предстоящей демонстрации было разослано в многочисленные партийные и административные инстанции, а также на имя Л.И. Брежнева, в Президиум Верховного Совета СССР, Комитет народного контроля СССР и Политбюро ЦК КПСС.

Однако данной демонстрации не суждено было состояться, так как 15 апреля эта же группа лиц была вызвана в облисполком, где с каждым из них была проведена беседа комиссией из 9 человек, включавшей в себя представителей организационного отдела облисполкома, УВД, ОВИРа, помощника прокурора области, заместителя председателя областного суда, представителя отдела юстиции облисполкома.

Председатель комиссии Ф.И. Жукевич сообщил, что комиссия от имени облисполкома запрещает демонстрацию по следующим причинам: 1) заявлено слишком мало участников; 2) участники не представляют собой организацию; 3) предлагаемые лозунги антисоциалистические, антисоветские, незаконные.

Противозаконные лозунги комиссия даже попыталась обосновать, предъявив газету с напечатанными в ней призывами ЦК КПСС к демонстрации 1 мая. Указав на них, докладчик сообщил: «Вот они, законные лозунги!» [Там же].

Виновники несостоявшейся демонстрации направили письмо в адрес прежних инстанций, сообщая о прошедшем инциденте. Авторы заявили, что считают доводы комиссии незаконными. В конце письма они ходатайствовали о переносе срока демонстрации предположительно на 5 июля [Там же]. Упоминаний о данной демонстрации более не встречалось в «Хронике текущих событий», из чего можно сделать вывод, что она так и не состоялась из-за опасений властей.

Таким образом, в Западной Сибири в данный период борьба за свободу выбора страны проживания и эмиграции проявлялась преимущественно в движении

советских немцев за выезд в ФРГ. Причиной их формирования и становления явилась политика дискриминации и ассимиляции, проводимая СССР в отношении немецких переселенцев.

В конце 1960 – начале 1970-х гг. в условиях изменения международной обстановки, усиления внимания мирового общественного мнения к правам человека в СССР и развития правозащитного движения эмиграционная деятельность немцев получила свежий импульс. Исполняя решения партийных органов, административные службы в западносибирских городах придумывали новые ухищрения, которые препятствовали немецкой эмиграции из СССР. Типичным ответом на ходатайство о выезде был отказ. Менее активны были еврей-отказники, так как в этом регионе их численность была невелика по сравнению с немцами. По данным переписи населения 1970 г., в Новосибирской, Омской и Томской областях проживали 194 995 немцев, евреев же только 22 304 человека [14].

В Сибири количество выехавших немцев было значительно больше эмигрировавших евреев. Но и отказов немцам в выезде было немало. Однако и представители еврейской национальности старались всеми возможными способами добиться своих прав в области эмиграции: они писали открытые письма в адрес правительств западных стран, старались распространить информацию о сложностях, возникающих при попытке покинуть страну.

Важной частью движения за эмиграцию были баптисты и пятидесятники, которых государство по-прежнему подвергало гонениям и исключало возможность беспрепятственной регистрации их общин, что и служило основным мотивом для выезда из СССР. Кроме того, их ущемляли в зарплате, лишали льгот, на которые они имели право. Верующие общин Сибири, несмотря на все сложности, прикладывали усилия для эмиграции, утверждая, что не может сосуществовать христианская идеология с советским режимом.

Рассмотренные нами движения в сибирском регионе явились органической составляющей борьбы за права человека в Советском Союзе, которые сумели внести собственный вклад в утверждение в стране права на свободу выбора места жительства, эмиграции и передвижения. Их объединило понимание исключительности общесоциальной важности права на выезд как для покидающих страну, так и для остающихся как гарантии выполнения всех социальных и гражданских прав и свобод.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сахаров А.Д. О стране и мире // Сахаров А.Д. Тревога и надежда. М., 1991.
2. Солженицына Наталья: с ног на голову. Александр Солженицын не призывал к эмиграции // Новая газета : электрон. период. издание. 14.04.2014. URL: <http://www.novayagazeta.ru/society/63170.html>, свободный (дата обращения: 16.01.2015).
3. Полян П. Эмиграция: кто и когда в XX веке покидал Россию // ДемоскопWeekley : электрон. период. издание. 2006. № 251–252. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2006/0251/analit01.php>, свободный (дата обращения: 16.01.2015).
4. Сибирь // Электронная еврейская энциклопедия. 23.03.2005. URL: <http://www.eleven.co.il/article/13784>, свободный (дата обращения: 16.01.2015).
5. Хроника текущих событий // НИПЦ «Мемориал» : электронный ресурс. Вып. 64. URL: <http://www.memo.ru/history/diss/chr>, свободный (дата обращения: 16.01.2015).

6. Дело Феликса Кочубиевского // АНИПЦ «Мемориал». Ф. 155 (фонд не описан). Л. 388–391.
7. Волохов С.П. Протестное движение евангельских христиан-баптистов 1960–1980-х гг. (на материалах Алтайского края, Новосибирской и Томской областей) // Вестник Барнаульского государственного педагогического университета. Сер. Гуманитарные науки. 2002. Вып. 2. С. 131–137.
8. Сивацкий Ф. Эмиграция верующих из СССР в 60–80-е годы (на примере пятидесятнических организаций Красноярского края) // Права человека в России: прошлое и настоящее : сб. док. и матер. науч.-практ. конф. Пермь, 21–23 июня 1999 г. Пермь, 1999.
9. Конеv Е.В. Социально-политическая характеристика немецкого населения Кемеровской, Новосибирской и Томской областей в 1970–1980 годы // Немецкое население в постсталинском СССР, в странах СНГ и Балтии (1956–2000 гг.). М. : АОО «Международный союз немецкой культуры», 2003. С. 146–153.
10. Савоскул М.С. Российские немцы в Германии: интеграция и типы этнической самоидентификации (по итогам исследования российских немцев в регионе Нюрнберг – Эрланген) // ДемоскопWeekly : электрон. период. издание. 2006. № 243–244. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2006/0243/analit03.php>, свободный (дата обращения: 16.01.2015).
11. Конеv Е.В. Немцы Западной Сибири в 1940–1990-е гг. (На материалах Кемеровской, Новосибирской и Томской областей) : автореф. ... дис. канд. ист. наук. Томск, 2002.
12. Армборст К. Эмиграция российских немцев в ФРГ в 1970–1987 гг.: основания и причины // Миграционные процессы среди российских немцев: исторический аспект : матер. междунар. науч. конф. Анапа, 26–30 сентября 1997 г. М. : Готика, 1998.
13. Хроника текущих событий // НИПЦ «Мемориал» : электронный ресурс. Вып. 63. URL: <http://www.memo.ru/history/diss/chr>, свободный (дата обращения: 16.01.2015).
14. Всесоюзная перепись населения 1970 года. Национальный состав населения по республикам СССР // ДемоскопWeekly : электрон. период. издание. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_70.php, свободный (дата обращения: 16.01.2015).

Kuznetsova Anastasiya A. Surgut State University (Surgut, Russian Federation). E-mail: smirmova_aa@list.ru

PARTICIPATION OF THE SIBERIAN DISSIDENTS IN THE MOVEMENTS FOR FREEDOM OF CHOICE OF COUNTRY OF RESIDENCE AND EMIGRATION IN 1960–1980.

Keywords: emigration; the dissidents; nonconformity; the history of Siberia.

The article deals with the reasons for the formation and development of Siberian dissident movements for freedom of choice of residence and emigration country in the period of 1960–1980. One of the main reasons to leave the country was discriminatory policy of the Soviet Union in relation to national movements – Germans and Jews, as well as religious organizations – Baptists and Pentecostals who have been persecuted. In addition, the registration of these communities has been caused by deliberately impossible demands. The article analyzes the Soviet state measures for the prevention of immigration sentiment, anti-religious and anti-church activities of the authorities. The country has continued to close the existing churches, monasteries and houses of worship. Furthermore, it was prohibited to establish the mutual funds and to provide material support to the participants of religious associations, to organize meetings on religious education, to distribute religious literature without the permission of the administrative authority, to conduct church meetings and conventions, arbitrarily appoint the heads of the church, etc. Religious persons reacted to the actions of the authorities very negatively, therefore the increased immigration sentiment to West Germany among believers of the Union of Churches of Evangelical Christians – Baptists and those, who supported their requirements of the Mennonite communities, have been recorded. The number of permissions to leave for the Germans reduced greatly during the confrontation between the Soviet Union and the West in the early 1980s. Many Germans were the most dangerous for the public authorities in the context of the Cold War, as they corresponded with relatives from the West, and that could significantly affect the immigration sentiments. The basic ways that dissidents in Soviet Union used to deal with violations of the right to leave and emigrate were writing “open letters” to the Government of the Soviet Union, the UN Secretary and heads of Western countries, dissemination of information on the difficulties that arise when trying to leave the country, and demonstrations. The case of Felix Kochubievskii is analyzed, he was one of the prominent figures of the Jewish movement in Western Siberia for emigration to Israel. He published several works, where, as the authorities claimed, spread “false fabrications discrediting the Soviet state and social system”, after which he was sentenced to imprisonment. Numerical indicators on the emigration among Germans and Jews within a given period of time which was part of the so-called “third wave of emigration” were also analyzed. The considered movements in the Siberian region were the organic component of the struggle for human rights in the Soviet Union, which managed to make their own contribution to the establishment of the right to have freedom of choice of the place of residence, place of emigration and travelling within the country.

REFERENCES

1. Sakharov, A.D. (1991) *Trevoga i nadezhda* [Anxiety and Hope]. Moscow: Inter-Verso.
2. Solzhenitsyna, N. (2014) S nog na golovu. Aleksandr Solzhenitsyn ne prizyval k emigratsii [Upside down. Solzhenitsyn did not call for emigration]. *Novaya gazeta*. [Online] 14th April. Available from: <http://www.novayagazeta.ru/society/63170.html>. (Accessed: 16th January 2015).
3. Polyak, P. (2006) Emigratsiya: kto i kogda v XX veke pokidal Rossiyu [Emigration: who and when left Russia in the 20th century]. *Demoskop Weekly*. [Online] 251–252. Available from: <http://www.demoscope.ru/weekly/2006/0251/analit01.php>. (Accessed: 16th January 2015).
4. Sibir' [Siberia]. (2005) In: *Elektronnaya evreyskaya entsiklopediya* [The Jewish Encyclopedia in Russian on the Web]. [Online] Available from: <http://www.eleven.co.il/article/13784>. (Accessed: 16th January 2015).
5. The Memorial Research and Educational Centre. *Khronika tekushchikh sobyitij* [The Chronicles of Current Events]. Issue 64. [Online] Available from: <http://www.memo.ru/history/diss/chr>. (Accessed: 16th January 2015).
6. *Delo Feliksa Kochubievskogo* [The case of Felix Kochubievsky]. The Archives of the Memorial Research and Educational Centre. Fund 155. pp. 388–391.
7. Volokhov, S.P. (2002) Protестное движение евангельских христиан-баптистов 1960–1980-х гг. (на материалах Алтайского края, Новосибирской и Томской областей) [The protest movement of Evangelical Christian Baptists in 1960–1980-ies. (in Altai, Novosibirsk and Tomsk regions)]. *Vestnik Barnaul'skogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki*. 2. pp. 131–137.
8. Sivatskiy, F. (1999) Emigratsiya veruyushchikh iz SSSR v 60–80-е gody (na primere pyatidesyatnicheskikh organizatsiy Krasnoyarskogo kraja) [Emigration of believers from the USSR in the 1960–1980s (as exemplified by pentecostalists in Krasnoyarsk Territory)]. In: Zaitseva, E. (ed.) *Prava cheloveka v Rossii: proshloe i nastoyashchee* [Human Rights in Russia: the past and present]. Perm: Memorial Bracon in Perm.
9. Konev, E.V. (2003) Sotsial'no-politicheskaya kharakteristika nemetskogo naseleniya kemerovskoy, novosibirskoy i tomskoy oblastey v 1970–1980 gody [The socio-political characteristics of the German population of Kemerovo, Novosibirsk and Tomsk regions in 1970–1980-s]. In: German, A. (ed.) *Nemetskoe naselenie v poststalinском SSSR, v stranakh SNG i Baltii (1956–2000 gg.)* [The German population in the post-Stalin USSR, CIS and Baltic countries (1956–2000)]. Moscow: Mezhdunarodnyy soyuz nemetskoy kul'tury. pp. 146–153.

10. Savoskul, M.S. (2006) Rossiyskie nemtsy v Germanii: integratsiya i tipy etnicheskoy samoidentifikatsii (po itogam issledovaniya rossiyskikh nemtsev v regione Nyurnberg – Erlangen) [Russian Germans in Germany: integration and types of ethnic identity (for the study of Russian Germans in the region of Nuremberg – Erlangen)]. *Demoskop Weekly*. [Online] 243–244. Available from: <http://demoscope.ru/weekly/2006/0243/analit03.php>. (Accessed: 16th January 2015).
11. Konev, E.V. (2002) *Nemtsy Zapadnoy Sibiri v 1940–1990-e gg. (Na materialakh Kemerovskoy, Novosibirskoy i Tomskoy oblastey)* [The Germans of Western Siberia in 1940–1990-ies (in Kemerovo, Novosibirsk and Tomsk regions)]. Abstract of History Cand. Diss. Tomsk.
12. Armbrorst, K. (1998) Emigratsiya rossiyskikh nemtsev v FRG V 1970-1987 gg.: osnovaniya i prichiny [Emigration of Russian Germans to Germany in the 1970–1987-ies: grounds and reasons]. *Migratsionnye protsessy sredi rossiyskikh nemtsev: istoricheskiy aspekt* [Migration processes among Russian Germans: the historical aspect]. Proc. of the International Research Conference. Anapa. 26th to 30th September 1997. Moscow: Gotika.
13. The Memorial Research and Educational Centre. *Khronika tekushchikh sobytiy* [The Chronicles of Current Events]. Issue 63. [Online] Available from: <http://www.memo.ru/history/diss/chr>. (Accessed: 16th January 2015).
14. Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1970 goda. Natsional'nyy sostav naseleniya po respublikam SSSR [The census of 1970. The ethnic composition of the population in the republics of the USSR]. *Demoskop Weekly*. [Online] 647-648. Available from: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_70.php. (Accessed: 16th January 2015).

УДК 338:502.1(571.1)
DOI 10.17223/19988613/36/8

Ю.С. Приходько

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РЕГИОНАЛЬНЫХ ОРГАНОВ ВЛАСТИ НА СЕВЕРЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX в.

*Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта «Академическая мобильность»
«Благотворительного фонда культурных инициатив (Фонд Михаила Прохорова)» № АМ-103/14
и при поддержке Департамента образования и молодежной политики Ханты-Мансийского автономного округа – Югры
(Приказ о проведении научно-исследовательских работ, имеющих фундаментальное и прикладное значение
от 2 октября 2014 г. № 1282).*

Рассматриваются проблемы региональных органов власти в реализации государственной экологической политики на Севере Западной Сибири во второй половине XX в. Следствием открытия месторождений нефти и газа на Севере Тюменской области в конце 1950-х – начале 1960-х гг. стало не только развитие экономики страны, но и обострение экологической ситуации в регионе. На основе анализа значительного количества архивных материалов автором предпринята попытка продемонстрировать отношение государственной власти, ведомственных предприятий и организаций к охране природы и рациональному природопользованию на территории Севера Западной Сибири во второй половине XX в.

Ключевые слова: Север Западной Сибири; экологическая политика; органы власти.

К середине XX в. результаты политических, социально-экономических, научно-технических преобразований привели к резкому обострению экологической ситуации в мире, при которой стало уже невозможным не замечать пагубных последствий антропогенного воздействия на природу.

В этот период во многих странах, в том числе в Советском Союзе, были заложены первые принципы государственной экологической политики, направленные на создание и развитие природоохранного законодательства, развитие заповедного дела, выделение особо охраняемых территорий, развитие массовой пропаганды бережного отношения к природе и просветительской деятельности.

В Советском Союзе в условиях централистского подхода к управлению государством экологическая политика была лишена значимого регионального компонента. Принимаемые законодательные и иные нормативные правовые акты спускались сверху и являлись обязательными для исполнения всеми регионами страны, при этом природно-климатическая специфика территорий, на которых реализовывались нормы, практически не учитывалась. Отсутствие столь важного регионального подхода значительно снижало эффективность проводимых природоохранных мер, так как экологическая политика всегда является региональной [1].

В истории региона Севера Западной Сибири ресурсная составляющая всегда имела определяющее значение. Индустриальный период освоения природных ресурсов Севера Западной Сибири относится ко второй половине XX в., к моменту открытия месторождений нефти и газа. Промышленное освоение природных ресурсов породило новые экологические проблемы (загрязнение территорий и водоемов нефтью и нефтепродуктами) и значительно усугубило старые.

В этом ключе особую актуальность представляют исследования, посвященные анализу деятельности региональных органов власти во второй половине XX в. в реализации основных положений государственной экологической политики. Прежде всего, для оценки эффективности реализуемой экологической политики в регионе следует обратиться к природоохранному опыту как местных властей, так и промышленных предприятий и организаций, осуществлявших свою деятельность на указанной территории.

Исторический подход в исследованиях, посвященных экологической политике СССР, начинает проследиваться с 1970-х гг. Как отмечает А.М. Калимуллин, первые исследования «были вынуждены констатировать верность принципов социалистического природопользования, позволявших решать все экологические проблемы» [2. С. 75], а существовавшие экологические проблемы рассматривались как неизбежные издержки экономического развития государства [3–4].

Развитие природоохранного законодательства в этот период повлияло на увеличение количества исследований, предметом которых стал правовой механизм экологической политики государства [5–6].

С начала 1980-х гг. в стране в ходе политических перемен стало возможным отойти от идеологического прессы в науке и показать действительную роль общества и государства в области загрязнения окружающей среды [7. С. 175].

Исследователи начали обращаться к изучению государственных методов в решении экологической проблематики, выявлению особенностей становления экологической политики и механизмов ее реализации в Советском Союзе и России [8–10].

С начала 1990-х гг. значительно активизируется северный вектор исследований, направленный на осве-

щение проблемных вопросов промышленного освоения территории Севера Западной Сибири, становления Западносибирского нефтегазового комплекса [11–13]. При этом изучение становления системы охраны окружающей среды и экологической политики в регионе проходит по касательной, оставляя неизученной деятельность местных органов власти в реализации экологической политики.

В конце 1950-х гг., накануне принятия Закона «Об охране природы в РСФСР», по свидетельству советского правоведа О.С. Колбасова, в стране наблюдалось отставание государственной организации природы, так как продолжала сохраняться ведомственная разобщенность природоохранных функций, отсутствовали единые законодательные установления по ряду важнейших вопросов охраны природы [14].

Изначально предполагалось, что ведомственные предприятия, такие как Госземводхоз РСФСР, Главлесхоз РСФСР, Главохота РСФСР, Главрыба, и подведомственные им инспекции в регионах будут самостоятельно контролировать степень негативного воздействия собственного производства на окружающую среду и проводить природоохранные мероприятия [15. Л. 14]. Однако на деле зачастую происходило перекладывание ответственности за причиненный ущерб природе на другое ведомство. Перед властью возникла очевидная необходимость изменения подходов в деле охраны природы.

С принятием Закона «Об охране природы в РСФСР» исполнительные комитеты краевых, областных, районных, городских, поселковых и сельских Советов депутатов трудящихся, а также министерства, ведомства и совнархозы наделялись функциями контроля за соблюдением природоохранного законодательства и за выполнением мероприятий по сохранению и восстановлению природных ресурсов [16].

В структуре природоохранных органов стали создаваться региональные постоянные комиссии по вопросам охраны окружающей среды и рациональному природопользованию.

Постоянные комиссии являлись массовыми органами Советов депутатов трудящихся. Местные Советы депутатов трудящихся были наделены правом образования постоянных комиссий разной направленности (по здравоохранению, по бюджетно-финансовым вопросам) в зависимости от конкретных местных особенностей хозяйствования и региональных потребностей [17. Л. 1].

Постоянные комиссии по охране окружающей среды были образованы по всей стране. В первую очередь в тех регионах, где наблюдалось обострение экологической ситуации в связи с размещением на этих территориях крупных промышленных объектов.

В Восточной Сибири подобным промышленным регионом был Ангаро-Енисейский регион, где проблемы охраны окружающей среды были напрямую связаны с деятельностью Иркутской ГЭС. В Иркутской области

на первой сессии областного совета в 1960 г. было принято решение о создании постоянных депутатских комиссий, в том числе по здравоохранению, коммунальному хозяйству, благоустройству, которые рассматривали вопросы, связанные с деятельностью Иркутской ГЭС и других промышленных предприятий [18. С. 200].

В Западной Сибири в качестве региона с высокой степенью воздействия антропогенного фактора на природу выделяли Север Тюменской области.

Территория Севера Тюменской области являлась одной из крупнейших баз пушного промысла, деревообрабатывающей промышленности, а после открытия на Севере Западной Сибири нефтегазовых месторождений в середине XX в. регион становится одним из главных промышленных центров страны. Интенсивное освоение природных ресурсов без учета природно-климатических особенностей территории повлекло за собой появление огромного количества экологических проблем. Сложившаяся ситуация требовала от местных властей особого контроля за сохранением природоохранного законодательства.

С момента начала своего существования постоянными комиссиями фиксировались природоохранные нарушения. На заседания комиссий приглашались представители власти, науки и общественности. Повестка дня заседаний включала обсуждение вопросов, связанных с несанкционированными рубками леса, нарушениями правил эксплуатации леса подведомственными организациями, уничтожением дикоросов, засорением водоемов отходами лесопроизводства, нарушением рыбной ловли, открытого браконьерства и пр.

В качестве основных решений по исправлению ситуации с природоохранными нарушениями выдвигались предложения по усилению пропаганды необходимости бережного отношения к природе. По мнению депутата Верховного Совета РСФСР Д.Н. Крюкова, который в начале 1960-х гг. являлся главным госохотинспектором Тюменского Облисполкома, причины нерационального использования природных ресурсов крылись в сознании человека, который живет пережитками прошлого. И поэтому первоначальной целью являлось воспитание в нарушителе сознания бережного отношения к природе. Общества охраны природы, общества охотников, культурно-просветительские учреждения, учебные заведения, местные Советы должны были путем лекций, любой просветительской работы разъяснять населению важность охраны природы [19. Л. 4].

Постоянные комиссии, наделенные компетенциями контроля за соблюдением природоохранного законодательства, регулярно фиксировали случаи его нарушения. Также на совещании председателей постоянных комиссий заведующим оргинструкторским отделом Тюменского Облисполкома И.К. Холодиным был отмечен факт нарушения Закона «Об охране природы в

РСФСР» многими промышленными предприятиями и ведомствами области, факт ловли рыбы и охоты запрещенными способами и орудиями.

Однако существенных предложений по борьбе с нарушителями высказано не было. В докладе акцентировалось внимание на недостаточной работе городских и районных постоянных комиссий, обществ охраны природы. При этом отмечалось, что общества охраны природы должны были заниматься вопросами озеленения и благоустройства жилых территорий [19. Л. 13]. На деле это означало, что огромный массив нерешенных экологических проблем продолжал сохраняться без конкретных действий по их устранению.

Выбор просветительской работы в качестве одного из основных методов деятельности в деле охраны природы был обусловлен отсутствием со стороны государства практических механизмов борьбы с нарушениями в области охраны природы и рационального использования природных ресурсов и убежденностью советского общества в действенности методов воспитательного характера.

О неэффективности использования метода разъяснительно-массовой работы среди населения по вопросам охраны природы, в том числе рыбоохраны, свидетельствует информация от начальника Нижнеобьрыбвода А.М. Анисимова. Согласно данным его отчета, количество нарушений в 1961 г., по сравнению с предыдущим годом, увеличилось на 60 единиц и составило 383 нарушения. Более того, как отмечает Анисимов, нарушения рыбной ловли допускали лица, которые по служебному положению должны были сами оказывать содействие в пресечении браконьерского лова рыбы [Там же. Л. 63]. На Севере Западной Сибири состояние общественной рыбоохраны также характеризовалось как неудовлетворительное.

Таким образом, ни одного реально действенного рычага управления – привлечение к административной, уголовной ответственности нарушителей, взывание штрафов, лишение должностного положения – не было предложено. В предложениях по исправлению ситуации не отводилось должного места вопросу привлечения к ответственности промышленных предприятий и ведомств, которые наносят непоправимый ущерб экологии, превосходящий ущерб от деятельности браконьеров.

Такая ситуация в начале 1960-х гг. вполне объяснима отсутствием в действовавшем природоохранном законодательстве как на общегосударственном, так и на региональном уровне проработанной схемы ответственности за нарушения в сфере охраны окружающей среды. Единственный комплексный закон «Об охране природы в РСФСР» не конкретизировал полномочия региональных властей по решению вопросов охраны природы, что способствовало перекладыванию ответственности за ненадлежащий контроль за его исполнением на постоянные комиссии региона.

Несмотря на то что деятельность областных, городских, районных, окружных и местных комиссий по охране природы и рациональному использованию природных ресурсов включала в себя ежеквартальное планирование деятельности, проведение заседаний по планируемым вопросам, в их работе наблюдались грубые нарушения.

На основании анализа протоколов заседаний комиссий было установлено, что в период с 1965 по 1967 г. областная комиссия Совета депутатов трудящихся фактически не работала. За 1966 г. ни разу не проводилось собраний, хотя предварительно весь состав комиссии был оповещен о предстоящем заседании. Без внимания остались вопросы представления отчетов о ходе строительства очистных сооружений промышленными предприятиями области, о состоянии и мерах по выполнению закона по охране природы [17. Л. 84].

Вновь созданная комиссия в 1967 г. начала осуществлять свою деятельность в полном объеме, которая на тот период сводилась к проведению заседаний и заслушиванию отчетов главных инженеров промышленных предприятий, представителей райисполкомов о ходе выполнения закона «Об охране природы в РСФСР» и постановлений облисполкома по вопросам охраны природных ресурсов.

К 1970 г. комиссии были переименованы в постоянные комиссии по охране природы и охотничьему промыслу. В повестке дня заседаний комиссий сохранялся пункт о соблюдении Закона «Об охране природы в РСФСР» горисполкомами, райисполкомами, промышленными и промысловыми организациями. Расширился перечень рассматриваемых вопросов. Особое внимание стало уделяться рассмотрению вопросов борьбы с браконьерством, но в целом принцип работы природоохранных комиссий сохранился прежний.

Природоохранная деятельность местных Советов депутатов трудящихся в первую очередь сводилась к решению вопросов благоустройства населенных пунктов. Например, в г. Сургуте, как и в других городах Ханты-Мансийского автономного округа, на заседаниях исполкома городского Совета обязательными для рассмотрения являлись вопросы озеленения городских улиц, проведение месячника санитарной очистки, санитарного состояния и благоустройства межрайонных территорий, работы городских организаций общества охраны природы.

В рамках этих вопросов, безусловно, местными органами была проделана определенная работа. За 1971 г. было высажено 43 тыс. деревьев и 30 тыс. цветов. В следующем году количество высаженных деревьев и цветов составило 8 и 80 тыс. соответственно [20. Л. 80]. Однако в остальных направлениях природоохранной деятельности продолжали сохраняться недостатки. Оставался неурегулированным горисполкомом вопрос отведения места для городской свалки, поэтому территория вокруг города загрязнялась в произвольном порядке. При строительстве жилых и производственных

объектов нерационально использовались запасы лесного массива. Слабо была организована работа по борьбе с браконьерами [20. Л. 80].

В отношении промышленного производства принцип работы природоохранных комиссий не претерпел значительных изменений. По-прежнему сохранялся декларативный характер требований по усилению системы контроля по охране окружающей среды, адресованных предприятиям нефтегазовой, деревообрабатывающей, рыбной промышленности.

Подтверждением этого являлось невыполнение вынесенных замечаний со стороны, к примеру, таких предприятий, как «Урайнефтегаз», «Тюменьгазпромстрой», «Главтюменьгеология».

В 1979 г. объединение «Урайнефтегаз» продолжало оставаться источником загрязнения водных ресурсов Тюменской области. В первую очередь интенсивное загрязнение водоемов нефтепродуктами происходило при бурении скважин. Особую опасность представлял буровой раствор на территории буровых площадок, который содержал большое количество нефтепродуктов и химреагентов [21. Л. 136]. Значительно усугубляло ситуацию затянувшееся по вине треста «Тюменьгазпромстрой» строительство очистных сооружений в г. Урае и механизированной мойки с оборотным водоснабжением для транспортных предприятий [Там же. Л. 137], при помощи которых планировалось сокращение выбросов неочищенных вод в природные водоемы.

Предприятия «Главтюменьгеологии» в конце 1970-х гг. продолжали оставаться основными источниками загрязнения окружающей среды на территории Ямало-Ненецкого национального округа. При этом следует отметить, что главным управлением «Главтюменьгеология» был составлен и согласован с инспектирующими организациями план мероприятий по охране водных ресурсов, но в подразделениях главного управления (Тазовской и Красноселькупской НРЭ) такие природоохранные мероприятия не составлялись [Там же. Л. 138].

Такие виды загрязнения окружающей среды, как загрязнение почв нефтепродуктами, химреагентами, горюче-смазочными материалами, вырубка лесов при возведении линий электропередач и строительства дорог, сброс в природные водоемы сточных и промышленных вод, воспринимались как вынужденные издержки при добыче нефти и газа.

Исходя из постановления заседания областной комиссии, подобные нарушения предлагалось решить путем вынесения на обсуждение вопросов о соблюдении природоохранного законодательства на сессии окружных, городских, поселковых и сельских Советов; вовлечения широкой общественности в работы по благоустройству территории, усиления борьбы с нарушителями Закона «Об охране природы», оказания систематической помощи организациям общества охраны природы [20. Л. 80].

Однако необходимо отметить, что, в целом, используемые комиссиями формулировки решений и предписаний, таких как «усилить систему контроля», «ужесточить контроль за соблюдением норм», «вовлечение широкой общественности в работу», носили характер эвфемизма, поскольку на самом деле необходимо было менять саму систему производства на более экологичную, на что указывает, к примеру, А.Б. Коновалов [22. С. 234].

Неэффективность деятельности местных органов власти в деле охраны природы отмечалось также и в 1970-е гг. К примеру, инструктор отдела по народностям Севера облисполкома указывал, что главным препятствием в развитии природоохранной деятельности являлось несвоевременное выполнение мероприятий по улучшению охраны природы, утвержденным решением облисполкома от 16 июля 1975 г. № 383, предприятиями и организациями «Главтюменьнефтегаза», «Главтюменьнефтегазстрой», «Тюменьгазпрома», «Тюменьлеспрома», «Союзтюменьводстрой», а также недостаточная требовательность местных Советов народных депутатов в отношении выполнения Закона «Об охране природы в РСФСР» [23. Л. 247].

Таким образом, к концу 1970-х гг. на территории Севера Западной Сибири деятельность местных государственных природоохранных органов по-прежнему оставалась малоэффективной по ряду причин. Во-первых, по-прежнему отсутствовали действенные механизмы реализации природоохранного законодательства. Во-вторых, в условиях действовавшей административно-командной экономической политики приоритетным являлось наращивание экономического потенциала страны в ущерб экологии.

Спускаемые Госпланом высокие производственные планы по освоению природных ресурсов Тюменского Севера требовали незамедлительного исполнения, как и разрабатываемые государством правовые нормы по охране окружающей среды. При этом ответственность физических лиц и предприятий, понесенная за неисполнение требований Госплана или срыв показателей производства, в разы превышала ответственность за несоблюдение природоохранных норм, что значительным образом тормозило развитие государственной экологической политики в регионе.

По факту получался парадокс плановой системы экономики. С одной стороны, предполагалось, что благодаря планированию хозяйственной деятельности можно будет избежать негативных последствий нерационального природопользования, но, с другой стороны, выполнение устанавливаемых Госпланом показателей освоения природных ресурсов наносило колоссальный урон окружающей среде.

К концу 1980-х гг. на территории Тюменской области вопросами охраны окружающей среды и ее состояния занимались 19 государственных органов. В деле охраны природы принимали участие также ведом-

ственные службы, созданные при главных комитетах, объединениях и предприятиях.

Работа местных органов государственной власти и ведомственных учреждений в большинстве случаев сводилась к дублированию функций, что в конечном итоге привело к отсутствию единой схемы решения экологических проблем в регионе.

В 1986 г. Тюменский облисполком выступил с инициативой к Госплану РСФСР о создании областного комитета по охране окружающей среды и регулированию природных ресурсов с подчинением его соответствующему республиканскому комитету и облисполкому [23. Л. 247]. Создание данного органа, по мнению региональных властей, способствовало бы объединению функций по охране окружающей среды и контролю за использованием природных ресурсов существующих природоохранных органов.

Такая инициатива региональных властей лишь подчеркивала существовавшую на тот момент необходимость проведения преобразований в государственных структурах по охране природы.

Первые изменения в подходах государства к проведению экологической политики стали проследить после принятия в 1988 г. Постановления ЦК КПСС и Совмина СССР «О коренной перестройке дела охраны природы в РСФСР», которым предписывалось создание единого государственного органа по охране природы.

В самом тексте Постановления акцентировалось внимание на недостатках в работе государственных органов по охране окружающей среды и рациональному природопользованию, но при этом отмечалось, что «чрезмерная разрозненность природоохранных функций по различным министерствам и ведомствам стала серьезным фактором, сдерживающим интенсификацию производства в условиях растущей взаимозависимости между состоянием окружающей среды и развитием экономики» [24]. Другими словами, на деле получалось, что охрана окружающей среды воспринималась как необходимая мера для развития экономики, а не для сохранения природы как таковой.

В Ханты-Мансийском автономном округе создание Госкомприроды было воспринято с определенными надеждами и ожиданиями улучшения экологической ситуации. Предполагалось, что с помощью новой государственной структуры станет возможным реально ограничить полномочия ведомств при освоении природных ресурсов.

В реальности организация работы нового органа по охране природы в округе столкнулась с определенными трудностями. По свидетельству руководства окружного совета Всероссийского общества охраны природы, вначале были расформированы гидрохимлаборатории, ликвидированы отделы санитарной охраны рыбохозяйственных водоемов, сокращены малочисленные службы охотинспекции, и только через три месяца начался подбор кадров в новую природоохранную ор-

ганизацию [25. Л. 36]. Логичным будет вывод, что в период формирования нового органа контроля количество природоохранных правонарушений только увеличилось.

Политические и экономические преобразования, происходившие в стране в конце 1980-х – начале 1990-х гг., привели к изменению многих прежних форм и подходов к проведению экологической политики.

Формирование новой экологической политики в условиях переходного периода было направлено на «развитие экономических методов регулирования природопользования и децентрализацию управления охраной окружающей среды, на расширение прав полномочий республиканских, краевых и местных органов власти» [26. С. 151].

Основой экономического регулирования природопользования стало введение системы платежей за загрязнения, при этом Законом РСФСР «Об охране окружающей среды», принятым в 1991 г., было закреплено право региональных органов с учетом местных особенностей корректировать базовую ставку при заключении договора на комплексное природопользование [27].

Несмотря на тот факт, что правовые механизмы экологической политики государства были значительно обновлены за счет принятия нового природоохранного закона, в деле охраны природы продолжали сохраняться определенные недостатки. Главным недостатком закона, по мнению окружного комитета по охране природы Ханты-Мансийского автономного округа, являлась нечеткость формулировок отдельных статей, отсутствие механизмов реализации действующего законодательства.

Экономический кризис, разразившийся в первой половине 1990-х гг., значительно затруднил взывание штрафов с промышленных предприятий за причиняемый ими вред окружающей среде. Установленные в новом законе размеры штрафов (от 50 000 до 500 000 руб.) вскоре на практике перестали иметь логический смысл, так как взывание таких сумм не покрывали даже тех издержек, которые были связаны с расходами на делопроизводство и судебные издержки. Суммы штрафов не индексировались с момента принятия закона и быстро утратили свое воспитательное значение [28. Л. 38].

После распада СССР в условиях функционирования новой федеративной политической системы регионы получили определенную самостоятельность в формировании и проведении региональной политики.

Закон «Об охране окружающей среды» 1991 г. продолжал составлять основу для формирования федерального и регионального законодательства до принятия в 2002 г. Федерального закона Российской Федерации «Об охране окружающей среды». На его основе в первой половине 1990-х гг. в округе начала формироваться система экологического законодательства, представленная, в том числе, различными нормативными актами, такими как Решение Малого Совета народных

депутатов автономного округа от 20.10.92 г. № 130 «О концепции программы использования компенсационных средств на воспроизводство рыбных запасов», Постановления № 227 и 228 от 22.12.92 г. «Об использовании охотничьих угодий округа» и «Об использовании рыбных угодий округа», Постановление главы администрации Ханты-Мансийского автономного округа № 84 от 26.05.93 г. «Об утверждении на 1993 г. размеров платы за загрязнение окружающей природной среды, размещение отходов, другие виды вредного воздействия на территории Ханты-Мансийского автономного округа и порядка их применения» [28. Л. 40].

Позже с развитием региональных органов законодательной власти уже были приняты основные законодательные акты: Закон Ханты-Мансийского автономного округа «О недропользовании» (1996 г.), Закон «Об охране окружающей природной среды и экологической защите населения автономного округа» (1998 г.). Закон «Об охране окружающей среды в Ямало-Ненецком автономном округе» был принят лишь в 2008 г.

Резюмируя все вышесказанное, можно сделать вывод, что на протяжении всей второй половины XX в. развитие государственной экологической политики протекало в условиях существования административно-командной системы экономики, что значительно затрудняло реализацию природоохранных принципов.

В этот период развитие промышленного производства и масштабное освоение природных ресурсов, по сравнению с развитием экологической политики, шло опережающими темпами. Устранить недостатки природоохранной системы и повысить ее эффективность можно было на региональном и местном уровнях, однако регионы не имели для этого соответствующих полномочий.

Созданные в регионах специализированные постоянные комиссии не имели действующих рычагов воздействия на нарушителей законодательства об охране природы. По словам Н.В. Савчук, во многом такое положение объяснялось «наличием серьезных препятствий экономического и юридического характера» [18. С. 201]. Действительно, в условиях административно-командной системы управления народным хозяйством, при которой отдавался приоритет реализации ведомственных интересов, было затруднительно претворять в реальность полномочия местного самоуправления.

Кроме того, реализация государственной экологической политики на Севере Западной Сибири, как и в других регионах, протекала в условиях несовершенства правовых норм, закрепленных в основных законодательных и нормативных документах по вопросам охраны окружающей среды и рационального природопользования. Во многих случаях это приводило к фактическому бессилию региональных органов контроля перед ведомствами, осуществлявшими свою деятельность на территории региона. По словам известного экологического историка Йоахима Радкау, многие принципы экологического права «на практике не реализуются и, более того, не могут быть реализованы из-за нехватки эффективного инструментария» [1. С. 354].

Развитие регионального экологического законодательства стало возможным в начале 1990-х гг. с момента передачи регионам самостоятельности в проведении экологической политики. Однако, несмотря на проделанную большую работу региональными властями, экологическую ситуацию в регионе сложно назвать удовлетворительной.

ЛИТЕРАТУРА

1. Радкау Й. Природа и власть. Всемирная история окружающей среды. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. 472 с.
2. Калимуллин А.М. Экологическая история промышленного города во второй половине XX века. Казань : Казан. ун-т, 2011. 364 с.
3. Израэль Ю.А. К стратегии охраны природной среды и рационального природопользования в СССР // Вопросы философии. 1979. № 6. С. 119–127.
4. Лемешев М. Экономика и экология: их взаимосвязь и зависимость // Коммунист. 1975. № 17. С. 47–55.
5. Казанцев Н.Д. Правовая охрана природы в СССР. М. : Знание, 1967. 62 с.
6. Колбасов О.С. Природа под охраной закона. М. : Московский рабочий, 1975. 128 с.
7. Приходько Ю.С. Вопросы правовой охраны природы в отечественном гуманитарном знании середины XX – начала XXI века // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2013. № 6 (27). С. 173–180.
8. Тихонова Н.Е. Актуальные проблемы экологической политики КПСС // Вопросы истории КПСС. 1988. № 3. С. 71–85.
9. Пиджаков А.Ю. Советская экологическая политика 1970-х – начала 1990-х годов. СПб. : Изд-во СПбУЭФ, 1994. 160 с.
10. Шмыглева А.В. Экологическая политика в Западной Сибири (1970–1990-е гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2003. 18 с.
11. Карпов В.П. Нефтяной вектор индустриализации Югры: приобретения и потери Северного округа // Деятельность государственных организаций по индустриальному освоению Сибири в XX – начале XXI века. Новосибирск : Сибирское научное издательство, 2010. Вып. 2. С. 147–159.
12. Некрасов В.Л., Стафеев О.Н., Хромов Е.А. Нефтегазовый комплекс СССР (вторая половина 1950-х – первая половина 1960-х гг.): экономические и институциональные аспекты развития. Ханты-Мансийск : ОАО «Издательский дом «Новости Югры», 2012. 136 с.
13. Колева Г.Ю. Западно-Сибирский нефтегазовый комплекс: история становления и развития (1960–1980-е гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 302. С. 90–95.
14. Колбасов О.С. Советское законодательство об охране природы за 40 лет // Правоведение. 1958. № 1. С. 37–46.
15. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 259. Оп. 45. Д. 3154.
16. Закон РСФСР «Об охране природы в РСФСР» от 27 октября 1960 г. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=8501>, свободный.
17. Государственное бюджетное учреждение Тюменской области «Государственный архив Тюменской области» (ГБУТО ГАТО). Ф. 814. Оп. 1. Д. 3868а.
18. Савчук Н.В. Эволюция подходов в разработке и осуществлении региональной социально-экономической политики на примере освоения Ангаро-Енисейского региона в 1950–1990-е гг. // Деятельность государственных организаций по индустриальному освоению Сибири в XX – начале XXI века. Новосибирск : Сибир. науч. изд-во. 2009. Вып. 1. С. 197–220.

19. ГБУТО ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 3516.
20. ГБУТО ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 5275.
21. ГБУТО ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 5812.
22. Коновалов А.Б. Экологическая ситуация в Кузбассе во второй половине 1960-х – середине 1980-х годов: региональные проблемы и ведомственные интересы // Исторические исследования в Сибири: проблемы и перспективы : сб. матер. IV региональной молодежной науч. конф. Новосибирск : Ин-т истории СО РАН, 2010. С. 231–237.
23. ГБУТО ГАТО. Ф. 1726. Оп. 1. Д. 740.
24. Постановление ЦК КПСС и СМ СССР от 17 января 1988 г. № 32 «О коренной перестройке дела охраны природы в стране». URL: <http://russia.bestprav.ru/ussr/data01/tex11728.htm>, свободный.
25. Казенное учреждение «Государственный архив Югры» Ф. 495. Оп. 1. Д. 11.
26. Аверченко А. Экологическая политика в переходный период: проблемы и решения // Вопросы экономики. 1995. № 2. С. 150–159.
27. Закон РСФСР от 19 декабря 1991 г. № 2060-1 «Об охране окружающей природной среды». URL: <http://russia.bestprav.ru/fed1991/data01/tex10242.htm>, свободный.
28. Казенное учреждение «Государственный архив Югры». Ф. 495. Оп. 1. Д. 22а.

Prikhodko Yulia S. Surgut State Pedagogical University (Surgut, Russian Federation). E-mail: prichodko1@mail.ru

ACTIVITY OF REGIONAL AUTHORITIES IN THE NORTH OF WESTERN SIBERIA IN REALIZATION OF THE STATE ENVIRONMENTAL POLICY IN THE SECOND HALF OF THE XX CENTURY.

Keywords: North of Western Siberia; environmental policy.

Article discussed problems of activity of regional authorities in realization of the state environmental policy in the north of Western Siberia in the second half of the XX century. Chronological frameworks of research cover the period from 1950th to the 2000th. This chronological interval was chosen because soviet environmental policy had been developing from the middle of the XX century. The main problem of the environmental policy development was state approach to nature management. In 1990th new state system was create in Russia. This system was based on transfer to regions some of the government functions. It could give region the possibility to make their own environmental policy. Territorial framework covers the territory of the North of Western Siberia. This region had a strategic importance for development of national economy from the discovery of oil and gas fields. The main goal of the state policy was to stimulate economic growth. The questions of environmental protection often were without any attention. The main reason of the environmental deterioration was industrial development of the North of Western Siberia. Fistful function of environmental protection was transferred to industrial factory. They had to control level of environmental pollution. However interests of departments were concentrated on performance of the operational indexes lowered by the State Planning Committee of RSFSR. Nature protection activity at the factory was carried out poorly. Nature protection activity of regional authorities during the second half of the XX century was reduced to obey the environmental law. The specialized commissions on conservation for control this law were created in region. The commissions made decisions on the punishment of the ecological legislation. The decisions of the commission had mainly declarative character because any effective law mechanism did not exist. The industrial factories were the main reason of environmental pollution, and they ignore the nature protection requirements. The new period in development of region environmental legislation started in early 1990th. In this time new federal state system was created. But that did not allow changing environmental situation in region. The peculiarity of this is that based on various archival documents the author makes an attempt to analyze state measures for nature protection and rational nature management in the territory of the North of Western Siberia in second half of XX century.

REFERENCES

1. Radkau, Y. (2014) *Priroda i vlast'. Vsemirnaya istoriya okruzhayushchey sredy* [Nature and power. The World history of the environment]. Moscow: Higher School of Economics.
2. Kalimullin, A.M. (2011) *Ekologicheskaya istoriya promyshlennogo goroda vo vtoroy polovine XX veka* [The environmental history of the industrial city in the late 20th century]. Kazan: Kazan State University.
3. Izrael, Yu.A. (1979) K strategii okhrany prirodnoy sredy i ratsional'nogo prirodnopol'zovaniya v SSSR [On strategies to protect the environment and environmental management in the USSR]. *Voprosy filosofii*. 6. pp. 119-127.
4. Lemeshev, M. (1975) *Ekonomika i ekologiya: ikh vzaimosvyaz' i zavisimost'* [Economy and Ecology: their relationship and dependency]. *Kommunist*. 17. pp. 47-55.
5. Kazantsev N.D. *Pravovaya okhrana prirody v SSSR* [Legal protection of nature in the Soviet Union]. Moscow: Znanie.
6. Kolbasov, O.S. (1975) *Priroda pod okhranoy zakona* [The nature under protection of law]. Moscow: Moskovskiy rabochiy.
7. Prikhodko, Yu.S. (2013) Problems of law protection of nature in national humanitarian knowledge in the middle of the 20th – early 21st centuries. *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 6 (27). pp. 173-180. (In Russian).
8. Tikhonova, N.E. (1988) Aktual'nye problemy ekologicheskoy politiki KPSS [Topical problems of the CPSU environmental policy]. *Voprosy istorii KPSS*. 3. pp. 71-85.
9. Pidzhakov, A.Yu. (1994) *Sovetskaya ekologicheskaya politika 1970-kh – nachala 1990-kh godov* [The Soviet environmental policy of the 1970s – early 1990s]. St. Petersburg: SPbUEF.
10. Shmygleva, A.V. (2003) *Ekologicheskaya politika v Zapadnoy Sibiri (1970–1990-e gg.)* [The environmental policy in Western Siberia (1970–1990s.)]. Abstract of History Cand. Diss. Tomsk.
11. Karpov, V.P. (2010) Neftyanoy vektor industrializatsii Yugry: priobreteniya i poteri Severnogo okruga [The oil vector of Ugra industrialization: the acquisition and loss of the Northern District]. In: Timoshenko, A.I. (ed.) *Deyatel'nost' gosudarstvennykh organizatsiy po industrial'nomu osvoeniyu Sibiri v XX – nachale XXI veka* [Activities of public organizations in the industrial development of Siberia in the 20th – early 21st beginning centuries]. Issue 2. Novosibirsk: Sibirskoe nauchnoe izdatel'stvo. pp. 147-159.
12. Nekrasov, V.L., Stafeev, O.N. & Khromov, E.A. (2012) *Neftegazovyy kompleks SSSR (vtoraya polovina 1950-kh – pervaya polovina 1960-kh gg.): ekonomicheskie i institutsional'nye aspekty razvitiya* [Oil and gas industry of the USSR (the late 1950 – early 1960s.): Economic and institutional aspects of development]. Khanty-Mansiysk: Novosti Yugry.
13. Koleva, G.Yu. (2007) West Siberian oil and gas complex: the history of formation and development (1960–1980). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 302. pp. 90-95. (In Russian).
14. Kolbasov, O.S. (1958) *Sovetskoe zakonodatel'stvo ob okhrane prirody za 40 let* [The Soviet legislation on nature protection for 40 years]. *Pravovedenie*. 1. pp. 37-46.
15. The State Archives of the Russian Federation. Fund 259. List 45. File 3154.
16. The Law of the RSFSR “On Environmental Protection in the Russian Federation” dated October 27, 1960. [Online]. Available from: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=8501>.

17. The State Archives of Tyumen Region (GBUTO GATO). Fund 814. List 1. File 3868a. (In Russian).
18. Savchuk, N.V. (2009) *Evolyutsiya podkhodov v razrabotke i osushchestvlenii regional'noy sotsial'no-ekonomicheskoy politiki na primere osvoeniya Angara-Eniseyskogo regiona v 1950–1990-e gg.* [The evolution of approaches in the development and implementation of regional social and economic policy as exemplified by the development of Angara-Yenisei region in the 1950-1990-ies]. In: Timoshenko, A.I. (ed.) *Deyatel'nost' gosudarstvennykh organizatsiy po industrial'nomu osvoeniyu Sibiri v XX – nachale XXI veka* [Activities of public organizations in the industrial development of Siberia in the 20th – early 21st beginning centuries]. Issue 1. Novosibirsk: Sibirskoe nauchnoe izdatel'stvo. pp. 197-220.
19. The State Archives of Tyumen Region (GBUTO GATO). Fund 814. List 1. File 3516.
20. The State Archives of Tyumen Region (GBUTO GATO). Fund 814. List 1. File 5275.
21. The State Archives of Tyumen Region (GBUTO GATO). Fund 814. List 1. File 5812.
22. Konovalov, A.B. (2010) [The environmental situation in the Kuzbass in the second half of the 1960s – mid-1980s: regional issues and departmental interests]. *Istoricheskie issledovaniya v Sibiri: problemy i perspektivy* [Historical studies in Siberia: problems and prospects]. The 4th Regional Youth Research Conference. Novosibirsk: Institute of History SB RAS. pp. 231-237. (In Russian).
23. The State Archives of Tyumen Region (GBUTO GATO). Fund 1726. List 1. File 740.
24. Resolution № 32 of the Central Committee of the CPSU and the Soviet Union on January 17, 1988 “On the fundamental restructuring of nature protection in the country”. [Online] Available from: <http://russia.bestpravo.ru/ussr/data01/tex11728.htm>.
25. The State Archives of Yugra. Fund 495. List 1. File 11. (In Russian).
26. Averchenkov, A. (1995) *Ekologicheskaya politika v perekhodnyy period: problemy i resheniya* [Environmental policy in transition: problems and solutions]. *Voprosy ekonomiki*. 2. pp. 150-159.
27. Law N 2060-I of the RSFSR of December 19, 1991 “On Environmental Protection”. [Online] Available from: <http://russia.bestpravo.ru/fed1991/data01/tex10242.htm>.
28. The State Archives of Yugra. Fund 495. List 1. File 22a.

УДК 94
DOI 10.17223/19988613/36/9

Н.Н. Соколов

АНАЛИЗ РОССИЙСКОГО ВАРИАНТА ФЕДЕРАЛИЗМА В КОНТЕКСТЕ ЗАРУБЕЖНОГО ОПЫТА

Рассматривается современный российский вариант федерализма в контексте зарубежного опыта. В этой связи прослеживаются противоречивые процессы становления и развития государственного и бюджетного федерализма в современной России после развала СССР вплоть до настоящего времени; в исторической ретроспективе проводится сравнительно-исторический анализ отдельных экономических, политических и правовых аспектов федеративных отношений в нашей стране на фоне зарубежного опыта, прежде всего американского.

Ключевые слова: государственный федерализм; бюджетный федерализм; деволюция (децентрализация); доктрина «национального превосходства»; «новый федерализм»; доктрина «прав штатов»; «доктрина аннулирования прав»; «федерализм слоёного пирога»; «федерализм мраморного кекса».

США – страна федерализма по духу, образу жизни, по американской Конституции (рис. 1). В исторической ретроспективе большинство колоний в Северной Америке возглавляли губернаторы, назначаемые из Лондона, что вовсе не исключало самостоятельности местных legislatures (парламентов), которые унаследовали традиции английского самоуправления. Основы современного американ-

ского федерализма разработали отцы-основатели США, которые закрепила Конституция 1787 г.: в ст. II (раздел 1) определён порядок избрания президента штатами; в ст. IV (раздел 3) содержатся условия приёма новых штатов; в ст. VI указывается, что национальные интересы выше интересов штатов [1].

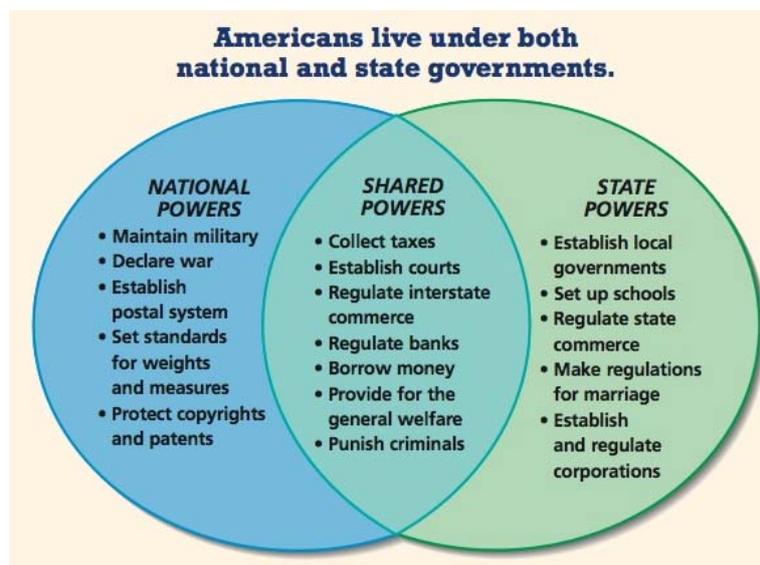

Рис. 1. Конституционная модель американского федерализма

Американские авторы Макс Дж. Скидмор и Маршал К. Трипп в Вводном курсе к системе государственного управления в США убедительно доказали, что со временем баланс властей между федеральным уровнем и штатами в этой стране менялся [2]. В ранней американской истории доминировала власть штатов, что было закреплено в «Статьях Конфедерации и Вечного Союза» – первой американской Конституции, принятой в годы Войны за независимость США. В процессе ратификации новой американской Конституции в 1787 г. проблема суверенитета штатов стала предметом острых разногласий между федералистами (сторонни-

ками сильного федерального центра) и антифедералистами, которые отстаивали права штатов. Со временем в новейшей истории США вплоть до настоящего времени штаты передавали всё больше своих полномочий федеральному центру, хотя в разной последовательности и объёме.

Эти факты подтверждают, что федерализм в США, в отличие от современной российской истории, развивался от штатов к центру, по существу, с колониальных времён. В России же процесс деволюции (децентрализации) начинался со времён развала СССР, причём проходил в 1990-е гг. иногда в нелепой форме под ло-

зунгом «Берите суверенитета столько, сколько хотите» [3]. В прошлой российской истории, во всяком случае с XVI в., любая децентрализация практически исключалась. Иными словами, процессы суверенизации в современной России по существу не имеют исторического прошлого, глубоких корней и традиций.

Другое отличие обозначилось, когда президентом в США стал Л. Джонсон, при котором определилась роль городов в системе американского федерализма. Городское управление окончательно стало креатурой штатов. Штаты получили право распускать городское управление (в современной России города менее зависимы от областей и часто противостоят областным властям).

Третье отличие американского федерализма от российского в том, что каждый штат в США входит в Союз, но при этом сохраняет свою самостоятельность: в ранней истории большую, в современной – значительно меньше, хотя в последнее время права штатов в США снова расширяются. Основы этого процесса заложила в начале 70-х гг. XX в. администрация Никсон. Тогда это явление получило название «нового федерализма».

Четвёртое отличие: Сенат в США представляет штаты, а Палата представителей – народ. У Сената США значительно больше полномочий, чем у Совета Федерации России. В этом смысле российские отношения на федеральном уровне по существу не имеют аналога, ибо наш Совет Федерации скорее походил после развала Советского Союза на Палату лордов в Англии. На областном уровне в России вплоть до настоящего времени вообще нет сенатов на местном уровне, как в штатах США.

Выстраивая федеративные отношения, современные российские законодатели, безусловно, учитывают международный опыт, включая классические образцы – американский и германский, во-первых, при распределении предметов ведения между центром и на местах; во-вторых, при урегулировании проблем государственного и бюджетного федерализма, в налоговой политике, в частности; в-третьих, наконец, при определении возможностей международных связей субъектов РФ [4].

Опыт американцев, как, впрочем, и достижения других федераций в мире (их свыше двадцати), пока слабо приживался в российской действительности после развала СССР. Это происходило в первую очередь из-за тех противоречий, которые были заложены в Федеративном договоре 1992 г. и содержатся в Конституции 1993 г. [5, 6].

Полномочия федерального центра в современной России вплоть до наших дней существенно превосхо-

дят полномочия региональных властей. Ст. 76, п. 5 российской Конституции отдаёт приоритет государственному законодательству над региональным, но в то же время в ст. 77 п. 1 представлен достаточно широкий круг полномочий региональным национальным органам, в первую очередь республиканским.

Более того, в главе VIII российской Конституции указывается, что местные органы исполнительной власти могут входить в конфликт с законодательными органами, хотя в чём конкретно это может проявиться – не определено.

В российской Конституции явно прослеживаются двойные стандарты. Так, ст. 11, п. 3 предоставляет право заключения соглашений как на федеральном уровне, так и на уровне субъектов Федерации. Кроме того, нет чёткого разграничения предметов ведения федеральных и региональных властей. Особенно это не допустимо в области налоговой политики. Из ст. 75, п. 3 о сборе налогов не ясно, какие же всё-таки власти – федеральные или региональные – ведают этим вопросом. По Конституции РФ получается, что ведают одновременно, но это только запутывает ситуацию со сбором налогов. Более того, объективно порождает несправедливое распределение налогов между субъектами Федерации в пользу федеральной казны. Ст. 5, п. 4 указывает, что все члены Федерации равны, но содержание главы III российской Конституции противоречит этому: ряд субъектов РФ (в основном республики) приняли свои конституции, тогда как области руководствуются, как правило, уставами. Республики в России определились с распределением предметов ведения с Центром; большинство областей только приступило к этому процессу. Международные связи республик в России значительно обширнее, чем тех же областей или краёв. Экспорт Татарстана, Бурятии свыше 40 млн долл.; импорт – около 30 млн, что не идёт ни в какое сравнение с любой российской областью или краем. Причём тот же Татарстан, например, имеет не только экономические, но и политические международные связи, причём не только с субъектами иностранных государств, но и с самими этими государствами.

Главная проблема процесса децентрализации в России в том, что в этом процессе распределение полномочий и предметов ведения идет, как правило, сверху вниз, а не наоборот. Нам бы пригодился в этой связи опыт ФРГ или Австрии, в которых конституции наделяют государственными функциями местные субъекты власти во многих сферах жизнедеятельности населения этих стран (таблица).

Классические модели бюджетного федерализма

Американская модель (конкурентная)	Германская модель (кооперативная)
1. Собственные налоги по принципу «один налог – один бюджет»	1. Совместные налоги по принципу «один налог – три бюджета»
2. Слабое выравнивание	2. Сильное выравнивание
3. Самостоятельность в расходах	3. Совместное регулирование расходов
4. Непринятие «мандатов»	4. «Финансируемые мандаты»
5. Вероятность «банкротства»	5. Помощь кризисным регионам
6. Свобода заимствований	6. Ограничение заимствований

В этом смысле американская Конституция имеет свои особенности. В разделе X ст. 1 Конституции этой страны указывается, что ни один из штатов не имеет права заключать договоры с иностранными государствами без согласия федеральных властей. Это, тем не менее, не исключает международных связей отдельных американских штатов. Некоторые из них активно сотрудничают с Канадой. Штат Индиана, например, имеет отдельные договоры с Московской областью и т.д. Ряд американских штатов имеют свои представительства во Франции, Нидерландах и других частях света.

Ещё одна проблема российского федерализма – наличие так называемых «матрёшек» (двух равных

субъектов в одном и том же субъекте РФ), например Ямало-Ненецкий округ в Тюменской области или г. Северск как «закрытый город» в Томской области и т.п. Всё это только усложняет проблему распределения предметов ведения, запутывает процессы государственного и бюджетного федерализма в нашей стране.

Бюджетный федерализм – наиболее острая проблема в России (рис. 2). До настоящего времени не очень ясно, как у нас распределяются средства: по горизонтали или по вертикали. «Закрытые города» всё ещё имеют приоритет в распределении финансовых средств, тем самым усугубляя «бюджетное неравенство» субъектов Российской Федерации.

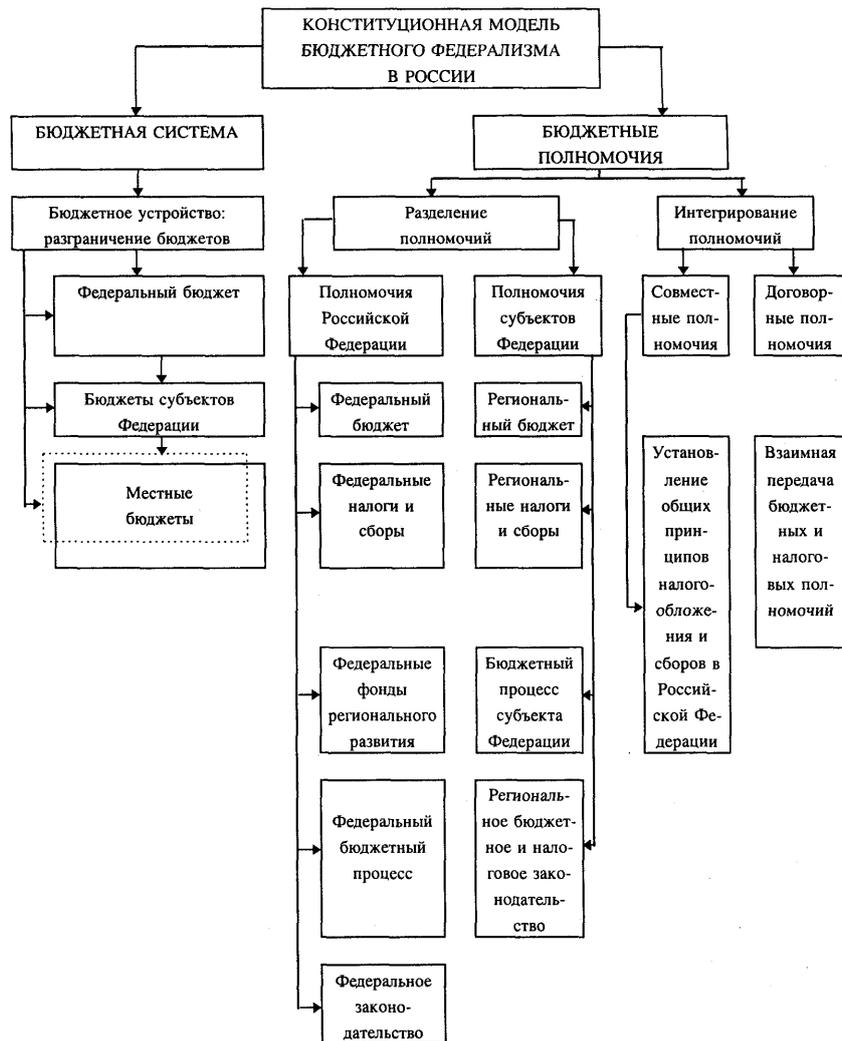

Рис. 2. Бюджетный федерализм в Российской Федерации

Не менее острая проблема в российском бюджетном федерализме – проблема трансфертов (выравнивание доходов на душу населения). В этом смысле у нас бюджетный федерализм скорее подменяется «бюджетным централизмом», прежде всего финансовым, когда большинство налогов с мест уходит в Москву и затем ходит по кругу, попадая назад в те или иные субъекты Российской Федерации исключительно в зависимости от оборотистости местных властей, политической конъюнктуры и т.п.

Сохраняется надежда решить проблему бюджетного федерализма в России путём создания «системы обязательств» на разных уровнях: федеральном и местном (как в США на уровне федерального центра, штатов и на местах), что предусмотрено в реформах российского федерализма, осуществляемых с начала 2000-х гг. [7]. Но для этого надо упорядочить систему сбора налогов в России, в частности налога с собственности, причём абсолютно независимо от властей того или иного цен-

тра: субъектов РФ от Москвы; местных властей от субъектов РФ и т.п. С другой стороны, на всех уровнях развития российского федерализма следует активизировать и упорядочить деятельность групп интересов (лоббистов), как это происходит в развитых федеративных государствах, включая США. Эта деятельность в современной России находится в зачаточном бесформенном состоянии и фактически вне рамок правового поля. Более того, нам ещё только предстоит, решая проблемы государственного и бюджетного федерализма, организовать реальный контроль за правами и обязанностями российских законодателей на всех уровнях,

исключая кумовство, безграмотность, коррупцию и т.п. в их рядах; те, в свою очередь, должны иметь широкий доступ к информации, отражающей деятельность исполнительных властей, в Центре и на местах. При этом необходимо использовать не только практический, но и научно-теоретический анализ системы государственного управления на всех уровнях, что в США, например, внедрялось со времён президентства Теодора Рузвельта в начале XX в. Всё это в России пока не приживается главным образом потому, что в Конституции РФ контрольные функции российских законодателей фактически исключены.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конституция Соединённых Штатов Америки 1787 г. URL: <http://amerikos.com/usa/constitution>, свободный (дата обращения: 10.05.2014).
2. Скидмор М., Трипп М. Американская система государственного управления. М.: СП «Квадрат», 1993. С. 70–95.
3. Выступление Б.Н. Ельцина в Уфе. URL: <http://geum.ru/next/refrt-19614.html>, свободный.
4. *Международный научно-практический семинар «Федерализм в России»*. 29–31 января 1996 г. Томск, 1996.
5. *Федеративный договор. Документы. Комментарии*. М.: Республика, 1992.
6. Конституция Российской Федерации. М.: Известия, 1993.
7. Лавров А.Д., Сазерленд Дж., Литвак. Реформа межбюджетных отношений в России: «федерализм, создающий рынок» // Вопросы экономики. 2001. № 4. URL: <http://www.budgetrf.ru/Publications/Magazines/Ve/2001/2001-4lavrov/2001-4lavrov000.htm>, свободный.

Sokolov Nicolay N. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: sokolov.nsokolov@yandex.ru

ANALYSIS OF RUSSIAN VERSION OF FEDERALISM IN THE CONTEXT OF THE INTERNATIONAL EXPERIENCE.

Keywords: state federalism; fiscal federalism; devolution (decentralization); doctrine of national supremacy; new federalism; doctrine of states rights; doctrine of nullification; layer-cake federalism; marble cake federalism.

The article deals with the modern Russian version of federalism in the context of international experience. Thereupon, the contradictory processes of formation and development of the state and fiscal federalism in modern Russia after the collapse of the Soviet Union up to the present time can be traced; the comparative-historical analysis of the selected economic, political and legal aspects of federal relations in our country against the background of international experience, primarily American, is carried out in historical perspective (See Apps: Multiple Choice). Federalism in the United States, unlike in Russian history, developed from the center to the states – essentially since colonial times. In our country, the process of devolution (decentralization) began virtually from the time of the collapse of the USSR, with sometimes held in a ridiculous form under the slogan: "Take sovereignty as you want." In other words, the processes of sovereignty in Russia on – essentially do not have a historical past, deep roots and traditions. Building a federal relations, modern Russian lawmakers will certainly take into account international experience, primarily the classical classic designs- American and German, firstly, in the allocation of authority between the central and local levels; secondly, in the settlement of the problems of the state and fiscal federalism, tax policy, in determining the capacity of the international relations of the subjects of the Russian Federation. Nevertheless, the experience of Americans, for that matter, and the achievement of other federations in the world (there are more than twenty), slightly adapted in the Russian reality after the collapse of the USSR. This occurred primarily because – for the contradictions that were laid out in the Federal Treaty of 1992 and contained in the Constitution of 1993. More of the powers of the federal government in modern Russia to this day greatly exceed the powers of regional authorities. There is no clear delimitation of jurisdiction of the federal and regional authorities. Especially it is not permissible in the area of tax policy, for objectively creates an unfair distribution of taxes between the subjects of the Russian Federation in favor of the federal treasury. International Relations of the Republic in Russia is much broader than the same areas or edges. The main problem of the decentralization process in Russia is that in this process the distribution of powers and terms of reference are, as a rule, from the top down, rather than vice versa. We have yet to solving the problems of the state and fiscal federalism, organize real control over the rights and obligations of Russian lawmakers at all levels, excluding nepotism, illiteracy, corruption, etc. in their ranks; This, in turn, will require access to data that reflect the activities of executive authorities in the central and local levels. It is necessary to use not only practical, but also scientific – theoretical analysis of public administration at all levels This will probably require amendments to the Russian Constitution, extend control functions Russian lawmakers.

REFERENCES

1. *Konstitutsiya Soedinennykh Shtatov Ameriki 1787 g.* [The US Constitution 1787]. [Online] Available from: <http://amerikos.com/usa/constitution>. (Accessed: 10th May 2014).
2. Skidmore, M. & Tripp, M. (1993) *Amerikanskaya sistema gosudarstvennogo upravleniya* [The American Government]. Translated from English. Moscow: Kvadrat. pp. 70-95.
3. *Geum.ru Vystuplenie B.N. El'tsina v Ufe* [The Address of B. Yeltsin in Ufa]. [Online]. Available from: <http://geum.ru/next/refrt-19614.html>.
4. Anon. (1996) [Attachment Scheme №2]. *Federalizm v Rossii* [Federalism in Russia]. International Research Seminar. Tomsk. 29th to 31st January. Tomsk.
5. Boltenkova, L.F. & Abdulatipov, R.G. (eds) (1992) *Federativnyy dogovor. Dokumenty. Kommentarii* [The Federal Treaty. Documentation. Comments]. Moscow: Respublika.
6. Russian Federation. (1993) *Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii* [The Constitution of the Russian Federation]. Moscow: Izvestiya.
7. Lavrov, A., Sutherland, D & Litvak, J. (2001) *Reforma mezhyudzhetykh otnosheniy v Rossii: "federalizm, sozdayushchiy rynok"* [Reforms of interbudget relations in Russia: federalism forming the market]. *Voprosy ekonomiki*. 4. [Online] Available from: <http://www.budgetrf.ru/Publications/Magazines/Ve/2001/2001-4lavrov/2001-4lavrov000.htm>.

ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

УДК 311(091)(32)
DOI 10.17223/19988613/36/10

И.В. Малыхина

О ВЛИЯНИИ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ФАКТОРА НА РАЗВИТИЕ УЧЁТНЫХ ОПЕРАЦИЙ В ДРЕВНЕМ ЕГИПТЕ

Влияние р. Нил на развитие учётных операций в годы становления государственности Древнего Египта разнообразно. С помощью Нила добывали пищу, обеспечивавшую прирост населения и развитие бюрократической машины. Разлив Нила мог принести как голод, так и процветание, поэтому точному учёту разлива реки придавалось большое значение на самом высоком уровне. Из-за мощных разливов Нила рельеф и границы участков часто менялись и требовались дополнительные измерения для установления новых границ, при этом общая налоговая ставка напрямую зависела от уровня поднятия воды в Ниле. Нил благоприятствовал появлению и развитию методов учёта, которые позднее стали основой для научного подхода к обработке данных.

Ключевые слова: учёт; история науки; Нил; Палермский камень; Древний Египет.

Путь развития любого государства определяется многими факторами, в том числе и географическими особенностями страны. Однако в Египте влияние географической среды на население и его культуру было особенно могущественным [1. Р. 7]. Роль Нила в качестве одного из самых важных факторов в создании древнеегипетского государства не оспаривается, по-видимому, ни одним крупным учёным, однако его влиянию на развитие учётных операций на заре цивилизации пока что уделялось, на наш взгляд, недостаточно внимания.

Обзор литературы по данной тематике можно условно разделить на несколько категорий. К первой относятся труды, рассматривающие древний учёт в качестве предшественника современной бухгалтерии. В таких трудах основной акцент делается не на изучении первых признаков возникновения и применения учёта, а на сравнении древних методик учёта с современными аналогами методов обработки информации, используемых в бухгалтерском учёте. Из учёных, активно участвующих в этой области исследований, можно выделить Махмуда Эзамеля, Сальвадора Кармону и Кита Хоскина, которые посвятили несколько научных трудов развитию учёта в Древнем Египте в различные эпохи: «Учёт и отчётность в древних цивилизациях: Месопотамия и Древний Египет» [2], «Пересмотр теории учёта, письма и денег при помощи свидетельств из Месопотамии и Древнего Египта» [3].

Ко второй категории относятся труды, издаваемые авторитетными египтологами, в которых затрагивается множество тем, относящихся к одному или нескольким периодам развития древнеегипетского государства. К данной группе можно отнести труды следующих учёных: Барри Кемпа «Древний Египет. Анатомия цивилизации» [4], Тоби Уилкинсона «Взлёт и падение Древнего Египта» [5], «Раннединастический Египет»

[6] и многих других. Из работ отечественных египтологов можно выделить, например, фундаментальные труды Ю.Я. Перепёлкина «История Древнего Египта» [7], В.И. Авдиева «Военная история Древнего Египта» [8], В.В. Струве «История древнего Востока» [9].

Также необходимо выделить в отдельную категорию труды, посвящённые изучению влияния Нила на развитие египетской цивилизации. В книге «Ранняя гидравлическая цивилизация Египта» [10] Карл Бутцер проанализировал связь географических особенностей Древнего Египта (а также изменение их со временем) со спецификой развития цивилизации на самых ранних этапах. Рушди Саид в книге «Река Нил: геология, гидрология и использование» [11] дал детальную характеристику климатическим изменениям в районе долины Нила и особое внимание уделил истории фиксации уровней разлива реки, а также зарождению и развитию методов ирригации, существовавших с древнейших времён. Среди статей по данной тематике можно выделить работу Ферки Хассана «Динамика речной цивилизации: геоархеологическая перспектива долины Нила» [12]. В ней учёный довольно тесно связывает изменчивый характер Нила с развитием древнего общества, а также подчёркивает большое влияние периодических разливов реки на развитие религии, идеологии, а также на становление разнообразных государственных институтов.

В данной работе мы постараемся показать, что влияние Нила на развитие учётных операций в годы становления государственности Древнего Египта было весьма ощутимо и носило довольно многосторонний характер.

В силу различных естественных причин ежегодные разливы Нила могли существенно различаться по высоте затопления, что могло привести как к обильному урожаю, так и к голоду, а в случае экстремально обильного затопления даже вызвать обширные разрушения. Отличия в высоте разливов, приводящих к столь различным результатам, были невелики, и Пли-

ний Старший в своём труде «Естественная история» указывает на это: «12 локтей предвещают голод, 13 локтей – провинция все еще терпит его, 14 локтей приносит с собой радость, 15 – обеспеченность, 16 – избыток» [13. С. 17]. Эта особенность в поведении реки привела к тому, что египтяне очень рано осознали важность наблюдений за Нилом, а также важность измерений, фиксации и даже, возможно, предсказаний жизненно важного параметра – высоты подъёма воды.

Первые следы упорядоченной фиксации измерений уровня подъёма Нила мы находим на Палермском камне. Палермский камень представляет собой плиту из черного базальта, которая предположительно является фрагментом стелы, содержащей хронологические записи о периоде древнеегипетской истории, начиная с додинастического периода и заканчивая царями Старого царства. Текст на камне представлен несколькими горизонтальными регистрами, которые в свою очередь разделены на годовые ячейки, отделённые друг от друга вертикальными знаками, означавшими «год». События, которые записаны на Палермском камне, – это войны, культовые церемонии, обложение и сбор налогов, построение скульптур и зданий. Кроме этого, в нижней части каждой годовой ячейки содержатся записи об уровне разлива воды в Ниле – эта запись как бы венчает собой год и подводит итог всем его значительным событиям. Подробная статистика разлива главной водной артерии страны напрямую может быть отнесена к учету. По мнению Дональда Рэдфорда [14. Р. 135], данная информация содержалась и в царских анналах эпохи Старого царства, которые предположительно существовали в те времена, но не сохранились кроме как в форме Палермского камня [15. Р. 185].

Рассмотрим важность подобных учетных записей на протяжении всех временных периодов существования Древнего Египта. Течение года египтяне делили на три сезона по четыре месяца в каждом: «экхет» (наводнение), сезон «перет» (выхода земли из воды) и сезон «шему» (недостаток воды). Указанные смыслы слов впервые предложил немецкий египтолог Курт Зете, а позднее такое обозначение стало общепринятым [16. С. 77]. Таким образом, уже к концу V тысячелетия (а Джеймс Брестед и Эдуард Мейер называли даже более четкие даты: 4241 и 4241–4238 гг. до н.э. соответственно) относится появление древнеегипетского календаря как результата, вызванного земледельческими потребностями наблюдений неба [1. Р. 31].

Хотя сельское хозяйство практиковалось в течение почти двух тысячелетий перед политическим объединением Верхнего и Нижнего Египта (3050±50 до н.э.), самым ранним свидетельством искусственной ирригации является булава Царя Скорпиона, которая показывает, как один из последних додинастических царей церемониально прорезает ров [10. Р. 20].

На изображении показан водный проток (нарисованный с помощью типичных волнистых линий, используемых для изображения воды), который разделя-

ется на сетки, одна из которых увенчана стилизованной, но хорошо узнаваемой пальмой. На булаве Царя показан с большой мотыгой, помощники его держат традиционные плетёные корзины и мётлы. Двое других рабочих с мотыгами готовы разрывать или углублять нижний канал (существуют и другие интерпретации данного изображения: например, Баумгартел [17] считает, что эта сцена представляет собой закладку царём храма). Этот значительный документ практически не оставляет сомнений в том, что переход от натуральной к модифицированной или даже искусственной ирригации произошёл ещё в додинастический период.

Первое упоминание о высоте разлива Нила приходится на второе правление I династии. Имя этого царя на Палермском камне не сохранилось. Возможно, это был Тети или его преемник Ити или Ита [18. С. 350]. Уровень воды измерялся в локтях (один локоть равен примерно 45 см) и долях локтя (пальцы и ладони). При анализе записи на Палермском камне видно, что отчёт о высоте разлива воды в Ниле со времён второго правления I династии становится ежегодным. На Палермском камне сохранились 52 ежегодные записи времён правления 9 царей Египта. Несмотря на то что размер выборки невелик, можно сделать вывод, что в целом был спад уровня наводнений, одни из самых низких показателей разлива реки приходится на конец первой династии (предположительно Мерпаба), а минимум зафиксирован во времена правления царя Нечриму – тогда уровень воды достиг отметки всего в один локоть.

Существует несколько причин, подчеркивающих важность подобных ежегодных измерений. Первой причиной, по которой царскому двору нужны были такие измерения (и их фиксация), является то, что высота наводнения напрямую влияла на уровень сельскохозяйственных сборов в текущем сезоне, а это позволяло казне определять соответствующий уровень налогов [5. Р. 59].

Стоит отметить, что для периода Старого царства, а особенно для додинастического и раннединастического периодов, информация о налогах имеет очень отрывистый и спорный характер. Фактически, кроме Палермского камня, у нас есть лишь декреты об освобождении от налогового бремени храмов и храмовых служащих, а также биографии в гробницах того периода.

Мы в точности не знаем, каким образом использовалась информация о разливе Нила в те времена, но ежегодные замеры высоты подъёма Нила и работы по измерению земли рассматривались в качестве важнейшей функции центрального аппарата власти на протяжении практически всей истории Древнего Египта. Мы можем воспользоваться свидетельствами использования значений разлива Нила для установления величины налогов из периода правления XX династии. После разлива воды землю «измеряли и подсчитывали», как пишет Рамзес III (примерно 1185–1153 гг. до н.э.) своему отцу [11. Р. 193]. Так как большинство земель еже-

годно погружалось под воду, то оказывалось, что некоторые земли сокращались, а некоторые увеличивались, после того как наводнение спадёт. Границы часто менялись, и приходилось производить регулярные измерения для установления соответствующей налоговой ставки.

Вторая причина носит не столько практический характер, сколько космогонический. Вспомним, что древнеегипетское государство можно назвать монархическим, однако при этом следует иметь в виду, что это была весьма необычная монархия. Так, европейский монарх выступал в двух свойствах: с одной стороны – как физическое лицо, с другой – как политический институт [16. С. 171]. Древнеегипетский же монарх воображался не только в этих свойствах, но и представителем могущественных сил, управляющих Вселенной. В этом качестве он считался проводником, через который космическая духовная энергия входила в общественный и государственный механизм, придавая ему соответствующий закону Вселенной порядок – «Маат», и приводя жизнь людей в гармонию с природными процессами. Фараон в качестве божественной реинкарнации и посредника между божественными и земными сущностями выступал в качестве основного защитника Маат – космологического порядка, который является важнейшим для выживания и процветания Египта, а также для качества наводнения Нила. Сакрализация воды была краеугольным камнем теократии фараонов. Представление о монархе как о носителе космической духовной энергии, приводящей в действие природные и общественные процессы, поддерживалось не только монументами, но и особыми ритуалами [Там же. С. 173]. Так, один из ритуалов призван был внушать египтянам, что главная их река периодически разливается не иначе, как по приказу носителя этой власти. Следовательно, в обязанность фараона входит успокаивать божества при помощи законных и магическо-религиозных способов [19. Р. 54]. Только тогда наводнение придёт, «когда следует». В соответствии с этой логикой качество наводнения Нила является результатом общения фараона (а через него и всех египтян) и Маат (а более расширенно – богов). Богом, олицетворяющим ежегодный разлив великого Нила, был Хапи.

Хапи был также известен, как «повелитель рыб и болотных птиц», а также «повелитель реки, несущей растения». Хапи изображали полноватым мужчиной с синей или зеленоватой кожей, символизирующей речную воду [Там же. Р. 88]. Большой живот, которым обладал Хапи в представлении египтян, символизировал плодородие Нила. Ежегодные разливы реки египтяне считали пришествием Хапи. Считается, что обрушение правления VI династии произошло, по крайней мере частично, из-за наступления большого голода, вызванного периодом низкого уровня наводнений Нила [20. Р. 9]. Соответственно, «хорошесть» реки и, как следствие, процветание народа прямо пропорционально качеству деяний фараона по умиротворению божеств.

Итак, как мы можем видеть, влияние Нила на развитие учётных операций было очень многосторонним. Во-первых, Нил поставлял пищу, обеспечивавшую государству прирост населения, что приводило к росту бюрократического аппарата и развитию учётных методов. Во-вторых, полная зависимость древних египтян от точного попадания величины поднятия воды в Ниле в благоприятный диапазон (всего 3–4 локтя отделяли голод от процветания), а также частичное или полное обожествление фараонов привели к тому, что точному учёту разлива реки придавалось большое значение на самом высоком, царском уровне. В-третьих, мощные разливы Нила приводили к тому, что рельеф и границы участков менялись практически каждый год и требовались дополнительные измерения для установления новых границ и для подсчёта соответствующей налоговой базы. В-четвёртых, и сама общая налоговая ставка напрямую зависела от уровня поднятия воды в Ниле. И, наконец, в-пятых, необходимость в ирригации полей, не находящихся непосредственно в пойме реки, приводила к раннему развитию гидротехники и землемерного дела, что, разумеется, также дало толчок развитию учётных операций.

Таким образом, следует признать, что Нил не только способствовал возникновению и становлению государства Древнего Египта, но также и благоприятствовал появлению и развитию методов учёта, которые позднее стали основой для научного подхода к обработке данных.

ЛИТЕРАТУРА

1. Тураев Б.А. Древний Египет. М. : Книжный дом «Либроком», 2014.
2. Carmona S., Ezzamel M. Accounting and accountability in ancient civilizations: Mesopotamia and ancient Egypt // *Accounting, Auditing and Accountability Journal*. 2007. Vol. 20(2). P. 177–209.
3. Ezzamel M., Hoskin K. Rethorizing accounting, writing and money with evidence from Mesopotamia and ancient Egypt // *Critical Perspectives on Accounting*. 2002. Vol. 13 (3). P. 333–367.
4. Kemp B.J. *Ancient Egypt. Anatomy of a Civilization*. Routledge. London and New York, 1991.
5. Wilkinson T.A.H. *The Rise and Fall of Ancient Egypt*. New York : Random House, 2010.
6. Wilkinson T.A.H. *Early Dynastic Egypt*. Routledge, 1999.
7. Перепёлкин Ю.Я. *История Древнего Египта*. СПб. : Нева, Летний сад, 2000.
8. Авдиев В.И. *Военная история Древнего Египта*. М. : Изд-во АН СССР, 1959.
9. Струве В.В. *История древнего Востока*. М. : ОГИЗ; Госполитиздат, 1941.
10. Butzer K.W. *Early Hydraulic Civilization in Egypt*. Chicago, IL: University of Chicago Press, 1976.
11. Said R. *The River Nile: Geology, Hydrology and Utilization*. Oxford : Pergamon Press, 1993.
12. Hassan F.A. The dynamics of a riverine civilization: a geoarchaeological perspective on the Nile Valley, Egypt // *World Archaeology*. 1997. Vol. 29(1). P. 51–74.

13. *Естественная история*. Плиний Старший (23–79 гг. н.э.). Античная география / сост. М.С. Боднарский. М. : Гос. изд-во геогр. лит-ры, 1953.
14. Redford D.B. *Pharaonic king-lists, annals, and day-books: a contribution to the study of the Egyptian sense of history*. Mississauga : Benben, 1986.
15. Shaw I. (Ed.). *The Oxford History of Ancient Egypt*. Oxford : Oxford University Press, 2000.
16. Томсинов, В.А. *Государство и право Древнего Египта*. М. : ИКД «Зерцало-М», 2011.
17. Baumgartel E.J. Scorpion and rosette and the fragment of the large Hierakonpolis mace head. *Zeitschrift für Arbeits- und Sozialrecht. Ägyptische Sprache Altertumskunde* (92). 1966. P. 9–13.
18. Эмери У.Б. *Архаический Египет* / пер. с англ. Н.Н. Каменской и А.С. Четверухина (Серия: Александрийская библиотека). СПб. : Журнал «Нева»; ИТД «Летний Сад», 2001.
19. Wilkinson R.H. *The Complete Gods and Goddesses of Ancient Egypt*. Thames & Hudson. 2003.
20. Metz H.C. (ed.). *Egypt: A country study*. Library of Congress, Federal Research Division, 1990.

Malykhina Irina V. Admiral Makarov State University of Maritime and Inland Shipping (St. Petersburg, Russian Federation). E-mail: irina.malykhina@gmail.com

ON THE INFLUENCE OF GEOGRAPHY ON THE DEVELOPMENT OF ACCOUNTING OPERATIONS IN ANCIENT EGYPT.

Keywords: accounting; history of science; the Nile; the Palermo Stone; Ancient Egypt.

Evolution path of any country depends on various factors, including, among others, local geographical features. This geographical factor in Ancient Egypt had a dramatic impact on the people and their culture. But the relations between the Nile and accounting practices development are not clear yet. In this paper we will try to show the evidences that the Nile had diverse influence on the accounting evolution in the formative years of Ancient Egypt. Many studies usually perceive main river of Egypt mainly as a source of valuable food resource for active population growth and for local elite enrichment processes. This process in turn leads to the bureaucratic apparatus rapid expansion and also to the development of accounting operations that are used to control the various stages of the harvesting, processing and distribution. Besides this obvious way of influence we can find many other interconnections between the Nile and incipient accounting methods. Recent studies show that artificial irrigation process could already exist in the predynastic era. A low flood could lead to famine, and too high a flood could destroy dikes and other irrigation works. Even a two-meter drop in the river's flood level could leave as much as a third of the floodplain unwatered. Nile flooding could bring famine as well as prosperity, so precise knowledge of the river level was of great importance on the highest (pharaoh) level. This information was carefully gathered and regularly stored in the Royal Annals (also known as Palermo Stone – black stela from the end of Old Kingdom) along with the main annual events and other important royal records. Palermo stone contains fifty two survived annual flood level records during the reign of nine Egyptian kings. It was a reference to the maximum height of the Nile, which no doubt served as an indication of the produce that could be harvested. This was of great statistical importance in order to calculate the taxes due on agricultural land. Statistics of maximum heights of Nile also considered as evaluation of particular pharaoh activity because pharaoh regarded as mediator between gods and common people. Relief of floodplain often changed due to mighty river inundation and for the purpose of establishing of new boundaries additional counting and measurements were needed. The Nile facilitated the emergence and development of accounting methods, which later became the basis for a scientific approach to data processing that led to the formation of statistics as a separate science.

REFERENCES

1. Turaev, B.A. (2014) *Drevniy Egipt* [Ancient Egypt]. Moscow: Librokom.
2. Carmona, S. & Ezzamel, M. (2007) Accounting and accountability in ancient civilizations: Mesopotamia and ancient Egypt. *Accounting, Auditing and Accountability Journal*. 20(2). pp. 177-209. DOI: <http://dx.doi.org/10.1108/09513570710740993>
3. Ezzamel, M. & Hoskin, K. (2002) Rethorizing accounting, writing and money with evidence from Mesopotamia and ancient Egypt. *Critical Perspectives on Accounting*. 13(3). pp. 333-367. DOI: 10.1006/cpac.2001.0500
4. Kemp, B.J. (1991) *Ancient Egypt. Anatomy of a Civilization*. London and New York: Routledge.
5. Wilkinson, T.A.H. (2010) *The Rise and Fall of Ancient Egypt*. New York: Random House.
6. Wilkinson, T.A.H. (1999) *Early Dynastic Egypt*. London: Routledge.
7. Perepelkin, Yu.Ya. (2000) *Istoriya Drevnego Egipta* [The history of Ancient Egypt]. St. Petersburg: Neva, Letniy sad.
8. Avdiev, V.I. (1959) *Voennaya istoriya Drevnego Egipta* [The military history of Ancient Egypt]. Moscow: USSR AS.
9. Struve, V.V. (1941) *Istoriya drevnego Vostoka* [The history of Ancient East]. Moscow: OGIZ, Gospolitizdat.
10. Butzer, K.W. (1976) *Early Hydraulic Civilization in Egypt*. Chicago, IL: University of Chicago Press.
11. Said, R. (1993) *The River Nile: Geology, Hydrology and Utilization*. Oxford: Pergamon Press.
12. Hassan, F.A. (1997) The dynamics of a riverine civilization: a geoarchaeological perspective on the Nile Valley, Egypt. *World Archaeology*. 29(1). pp. 51-74. DOI: 10.1080/00438243.1997.9980363
13. Pliny the Elder. (1953) *Estestvennaya istoriya* [Natural History]. Translated from Ancient Greek by N.M. Podzemskaya. In: *Antichnaya geografiya* [Ancient Geography]. Moscow: The State Publishing House of Geography Literature. pp. 239-
14. Redford, D.B. (1986) *Pharaonic king-lists, annals, and day-books: a contribution to the study of the Egyptian sense of history*. Mississauga: Benben.
15. Shaw, I. (ed.) (2000) *The Oxford History of Ancient Egypt*. Oxford: Oxford University Press.
16. Tomsinov, V.A. (2011) *Gosudarstvo i pravo Drevnego Egipta* [State and Law of Ancient Egypt]. Moscow: Zertsalo-M.
17. Baumgartel, E.J. (1966) Scorpion and rosette and the fragment of the large Hierakonpolis mace head. *Zeitschrift für Arbeits- und Sozialrecht. Ägyptische Sprache Altertumskunde*. 92. pp. 9-13.
18. Emery, U.B. (2001) *Arkhaischeskiy Egipt* [Archaic Egypt]. Translated from English by N.N. Kamenskaya & A.S. Chetverukhin. St. Petersburg: Neva, Letniy Sad.
19. Wilkinson, R.H. (2003) *The Complete Gods and Goddesses of Ancient Egypt*. London: Thames & Hudson.
20. Metz, H.C. (ed.) (1990) *Egypt: A country study*. Library of Congress, Federal Research Division.

УДК 94 (37).07
DOI 10.17223/19988613/36/11

В.Ю. Данилова

ОСОБЕННОСТИ ПРИХОДА К ВЛАСТИ ИМПЕРАТОРА ТРАЯНА

Рассматриваются особенности прихода к власти римского императора Траяна, которые отличают его от предшествующих императоров. Автор обращает внимание на такие вопросы, как происхождение Траяна, его усыновление Нервой, причины выбора Нервой в качестве наследника именно Траяна, наличие у Траяна соперников, способы легитимизации власти нового императора. При изучении дискуссионных вопросов учитываются работы историков конца XX – начала XXI в. Делается вывод о необычности обстоятельств прихода Траяна к власти (96–98 гг.) и первых лет его правления (98–100 гг.). Автор подчеркивает большую роль идеологии в обосновании легитимности власти императора.

Ключевые слова: путь Траяна к власти; адопция; идеология Траяна.

Цель данной статьи – рассмотреть особенности прихода к власти императора Траяна и связанные с этим дискуссионные вопросы в историографии. Хронологические рамки исследования составляют 96–100 гг. н.э., т.е. период, включающий убийство императора Домициана, краткое правление Нервы и первые годы правления Траяна. Источники по теме исследования не очень многочисленны. Рассказ о событиях того времени можно найти в «Римской истории» автора III в. Диона Кассия, а также в «Панегирике» Плиния Младшего (100 г.), но при этом необходимо помнить, что Плиний Младший в своем отражении событий весьма субъективен и, по сути, представляет официальную идеологию времен Траяна. Краткие сведения о правлении Траяна мы находим в трудах поздних авторов Евтропия и Аврелия Виктора (IV в.). Вспомогательными источниками являются монеты и надписи.

Рассмотрим, в чем заключалась специфика прихода Траяна к власти. Немецкий исследователь К. Штробель в своей работе, посвященной правлению императора Траяна, назвал первую главу словами из «Панегирика» Плиния Младшего: «О, сколь новый и неслыханный путь к власти!» (*O novum atque inauditum ad principatum iter – Pl. Pan., 7. 4–6*) [1. Р. 36]. С выбором такого названия можно согласиться, поскольку приход Траяна к власти был неординарным событием для Римской империи.

Траян, как известно, – первый римский император провинциального происхождения. Дион Кассий отмечает, что Траян не был ни италиком, ни даже италиотом, как обычно называли греков, живших на территории Италии, но выходцем из Испании [2. Кн. 68.4.1].

Как пишет Аврелий Виктор, Нерва «принял и дал стране соправителем Ульпия Траяна, уроженца испанского города Италика, принадлежавшего к славному роду» (*Namque Ulpium Traianum Italica, urbe Hispaniae, ortum... arrogatum accepit dedit. Hoc aegre clarior domi seu militiae reperietur*). [3. De Caesaribus, XIII. 1].

Евтропий сообщает, что Траян был «родом из Италики в Испании, из фамилии скорее древней, чем знатной» (*...natus Italicae in Hispania, familia antiqua magis quam clara*) [4. Кн. VIII.2.1].

Италика – это римская колония в провинции Бетика в Южной Испании. Традиционно считается, что предки Траяна, род Ульпиев, происходили из г. Тудер в Умбрии, а в III в. до н.э. переселились в Италику [5. Т. 1. Р. 30, 42; 6. Т. 1. С. 388; 7. Р. 1; 8. Р. 74].

Другую, нестандартную версию происхождения Траяна отстаивает испанская исследовательница А. Канто. Она на основе эпиграфического материала доказывает, что предки Траяна, род *Traii*, имели чисто испанские, турдетанские корни, и сам Траян, соответственно, был чистым испанцем по происхождению [9. Р. 21].

А. Канто считает, что Траяна и последующих императоров до Коммода включительно следует относить не к династии Антонинов, как это принято в науке, а к династии Ульпиев-Элиев [Ibid. Р. 24–25, 27].

Траян положил начало так называемой династии адоптивных императоров (в немецкой историографии – *Adoptivkaiser*). У предшественника Траяна Нервы (96–98 гг.) не было родных детей, поэтому вставал вопрос о выборе наследника. Ранее в истории Римской империи проблема передачи власти при отсутствии наследников решалась путем усыновления (*adoptio*) кого-либо из родственников правителя. Нерва тоже прибег к *adoptio*, но специфика ситуации состояла в том, что он усыновил Марка Ульпия Траяна, который не состоял с ним даже в отдаленном родстве, и это при том, что у Нервы были живые родственники [10. Panegyricus, 7.4; 2. Кн. 68.4.1]. Нерва объявил в Риме об усыновлении Траяна 27 октября 97 г. и тогда же назначил его своим соправителем [2. Кн. 68.3.4; 3. De Caesaribus, XIII.1; 4. Книга VIII.1.2]. До случая с Траяном в истории Римской империи был известен только один пример адопции не родственника – усыновление Гальбой Пизона в 69 г. [См.: 11. Historia, I.12–18]. Этот акт успехом не увенчался, поскольку и Гальба, и Пизон были убиты сторонниками Оттона через несколько дней после усыновления [См.: 11. Historia, I.41, 43]. Траян же не только был назначен соправителем Нервы, но и наследовал ему после его смерти и вполне успешно управлял государством в течение почти 20 лет. Таким образом, Траян стал первым римским императором, усыновленным не по родству, которому удалось закрепиться у власти.

Почему же Нерва выбрал в качестве наследника именно Траяна? Некоторые авторы говорят о том, что Нерва усыновил Траяна за его военные заслуги, поскольку престарелому императору грозила опасность быть свергнутым в результате заговоров и мятежей [6. С. 380–381; 7. Р. 40–41, 46–47; 12. Р. 23]. К такому мнению исследователей подталкивает описание событий Дионом Кассием, у которого усыновление Нервой Траяна представлено прямым следствием мятежа преторианцев [2. Кн. 68.3.3–4], а также слова Плиния Младшего, который ставит в заслугу Траяну исправление дисциплины в войске и спасение власти Нервы [10. Panegyricus, 6]. Преторианцы во главе с префектом претория Касперием Элианом потребовали от Нервы, чтобы он выдал им убийц Домициана, и расправились с этими людьми. Траян после смерти Нервы отомстил преторианцам, участвовавшим в мятеже: вызвал их к себе под предлогом некоего задания и казнил [2. Кн. 68.5.4]. Однако Дж. Грейнджер считает, что мятеж преторианцев был только поводом, но не причиной для того, чтобы Нерва скорее назначил себе преемника: между выступлением преторианцев и усыновлением Нервой Траяна прошло два или три месяца [8. Р. 96]. Г. Мильорати предполагает, что Траян мог получить власть за удачные военные операции против германцев – предположительно, свевов [13. Р. 227]. Дж. Грейнджер полагает, что войну против свевов вел не Траян, а наместник Паннонии Помпей Лонгин: исследователей вводит в заблуждение то, что Плиний в «Панегирике» соотносит по времени весть о победе в Паннонии, пришедшей в Рим, и церемонию усыновления Траяна Нервой (*Allata erat ex Pannonia laurea, id agentibus diis, ut invicti imperatoris exortum victoriae insigne decoraret*) [10. Panegyricus, 8.2–3], но эта победа была на самом деле одержана не Траяном [8. Р. 96].

Большинство современных исследователей уверены в том, что Траян был далеко не единственным претендентом на власть: таковыми могли рассматриваться наместники самых значимых провинций, особенно тех, в которых находились крупнейшие армии, и влиятельные сенаторы, пребывавшие в Риме. В пользу Траяна сыграли такие факторы, как заслуги его отца, возраст Траяна – зрелый, но не пожилой (в 96 г. ему исполнилось 43 года), и поддержка со стороны влиятельной группировки сенаторов. Эти сенаторы были объединены родственными связями и происхождением: они имели испанские, галльские и малоазийские корни [1. Р. 52; 8. Р. 97]. Вполне возможно, что кандидатура Траяна была навязана Нерве и не являлась на самом деле его свободным выбором. Во многих работах рассматривается круг людей, которые могли повлиять на выбор Нервы в пользу Траяна: родственники Траяна и его жены Помпеи Плотины, друзья его отца, друзья самого будущего императора. Среди них были, например, сенаторы Юлий Фронтин, Вестриций Спуринна, Юлий Урс Сервиан, Квинт Глитий Агрикола, Луций Лициний Сура и др. [5. Т. 1. Р. 35, 50 ff.; 6. С. 380; 7. Р. 46–47; 14.

Р. 16–17]. Кроме того, у Траяна были и союзники из числа всадников, например прокуратор Египта Помпей Планта и префект претория Аттий Субуран [5. Т. 1. Р. 54 ff.]. Выбор Траяна, по мнению Дж. Грейнджера, был результатом длительных консультаций Нервы с претендентами на власть, в результате которых все стороны пришли к консенсусу [8. Р. 97–98].

Испанские исследователи А. Канто, Р. Гонсалес Конде, Х.-М. Бласкес считают, что на выбор Нервы более всего повлиял Луций Лициний Сура, испанец по происхождению, наместник Нижней Германии при Нерве, а впоследствии ближайший помощник Траяна и его друг [15. Р. 42; 16. С. 188]. О дружбе Траяна и Суры подробно рассказывает Дион Кассий [2. Кн. 68. 15.3–6; 16.1]. Аврелий Виктор отмечает, что Траян «посвятил другу своему Суре постройку: бани, именуемые Суранскими» (*...quippe qui Surae familiari opus sacraverit, quae Suranae sunt*) [3. De Caesaribus, XIII.8]. Нерва, по мнению Х.-М. Бласкеса, усыновил Траяна в первую очередь не за его военные заслуги, а за личные качества.

Такие авторы, как Ф. Крамер и С. Монтеро, высказывают интересную мысль о том, что Нерва, веривший в предсказания и предзнаменования, мог учесть при выборе наследника астрологическую интерпретацию его гороскопа и некоторые другие факты [17. Р. 153; 18. Р. 18]. В течение жизни Траян получил предсказание (*oraculum*) и несколько предзнаменований (*omina*), которые могли трактоваться как знаки его будущего прихода к власти. Около 79–80 г. оракул из Дидимы в Малой Азии в ответ на обращение, предположительно, отца Траяна, объявил, что его сын займет римский трон и станет властителем мира [18. Р. 15]. Другой случай, возможно предвещавший Траяну власть, произошел в 91 г., когда Траян был консулом. Данные события описаны у Диона Кассия [2. Кн. 67.11.6, 12.1]. Этот же автор рассказывает вещий сон, который приснился Траяну еще до того, как он стал императором. Во сне Траяну явился пожилой мужчина в одежде сенатора и в короне и своим перстнем он как бы наложил печать на шею Траяна с двух сторон [2. Кн. 68.5.1]. Этот сон, очевидно, мог считаться предвестием прихода Траяна к власти и знаком одобрения этого события со стороны сената. Третий пример предзнаменования прихода Траяна к власти приводит Плиний Младший в «Панегирике» [10. Panegyricus, 5.2–4]. Вера в предсказания и предзнаменования была широко распространена в Риме, поэтому вполне возможно, что данный фактор также повлиял на выбор Нервы, помимо учета политических и военных качеств Траяна. С другой стороны, нельзя исключать возможности того, что эти предзнаменования были придуманы и распространены задним числом для оправдания прихода Траяна к власти.

В современной историографии принято считать, что серьезным претендентом на власть помимо Траяна был Марк Корнелий Нигрин Куриаций Матерн, карьера которого известна по надписи [19. Р. 47; 14. Р. 16 ff.].

Нигрин начал свою карьеру при Веспасиане и особенно отличился при Домициане, получив множество наград за войну против даков. Не позднее, чем с 95 г., он являлся наместником Сирии, где находилась самая сильная армия на Востоке. В. Эк предполагает, что он мог стоять позади мятежа преторианцев с целью перехватить у Нервы власть военным или мирным путем. В одном из писем Плиния Младшего, где рассказывается о событиях после смерти Домициана, упоминается некий влиятельный человек, получивший в командование большую армию на востоке [10. *Epistulae*, IX.31.11]. Имя этого человека не названо, но можно допустить, что речь шла о Нигрине. В. Эк предполагает, что назначение Траяна в 97 г. наместником Верхней Германии могло быть частью плана по предотвращению узурпации власти Нигрином, поскольку в этой провинции стояли большие войска: три легиона и вспомогательные части, всего около 35 тыс. человек [14. Р. 15–16]. Дж. Грейнджер считает, что возможный конфликт с Нигрином был улажен путем того, что последний получил консульство в сентябре 97 г. как *consul suffectus* (правда, факт получения Нигрином консульства не доказан стопроцентно) [8. Р. 93–94, 99]. В качестве одного из сильных претендентов на власть Дж. Грейнджер называет Помпея Лонгина – наместника Паннонии, где стояла самая большая на тот момент римская армия: пять легионов и вспомогательные войска [Ibid. Р. 71].

Выбор Нервой Траяна в качестве наследника, скорее всего, стал неожиданностью для большинства римских граждан, если учесть все необычные обстоятельства, сопутствовавшие этому событию. Специфика ситуации состояла в том, что усыновление Нервой Траяна было произведено в отсутствие последнего, и это было неслыханно для Рима. Траян на тот момент являлся наместником Верхней Германии и находился в этой провинции. Ему было отправлено письмо с известием об усыновлении, которое он получил в колонии Агриппины на Рейне [3. *Epitomae de Caesaribus*, XIII.2.1; 4. VIII.2.1]. Возможно, в какой-то степени усыновление стало неожиданным и для самого Траяна. Во всяком случае, необходимо было обосновать законность его притязаний на власть. Рассмотрим, каковы были способы легитимизации власти Траяна.

Усыновление Траяна в октябре 97 г. проходило на Капитолии в храме Юпитера в присутствии сената и римского народа [10. *Panegyricus*, 8.1; 2. Книга 68.3.4]. Когда Нерва усыновил Траяна, последний получил титулы цезаря и императора, власть трибуна (*tribunicia potestas*) и проконсульскую власть (*imperium maius*) [10. *Panegyricus*, 8.6; 2. Кн. 68.3.4]. Все это означало, что Траян становился соправителем Нервы, коллегой императора (*collega imperii*) и подразумевался как будущий преемник Нервы. После смерти Нервы в январе 98 г. Траян стал принцепсом. Сенат вскоре избрал его великим понтификом (*pontifex maximus*): начиная с Августа все императоры были великими понтификами,

что придавало их персонам сакральность. Немного позже Траян получил от сената почетный титул отца отечества (*pater patriae*), который подразумевал заслуги Траяна перед государством и заботу императора о гражданах. К. Крист считает, что сенат и народ, по сути, не были привлечены к выбору нового принцепса и конституционно-правовому урегулированию процедуры усыновления Траяна [6. С. 382]. Однако в официальной идеологии, наоборот, подчеркивался консенсус сената и нового принцепса. В 98–99 гг. были отчеканены монеты с легендой «*Providentia senatus*» («Провиденция сената»), на которых было сделано такое изображение: слева Траян в военной одежде, справа – человек в тоге (по разным трактовкам, персонификация сената либо сам Нерва), который правой рукой передает Траяну земной шар (державу?), а в левой руке держит свиток (по версии Х. Мэттингли) либо скипетр (по версии П. Страка) [монетный тип см.: 20. *Taf. I. № 1, 7; 21. Pl. 10.3–4. № 53, 55*]. Х. Мэттингли трактует данную сцену как усыновление Нервой Траяна [21. Р. lxvii]. Легенда монеты говорит о том, что сенат как бы предвидел и одобрял приход Траяна к власти.

Необычность ситуации с приходом Траяна к власти состояла также в том, что после смерти Нервы новый принцепс почти два года отсутствовал в Риме. Даже став императором, Траян не счел нужным сразу же отправиться в столицу: больше года он занимался инспектированием и укреплением внешних границ в районе Рейна и Дуная, и только поздней осенью 99 г. состоялся торжественный въезд Траяна в Рим [10. *Panegyricus*, 20, 22–23]. О важности операций, проводимых Траяном в Германии, могут свидетельствовать монеты 98–99 гг. с легендой «*Germania pacata*» («Умиротворенная Германия») [монетные типы см.: 20. *Taf. I. № 12; 21. Pl. 9.5. № 8*]. Легенда на монетах подчеркивает, что Траян отказался на Рейне от политики завоевания и уладил отношения с германцами мирным путем [22. С. 170]. За свои заслуги Траян получил титул *Germanicus*.

Г. Зеелентаг дает свое объяснение тому, почему Траян не торопился приезжать в Рим в начале правления. Этот автор, который в своей монографии изучает проблемы представления власти и создания образа императора (*Herrschaftsdarstellung*), считает, что римское общество ожидало от Траяна в первую очередь демонстрации военного имиджа (*die militärische Imago*): он должен был приобрести репутацию успешного военачальника и доблестного защитника Римской империи. Вероятно, эти ожидания были связаны с тем, что отец Траяна, Марк Ульпий Траян-старший, в свое время сделал успешную военную карьеру, а также с тем, что военные действия Домициана против германцев считались не слишком эффективными. В то же время столь долгое отсутствие Траяна в Риме вызывало негативную реакцию со стороны сенаторов, которые чувствовали себя приниженными подобным поведением императора [23. Р. 48–53, 113 ff.]. Дж. Грейнджер комментирует факт отсутствия Траяна в

Риме следующим образом: он дал понять, что Римской империей теперь можно было управлять и не из Рима: власть была уже не там, где был сенат, а в том месте, где пребывал император [8. P. 117–118].

Власть Траяна обосновывалась также с помощью идеологии. В «Панегирике», произнесенном в сентябре 100 г., а затем опубликованном, известный литератор и приближенный Траяна Плиний Младший сформулировал концепцию усыновления наилучшего (*optimus*) и наиболее достойного по своим личным качествам человека, каким, по его словам, являлся Траян [10. *Panegyricus*, 7. 4–6]. Проводилась мысль о том, что это боги избрали Траяна принцепсом, а Нерва только послушно исполнил их волю [Ibid. *Panegyricus*, 1.3–6; 8.2]. Император представлялся наместником Юпитера на земле [Ibid. *Panegyricus*, 80.5]. Также было заявлено о том, что цель Траяна – правление во имя общего блага, и что боги, поставившие императора у власти, будут охранять его только до тех пор, пока он будет заботиться о гражданах [Ibid. *Panegyricus*, 67; 10. *Epistulae*, X.35; 3. *De Caesaribus*, XIII.9]. Траян представлялся в качестве посредника между богами и людьми, через которого первые даруют вторым благополучие и процветание [Ibid. *Epistulae*, X.1; 35; 102]. В официальной идеологии также создавался образ Траяна как родителя и отца для граждан [Ibid. *Panegyricus*, 2.3; 4.2; 21.3–4; 26.3; 29.2; 39.6; 53.1; 67.1; 87.1, 3; 94.4], что вполне соотносилось с его титулом отца отечества (*pater patriae*).

Интересно отметить, что идеи, подобные названным выше, содержатся и в более раннем источнике – письме Плиния Траяну, которое исследователи датируют концом января 98 г. [10. *Epistulae*, X.1]. Оно было написано сразу после смерти Нервы, и Плиний поздравляет в нем Траяна с тем, что он стал императором. Автор высказывает уверенность в том, что Траян не торопился наследовать власть своего приемного отца: это бессмертные боги поспешили поставить его у кормила государства [Ibid. *Epistulae*, X.1.1].

Таким образом, Плиний возлагает ответственность за приход Траяна к власти на богов. Поскольку Плиний

поздравлял Траяна с получением статуса императора и от своего личного имени, и от имени государства (*et privatum et publice*) [Ibid. *Epistulae*, X.1.2], его послание и мысли, высказанные в нем, можно считать официальными. Письмо 98 г. позволяет предположить, что идеи, обосновывавшие приход Траяна к власти, были сформулированы его сторонниками уже к началу его правления: может быть, за тот период, пока Траян был соправителем Нервы (октябрь 97 г. – январь 98 г.), а может быть, и еще раньше.

Таким образом, можно сказать, что обстоятельства прихода Траяна к власти были во многом уникальными для Римской империи. Траян был первым выходцем из провинции (если следовать А. Канто, чистокровным испанцем), который стал императором, и первым успешным римским правителем, усыновленным не по родству. Примечательно, что Траян получил власть мирным путем – скорее всего, в результате соглашения наиболее влиятельных группировок сенаторов. Если со стороны соперников Траяна и были намерения использовать армию для борьбы за власть, то источники не сохранили подробной информации об этом. Один из главных итогов событий осени 96 – конца 99 гг. заключался в том, что римскому обществу удалось избежать гражданской войны, подобной войне 69 г. Очевидно, представители правящего сословия извлекли для себя соответствующие уроки и постарались решить проблему передачи власти без кровопролития.

Поскольку усыновление Траяна Нервой и выбор его в качестве политического наследника стали неожиданностью для большей части римских граждан, Траян и его ближайшее окружение тщательно разрабатывали идеологическое обоснование его власти. На наш взгляд, в рассматриваемых событиях идеология сыграла не меньшую роль, чем традиционное обоснование легитимности власти нового принцепса путем присвоения ему различных полномочий и титулов. Вероятно, римское общество учло также благоприятные предсказания и предзнаменования, связанные с именем Траяна.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Strobel K.* Kaiser Traian. Eine Epoche der Weltgeschichte. Regensburg : Friedrich Pustet Verlag, 2010. 479 p.
2. *Dio Cassius.* Dio's Roman History with an Engl. / transl. by E. Cary. Cambridge-London : Harvard University Press, 1982. Vol. 8.
3. *Aurelius Victor Sextus.* Sexti Aurelii Victoris Historia Romana. Ex recensione Ioannis Friderici Gruneri. Erlangae, 1787.
4. *Емпроний.* Бrevиарий от основания Города / пер. с лат. Д.В. Кареева и Л.А. Самуткиной ; отв. ред. И.В. Кривушин. СПб., 2001. 305 с.
5. *Syme R.* Tacitus. Oxford : Clarendon Press, 1958. 2 vols. 856 p.
6. *Кривц К.* История времен римских императоров от Августа до Константина : в 2 т. Ростов-на-Дону, 1997. Т. 1. 574 с.
7. *Bennet J.* Trajan, Optimus Princeps. A Life and Times. London-New York : Routledge, 2006. 317 p.
8. *Grainger J.* Nerva and the Roman succession crisis of AD 96–99. London; New York : Routledge, 2004. 162 p.
9. *Canto A.* Las raíces béticas de Trajano: los *Traii* de la Itálica turdetana, y otras novedades sobre su familia. Sevilla : rd editores, 2003. 84 p.
10. *Plinius.* Letters and Panegyricus with an Engl. / transl. by B. Radice. Cambridge-London, 1975. Vol. 1–2.
11. *Tacitus Cornelius.* P. Cornelii Taciti libri qui supersunt / ed. E. Koestermann. Lipsiae, 1950–1964. Vol. 2. Fasc. 1–2.
12. *Speidel M.A.* Bellicosissimus Princeps // Nünnerich-Asmuss A. (Hrsg.). Traian. Ein Kaiser der Superlative am Beginn einer Umbruchszeit? Mainz a. R. : Verlag Philipp von Zabern, 2002. S. 23–40.
13. *Migliorati G.* L'idea di guerra nella propaganda di Traiano // Il pensiero sulla guerra nel mondo antico. Milano, 2001. P. 225–241.
14. *Eck W.* Traian – Der Weg zum Kaisertum // Nünnerich-Asmuss A. (Hrsg.). Traian. Ein Kaiser der Superlative am Beginn einer Umbruchszeit? Mainz a. R. : Verlag Philipp von Zabern, 2002. S. 7–20.
15. *Blázquez J.-M.* Trajano. Madrid : Ariel, 2003. 309 p.
16. *Козловская В.И.* Рец. на кн.: J.-M. Blázquez. Trajano. Madrid, 2003 // Вестник древней истории. 2005. № 2. С. 187–194.
17. *Cramer F.M.* Astrology in Roman Law and Politics. Philadelphia : American Philosophical Society, 1954. 291 p.

18. Montero S. Trajano y la adivinación: prodigios, oráculos y apocalíptica en el Imperio Romano (98–117 d.C.). Madrid : Servicio de publicaciones Universidad Complutense, 2000. 187 p.
19. Strobel K. Die Donaukriege Domitians. Bonn : Rudolf Habelt, 1989.
20. Strack P.L. Untersuchungen zur römischen Reichsprägung des zweiten Jahrhunderts. Vol. 1. Stuttgart, W. Kohlhammer, 1931. 308 s.
21. Mattingly H. Coins of the Roman Empire in the British Museum. Vol. 3. London : British Museum, 1936. 606 p.
22. Абрамзон М.Г. Монеты как средство пропаганды официальной политики Римской империи. М. : ИА РАН, 1995. 656 с.
23. Seelentag G. Taten und Tugenden Traians. Herrschaftsdarstellung im Principat. Stuttgart : Franz Steiner Verlag, 2004 (Hermes Einzelschriften, Heft 91). 556 p.

Danilova Valeria Yu. Vladimir State University (Vladimir, Russian Federation). E-mail: fasikcat@yandex.ru

THE SPECIFICITY OF TRAJAN'S WAY TO POWER.

Keywords: Trajan's way to power; adoption; Trajanic ideology.

The author of the article explores the peculiarities of Trajan's way to power considering the achievements of the contemporary historiography. The period of AD 96–100 from the assassination of Domitian to the rule of Nerva and the first years of Trajan's power is under analysis. The author examines such issues as Trajan's origin, the adoption of Trajan by Nerva, the reasons of Nerva's choice of the heir, the possible rivals of Trajan and legitimization of Trajan's power. Trajan who was born in Italica in Spain became the first Roman emperor of the provincial origin. According to A. Canto and contrary to the common version that the ancestors of Trajan came to Italica from Umbria in the III-d century BC (R. Syme, J. Bennett and others), Trajan could have been pure Spaniard by birth. Trajan was the first successful ruler among the Roman emperors who was adopted having no family relations with the adoptive father (Piso adopted by Galba in AD 69 was also not a relative of the latter, but he was killed in some days after adoption). Nerva being old and childless had still relatives living, so his choice of Trajan must have been done under the influence of the certain group of the senators. All the modern scholars (W. Eck, J. Grainger, K. Strobel and others) admit that there were candidates to power besides Trajan, P. Cornelius Nigrinus Curiatius Maternus especially. The main result of the succession crisis of AD 96–99 was that the civil war was avoided. The Roman aristocracy apparently did not want the events of AD 69 to be repeated. Trajan's position as a governor of the Upper Germania where he commanded the large army was possibly a guarantee against war. It is also peculiar that Trajan continued staying in Germania while the ceremony of his adoption by Nerva took place in Rome in October 97. Moreover even after Nerva's death in January 98 Trajan didn't haste with arriving to Rome and delayed it up to the end of 99. Taking into account all the specificity of Trajan's way to power the new emperor had to legitimize it. In 97 – 98 he got all the necessary titles that gave him powers and authority. The role of the official ideology in legitimization was also significant. The concept of Trajan as the best ruler (optimus princeps), vice-regent of Jupiter and parent to citizens began to be developed by Pliny no later than in 97 and was fully set forth in "Panegyricus" in 100. For Nerva and for the Roman society in the whole the oracle and some omens given to Trajan (omina imperii) could also have been important as justification of Trajan's coming to power.

REFERENCES

1. Strobel, K. (2010) *Kaiser Traian. Eine Epoche der Weltgeschichte*. Regensburg: Friedrich Pustet Verlag.
2. Dio Cassius. (1982) *Dio's Roman History*. Vol. 8. Cambridge-London: Harvard University Press.
3. Aurelius Victor Sextus. (1787) *Sexti Aurelii Victoris Historia Romana. Ex recensione Ioannis Friderici Gruneri. Erlangae*.
4. Eutropios. (2001) *Breviariy ot osnovaniya Goroda* [Breviary of the founding of the City]. Translated from Latin by D.V. Kareev & L.A. Samutkina. St. Petersburg: Aleteyya.
5. Syme, R. (1958) *Tacitus*. Oxford: Clarendon Press.
6. Christ, C. (1997) *Istoriya vremen rimskikh imperatorov ot Avgusta do Konstantina: v 2 t.* [The history of Roman emperors from Augustus to Constantine: in 2 vols]. Vol. 1. Rostov-on-Don: Feniks.
7. Bennet, J. (2006) *Trajan, Optimus Princeps. A Life and Times*. London-New York: Routledge.
8. Grainger, J. (2004) *Nerva and the Roman succession crisis of AD 96–99*. London; New York: Routledge.
9. Canto, A. (2003) *Las raíces béticas de Trajano: los Traii de la Itálica turdetana, y otras novedades sobre su familia*. Sevilla: n.e.
10. Plinius. (1975) *Letters and Panegyricus*. Vol. 1–2. Cambridge-London: Harvard University Press.
11. Tacitus Cornelius, P. (1950–1964) *Cornelii Taciti libri qui supersunt*. Vol. 2. Fasc. 1–2. Lipsiae.
12. Speidel, M.A. (2002) *Bellicosissimus Princeps*. In: Nünnerich-Asmuss, A. (ed.) *Traian. Ein Kaiser der Superlative am Beginn einer Umbruchszeit?* Mainz a. R.: Verlag Philipp von Zabern. pp. 23–40.
13. Migliorati, G. (2001) *L'idea di guerra nella propaganda di Traiano*. In: Sordi, M. (ed.) *Il pensiero sulla guerra nel mondo antico*. Milano: Vita e Pensiero. pp. 225–241.
14. Eck, W. (2002) *Traian – Der Weg zum Kaisertum*. In: Nünnerich-Asmuss, A. (ed.) *Traian. Ein Kaiser der Superlative am Beginn einer Umbruchszeit?* Mainz a. R.: Verlag Philipp von Zabern. pp. 7–20.
15. Blázquez, J.-M. (2003) *Trajano*. Madrid: Ariel.
16. Kozlovskaya, V.I. (2005) J.-M. Blázquez. Trajano. Madrid, 2003. *Vestnik drevney istorii – Journal of Ancient History*. 2. pp. 187–194. (In Russian).
17. Cramer, F.M. (1954) *Astrology in Roman Law and Politics*. Philadelphia: American Philosophical Society.
18. Montero, S. (2000) *Trajano y la adivinación: prodigios, oráculos y apocalíptica en el Imperio Romano (98–117 d.C.)*. Madrid: Servicio de publicaciones Universidad Complutense.
19. Strobel, K. (1989) *Die Donaukriege Domitians*. Bonn: Rudolf Habelt.
20. Strack, P.L. (1931) *Untersuchungen zur römischen Reichsprägung des zweiten Jahrhunderts*. Vol. 1. Stuttgart: W. Kohlhammer.
21. Mattingly, H. (1936) *Coins of the Roman Empire in the British Museum*. Vol. 3. London: British Museum.
22. Абрамзон, М.Г. (1995) *Monety kak sredstvo propagandy ofitsial'noy politiki Rimskoy imperii* [Coins as a means of propaganda of the Roman Empire official policy]. Moscow: Institute of Archeology, RAS.
23. Seelentag, G. (2004) *Taten und Tugenden Traians. Herrschaftsdarstellung im Principat*. Stuttgart: Franz Steiner Verlag.

А.С. Галстян

ИСТОКИ И ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ АРМЯНСКОЙ ДИАСПОРЫ В США (1630–1920 гг.)

Статья посвящена истории формирования армянской диаспоры в Соединенных штатах Америки. Ставится цель проанализировать объективные и субъективные факторы, которые повлияли на развитие армянских общин и организаций в Америке в ранний период армянской иммиграции. Армянская диаспора в США является одной из крупнейших в мире. Армяне из Османской империи, Британии, Франции и России начали переезжать в Америку с момента обретения ею независимости, создавая первые общины в Массачусетсе и Калифорнии. Помимо прочего, выявлены объективные и субъективные факторы, повлиявшие на формирование и развитие армянских общин в Америке. Рассмотрены основные этапы становления армянских общин в ключевых американских штатах и проблема сохранения национальной идентичности армян. Проанализирована деятельность первых армянских организаций в Америке в аспекте лоббирования интересов общины.

Ключевые слова: США; армянская диаспора; этническая община; ассимиляция; региональная община.

Первые армяне появились на территориях современной Америки еще в 1630 г. Американский историк Элиот Морисон в монографии «Строители колонии Залива» отмечает, что среди тысячи первых поселенцев колонии Массачусетского залива были «ирландцы, поляки, немцы и армяне» [1. Р. 42]. Многие британские промышленники армянского происхождения перебирались в Америку и вкладывали деньги в строительство городов, фермерство и т.д. Профессор Уильям Макдональд в работе «Документальные справочники об американской истории 1606–1898 годов», перечисляя крупных британских промышленников, упоминает имена Джека Садурия и Степана Таррьена, внесших большой вклад в развитие сельского хозяйства в Южной Каролине [2. Р. 119].

В целом данные о количестве армян, проживавших на территории США в период 1630–1800 гг., условны и неточны. Если верить историку Арману Тарпиняну, на раннем этапе становления и развития американского государства в штатах Массачусетс и Южная Каролина проживали примерно 10–15 армянских семей [3. Р. 24]. Тот же Тарпинян замечает, что, несмотря на малочисленность, армяне занимали высокое положение в обществе и располагали существенными финансовыми ресурсами (пастор Питер Тустян, бизнесмены Джек Садурия и Степан Таррьен, ученый-математик Стефан Задорян).

В период 1840–1911 гг. благодаря поддержке христианских миссионеров армяне из Османской империи получили возможность эмигрировать в США. Но армяне неохотно уезжали в Америку, предпочитая жить на своей исторической родине. Поэтому большинство ездили в США с целью получить образование или привезти свои товары на продажу (ювелирные изделия, ковры, специи). Группы молодых выпускников и студентов создали первые армянские организации в Бостоне, Уотертауне, Вустере, Нью-Йорке и Детройте. В основном это были организации культурно-просветительского толка. Это было обусловлено тем, что для армян было важным сохранить национальную

идентичность. Вследствие этого в различных университетах были созданы клубы, где собирались местные армяне, говорили друг с другом исключительно на армянском языке и обсуждали темы, связанные с историей, культурой и традициями. К сожалению, американская историография не располагает конкретной статистикой о численности армян в период 1840–1890 гг. Профессор Калифорнийского университета Ричард Ованесян в работе «История армянского народа: с древнейших времен до наших дней» приводит лишь приблизительные цифры, колеблющиеся от 500 до 1 000 человек [4. Р. 117].

По оценкам другого американского историка В. Малкома, между 1870 и 1894 гг. 40 армянских мужчин было зачислено в Йельский, Принстонский, Юнионский, Кларкскский и Нью-Йоркский университеты, Андоверский и Амхерстский колледж [5. Р. 60]. Среди них был йельский студент Кристофер Серопян, прибывший в 1843 г., и которому приписывают введение традиции выпуска ежегодников класса и позже идею использования зеленого цвета на валюте Соединенных Штатов [6. Р. 52]. Как и надеялись миссионеры, к 1875 г. из 75 живущих в общинах Атлантического побережья армян три пятых вернулись в Армению после церемонии вручения дипломов, чтобы стать юристами, врачами и другими специалистами у себя на родине [7. Р. 89]. Некоторые остались, к примеру выпускник Нью-Йоркского университета Хачадур Осканян, который работал в качестве журналиста для нью-йоркского журнала «Геральд» и был избран президентом нью-йоркского Пресс-клуба.

Историк Б. Булбулян в монографии «Армянская община Фресно» приводит опубликованную в 1868 г. в газете «Цинцинати Инкуайерер» статью, согласно которой Осканян планировал создать армянскую колонию в Ричмонде и Вирджинии, которую он намеревался назвать «Новая Ани» в честь столицы средневековой Армении, известной как «город 1001 церквей». По неизвестным причинам план Осканяна так и не был реализован. Другие армяне, выпускники американских

университетов, также в свое время отличились, к примеру доктор Саймон Минасян, доктор Грегори Галустян и доктор Борниг Матосян работали в госпиталях Филадельфии во время Гражданской войны [8. Р. 50].

Помимо прибывших в XIX в. армянских студентов, в 1895–1896 гг. первая многочисленная группа иммигрантов состояла из армян, которые бежали от резни в Западной Армении, когда султан Абдул-Хамид ответил жестокостью в ответ на требования армян провести реформы. Как и студенты, которые прибыли ранее, группа иммигрантов была исключительно мужская, большая часть которых была грамотна и планировала вернуться на родину, поработав в Америке и накопив средства [9. Р. 207].

Согласно оценкам гарвардского историка Томаса О'Коннора, уровень грамотности тех армян, кто прибыл между 1899 и 1910 гг., превосходил на 76% аналогичные показатели вновь прибывших [10. Р. 7]. Несмотря на их низкие зарплаты, эти ранние иммигранты отсылали средства своим семьям до того момента, когда они могли сами вернуться домой. Во многом отношении эта группа жила в подвешенном состоянии, в неопределенности насчет своего будущего и судьбы своих семей и родины, которых им пришлось оставить.

Как другие иммигранты, армяне в основном прибывали на судне до порта Нью-Йорк, далее после прохождения осмотра на острове Эллис высаживались в Нью-Йорке. В зависимости от того, где были их семьи или другие контакты, некоторые оставались в столице, в то время как остальные ехали в Бостон и другие промышленные города Новой Англии. Но местом назначения для большинства армян стал Вустер, где сформировалась самая первая армянская община. На это оказали влияние два основных фактора. Первый был связан с протестантскими миссионерами, с которыми армяне установили контакты еще в Османской Империи. Округ Вустер был родиной преподобного Джорджа Кушинга Кнаппа, преподобного Уильяма Гуделла и преподобного мистера и миссис Уилер и их дочери Эмили. Все они служили миссионерами в Османской Империи в течение нескольких лет. Через их школы и церкви студенты и прихожане узнали об Америке и о возможностях, которые она предлагала. Таким образом, связь с миссионерами привела многих армян в Вустер [11. Р. 67].

Однако перспективы трудоустройства принесли в маленький город огромное количество иммигрантов, включая армян. Историк Х. Вартанян отмечает: «В то время миссионерство сделало много, чтобы привести армян в Массачусетс, там росла индустриализация, которая гарантировала продолжающийся поток переселенцев» [12. Р. 21]. Второй фактор, повлиявший на армян устремиться в Вустер, была доступность работы на фабриках, включая самые большие, так же как «Вошбэрн» и «Моен Мэнуфэктуринг Кампани» на Гроув-Стрит, 94, которая была известна как «проводной завод».

Как только были основаны институты общины, внимание было обращено на помощь тем, кто страдал в Османской империи. Был создан Армянский национальный комитет помощи, основанный миссионеркой Эмили Уилер. Когда новая либеральная турецкая Конституция 1908 г. ослабила политику эмиграции, члены семьи тех, кто уже был в США, могли воссоединиться с ними [13. Р. 172]. Холостяки из Вустера, оставившие идею о возвращении домой, хотели жениться на армянках. Они выбирали себе невест по фотографиям и договаривались с посредниками об их иммиграции в США. Многие холостяки, особенно те, кто потерял свои семьи во время резни в период Абдул-Хамида, искали невест из приютов Алеппо, Бейрута, Иерусалима, Афин и других городов, где заботились об армянских сиротах. Впоследствии дети от таких браков стали первым поколением американцев армянского происхождения.

Существовали и проблемы, с которыми сталкивались первые иммигранты из Османской империи. Для армян было очень болезненно, когда американцы называли их турками. Поэтому тогдашние лидеры небольших общин попросили римско-католических священников рассказать в своих конгрегациях о том, что армяне отличаются от турок не только в этническом плане, но и в религиозном. Другой попыткой урегулирования недоразумений было создание Армяно-американской лиги помощи и защиты, которая помогала армянам, когда им отказывали в протекции. На встрече лиги в сентябре 1891 г. лидер общины в Бостоне К. Крикорян убедил армян принимать американское гражданство, чтобы они могли рассчитывать на защиту правительства [14. Р. 18].

Важно отметить, что вновь прибывшие армяне страдали не только от плохого обращения со стороны американцев, но и самих же армян, которые плохо обращались и эксплуатировали своих соотечественников, например предлагая покупку рабочих мест по высоким ценам. Такие недобросовестные посредники вносили плату за устройство на прибыльное рабочее место на фабрике с вновь прибывающих иммигрантов, которые отчаянно нуждались в работе.

Как только потребность зарабатывать на жизнь была удовлетворена, малочисленная, но сплоченная армянская община Фресно стремилась наладить общественную жизнь. На первый взгляд могло показаться, что она исключала не армян, однако дело было в том, что сами армяне были исключены из некоторых профессий, так же как и из белых общественных клубов города. В то же время существующие расовые условности заставляли армян отказываться от покупок собственности в определенных районах. Эта традиция берет начало в далекой истории Фресно, и, конечно, она распространялась не только на армян. В соседнем городе Миллертон, к примеру, в 1867 г. граждане единогласно приняли резолюцию, согласно которой для китайцев выделялась отдельная часть города.

К 1911 г. общая численность армян в округе Фресно, штата Калифорния, достигла 6 000 человек, что угрожало англо-саксонскому статусу-кво. Историк С. Миллер так поясняет причины негативного отношения к армянам: «Другие встречали армян враждебно, по крайней мере, по двум причинам. Первая заключалась в том, что они привлекали внимание. Ко Второй мировой войне армяне составляли одну четверть лиц иностранного происхождения в округе Фресно, и они стали громоотводом для этнических предубеждений, как это может происходить в таких обстоятельствах. Суть второй причины была в том, что некоторые армяне настолько преуспели в экономическом плане, причем не рабским трудом (что было побочным моментом выживания на родине, которая веками угнеталась), и их успех вызывал негодование и зависть» [15. Р. 185].

Первая мировая война и ее последствия наложили особый отпечаток на формирование армянского самосознания. Потоки беженцев из Османской империи, хлынувшие в Америку в период с 1914 по 1921 г., заставляли американских армян более остро чувствовать трагедию армянства. Эти иммигранты несли за собой груз крестьянской жизни и страх перед турецкой резней. Уничтожение армян в 1915 г., которое позднее будет названо геноцидом, последовавшие за этими событиями военные кампании турок на Кавказе и, наконец, образование и падение независимой Республики Армения – все это не давало покоя американским армянам, которые неотрывно следили за новостями с далекой Родины. Более того, институты армянства в Соединенных Штатах, готовые оказывать духовную и материальную поддержку соотечественникам за океаном, обеспечили максимально полный доступ к информации и потребностям, исходящим с Родины [16. Р. 51].

Необходимо подчеркнуть, что армяне действовали таким образом на протяжении всех периодов после геноцида. Факторы массовой иммиграции, кризиса и существования этнических институтов способствовали тому, что годы войны стали для армян особенным периодом истории. С поколениями не тускнели воспоминания о геноциде, который стал общим горем для всего народа. Но существовали также воспоминания тех лет, которые разделяли армян, например, на сторонников и противников партии Дашнакцутюн. Это была вражда, зародившаяся на почве деятельности дашнаков в Республике Армения в 1918–1920 гг. Яркой вспышкой взаимных обвинений и укоров стало убийство архиепископа Левона Туряна в церкви Нью-Йорка.

Несмотря на это противостояние, послевоенные годы являются созидательным периодом деятельности армянской общины Америки. Виктор Грин в своем исследовании польских и литовских иммигрантов конца XIX – начала XX в. говорит о раздвоении и вражде внутри общин. Автор выделяет два лагеря: «националисты» и, как назвал их Грин, «религионисты». Итак,

«националистами» Виктор Грин называет людей, которые стремятся к созданию независимой Родины и ставят этническую принадлежность выше религии. Для «религионистов» же приверженность к Римской католической церкви стала превыше происхождения. Согласно Грину, конфликт в обеих общинах состоял именно в конфронтации этнических лидеров и представителей церкви и особенно обострялся, когда перед народом стояла проблема выбора [17].

На первый взгляд, положение в армянских общинах не имеет ничего общего с ситуацией в польской и литовской общинах, учитывая тот факт, что даже в период самой сильной разрозненности в армянстве противостояние происходило между конкурирующими националистическими политическими партиями, а все религиозное церковное сообщество находилось по другую сторону. Также необходимо учитывать, что партия Дашнакцутюн рьяно защищала свободу Армянской апостольской церкви [18. Р. 112]. Тем не менее более пристальное изучение показывает, что в природе армянского раскола есть параллели с иммигрантами-католиками из Восточной Европы, общины которых исследовал Грин. Это верно, поскольку с обеих сторон были и церковники, и националисты. Но Дашнакцутюн всегда была партией, которая подчеркивала важность националистической революционной борьбы за автономную Родину и жестко критиковала церковь за превышение значимости своих духовных функций, в то время как антидашнаки на каждом этапе более охотно обращались к церковной иерархии в стремлении достичь лидерства на пути к светлому будущему Армении.

Убийство архиепископа Туряна сделало эту вражду еще более жесткой. Турян был одним из лидеров церковной жизни, и дашнаки, для которых главным признаком армянства была поддержка революции, считали его предателем идеи борьбы за свободу Родины. Это проявилось и гораздо позже в поведении армян Америки. Так, сторонники дашнаков гораздо дольше, чем приверженцы других партий, сохраняли армянский язык, поддерживали армянские школы и активно принимали участие в мероприятиях, посвященных геноциду, но вместе с этим меньше остальных были вовлечены в церковную жизнь общины.

Если и можно объяснить вражду за лидерство, учитывая обстоятельства армянской ситуации, то положение армянского населения в Соединенных Штатах – это другая история. Настоящее исследование утверждает, что между сторонниками различных партий, прихожанами церкви и представителями других организаций существовали симбиотические маркетинговые отношения. Поведение всех этих людей отражало различия в их потребностях и понимании своего положения как иммигрантов или потомков иммигрантов.

Если говорить о том, каким образом армяне в Америке ощущали свое армянство, то 1920–1930 гг. можно рассматривать как десятилетие переходного периода. Как уже отмечалось, предыдущий период с 1915 по

1921 г. был временем, когда армяне во всех частях мира испытывали ощущение тесной связи и с восточной, и с западной частями своей исторической родины.

Кто были армяне начала и середины XX в. в Америке? Как и большинство групп-иммигрантов, это были в прошлом сельские жители, которые придерживались строгих семейных и общинных обычаев, поначалу оказавшихся не совсем подходящими для более космополитического общества. Тем не менее, как и их еврейские современники, армяне были хорошо представлены в международной торговле. Они также испытали на себе влияние интеллектуального просвещения XIX в., что повлияло как на народ в целом, так и на элиту. Связи из прошлой жизни позволяли армянам держаться вместе и не так остро чувствовать себя чужими в новом обществе.

То, что американо-армянская община была гармоничной и свободной от внутренних конфликтов, главным образом, было правдой, но при более детальном изучении можно выяснить, что по некоторым причинам у армян были конфликты, когда они стали объединяться в США. Несмотря на сильный объединяющий фактор того, что они остались в живых после трагических событий на родине, некоторые различия в этой маленькой и сильной этнической группе безнадежно разделили их.

Причина конфликта лежала в региональном различии. В Османской империи различные провинции и даже соседние деревни, где жили армяне, значительно отличались друг от друга по диалекту, обычаям, одежде и кухне. Как следствие, армяне Старого Света идентифицировали себя по регионам или провинциям, как итальянцы, которые также соотносили себя с городом или областью до объединения Италии. Большая часть армян ограничивала контакты с теми, кто был из дру-

гих провинций, группу исключения составляли богатые путешественники и бизнесмены.

Каждая американо-армянская община имела свои особенности, однако были и общие черты, среди которых выделялась устойчивость людей, угнетенных трагическими событиями прошлого. Сильная трудовая этика, связь друг с другом, существенное участие женщин и высокий уровень организации, вместе с настойчивостью и решительностью, позволили многим выжившим после геноцида иммигрантам восстановить свои жизни. В конце концов, веками закалённая двойная идентичность и принятие идентичности принимающей культуры позволили армянам с их способностью адаптироваться и преодолевать препятствия служить в угоду армянской общине и американскому обществу, в жизни которого они активно участвовали.

Когда армяне обосновались в общины, женились, большинство выживших после геноцида избегали обсуждения своего трагического опыта, вместо этого они сосредоточились на заработке, обеспечении своих семей и обучении детей. Несмотря на дискриминацию и другие ограничения, с которыми приходилось сталкиваться иммигрантам, они были благодарны за то, что могли жить в Америке, в которой они видели безопасное убежище и страну возможностей. Несмотря на историю угнетения, или, возможно, как раз из-за этого, эти иммигранты сохранили решительность, которая была характерна для тех, кто пережил геноцид, для тех, кто отказался от своей религии и культуры и был поглощён более влиятельным большинством, среди которого жили армяне. Чтобы улучшить свою жизнь, большинство иммигрантов преодолели трудности и создали новую, смешанную идентичность – армяно-американскую.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Morison S.E.* Builders of the Bay Colony. Boston : Northeastern University Press, 1981.
2. *MacDonald W.* Documentary Source Book of American History, 1606–1898. Macmillan, 1908.
3. *Tarpinian A.* Armenian Immigration to the United States, 1830 to 1975. M.A. Thesis. Northridge, 2012.
4. *Hovannisian R.G.* The Armenian People from Ancient to Modern Times. Palgrave Macmillan, 1997.
5. *Vartan Malcom.* The Armenians in America—1919. Pilgrim Press, 1919.
6. *Newman Eric.* The Early Paper Money of America. Krause Publications, 1990.
7. *Robert Mirak.* Torn Between Two Lands: Armenians in America 1890 to World War I. Cambridge : Harvard University Press, 2003.
8. *Bulbulian Berge.* The Fresno Armenians: History of a Diaspora Community. Sanger, CA : Quill Driver Books, 2001.
9. *Kernaklian Paul.* The Armenian-American Personality Structure and Its Relationship to Various States of Ethnicity. Syracuse University, 1989.
10. *O'Connor Thomas.* The Armenian Experience: Roots of the Past, Realities of the Present in The Armenians of New England: Celebrating a Culture and Preserving a Heritage. Armenian Heritage Press, 2004.
11. *Waldstreicher David.* The Armenian Americans. Chelsea House Publishers, 1989.
12. *Hrag Vartanian.* The Armenian American Plymouth. AGBU Press, 2001.
13. *Bournoutian G.A.* A History of the Armenian People. Costa Mesa, California : Mazda Publishers, 1994. Vol. II: 1500 A.D. to the Present.
14. *LaPiere R.* Armenian settlement in Fresno County. Stanford University Press, 1931.
15. *Sally Miller.* Changing Faces of the Central Valley: The Ethnic Presence. California History. Vol. 74, 1995.
16. *Jendian M.A.* Becoming American, Remaining Ethnic: The Case of Armenian-Americans in Central California. New York : LFB Scholarly Pub, 2008.
17. *Greene V.* For God and Country: The Rise of Polish and Lithuanian Ethnic Consciousness in America, 1860–1910. Madison, Wi. : The State Historical Society of Wisconsin, 1979.
18. *Herzig E.* The Armenians: Past And Present In The Making Of National Identity.

Galstyan Areg S. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: galstyanareg@gmail.com

THE ORIGINS AND PROBLEMS OF FORMATION OF THE ARMENIAN DIASPORA IN THE UNITED STATES.

Keywords: USA; armenian diaspora; armenian genocide; ethnic community.

In general, this article is devoted to the history of formation and development of the Armenian diaspora in the United States of America. The author aims to analyze the objective and subjective factors that influenced the development of Armenian communities and organizations throughout America during different historical periods. The Armenian diaspora of the USA is one of the largest in the world. Now-

adays the country is home to more than 1,5 million ethnic Armenians. Though Armenians of the Ottoman Empire, Britain, France and the Russian Empire began to move to America since its independence was declared, the major stream of Armenian immigrants took place in the period of 1915–1930. Basically these were the Armenians that escaped from the Armenian Genocide, committed by the government of the Ottoman Empire in the period of 1915–1923. Despite the complex social and cultural barriers, the Armenians managed to integrate deeply into American society. Massachusetts and California became the two main centers of residence of the Armenian communities. The first religious and secular associations were formed in Boston as well as the first publications in Armenian and English were made. In California the first lobbying organizations were created, that represented the interests of ethnic Armenians at the federal level and in the framework of the legislatures of states, counties and cities. In 1930 more than 8 000 ethnic Armenians served in the ranks of the army of the USA. The American government praised the selfless devotion, courage and military skills of Armenians. High military awards were given to many ethnic Armenians, who subsequently made a military career. Census 1920 revealed 37,647 Armenian-speaking persons born outside the United States, and only 52,840 Armenians born in the United States. In memory of Armenian Americans were fresh memories of genocide and a brief independence of the first Armenian republic. In 1915–1930 Armenians work hard for integrating into American society. In general, the period of 1915–1930 can be considered as a decade of transition. It was a time when the Armenians in all parts of the world have experienced the feeling of strong ties with the eastern and western parts of their historic homeland. Despite all the difficulties, the Armenians managed to overcome the psychological and social barriers. Becoming Americans, Armenians maintained their religion, identity and traditions. In this regard, it is important to note that the first Armenian communities were able to survive thanks to the activities of traditional Armenian parties and Armenian Apostolic Church.

REFERENCES

1. Morison, S.E. (1981) *Builders of the Bay Colony*. Boston: Northeastern University Press.
2. MacDonald, W. (1908) *Documentary Source Book of American History, 1606-1898*. Macmillan.
3. Tarpinian, A. (2012) *Armenian Immigration to the United States, 1830 to 1975*. M.A. Thesis. Northridge.
4. Hovannisian, R.G. (1997) *The Armenian People from Ancient to Modern Times*. Palgrave: Macmillan.
5. Vartan Malcom, M. (1919) *The Armenians in America-1919*. Boston: Pilgrim Press.
6. Newman, E. (1990) *The Early Paper Money of America*. Iola, Wisconsin: Krause Publications.
7. Mirak, R. (2003) *Torn Between Two Lands: Armenians in America 1890 to World War I*. Cambridge: Harvard University Press.
8. Bulbulian, B. (2001) *The Fresno Armenians: History of a Diaspora Community*. Sanger, CA: Quill Driver Books.
9. Kernaklian, P. (1089) *The Armenian-American Personality Structure and Its Relationship to Various States of Ethnicity*. Syracuse, NY: Syracuse University.
10. O'Connor, T. (2004) *The Armenian Experience: Roots of the Past, Realities of the Present in The Armenians of New England: Celebrating a Culture and Preserving a Heritage*. Belmont, MA: Armenian Heritage Press.
11. Waldstreicher, D. (1989) *The Armenian Americans*. New York: Chelsea House Publishers.
12. Vartanian, H. (2001) *The Armenian American Plymouth*. New York: AGBU Press.
13. Bournoutian, G.A. (1994) *A History of the Armenian People. Vol. II: 1500 A.D. to the Present*. Costa Mesa, California: Mazda Publishers.
14. LaPiere, R. (1931) *Armenian settlement in Fresno County*. Stanford: Stanford University Press.
15. Miller, S. (1995) Changing Faces of the Central Valley: The Ethnic Presence. *California History*. 74 (2). pp. 174-189. DOI: 10.2307/25177491
16. Jendian, M.A. (2008) *Becoming American, Remaining Ethnic: The Case of Armenian-Americans in Central California*. New York: LFB Scholarly Pub.
17. Greene, V. (1979) *For God and Country: The Rise of Polish and Lithuanian Ethnic Consciousness in America, 1860–1910*. Madison, Wi.: The State Historical Society of Wisconsin.
18. Herzig, E. & Kurkchian, M. (eds) (2005) *The Armenians: Past And Present In The Making Of National Identity*. London: Routledge.

Х.Г. Комилова

РОЛЬ И МЕСТО ИНТЕГРАЦИОННЫХ СТРУКТУР В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Рассматриваются основные этапы центральноазиатской интеграции. Приводятся факторы, влияющие на дезинтеграционные процессы в регионе. Характеризируются типы региональных интеграционных структур на примере ШОС, ОДКБ, Таможенного союза. Прослеживается динамика развития глобализационных процессов в мире и их влияние на политическую и экономическую ситуацию в Центральной Азии.

Ключевые слова: интеграция; Вестфальская система международных отношений; суверенитет; ОЭС; ЕС; НАТО; Центральная Азия; политический реализм; геоэкономические императивы.

В условиях формирования нового мирового порядка традиционные классические парадигмы международных отношений претерпели существенные изменения, и одно из основных таких изменений – постепенный отход от Вестфальской системы международных отношений. В подтверждение данного факта можно привести усиление геоэкономических и геополитических императивов нового мирового порядка. Современный политический мир переживает период кардинальной трансформации. На наш взгляд, это выражается прежде всего в усилении роли транснациональных акторов и международных фондов и клубов. Этот тезис разделяется большинством исследователей и политиков. В отношении же сути данной информации мнения расходятся. Наиболее распространенная точка зрения заключается в том, что мир все еще отстраивается после окончания холодной войны [1. С. 239]. В процессе становления нового мирового порядка усиливаются региональные аспекты международных отношений, обусловленные интеграционными процессами.

Интеграционные процессы являются неотъемлемой частью современного мирового порядка и одним из самых главных продуктов глобализации. Интеграция в рамках Центральной Азии (ЦА) является не только объективной реальностью, но и жизненной необходимостью. Существование любого государства всегда предполагает взаимодействие с другими странами как в двустороннем, так и в многостороннем формате. Это взаимодействие – основополагающий принцип международных отношений. Как бы ни многообразны были сферы и направления международного сотрудничества и как бы ни велико было их значение, центральным и наиболее важным сегментом международного сотрудничества остается политическое. Интеграция является мощным фактором устойчивого развития региона [2. С. 8], так как центральной идеей интеграции является стабильное экономическое развитие государства в условиях усиления глобализационных процессов. Главная цель интеграции – это свободное передвижение капитала, товаров, услуг и рабочей силы. Вокруг данной цели в последующем будут развиваться различные типы и виды региональной интеграции, кото-

рые могут выражаться в культурной, гуманитарной, военной и политической сферах. В государствах ЦА, обладающих всеми предпосылками и характеристиками для внутрорегионального сближения (единая историко-культурная общность, единая религия, схожая экономическая политика), до сих пор не существует региональной интеграции. Исходя из анализа теории международных отношений, можно прийти к выводу, что отсутствие региональной интеграции больше связано с субъективным подходом каждой из стран региона к такого рода союзам, нежели с современными требованиями и вызовами международных глобализационных процессов.

С географической точки зрения, Центральной Азией называется район внутреннего (неокеанического) стока рек, простирающийся от Китая и Индии до Ближнего Востока. В советское время понятие «Центральная Азия» относилось к району вокруг Монголии, и от него отделялось понятие «Средняя Азия» (последняя не включала Казахстан). С точки зрения терминологии современных международных отношений, «Центральная Азия» – это самоназвание, возникшее после распада СССР, которое объединяет пять постсоветских республик (Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан) [3. С. 123].

Государства региона связывают общие границы, совместно используемые речные бассейны и до недавнего времени энергосистема, сеть автомобильных и железных дорог, традиционный внутренний рынок, общие социально-экономические проблемы. Регион обладает всеми параметрами политической и экономической значимости – это энергетические ресурсы, демографический фактор, соседство с крупными мировыми и региональными лидерами. Данные условия привели к тому, что Центральноазиатский регион стал весьма интересным для мирового сообщества.

Необходимо отметить, что после распада СССР все государства Центральноазиатского региона заговорили о необходимости создания новой интеграционной структуры, которая могла бы воссоздать связи бывшего СССР.

Однако позже в рамках межгосударственных отношений стран ЦА наметился ряд проблем и противоре-

чий: в процессе становления государственности центральноазиатские страны дистанцировались друг от друга вопреки логике жизни и международным интеграционным процессам и тенденциям проводили внешнюю политику, опираясь в основном на внерегиональные акторы международных отношений. Приоритет независимости, который декларируют в разной степени страны Центральной Азии, стал абсолютом для внешней политики некоторых из них [4. С. 24]. В оценках роли и места интеграционных структур в системе межгосударственных отношений в Центральной Азии можно выделить два подхода.

Первый подход основывается на анализе роли и места внерегиональных интеграционных структур и их политики по отношению к государствам региона (ЕС, ОБСЕ, НАТО, ОЭС). В то же время здесь все еще актуализируются проекты интеграции тюркского, иранского, исламского миров, а также инициативы США, предлагающих проект Большой Центральной Азии, и КНР, выступившей с проектом Нового Шелкового пути. За каждой моделью интеграции стоят определенные геополитические силы, которые пытаются реализовать свои стратегические схемы-построения систем международных отношений в XXI в. Если проанализировать каждую из предлагаемых моделей центральноазиатской интеграции (будь то иранская или тюркская интеграция на культурной основе, китайская, американская интеграция Большой Центральной Азии, идея Н.А. Назарбаева о создании центральноазиатского союза), то каждая из схем, предлагая интеграцию отдельного набора «государств региона», не дает реального укрепления единого интегрированного пространства Центральной Азии и не способствует геополитической целостности региона [5. С. 78–79].

Второй подход базируется на деятельности интеграционных проектов, в которых задействованы государства региона (ШОС, Таможенный союз, ОДКБ, ОИС и СНГ). В рамках данной статьи в основном будет анализироваться деятельность тех интеграционных структур в ЦА, в рамках которых функционируют сами центральноазиатские страны. Необходимо подчеркнуть, что при наличии в регионе всех предпосылок для образования организации с исключительно региональным компонентом таковой на сегодняшний день не существует.

При рассмотрении динамики развития интеграционных процессов в ЦА прослеживается ряд парадоксальных фактов, для анализа которых нам необходимо дать краткую историческую справку об основании центральноазиатских интеграционных структур.

Первая организация сотрудничества – Центральноазиатское экономическое сообщество (ЦАЭС) – была образована в 1994 г., когда Казахстан, Кыргызстан и Узбекистан подписали Договор о создании Единого экономического пространства, к которому в 1998 г. присоединился Таджикистан, начавший оправляться от гражданской войны. Результаты ЦАЭС были в основ-

ном скромнее, чем ожидалось, по причине того, что связи между бывшими советскими республиками стали менее крепкими и каждая республика не имела особого желания разрабатывать совместные с другими республиками стратегии. В 2002 г. с изменениями в региональной геополитической ситуации четыре государства-члена попытались дать новый импульс организации, превратив ее в Организацию центральноазиатского сотрудничества (ОЦАС), целями которой стали формирование интегрирующего экономического пространства и координация внешней политики, особенно в отношении Афганистана. Но и в этом случае успеха не последовало. В 2005 г. ОЦАС объединилась с Евразийским экономическим сообществом (ЕврАзЭС) и, по сути, распустилась со вступлением в нее России. В 2007 г. президент Казахстана Нурсултан Назарбаев выступил с инициативой создания нового Центральноазиатского союза, но это предложение было отклонено Узбекистаном и Туркменистаном. В итоге только Казахстан и Кыргызстан подписали соглашение о создании Высшего межгосударственного совета двух республик [6. С. 24]. Однако при всех возможностях и предпосылках для интеграции у государств ЦА отсутствовало главное – политическая воля и способность передачи части своего суверенитета новоиспеченному наднациональному политическому органу.

Во многих странах ЦА до сих пор идет процесс становления внешнеполитических приоритетов и стратегических интересов. Проводя свою внешнюю политику, каждая из стран региона стремилась занять достойное место в мировом сообществе, активно взаимодействовать с ведущими мировыми и региональными державами. Тем самым сотрудничество внутри Центральной Азии зачастую носило декларативный характер, что не позволяло странам региона начать конструктивный диалог в данных условиях. Понимание необходимости внутрирегиональной активизации пришло с осознанием реального положения вещей, социально-экономической и политической действительности. Активные интеграционные процессы (ЕС, АСЕАН, НАФТА, Меркосур), темпы развития мировой экономики и переориентация экспорта различных стран из сырьевого в промышленный являются ярким свидетельством того, что в будущем при сохранении нынешней ситуации центральноазиатские страны не смогут выйти из ресурсного сегмента мирового рынка. И поскольку в международном разделении труда уже существуют определенные требования и стандарты, самым главным из которых является концентрация усилий на производстве тех продуктов, для которых есть наилучшие условия, с этой точки было бы более целесообразно скоординировать усилия всех стран региона производства конечного продукта и выхода с ним на мировые рынки.

На современном этапе в ЦА существуют несколько сфер, в рамках которых развиваются интеграционные процессы.

1. Организации с превалированием политического компонента. К таковым относят ШОС. Согласно ст. 1 основополагающего документа ШОС – Хартии от 7 июня 2002 г., основными целями и задачами ШОС являются:

– укрепление между государствами-членами взаимного доверия, дружбы и добрососедства;

– развитие многопрофильного сотрудничества в целях поддержания и укрепления мира, безопасности и стабильности в регионе, содействие построению нового демократического, справедливого и рационального политического и экономического международного порядка;

– совместное противодействие терроризму, сепаратизму и экстремизму во всех их проявлениях, борьба с незаконным оборотом наркотиков и оружия, другими видами транснациональной преступной деятельности, а также незаконной миграцией.

Это свидетельствует о том, что ШОС является фундаментальной организацией, в рамках которой могут осуществляться и развиваться различные проекты и модели интеграции. Об усилении роли ШОС и ее месте в системе межгосударственных отношений свидетельствует тот факт, что многие региональные лидеры хотят вступить в это объединение.

2. Организации с сегментом обеспечения безопасности. На сегодняшний день единственной организацией с военным компонентом, в рамках которой представлены государства ЦА, является Организация договора о коллективной безопасности (ОДКБ). В соответствии с Договором, государства-участники *обеспечивают свою безопасность на коллективной основе*: «В случае возникновения угрозы безопасности, территориальной целостности и суверенитету одного или нескольких государств-участников либо угрозы международному миру и безопасности государства-участники будут незамедлительно приводить в действие механизм совместных консультаций с целью координации своих позиций и принятия мер для устранения возникшей угрозы» [7]. В рамках соглашений есть немаловажный компонент, который предусматривает применение коллективной обороны в случае агрессии со стороны третьего государства в отношении участника ОДКБ, что в будущем может стать прочным фундаментом для военно-технического сотрудничества и оборонной региональной политики. В феврале 2009 г. было принято решение о создании Коллективных сил оперативного реагирования ОДКБ. Регулярно проводятся совместные комплексные учения с участием контингентов и оперативных групп государств – членов ОДКБ. Несмотря на важность и приоритетность коллективных политических действий для решения стоящих перед Организацией задач, спецификой ОДКБ, несомненно, является наличие дееспособного силового потенциала, готового к реагированию на широкий спектр традиционных и современных вызовов и угроз в Евразийском регионе. На сегодняшний момент в военную (силовую) состав-

ляющую Организации входят сформированные на широкой коалиционной основе Коллективные силы оперативного реагирования и Миротворческие силы, а также региональные группировки сил и средств коллективной безопасности, в том числе и Коллективные силы быстрого развертывания Центральноазиатского региона. Представляется целесообразным сформулировать общую идею таким образом, чтобы она выполняла одновременно внутреннюю и внешнюю функции – сплочение государств-членов и формирование международной репутации [8. С. 66–70].

Однако необходимо отметить, что с точки зрения проблем обеспечения безопасности в ЦА существуют как транснациональные вызовы и риски, так и угрозы национальной безопасности с региональной спецификой. Помимо проблем терроризма, экстремизма, наркотрафика, которые уже вышли за рамки региональных, существует проблема демаркации государственных границ ЦА. Проблема демаркации и делимитации границ также является наследием советского прошлого, так как в СССР границы были административными. После обретения независимости центральноазиатские страны начали предпринимать попытки демаркации границ, но в силу ряда сложностей, таких как рельефная местность, наличие анклавов, историческая общность этносов, национально-территориальное размежевание 1924 г., при котором не был учтен национально-этнический фактор, проблема не была решена.

Проблема демаркации и делимитации границ, разминирования остается одной из самых актуальных в отношениях между государствами региона. Например, общая протяженность киргизско-узбекской границы составляет 1 378 км, на юге Кыргызстана в Джалал-Абадской области шесть районов граничат с Узбекистаном. Договор об узбекско-таджикской государственной границе был подписан главами двух государств 5 октября 2002 г. в Душанбе. Договор утверждает согласованную на сегодняшний день линию прохождения подавляющей части государственной границы между двумя странами – на сегодняшний день более 80% границы между Таджикистаном и Узбекистаном уже согласовано сторонами. Осталось менее 20%, и это в основном участки Согдийской области.

Существуют также спорные участки между Таджикистаном и Кыргызстаном. Протяженность границ составляет 987,6 км с анклавами Ворух и Кайрагач. По разным подсчетам, несогласованные участки границ между Таджикистаном и Кыргызстаном составляют от 34 000 до 52 000 га. Полного решения пограничного вопроса между двумя странами в ближайшее десятилетие не предвидится возможным, так как межгосударственные комиссии по вопросам границ во время обсуждения апеллируют к совершенно разным архивным документам [9. С. 241].

В перспективе было бы целесообразно привлекать для решения спорных с точки зрения обеспечения безопасности в регионе проблем институциональные

структуры ОДКБ, так как единственно возможным решением вышеуказанных проблем является решение на консенсусной основе с привлечением третьей не заинтересованной страны, которой может выступить Российская Федерация. Понятие «региональная стабильность» не всегда равнозначно понятию «региональная безопасность». Невмешательство во внутренние дела и локализация конфликтов не способствуют достижению региональной безопасности, несмотря на то что система (пока) справляется с локальными политическими кризисами.

В Центральной Азии, благодаря синтезу формальных (региональные институты и двусторонние договоры) и неформальных (личные контакты глав государств и правительств) рычагов, удается поддерживать региональную стабильность. Система справляется с возникающими региональными угрозами, но не предотвращает кризисы национального уровня, о чем свидетельствуют события как 1990-х, так и 2000-х гг. Механизм обеспечения стабильности должен обладать возможностью изменять своё состояние в ответ на любое возможное возмущение, иначе такой механизм малоэффективен. Следовательно, уровень безопасности центральноазиатской подсистемы остается невысоким, нет гарантий того, что кризис не выйдет за пределы одной страны (например, в случае эскалации конфликта в Ферганской долине).

3. Организации с экономической направленностью. Попытки интегрировать экономики государств ЦА предпринимались неоднократно, однако государства ЦА так и не смогли прийти к консенсусу. Одной из главных интеграционных моделей с экономическим компонентом является ЕврАзЭС, но и в этом случае успешные результаты так же не были достигнуты. 10 октября 2014 г. главы государств-членов из России подписали в Минске документы о ликвидации ЕврАзЭС. Основными причинами развития дезинтеграционных процессов как в масштабе ЕврАзЭС, так и в самой Центральной Азии являются:

а) использование странами Центральной Азии самых различных моделей перехода к рыночной экономике;

б) разный уровень обеспеченности этих стран природными ресурсами, которые являются наиболее востребованными на мировом рынке. Речь, в частности, идет об углеводородном сырье, о месторождениях черных, цветных и благородных металлов, химического сырья;

в) обостряющиеся политические противоречия между отдельными странами региона, отсутствие доверия и взаимопонимания между высокими руководителями стран, которые нередко в вопросах регионального сотрудничества руководствуются больше личными амбициями, нежели интересами ускорения динамики экономического роста и региональной интеграции [10. С. 164].

Самым привлекательным интеграционным проектом, в котором гипотетически смогут участвовать

государства ЦА, является Таможенный союз. На сегодняшний день уже Таджикистан (26 сентября 2012 г.) и Киргизия (9 мая 2013 г.) изъявили намерения вступить в Таможенный союз. Плюсы и минусы вступления данных государств в Таможенный союз являются предметом острых дискуссий в среде экономистов. Но если проанализировать ситуацию в долгосрочной перспективе, то итоги могут быть вполне продуктивными. Например: на казахстанский рынок хотят выйти российские машиностроительные компании, которые заинтересованы не только в сбыте продукции, но и в создании производственных площадок на территории Республики Казахстан с ее гораздо более «мягким» налоговым климатом по сравнению с Россией. После ввода новых пошлин на внешний импорт и снятия межгосударственных таможенных барьеров на эффективный сбыт в Казахстане смогут рассчитывать также российские производители одежды, кондитерских изделий, бытовой техники, нефтегазового оборудования. В целом, по прогнозам Российской академии наук (РАН), в 2015 г. (к моменту завершения «адаптационного периода» по выравниванию некоторых тарифов между Казахстаном и Беларусью) общий эффект от Таможенного союза для России должен составить порядка 400 млрд долл., или 16,8% российского ВВП. Для Казахстана прогнозируемый эффект в 2015 г., по оценочным прогнозам РАН, может составить до 14,7% ВВП республики [11. С. 137].

Очевидно, что в Центральной Азии сейчас формируется новая система международных отношений. Эти преобразования в регионе схожи с теми процессами, которые происходили в Европе в момент становления Вестфальской системы международных отношений: имеются в виду проблемы принципов межгосударственных отношений, проблемы межгосударственных границ и пр.

В рамках изучения процесса центральноазиатской интеграции существует несколько подходов. Во-первых, Центральная Азия состоит из группы стран, не имеющих выхода к морю и сталкивающихся с огромными трудностями при выходе на мировые рынки.

Во-вторых, в Центральной Азии нет альтернативы региональной интеграции: в Восточной Европе европейская интеграция может показаться более привлекательной, чем участие в постсоветском регионализме (что, как уже было отмечено, очень часто интерпретируется и российскими, и международными исследователями как взаимоисключающие варианты).

В-третьих, «типичная работа» по постсоветской интеграции в «западной версии» оказывает очень мало влияния на исследования регионализма в Центральной Азии и поэтому региональная интеграция вряд ли будет рассматриваться с точки зрения установления господства (интеграция Казахстана и Кыргызстана очевидным образом не имеет никакого отношения к «российскому империализму»). Наоборот, Центральная Азия воспринимается сквозь призму стандартных трудов по иссле-

дованиям развития (development studies), которые расценивают региональную интеграцию как важный положительный фактор экономического развития (работы по Центральной Азии, в отличие от работ по постсоветскому экономическому развитию) [12. С. 64].

Все вышеизложенные факторы обусловили сложность и неоднозначность процессов, происходящих в Центральной Азии. В этих условиях государствам весьма сложно осуществлять сбалансированную внешнюю политику.

Роль Центральной Азии в современном мире имеет тенденцию к возрастанию вследствие следующих факторов: энергетика, экология, транспорт и коммуникации, угрозы и вызовы (терроризм, экстремизм, наркотрафик), проблема Афганистана. Следовательно, от самих стран Центральной Азии зависит, оставаться ли им сырьевым придатком и непредсказуемой зоной для мирового сообщества или же интегрироваться в мировой экономической и политической процесс в качестве равноправных и надежных партнеров. С точки зрения

изучения интеграционных процессов в мировом масштабе, государства ЦА представляют собой некий парадокс системы международных отношений, так как за 23 года существования их как независимых субъектов международных отношений до сих пор не сформировалось не только единой региональной организации, но и даже реального, а не декларируемого осознания ее необходимости.

Возможно, отчасти это связано с историческим прошлым стран, которое обусловило их долгое развитие в рамках одной державы и вследствие этого стремление доказать, что они могут самостоятельно развиваться как в экономической, так и в политической сферах и представлять собой развитого и полноправного актора международных отношений. Ситуация усугубляется тем, что каждая из стран региона имеет свои притязания на лидерство в регионе, которые основываются чаще всего не на реалиях современной системы международных отношений, а на их политических амбициях.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Лебедева М.М.* Современные глобальные проблемы мировой политики. М., 2009. 256 с.
2. *Зарифи Х.* Многовекторная дипломатия Таджикистана. Душанбе : Офсет, 2010. 352 с.
3. *Казанцев А.А.* «Большая игра» с неизвестными правилами: Мировая политика и Центральная Азия. М. : МГИМО; Наследие Евразии, 2008. 241 с.
4. *Актуальные вопросы безопасности в Центральной Азии: Материалы X Ежегодной Алматинской конференции (г. Алматы, 6 июня 2012 г.)* / отв. ред. Б.К. Султанов. Алматы : Казахстанский институт стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан, 2012. 284 с.
5. *Майтдинова Г.М.* Проблемы региональной интеграции в геополитических реалиях Центральной Азии // Россия и Центральная Азия в условиях геополитической трансформации: внешнеполитическое измерение : материалы междунар. науч. конф. Душанбе : РТСУ, 2007. С. 78–79.
6. *Ларуэль М., Пейруз С.* Региональные организации в Центральной Азии: характеристики взаимодействий, дилеммы эффективности // Доклад. 2013. № 10.
7. *Официальный сайт ОДКБ.* URL: <http://www.odkb-csto.org/structure>, свободный
8. *Яшкова Т.А.* ОДКБ как фактор стабильности и безопасности в Центральной Евразии // Проблема безопасности государств Центральной Евразии в условиях современного мироустройства: тенденции и подходы к обеспечению стабильности : материалы междунар. науч. конф. (г. Душанбе, 27 марта 2014 г.). Душанбе : РТСУ, 2014. С. 66–70.
9. *Мадамиджанова З.М.* Пограничный фактор как проблема безопасности государств в Центральной Азии // Проблемы модернизации и безопасности государств Центральной Азии и Российской Федерации в новых геополитических реалиях : материалы междунар. науч.-практ. конф. Душанбе, 2011. С. 240–246.
10. *Умаров Х.У.* Европейский Союз и региональное экономическое сотрудничество в Центральной Азии // Сотрудничество государства и Среднего Востока и Евросоюза: комплексное взаимодействие и перспективы : материалы междунар. науч. конф. Душанбе, 2010. С. 164–170.
11. *Таможенный союз Беларуси, Казахстана и России: состояние, проблемы, перспективы* / под общ. ред. Б.К. Султанова. Алматы : КИСИ при Президенте РК, 2009.
12. *Либман А.* Исследования региональной интеграции в СНГ и Центральной Азии: Обзор литературы. Центр интеграционных исследований Евразийского банка развития. СПб., 2012. 56 с.

Komilova Khosiyat G. Russian-Tajikistan (slavonic) University (Dushanbe, Republic Tajikistan). E-mail: khosiyat.komilova@gmail.com

ROLE AND PLACE OF INTEGRATION STRUCTURES IN THE SYSTEM OF INTERNATIONAL RELATIONS IN CENTRAL ASIA.

Keywords: Integration; Westphal system of international relations; sovereignty; SCO; CSTO; EU; NATO; Central Asia; political realism; geoeconomical imperatives.

Globalization processes in the world require the interdependency and complementarity from the international actors. It becomes more difficult for countries to integrate into the international political processes, as a result the influence of international integration structures increases on a worldwide policy. The article devoted to the analysis of the role and place of international organizations of the regional as well as international level on the relationship of the Central Asian countries. This region has all the characteristics of the political and economic significance, such as energy resources, demographic factor, vicinity with the important world and regional leaders. Such conditions led to the fact that the Central Asian region attracted a lot of attention and interest of the worldwide community. Integration processes are an essential part of modern world order and one of the main products of globalization. Integration within the framework of Central Asian region is not only an objective reality but also a vital necessity. Existence of any state always supposes co-operating with other countries, both in a bilateral and a multilateral format. The author brings factors which influenced to the regional integration. Main challenges and threats existing in a region, and their influence on socio-economic and political processes are defined. It is necessary to mark that after the breakup of the USSR all countries of this region began to speak about the necessity of establishing new integration

structure that would recreate connections of the former USSR. However during the process of the statehood formation of the Central Asian countries were distanced from each other regardless of the life logic and international integration processes. They pursued a foreign policy mainly relying on the extraregional actors. The integration structures functioning on the territory of Central Asia are analyzed from the point of view of their organizational component. Examining integration processes in Central Asia it is possible to make a conclusion, that having all real preconditions for the integration for 23 years' existence as independent actors of the international relations, they still have not built united regional organization. It is possibly related to the historical past that determined their long development within the framework of one state and owing to this the aspiration to prove, that they could independently develop in economic as well as in political spheres, and to present themselves as the advanced and competent actor of international relations. In a conclusion the author cites a thesis about inevitability of Central Asian integration as a main factor of steady development of the countries of this region.

REFERENCES

1. Lebedeva, M.M. (2009) *Sovremennyye global'nye problemy mirovoy politiki* [The modern global problems of world politics]. Moscow: Aspekt Press.
2. Zarifi, H. (2010) *Mnogovektornaya diplomatiya Tadjikistana* [Tajikistan multi-vector diplomacy]. Dushanbe: Ofset.
3. Kazantsev, A.A. (2008) "Bol'shaya igra" s neizvestnymi pravilami: *Mirovaya politika i Tsentral'naya Aziya* ["Big Game" with unknown rules: World politics and Central Asia]. Moscow: MGIMO; Nasledie Evrazii.
4. Sultanov, B.K. (2012) *Aktual'nye voprosy bezopasnosti v Tsentral'noy Azii* [Topical issues of security in Central Asia]. Proc. of the 10th Annual Almaty Conference. Almaty. June 6, 2012. Almaty: Kazakhstan Institute of Strategic Studies under the President of the Republic of Kazakhstan.
5. Maytdinova, G.M. (2007) [Problems of regional integration in the geopolitical realities of Central Asia]. *Rossiya i Tsentral'naya Aziya v usloviyakh geopoliticheskoy transformatsii: vneshnepoliticheskoe izmerenie* [Russia and Central Asia in terms of geopolitical transformation: foreign policy dimension]. Proc. of the International Research Conference. Dushanbe: RTSU. pp. 78-79.
6. Laruel, M. & Peyruz, S. (2013) *Regional'nye organizatsii v Tsentral'noy Azii: kharakteristiki vzaimodeystviy, dilemmy effektivnosti* [Regional organization in Central Asia: the characteristics of the interactions, the dilemma of efficiency]. Bishkek.
7. ODKB. *The CSTO Official Site*. [Online] Available from: <http://www.odkb-csto.org/structure>.
8. Yashkova, T.A. (2014) [The CSTO as a factor of stability and security in Central Eurasia]. *Problema bezopasnosti gosudarstv Tsentral'noy Evrazii v usloviyakh sovremennoy mirovostroystva: tendentsii i podkhody k obespecheniyu stabil'nosti* [Security problems in Central Eurasia in modern world: trends and approaches to ensure stability]. Proc. of the International Research Conference. Dushanbe. March 27, 2014. Dushanbe: RTSU. pp. 66-70.
9. Madamindzhanova, Z.M. (2011) [The border factor as a problem of security in Central Asia]. *Problemy modernizatsii i bezopasnosti gosudarstv Tsentral'noy Azii i Rossiyskoy Federatsii v novykh geopoliticheskikh realiyakh* [Problems of modernization and security of the states of Central Asia and the Russian Federation in the new geopolitical realities]. Proc. of the International Research Conference. Dushanbe. pp. 240-246.
10. Umarov, Kh.U. (2010) [The European Union and the Regional Economic Cooperation in Central Asia]. *Sotrudnichestvo gosudarstva i Srednego Vostoka i Evrosoyuza: kompleksnoe vzaimodeystvie i perspektivy* [Cooperation between the state and the Middle East and the European Union: a complex interaction and prospects]. Proc. of the International Research Conference. Dushanbe. pp. 164-170.
11. Sultanov, B.K. (ed.) (2009) *Tamozhennyi soyuz Belarusi, Kazakhstana i Rossii: sostoyanie, problemy, perspektivy* [The Customs Union of Belarus, Kazakhstan and Russia: the state, problems and prospects]. Almaty: Kazakhstan Institute of Strategic Studies under the President of the Republic of Kazakhstan.
12. Libman, A. (2012) *Issledovaniya regional'noy integratsii v SNG i Tsentral'noy Azii: Obzor literatury. Tsentr integratsionnykh issledovaniy Evraziyskogo banka razvitiya* [Studies of regional integration in the CIS and Central Asia: A Literature Review. Integration Research Center of Eurasian Development Bank]. St. Petersburg: Center for Integration Studies.

Е.Ю. Тройнина

ПОЛИТИКА ПРАВИТЕЛЬСТВА ТАЙВАНЯ В ОБЛАСТИ РАЗВИТИЯ БИОТЕХНОЛОГИЙ В 1990–2000-е гг.

Анализируется история политики правительства Тайваня в области развития биотехнологий в 1990–2000-е гг., в том числе основные государственные программы развития. Рассматривается система взаимодействия правительственных структур, ответственных за развитие данной отрасли. Анализируются особенности стратегии развития биотехнологий на Тайване – политика создания научных парков и специализированных научных институтов. Приводится оценка результатов развития биотехнологической отрасли к концу рассматриваемого периода.

Ключевые слова: биотехнологии; наука и технологии; Тайвань.

Более 30 лет назад развитие биотехнологий на Тайване стало одним из приоритетных направлений правительственной политики в области науки и технологий. На второй Национальной научно-технологической конференции, проведенной в 1982 г., была принята вторая Программа национального научно-технологического развития Тайваня, в соответствии с которой биотехнологии и медицина стали одним из 8 ключевых направлений научно-технологического развития, требующих форсированного развития [1. С. 1]. Для реализации данной программы в 1984 г. при Министерстве экономики был создан Центр развития биотехнологий, Национальный совет по науке начинает реализацию проектов в сфере биотехнологий [2], однако до середины 1990-х гг. политика в данной области носила второстепенный характер.

Достижение определенного уровня развития экономики и накопление научно-технологического опыта на Тайване способствовали активизации стимулирующей политики в области биотехнологий. С середины 1990-х гг. в правительственных учреждениях появляются следующие специальные подразделения, нацеленные на развитие биотехнологий посредством создания исследовательской инфраструктуры и проведения исследований по ключевым технологиям, подготовки квалифицированных кадров:

1) в 1993 г. в Академии Синика был учрежден Институт молекулярной биологии;

2) в январе 1993 г. Департамент промышленного развития (Министерство экономики) совместно с местными фармацевтическими компаниями создали Центр разработки медицинских и фармацевтических промышленных технологий [3];

3) в январе 1995 г. был открыт государственный Национальный институт исследований в области здравоохранения [4], являющийся автономным институтом под надзором Министерства здравоохранения. Данный институт стал наиболее успешным среди аналогичных институтов на Тайване;

4) в феврале 1996 г. Министерство экономики учредило Группу по развитию биотехнологической и фармацевтической отраслей промышленности [5];

5) в 1998 г. Министерство здравоохранения создало Центр оценки лекарственных средств [6];

6) в 1999 г. в Институте индустриально-технологических исследований (ИТРИ) был открыт Центр биомедицинского инжиниринга.

В августе 1995 г. Исполнительный Юань Тайваня принял План действий по развитию биотехнологической промышленности, который включал 5 основных направлений:

- создание нормативной базы;
- проведение НИОКР и их внедрение;
- трансферт и коммерциализация технологий;
- стимулирование инвестиций и инкубационная деятельность;
- развитие биотехнологических услуг и промышленности [7. С. 806].

В 1996 г. по инициативе Национального совета по науке был открыт Южный научный парк в Тайнине. Географический выбор был вызван необходимостью стимулировать развитие более отсталого южного региона, а его специализация на сельском хозяйстве обусловила возможность сделать более весомый акцент на биотехнологиях.

С 1996 г., помимо общенациональных программ развития биотехнологий, государственные учреждения принимают собственные планы научно-технологического развития, в которых биотехнологии выделяются в отдельное направление:

1) в 1996 г. Национальный совет по науке начал реализацию Рамочной программы медицинских исследований в области генетики, а в марте 1997 г. – Национальной научно-технологической программы по развитию сельскохозяйственных биотехнологий, которая была продлена в 2002 и 2005 гг.;

2) в декабре 1997 г. Фонд национального развития Исполнительного Юаня принял пятилетний План инвестиций в биотехнологии;

3) в январе 1998 г. Министерство образования запустило Программу улучшения биотехнологического образования, включающую интеграцию учебных планов и формирование обучающих программ. Программа была продлена в 2002 и 2006 гг.;

4) в 1999 г. Национальный совет по науке принял Национальную программу развития фармацевтики и биотехнологий [8. С. 11], срок действия которой был продлен в 2003 г.

Таким образом, правительственная политика в области развития биотехнологий, начиная с 1990-х гг., имела многовекторный характер, осуществлялась по линии нескольких правительственных учреждений и в условиях начавшейся в 1986 г. демократизации политической системы. Кроме того, ее характерной особенностью стала борьба интересов, развернувшаяся между министерствами и органами исполнительной власти, каждый из которых стремится представить свою зону ответственности как наиболее важную и требующую широкой государственной поддержки: Министерство здравоохранения акцентирует внимание на эффективности здравоохранения, необходимости принятия строгих стандартов утверждения медицинских препаратов, Министерство экономики воспринимает эти меры в качестве препятствий для привлечения частных инвестиций. Совет по сельскому хозяйству, в свою очередь, стремится к получению субсидий для развития сельскохозяйственных биотехнологий. В распределении средств также участвует Национальный Совет по науке, Академия Синика, Министерство образования.

Каждое из упомянутых учреждений проводит независимые исследования и разработки, а также самостоятельно занимается коммерциализацией полученных результатов исследований. Данные учреждения создают в рамках инновационной системы Тайваня независимые организации, например Национальный совет по науке занимается биотехнологиями в рамках Центрального научного парка, Совет по сельскому хозяйству создал на юге Тайваня плантацию орхидей (где разрабатываются новейшие биотехнологии выращивания этого вида цветов, а продукция плантации активно экспортируется на мировой рынок [9]), Министерство экономики сформировало Биотехнологический кластер в Наньгане [10. С. 13].

С одной стороны, такая борьба интересов приводит к распылению ограниченного количества ресурсов и кадров среди разных исследовательских организаций, тем самым снижая общую эффективность инноваций, особенно когда разные организации работают по схожим проектам в одно и то же время. С другой стороны, институциональный плюрализм в области разработки и осуществления государственной научно-технологической политики в области биотехнологий имеет положительное значение, так как к началу 2000-х гг. Тайвань еще не определил свои технологические и экономические преимущества в данной отрасли, т.е. диверсификация исследований и внедрения инноваций помогает в поиске данных преимуществ и, следовательно, своей ниши [11. С. 145]. Координационную роль в данном процессе поиска конкурентных преимуществ выполняет Сопроводительный комитет по науке и технологиям при Национальном Совете по науке, однако при демократическом ре-

жиме его решения стали носить рекомендательный характер.

Произошедший в 2000 г. переход власти от правившей более 50 лет партии Гоминьдан к Демократической прогрессивной партии не внес коррективов в правительственную политику в области биотехнологий: курс на развитие был сохранен, между партиями существовало общее понимание необходимости стимулирования отрасли (модернизации сельского хозяйства, медицины, медицинской техники и т.д.).

12 января 2001 г. была принята Резолюция Демократической Прогрессивной партии о создании «новой эры» в экономике Тайваня [12]. Основные направления данной резолюции в сфере науки и технологий (а по сути – программы нового правительства под руководством Чэнь Шуйбяня), помимо прочего, включают превращение Тайваня в глобальный центр биотехнологий, включая развитие сельского хозяйства, логистики, обрабатывающей промышленности, медицины и туризма.

Составной частью принятой в 2002 г. правительственной программы «Вызов 2008» стал четырехлетний план отраслевого развития «Два триллиона, две звезды» на период с 2002 по 2006 г. Содержание данного плана включает рост объема производства каждой из двух наиболее развитых отраслей (производство полупроводников и плоских жидкокристаллических дисплеев) до 1 трлн новых тайваньских долларов (НТД) к 2006 г., а также ускоренное развитие двух новых перспективных отраслей – биотехнологий и разработки и производства цифрового контента.

Примечательно, что к началу 2000-х гг. биотехнологии уже в течение 20 лет позиционировались правительством в качестве приоритетного направления научно-технологического развития, но в программе «Два триллиона, две звезды» биотехнологии все еще определяются как «новая отрасль», хотя электронная и полупроводниковая промышленности на Тайване за аналогичный промежуток времени достигли гораздо более значимых результатов и стали опорой тайваньской экономики.

В 2002 г. было начато осуществление правительственной Программы развития биотехнологий. Программа предусматривала создание отраслевых научных парков с благоприятными условиями для резидентов: льготными кредитами и тарифами на коммунальные услуги, низкой арендной платой, налоговыми льготами, предоставлением готовых производственных площадей и объектов переработки отходов. В рамках этой программы были созданы следующие научные парки:

1) «Биотехнолоджи Плаза» (в парке Наньган на севере острова), открытый в 2003 г. в качестве первого специализированного центра исследований и разработок в области биотехнологий. Развитию данного центра должно было способствовать сотрудничество с Академией Синика и Национальным институтом исследований в области здравоохранения, чьи представительства также размещаются в парке Наньган.

2) Биомедицинский парк Чжубэй, ставший составной частью Биомедицинского парка Синьчжу, учрежденного еще в 1980 г. Исполнительный Юань и магистрат округа Синьчжу приняли решение о создании парка Чжубэй в середине 2001 г., строительство было начато в 2003 г., окончено – в 2006 г. Научной и кадровой опорой данного парка является Медицинский колледж Национального университета Тайваня. Специализацией данного парка является клиническая медицина, разработка методов и препаратов лечения рака и других серьезных заболеваний.

3) Научный парк растительной медицины Цзяи был учрежден в 2004 г., расположен между Центральным и Южным научными парками и специализируется на разработке лекарственных средств растительного происхождения.

4) С 2001 г. в Южном научном парке (г. Тайнань) началось формирование биотехнологического кластера, к 2004 г. в парке насчитывалось 28 компаний, работающих в области биотехнологий [13]. Сферы специализации резидентов парка включают фармацевтику, разработку и производство медицинских аппаратов, биомедицину.

5) Плантация орхидей в Тайнани: идея создания высокотехнологичного центра по выращиванию орхидей была предложена представителем магистрата Тайнаня Су Хуаньчжи в 2002 г. Правительство острова поддержало это предложение, и в 2004 г. плантация начала свою работу.

6) Парк сельскохозяйственных биотехнологий Пинтун – основан в 2004 г. и размещен недалеко от Южного научного парка с целью объединения научно-исследовательских ресурсов. Компании-резиденты данного парка специализируются на биотехнологиях, применяемых в растениеводстве, животноводстве, медицине, косметологии, охране окружающей среды [14].

7) В феврале 2003 г. Исполнительный Юань принял решение о создании Биотехнологического парка, специализирующегося на исследованиях океана, в округе Илань.

Таким образом, географическое распределение биотехнологических парков свидетельствует о том, что правительство стремилось включить все регионы Тайваня в процесс развития биотехнологий, хотя их концентрация в южных районах самая высокая.

Для развития отрасли биотехнологий правительство ДПП использовало стратегию, сходную с той, которая позволила Гомиьндану создать процветающую электронную промышленность на Тайване – стратегию создания научных парков, вокруг которых формировались научно-производственные кластеры. Вторым сходным компонентом стратегии является создание предприятий на базе ведущих исследовательских институтов, среди которых в области биотехнологий, так же как в электронной промышленности, особо выделяется ИТРИ. В 1999 г. в ИТРИ был создан Центр биомедицинского инжиниринга, от которого вскоре отдели-

лись три предприятия – Phalanx Biotech Group (2002 г.), CESCO Bioengineering (2002 г.), DailyCare Biomedical (2004 г.) [15. С. 14–15]. При отделении предприятиям передавались все необходимые технологии, часть персонала, работавшего над соответствующими проектами, а также сохранялись каналы финансирования (ИТРИ или государственный бюджет). Третьим сходством является масштабное государственное финансирование отраслевого развития.

Однако специфика условий развития биотехнологической отрасли, по сравнению с полупроводниковой и электронной промышленностью, привела к тому, что одни элементы государственной стратегии развития научно-технологических отраслей, показавшие эффективность в электронной промышленности, не обеспечили прорыва в биотехнологиях, а другие элементы вовсе не могли быть использованы. Во-первых, биотехнологии подразумевают более длительный период исследований и внедрения, чем продукты электронной промышленности. Следовательно, темпы развития отрасли и количество инновационных продуктов в биотехнологиях оставались более низкими. Во-вторых, развитие электронной промышленности протекало при широком международном участии с точки зрения вливания новых технологий и инвестиций. В биотехнологиях Тайвань почти полностью опирается на собственные инновации, а источником финансирования являются венчурные фонды, поддерживаемые государством. В результате отсутствие первоначального внешнего импульса в форме трансферта технологий и управленческого опыта также негативно отразилось на динамике развития биотехнологий. В-третьих, если предприятия электронной промышленности ориентировались на ИТРИ как источник технологий, в сфере биотехнологий многие предприятия появились на базе инкубаторов в университетах, специализирующихся на биотехнологиях (Университет Янмин, Университет Чжангун, Университет Тунхуа, Университет Чунсин). Группа по развитию биотехнологической и фармацевтической отраслей промышленности (Министерство экономики) отмечает расширение в 2000-е гг. вклада университетов Тайваня в развитие биотехнологий, особенно в парке Синьчжу и Южном парке [16. С. 16–17].

Еще одним фактором, отрицательно влияющим на развитие биотехнологий на Тайване, является сложившаяся система карьерного роста профессоров в университетах. По оценке Министерства науки и технологий Тайваня (ранее – Национальный совет по науке), продвижение ученого по университетской лестнице в значительной степени зависит от списка его публикаций, особенно в высокоцитируемых изданиях. Поэтому зачастую профессора в университетах занимаются собственными фундаментальными исследованиями и стремятся увеличить число своих статей, опубликованных в высокорейтинговых научных журналах. При этом прикладные биотехнологические исследования остаются на втором плане.

Все эти факторы привели к тому, что биотехнологии не создали новое «экономическое чудо» на Тайване. По статистике парка Синьчжу, у проектов в области биотехнологий самая низкая рентабельность инвестиций в исследования и разработки – доля инвестиций в НИОКР от общего объема выручки за 2000–2010 гг. в среднем составила 21,55%, тогда как в компьютерной

промышленности этот показатель за аналогичный период составил 3,58%. Однако рентабельность НИОКР в сфере биотехнологий демонстрирует постепенное повышение во второй половине 2000-х гг. По статистике научного парка Синьчжу и Южного научного парка, биотехнологии остаются самым слабым направлением с точки зрения продаж (менее 1%) (таблица).

Показатели эффективности биотехнологических предприятий в научном парке Синьчжу и Южном научном парке, 1998–2010 гг. [17, 18]

Год	Научный парк Синьчжу				Южный научный парк		
	Объем продаж биотехнологической продукции, млн НТД	Доля биотехнологий от общего объема продаж парка, %	Расходы на НИОКР в сфере биотехнологий, млн НТД	Доля биотехнологий в общем объеме расходов на НИОКР, %	Доля инвестиций в биотехнологии от общей выручки отрасли, %	Объем продаж биотехнологической продукции, млрд НТД	Доля биотехнологий от общего объема продаж парка, %
1998	569	0,125	237	0,733	41,7	0	0
1999	665	0,102	230	0,649	34,5	0,01	0,633
2000	1 134	0,122	780	1,947	65,1	0,06	0,243
2001	1 335	0,202	265	0,450	19,9	0,15	0,299
2002	1 416	0,201	402	0,671	28,4	0,24	0,233
2003	1 841	0,215	443	0,753	24,1	0,53	0,341
2004	2 539	0,234	412	0,650	16,2	1,16	0,447
2005	2 997	0,303	438	0,649	14,6	1,54	0,436
2006	3 063	0,274	537	0,828	17,5	2,00	0,443
2007	3 370	0,295	702	1,055	22,4	3,09	0,553
2008	3 928	0,391	544	0,677	14,2	3,74	0,683
2009	4 288	0,487	1288	0,977	4,3	4,75	1,030
2010	5 165	0,436	654	0,448	10,4	5,36	0,885

Увеличение числа научных парков, специализирующихся на биотехнологиях, также не принесло ожидаемых результатов. Высокая концентрация научных парков со схожими областями исследований (7 парков, 5 из которых находятся на расстоянии не более 100 км друг от друга) привела к нерациональному распределению ресурсов. Представители местных администраций используют строительство научных парков для достижения краткосрочных политических целей и демонстрации своего вклада в отрасль, при этом качественное развитие парков остается на втором плане. В результате мощности большинства биотехнологических парков и центров заняты только на 30%, в то же время существует дефицит талантливых специалистов не только в области исследований и разработок, но и в сфере международного маркетинга, коммерциализации, управления массовым производством. Другими слабыми местами являются недостаток инвестиций в исследования и разработки, отсутствие прочной образовательной основы для отрасли, неразвитая нормативно-правовая база [19].

Однако в глобальном масштабе биотехнологические компании (за исключением фармацевтических), сталкиваются с проблемами, аналогичными тем, которые существуют на Тайване: при большой массе проводимых исследований и разработок им не хватает капиталов и механизмов для осуществления коммерциализации продукта [20. С. 8].

Тем не менее биотехнологии иллюстрируют изменения в стратегии развития наукоемких отраслей на

Тайване. Если электронная промышленность развивалась вокруг научно-промышленного кластера в Синьчжу, ориентируясь на импорт знаний и их практическую доработку, то с начала 2000-х гг. в области биотехнологий, которая все еще считалась развивающейся, прослеживается стремление уйти от имитации к инновациям, созданию новых или альтернативных продуктов [15. С. 7].

Объем производства фармацевтической и медицинской отрасли, в том числе производства биологической продукции, за исключением сельского хозяйства, вырос с 29,66 млрд НТД в 1990 г. до 75,55 млрд НТД в 2010 г. [21], составив 0,6% от ВВП в 1990 г. и 0,55% в 2010 г.

Ограниченный успех развития отрасли объясняется следующими причинами:

1) недостаточно активной политикой правительства Тайваня и отсутствием специфической стратегии развития отрасли в 1980–1990-е гг.,

2) ориентацией на внутренние НИОКР и инновации и отсутствием масштабной поддержки со стороны зарубежных корпораций;

3) соперничеством между правительственными учреждениями и низким уровнем взаимодействия между ними в 1990–2000-е гг. При этом в 2000-х гг. правительство острова активизировало поддержку развития биотехнологий, сделало акцент на сотрудничестве частного сектора и университетов, и, по данным научных парков, наблюдается постепенное повышение эффективности отрасли.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гоця кэсюэ цзишу фачжань цихуа 2009–2012 [План национального научно-технологического развития 2009–2012]. Синчжэнюань, Тайвань, 2009.
2. Вого шэнци чань чжэнцэ юй туйдун личэнь [Политика и процесс стимулирования в области биотехнологий]. Цзинцибу шэнци ияо чань фачжань туйдун сяоцзу. URL: http://www.biopharm.org.tw/information_content.php?li=5, свободный (дата обращения: 01.12.2014).
3. Чжияо гун'е цзишу фачжань чжунсинь [Центр разработки медицинских и фармацевтических промышленных технологий]. URL: <http://www.pitdc.org.tw>, свободный (дата обращения: 01.12.2014).
4. Гоця вэйшэн янцзююань [Национальный институт исследований в области здравоохранения]. URL: <http://www.nhri.org.tw>, свободный (дата обращения: 01.12.2014).
5. Цзинцибу шэнци ияо чань фачжань туйдун сяоцзу [Группа по развитию биотехнологической и фармацевтической отраслей промышленности Министерства экономики]. URL: <http://www.biopharm.org.tw>, свободный (дата обращения: 01.12.2014).
6. Ияопинь чайнь чжунсинь [Центр оценки лекарственных средств]. URL: <http://www.cde.org.tw>, свободный (дата обращения: 01.12.2014).
7. Duh Tuzz-Jiun. Biotech/Life Science Industry Boom. *Biotechnology in Taiwan*. 2007. Vol. 22, №. 12.
8. Чжияо юй шэн'у цзишу гоцясин цихуа [Национальная программа развития фармацевтики и биотехнологий]. Синчжэнюань гоця кэсюэ вэйюаньхуэй, цзюши няньду шичжэн цисяо баогао. 2003.
9. Taiwan Orchid Plantation in Tainan a success in orchid industry. *Info Taiwan*. 2010. URL: <http://www.taiwan.gov.tw/ct.asp?xItem=20908&ctNode=1940&mp=999>, free (access data: 25.10.2014).
10. Chao Chen. Government, governance and innovation policies in small states. Taking Taiwan and Ireland's biotechnology industrial policies for examples (2000-2008). 2008 Doctoral Conference, University of Twente (Netherlands). 2008. URL: http://www.prime-noe.org/spip.php?action=acceder_document&arg=33&cle=c11ae74ff6337526529589e0e36665fac77d54bf&file=pdf%252FChao_Chen.pdf, free (access data: 25.10.2014).
11. Wong J. From Imitator to Innovator: the Political Economy of Industrial Upgrading in the 21st Century. In W-C. Lee (Ed.), *Taiwan's Politics in the 21st Century: Changes and Challenges*. Singapore : World Scientific Publishing, 2010.
12. Resolution on Creating a New Era of Taiwan's Economy 2001. Democratic Progressive Party: official web-site. 2001. URL: <http://dpp.taiwan.blogspot.ru/2011/03/2001-resolution-on-creating-new-era-in.html>, free (access data: 01.12.2014).
13. Industries. Southern Taiwan Science Park (STSP). URL: <http://www.stsipa.gov.tw/web/WEB/Jsp/Page/cindex.jsp?frontTarget=ENGLISH&thisRootID=15>, free (access data: 01.12.2014).
14. Industry Clusters. Ping-Tung Agricultural Biotechnology Park Preparatory Office. URL: <http://www.pabp.gov.tw/AreaBusEng/LibB/b01mapnew.asp>, free (access data: 01.12.2014).
15. Dodgson M., Mathews J., Hu M.-C., Kastelle T. The changing nature of innovation networks in Taiwan: from imitation to innovation. *Druid Summer Conference*. Copenhagen, Denmark, 2006.
16. Introduction to Biotechnology and Pharmaceutical Industries in Taiwan, 2013. Ministry of Economic Affairs, Taiwan. URL: http://www.biopharm.org.tw/downloads_content.php?li=1, free (access data: 01.12.2014).
17. Тунци цзысюнь [Статистические данные]. Синьчжу кэсюэ гун'е юаньцой. 2014. URL: <http://www.sipa.gov.tw/home.jsp?serno=201001210013&mserno=201001210001&menudata=ChineseMenu&contlink=ap/statico.jsp&level2=Y&classserno=201002030017>, свободный (дата обращения: 01.12.2014).
18. Линянь ин'е'э сягуань тунци [Статистика по годовым оборотам]. Наньбу кэсюэ гун'е юаньцой. 2014. URL: <http://www.stsp.gov.tw/web/WEB/Jsp/Page/cindex.jsp?frontTarget=DEFAULT&thisRootID=323>, свободный (дата обращения: 01.12.2014).
19. Jiang H.-R. Why another empty biotech park? *The Taipei Times*. 2010. URL: <http://www.taipetimes.com/News/editorials/archives/2010/05/22/2003473566>, free (access data: 01.12.2014).
20. Beyond Borders: The Global Biotechnology Report 2006. *Global Biotechnology Center, Ernst and Young*. 2006. URL: https://www2.eycom.ch/publications/items/biotech-report/2006/2006_EY_Global_Biotech_Report.pdf, free (access data: 01.12.2014).
21. Industrial Production, Shipment and Inventory Index Statistics. Department of Statistics, Ministry of Economic Affairs, Taiwan. 2014. URL: <http://dmz9.moea.gov.tw/gmweb/investigate/InvestigateDB.aspx?lang=E>, free (access data: 01.12.2014).

Troynina Ekaterina Y. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: shkrob_katya@mail.ru

BIOTECHNOLOGIES DEVELOPMENT POLICY OF THE GOVERNMENT OF TAIWAN IN THE 1990–2000s.

Keywords: biotechnologies; science and technology; Taiwan.

Development of biotechnologies became one of the priority directions of government science and technology (S&T) policy in Taiwan more than 30 years ago – as early as in 1982 biotechnologies were specified in the second National S&T Development Program as one of the eight major S&T spheres. However, until the second half of the 1990s the industry saw weak development policy. Achievement of the relatively high level of economic development and accumulation of science and technology experience in Taiwan entailed vitalization of stimulation policy in the sphere of biotechnologies. Since the middle of the 1990s, governmental agencies have created specialized departments responsible for biotechnology development by means of research infrastructure creation and conduction of key technologies research, cultivation of high-quality personnel. Various biotechnologies development programs were adopted at the national and ministerial level. Besides, such R&D organizations as Institute of Molecular Biology, Pharmaceutical Industry Technology and Development Center, Biomedical Engineering Center, South Taiwan Science Park were established in the late 1990s. The governmental policy of biotechnology development since the 1990s has been performed via several governmental agencies: the Ministry of Health and Welfare, the Ministry of Economic Affairs, the Council of Agriculture, the National Science Council, the Ministry of Education, etc. Under the democratic political regime, biotechnology policy suffers the impact of contradictions of these governmental agencies which try to represent their responsibility area as the most important. On the other hand, institutional pluralism in the sphere of government policy formulation and implementation in the sphere of biotechnologies had a positive effect because by the 2000s Taiwan has not determined its technological and economic advantages in this industry yet. As the Democratic Progressive Party (DPP) came to power in 2000, it continued the biotechnology development policy, the national biotech development program was launched in 2002. Implementation included establishment of biotechnology science parks providing their residents with favorable conditions. Within 5 years several specialized science parks were constructed in Taiwan: Biotechnology Plaza in Nankang, Biomedical Park Chupei, Chiayi Herbal Medicine Science Park, etc. In the process of development of biotechnologies, the DDP administration applied the same strategy as KMT government used to develop semiconductor and electronics industries. However, due to several specific features of biotechnologies, the strategy was not as successful as expected. The main reasons of these results include the absence of specific development strategy for biotechnologies, the lack of international S&T support, comparatively weak participation of ITRI, competition between governmental agencies and low cooperation between them.

REFERENCES

1. Taiwan. (2009) *Plan natsional'nogo nauchno-tehnologicheskogo razvitiya 2009–2012* [National Plan for Scientific and Technological Development 2009–2012]. Sinchzenyuan', Tayvan'. (In Chinese).
2. Biofarm.org.tw. *Politika i protsess stimulirovaniya v oblasti biotekhnologiy* [Policies and processes to stimulate biotechnology]. [Online] Available from: http://www.biopharm.org.tw/information_content.php?li=5. (Accessed: 1st December 2014). (In Chinese).
3. Pitdc.org.tw. *Tsentr razrabotki meditsinskikh i farmatsevticheskikh promyshlennykh tekhnologiy* [Medical and Pharmaceutical industry Technology and Development Center]. [Online] Available from: <http://www.pitdc.org.tw>. (Accessed: 1st December 2014). (In Chinese).
4. Nhri.org.tw. *Natsional'nyy institut issledovaniy v oblasti zdravoookhraneniya* [National Health Research Institute]. [Online] Available from: <http://www.nhri.org.tw>. (Accessed: 1st December 2014). (In Chinese).
5. Biopharm.org.tw. *Gruppa po razvitiyu biotekhnologicheskoy i farmatsevticheskoy otrasley promyshlennosti Ministerstva ekonomiki* [Biotechnology and Pharmaceutical Industries Development Group, Ministry of Economy]. [Online] Available from: <http://www.biopharm.org.tw>. (Accessed: 1st December 2014). (In Chinese).
6. Cde.org.tw. *Tsentr otsenki lekarstvennykh sredstv* [Center for Drug Evaluation]. [Online] Available from: <http://www.cde.org.tw>. (Accessed: 1st December 2014). (In Chinese).
7. Duh, T.J. (2007) Biotech/Life Science Industry Boom. *Biotechnology in Taiwan*. 22 (12). DOI: 10.1142/S0219030307000821
8. Taiwan. (2003) *Natsional'naya programma razvitiya farmatsevtiki i biotekhnologiy* [National Programme for the Development of Pharmaceuticals and Biotechnology]. (In Chinese).
9. Info Taiwan. (2010) *Taiwan Orchid Plantation in Tainan a success in orchid industry*. [Online] Available from: <http://www.taiwan.gov.tw/ct.asp?xItem=20908&ctNode=1940&mp=999>. (Accessed: 25th October 2014).
10. Chao, Ch. (2008) Government, governance and innovation policies in small states. Taking Taiwan and Ireland's biotechnology industrial policies for examples (2000–2008). *2008 Doctoral Conference, University of Twente (Netherlands)*. Available from: http://www.prime-noe.org/spip.php?action=acceder_document&arg=33&cle=c11ae74ff6337526529589e0e36665fac77d54bf&file=pdf%252FChao_Chen.pdf. (Accessed: 25th October 2014).
11. Wong, J. (2010) From Imitator to Innovator: the Political Economy of Industrial Upgrading in the 21st Century. In: Lee, W-C. (ed.) *Taiwan's Politics in the 21st Century: Changes and Challenges*. Singapore: World Scientific Publishing.
12. Democratic Progressive Party: official web-site. (2001) *Resolution on Creating a New Era of Taiwan's Economy 2001*. [Online] Available from: <http://dpptaiwan.blogspot.ru/2011/03/2001-resolution-on-creating-new-era-in.html>. (Accessed: 1st December 2014).
13. Southern Taiwan Science Park (STSP) website. *Industries*. Available from: <http://www.stsipa.gov.tw/web/WEB/Jsp/Page/cindex.jsp?frontTarget=ENGLISH&thisRootID=15>. (Accessed: 1st December 2014).
14. *Industry Clusters. Ping-Tung Agricultural Biotechnology Park Preparatory Office*. Available from: <http://www.pabp.gov.tw/AreaBusEng/LibB/b01mapnew.asp>. (Accessed: 1st December 2014).
15. Dodgson, M., Mathews, J., Hu, M.-C. & Kastelle, T. (2006) The changing nature of innovation networks in Taiwan: from imitation to innovation. *Druid Summer Conference 2006*. Copenhagen, Denmark. 2006.
16. Biopharm.org.tw. *Introduction to Biotechnology and Pharmaceutical Industries in Taiwan, 2013*. Ministry of Economic Affairs, Taiwan. Available from: http://www.biopharm.org.tw/downloads_content.php?li=1. (Accessed: 1st December 2014).
17. Hinchu Science Park Bureau, Ministry of Science and Technology. (2014) *Statisticheskie dannye* [Statistics]. [Online] Available from: <http://www.sipa.gov.tw/home.jsp?serno=201001210013&mserno=201001210001&menudata=ChineseMenu&contlink=ap/statico.jsp&level2=Y&cl=asserno=201002030017>. (Accessed: 1st December 2014). (In Chinese).
18. Southern Taiwan Science Park. (2014) *Statistika po godovym oborotam* [Statistics on annual turnover]. Available from: <http://www.stsp.gov.tw/web/WEB/Jsp/Page/cindex.jsp?frontTarget=DEFAULT&thisRootID=323>. (Accessed: 1st December 2014). (In Chinese).
19. Jiang, H.-R. (2010) Why another empty biotech park? *The Taipei Times*. [Online] Available from: <http://www.taipetimes.com/News/editorials/archives/2010/05/22/2003473566>. (Accessed: 1st December 2014).
20. Global Biotechnology Center, Ernst and Young. (2006) *Beyond Borders: The Global Biotechnology Report 2006*. [Online] Available from: https://www2.eycom.ch/publications/items/biotech-report/2006/2006_EY_Global_Biotech_Report.pdf. (Accessed: 1st December 2014).
21. Department of Statistics, Ministry of Economic Affairs, Taiwan. (2014) *Industrial Production, Shipment and Inventory Index Statistics*. [Online] Available from: <http://dmz9.moea.gov.tw/gmweb/investigate/InvestigateDB.aspx?lang=E>. (Accessed: 1st December 2014).

ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ

УДК 902, 903-03
DOI 10.17223/19988613/36/15

А.С. Савельева

ЦВЕТНОЙ МЕТАЛЛ ТАГАРСКОЙ КУЛЬТУРЫ: ИСТОРИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ СОСТАВА СПЛАВОВ НА МЕДНОЙ ОСНОВЕ С 1860-х ПО 1950-е гг.

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 15-06-02325 А.

Прослеживается история исследований бронзовых и медных изделий тагарской археологической культуры методами химического анализа. Излагаются результаты работ химиков второй половины XIX в. по изучению элементного состава сплавов на медной основе с территории Минусинских котловин эпохи раннего железа. Приводятся результаты химических анализов тагарского цветного металла, полученные советскими учеными до начала массовых спектральных анализов 1960-х гг. Описаны организационные и методические составляющие аналитических работ по изучению состава древнего металла в 1860-е – 1950-е гг.

Ключевые слова: историография; тагарская культура; бронза; химический анализ; элементный состав.

Первые анализы состава археологического металла были проведены во второй половине XVIII в. Тогда же трудами немецкого химика М.Г. Клапрота заложены основы метода химического анализа. К концу XIX в. были проанализированы сотни бронзовых и медных изделий, в их числе римские, греческие, египетские, германские, а также предметы с территории России. Сибирские древности, вовлеченные в аналитические работы, первоначально были единичны. Исследования археологических памятников Минусинских котловин, осознание их места в истории Южной Сибири эпохи раннего железа, изучение особенностей ее материальной культуры, фиксируемых наиболее ярким образом по бронзовому инвентарю, обусловили зарождение и сохранение научного интереса к тагарскому металлу. Первые результаты исследований состава сибирских и тагарских бронз, полученные еще до начала массовых спектральных анализов 1960-х гг., составляют отдельную страницу в историографии тагарской археологической культуры.

Первые результаты химических анализов металла с территории распространения памятников тагарской культуры. К составу древнего металла с территории распространения памятников тагарской археологической культуры одним из первых обратился русский химик *Генрих Вильгельм Струве* (1822–1908) [1–3]. В 1850 г. он защитил на звание магистра химии диссертацию «Рассуждение об определении веса атома некоторых простых тел» в Петербургском университете. В 1853 г. вышла его книга «Химические таблицы для вычисления количественных разложений» [4. С. 20, 21]. В 1866 г. в 9-м томе Бюллетеня Императорской Академии наук Г.В. Струве опубликовал результаты химических исследований нескольких бронзовых вещей, произведенных им по просьбе В.В. Радлова [5. С. 15]. Впоследствии эти данные неоднократно цитировались, поэтому они хорошо известны также по тру-

дам Н. Попова (1873) [6], Д.А. Клеменца (1886) [7] и др. По всей видимости, анализы были произведены Г.В. Струве в период работы пробирером в лаборатории Горного департамента в Петербурге (1849 – 1867/1869 гг.) [4, 8].

С целью узнать, случайна ли разница в составе бронзовых сплавов Алтая и Енисейской степи «или она зависит от степени познаний в деле отливки металла» [5. С. 15], Г.В. Струве произвел химический анализ четырех ножей из Абаканской долины (табл. 1). Были определены процентные содержания по трем элементам: медь (от 88,67 до 99%), олово (от 0,32 до 10,1%) и железо (от 0,05 до 0,34%) [Там же]. При сравнении этих результатов анализа Енисейских материалов с известными ему данными по Алтайским бронзам Г.В. Струве заключил, что в сплавах изделий, требовавших крепости, входило 10% олова, в металл же украшений прибавлялся свинец, благодаря этому сплав легче плавился и поддавался обработке [7. С. 54; 5. С. 16]. Основываясь на исследованиях химика, В.В. Радлов полагал, что «народы древнейшего медного периода, населявшие Алтай и Саянский хребет, обладали в деле сплава металлов опытностью и познаниями» [5. С. 16].

Исследования для В.В. Радлова производил и другой специалист – *Федор Федорович Бейльштейн* (1838–1907) – профессор химии, заведующий химической лабораторией Петербургского технологического института, пионер в изучении кавказской нефти [9. С. 21]. В 1888 г. Ф.Ф. Бейльштейн был избран ординарным академиком физико-математического отделения Академии наук по специальности «технологии и химии, приспособленные к искусствам и ремеслам» [10. С. 4]. На одном из публикуемых В.В. Радловым бронзовых ножей Ф.Ф. Бейльштейном был выявлен белый металлический слой, состоящий из олова [11. С. 8].

В 1869 г. вышла немецкоязычная публикация результатов аналитических работ барона *Эрнста Фрай-*

херрна фон Бибры (1806–1878). Всего немецким естествоиспытателем было произведено более 250 анализов древних медных, железных и серебряных предметов различного происхождения [2. С. 22]. В числе проанализированных Э.Ф. фон Биброй изделий из Сибири – обломки орудия, трубочки, палочки и пряжка (табл. 1). В сплавах выявлены примеси сурьмы (до 0,1%), никеля (до 1,2%), железа (до 0,72%) и свинца (до 1,02%), в трех вещах – от 2,93 до 10,15% цинка и во всех – от 2,94 до 4,96% олова [12. С. 39–40].

В период с 1877 по 1879 г. одиннадцать бронзовых и медных предметов из Енисейской губернии были проанализированы Химико-технической комиссией при Комитете Антропологической выставки. Химический анализ выполнялся Д.А. Поржезинским, П.А. Григорьевым и А.А. Карцевым. Вещи происходили из коллекции М.К. Сидорова, принадлежавшей Комитету Антропологической выставки, один кельт был предоставлен для анализа Ю.Д. Филимоновым [13. С. 201]. Результаты работы Комиссии докладывались 13 апреля 1879 г. на седьмом заседании первой сессии Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии *Иваном Павловичем Архиповым* (1839–1898) – профессором, специалистом по технологии красящих веществ. С 1867 г. он заведовал химическим отделением, а в 1881–1883 гг. возглавлял Императорское московское техническое училище. С 1874 г. И.П. Архипов состоял профессором кафедры технологии и технической химии Московского университета [14. С. 100].

Химический анализ енисейских находок производился на восемь элементов (медь, олово, свинец, железо, цинк, серебро, золото, сера). Исследованы были топор, украшение, два наконечника копья, кинжал, два кельта, три ножа и зеркало (табл. 1). При описании результатов химического анализа И.П. Архипов указывал на умышленный или случайный характер примесей к меди. Первые позволяют называть сплав «несомненной бронзой», а вторые «не оказывают существенного влияния на качества и свойства меди». Итогом описания состава енисейского металла стала условная группировка сплавов. «Почти из чистой меди» оказались изготовлены топор и украшение (содержит 0,48% олова и 0,19% свинца). «Из сплава, содержащего весьма небольшое количество олова», меньшее, чем в «употребляемых в настоящее время», изготовлены два наконечника копья, кинжал и кельт (в них от 1,07 до 3,23% олова). В разрезе этот сплав имел красный цвет. Из бронзы, «сходной по составу с некоторыми сплавами, употребляемыми в настоящее время», изготовлены три ножа (в них от 12,09 до 13,46% олова и от 0,41 до 5,03% свинца). Из сплава, состав которого «совершенно соответствует тому назначению, которое имела вещь», изготовлено зеркало (в нем 22,45% олова, следы железа и 2,76% серебра). В разрезе этот сплав имел белый цвет. Исключительным оказался состав кельта с

Абакана: в его сплаве (единственном из всех сибирских предметов) – 4,6% цинка [13. С. 198, 201].

В 1883 г. бронзы Минусинского края исследовались горным инженером, преподавателем Горного института *Дмитрием Александровичем Сабанеевым* [15. С. 140; 1. С. 71], автором «Французско-русского словаря главнейших терминов и выражений по горно-заводскому делу и соприкасающимся к нему наукам» [16].

Являясь одним из инициаторов создания Комиссии по производству химико-технических анализов древних бронз Императорского русского археологического общества [17], в числе прочих, Д.А. Сабанеев проанализировал 29 вещей из коллекции И.А. Лопатина. В статье 1951 г. «К вопросу о составе древних бронз Казахстана» все результаты, полученные Д.А. Сабанеевым, были интерпретированы С.С. Черниковым [15. С. 151–158]. В публикации 1960 г. Ю.С. Гришин впервые соотнес девять ножей, кельт и топор, проанализированные Д.А. Сабанеевым, с тагарской археологической культурой (табл. 2) [18. С. 204–205].

Д.А. Сабанеевым определены в сплавах процентные содержания меди (от 67,9 до 98,9%), олова (от 0,1 до 11,6%), свинца (до 1%), серебра (до 0,05%), железа (до 0,2%), следы золота, серы и сурьмы. Судить о достоверности показателей по лигатуре цинка затруднительно. Ю.С. Гришин отмечал, что результаты анализа этих же вещей, произведенного в лаборатории Государственной академии истории материальной культуры (ГАИМК), показали отсутствие цинка [Там же. С. 143].

Почти на 400 результатов анализа бронз, опубликованных к тому времени, опирался в своих трудах В.М. Флоринский. Он и сам инициировал проведение химических исследований. Так, для определения состава бронзы из Томского археологического музея в лаборатории Томского университета семь анализов были выполнены профессором Ф.К. Крюгером [19. С. 374].

Ординарный профессор Императорского Томского университета *Фридрих Карлович Крюгер* (1862–1936) с 1895 по 1912 г. заведовал кафедрой медицинской химии. Он читал лекции, вел практические занятия, проводил редкие медико-химические анализы, являлся редактором Известий Императорского Томского университета, участвовал в работе Общества естествоиспытателей и врачей [20. С. 140]. В числе проделанных им анализов археологических экспонатов – нож из Ачинского округа и два ножа из Мариинского округа (№ 3281, 3217 и 3231) (табл. 1). Определены два элемента – медь и олово. В находках выявлены 15; 1,5 и 24% олова соответственно [19. С. 374].

Таким образом, во второй половине XIX в. были опубликованы результаты химических анализов по меньшей мере 32 медных и бронзовых археологических находок, имевших преимущественно случайное происхождение с территории, отнесенной позже к ареалу тагарской археологической культуры. За исключением полученных Д.А. Сабанеевым данных, культур-

но-хронологическая принадлежность исследованного металла археологами не устанавливалась.

Организационные основы аналитических работ второй половины XIX в. Вторая половина XIX в. примечательна не только первыми химическими анализами археологического металла с территории Сибири, но и как период попыток оформления организационных и теоретических основ приложения химии к археологии.

По всей видимости, одним из первых тому примеров может послужить работа упоминавшейся Химико-технической комиссии при Комитете Антропологической выставки. В ходе подготовки к незаурядному для науки того времени мероприятию Комитет возложил на себя, помимо прочего, разрешение вопроса «о химическом исследовании древних бронз и других металлических предметов, находимых при раскопках курганов, могил, городищ и других остатков жизни древних народов в различных местностях России и ее окраинах» [13. С. 197]. С этой целью в 1877 г. и была учреждена особая Химико-техническая комиссия. Программа ее деятельности предполагала: «Чтобы выбор предметов для исследований производился археологами, и чтобы исследованиям подвергались бронзы, не только найденные при раскопках производившихся Членами Комитета, но что желательным было бы иметь анализы бронз из других замечательных раскопок, чтобы впоследствии из полученных результатов мог бы составиться материал, пригодный для обобщений и выводов» [Там же]. С 1877 по 1879 г. членами Химико-технической комиссии были проанализированы 85 древних бронзовых и медных предметов, в том числе из раскопок А.П. Богданова, А.С. Уварова, В.Г. Тизенгаузена и Ю.Д. Филимонова.

В 1881 г. была учреждена известная Комиссия по производству химико-технических анализов древних бронз из числа членов Императорского археологического общества под председательством Л.К. Ивановского [17. С. I]. Ею декларировалось, что приложение химии должно являться драгоценным пособием и даже иногда единственным источником для доисторической археологии; изучение состава бронз дает указания на степень развития народов и направления торговых путей. Задачами анализов объявлялись установление качественного и количественного состава изделий, мест добычи «материала», приемов, способов и мест приготовления изделий, выяснение случайного или осознанного происхождения пропорций составных частей сплавов [Там же. С. I–II]. Анализ бронз Сибири выделялся в четвертую группу (из пяти) в порядке работ Комиссии [Там же. С. III].

Значимость проведения химических анализов к концу XIX в. сознавалась в достаточной мере. В этот начальный период зарождения историко-металлургических исследований основными критериями «выборки» для проведения анализов служили признаки территориальной принадлежности находок. Это

соответствовало уровню археологической науки в целом, когда представления о хронологии и культурной атрибуции комплексов только начинали формироваться. В.М. Флоринским аспекты приложения химии к археологии формулировались так: по изделиям из бронзы, «взятым из разных стран света, можно видеть и сравнивать не только типы и формы предметов, но также их химический состав, чем осязательно определяется географическое распространение культурных течений от народа к народу, уясняется заимствование металлургической техники от более древних центров цивилизации для последующих. В этом отношении особенно важную услугу археологии оказала химия, определяя качественный и количественный состав древних бронз» [19. С. 372].

Методические основы аналитических работ второй половины XIX в. Аналитические методы в России складывались в рамках производственных и контрольных работ в аптекарских лабораториях, при изготовлении металлических денег, в ходе пробирного анализа руд и металлов. В XIX в. состав археологического металла устанавливался методами «мокрого» химического анализа, реже применялись электролитические методы [2. С. 23–26; 3. С. 53]. Определения сводились к получению данных о составе металла опытным путем – с помощью пробирок, колб, точных весов и растворов осуществлялось последовательное химическое разложение. Выявление состава вещества производилось по образованию нерастворимого в воде осадка, выделению газа или изменению цвета раствора. Различный набор определяемых элементов указывает на отличия практической стороны «химических разложений» и позволяет проследить ее эволюцию. Так, Г.В. Струве (1866) выполнены определения всего трех элементов, а Д.А. Сабанеевым (1883) – одиннадцати. При этом заметны не только закономерные хронологические, но и качественные различия в отечественной и зарубежной науке – определения немецкого химика Э.Ф. фон Бибры включали 12 элементов еще в 1869 г.

1840–1880-е гг. историками науки отмечены как период быстрого развития естественнонаучных знаний и активного их воздействия на смежные разделы гуманитарных наук в университетском образовании и в исследовательской деятельности [21. С. 131]. К этому следует добавить, что «внедрение» естественнонаучных методов в область гуманитарного знания в России происходило хронологически последовательно их освоению в сфере производственного применения. Например, в Барнаульской лаборатории при Главном управлении Алтайского округа анализы полезных ископаемых «мокрым» путем начались в 1850 г., а с 1860-х гг. отчеты об аналитических работах лаборатории начали публиковаться в научных технических журналах [22. С. I–II].

Результаты анализов приводились в процентах до сотых, реже до тысячных долей, и охватывали данные по содержанию в веществе различных оксидов, сульфидов

и отдельных элементов, в основном серы, фосфора, железа, свинца, меди, цинка, серебра, висмута, сурьмы, мышьяка и кальция. Известны и примеры апробирова-

ния археологических находок, например в 1861 г. в Барнаульской химической лаборатории был проанализирован кинжал из «чудских» копей [23. С. 133].

Таблица 1

Результаты химических анализов металла с территории распространения памятников тагарской культуры, произведенных в XIX в., %

№	Предмет	Происхождение	Cu	Sn	Zn	Pb	Ag	Fe	Ni	Sb	Аналитик	Источник
1	Нож	Долина Абакана	99	0,32				0,34			Г.В. Струве	Попов, 1873, с. 139
2	Нож	Долина Абакана	90,2	9,64				0,05			Г.В. Струве	Попов, 1873, с. 139
3	Нож	Долина Абакана	88,67	10,1				0,28			Г.В. Струве	Попов, 1873, с. 139
4	Нож	Долина Абакана	93	6,35				0,18			Г.В. Струве	Попов, 1873, с. 139
5	Орудие	Долина Енисея	94,95	4,96		Сл.		Сл.	Сл.	0,09	Э.Ф. фон Бибра	Ивановский, 1884, с. 39
6	Трубочка	Долина Енисея	85,6	4,71	9	Сл.		Сл.	1,2	0,03	Э.Ф. фон Бибра	Ивановский, 1884, с. 39
7	Палочка	Долина Енисея	84,9	3,5	10,15	1,02		0,2	0,23	Сл.	Э.Ф. фон Бибра	Ивановский, 1884, с. 39
8	Нож	Ачинский округ	85	15							Ф.К. Крюгер	Флоринский, 1898, с. 374
9	Нож	Мариинский округ	98,5	1,5							Ф.К. Крюгер	Флоринский, 1898, с. 374
10	Нож	Мариинский округ	76	24							Ф.К. Крюгер	Флоринский, 1898, с. 374
11	Топор	Енисейская губерния	99,2								Д.А. Поржезинский	Архипов, 1880, с. 201
12	Зеркало	р. Уса, Енисейская губерния	75,23	22,45			2,76	Сл.			Д.А. Поржезинский	Архипов, 1880, с. 201
13	Кельт	Долина Абакана	84,45	11,8	4,6						Д.А. Поржезинский	Архипов, 1880, с. 201
14	Наконечник копья	Енисейская губерния	98,82	1,07							А.А. Карцев	Архипов, 1880, с. 201
15	Кинжал	Енисейская губерния	98,16	2,23							А.А. Карцев	Архипов, 1880, с. 201
16	Кельт	Енисейская губерния	97,19	2,53							А.А. Карцев	Архипов, 1880, с. 201
17	Наконечник копья	Енисейская губерния	96,62	3,23							А.А. Карцев	Архипов, 1880, с. 201
18	Нож	Енисейская губерния	87,19	12,09		0,41					П.А. Григорьев	Архипов, 1880, с. 201
19	Нож	село Коя, Енисейская губерния	85,5	13,46		0,69					П.А. Григорьев	Архипов, 1880, с. 201
20	Нож	Енисейская губерния	82,31	12,16		5,03					П.А. Григорьев	Архипов, 1880, с. 201
21	Украшение	Енисейская губерния	99,05	0,18		0,19					П.А. Григорьев	Архипов, 1880, с. 201

Примечание. Здесь и далее: Сл. – следы.

Таблица 2

Результаты химических анализов металла тагарской культуры, произведенных в 1880-е – 1950-е гг., %

№	Предмет	Происхождение	Cu	Sn	Zn	Pb	Au	Ag	Fe	Ni	Sb	Аналитик	Источник
1	Кельт	Большой Телек, Минусинский округ	91,2	4	4	1		Сл.	Сл.			Д.А. Сабанеев	Черников, 1951, таблица IV; Гришин, 1960, приложение V
2	Топор	Минусинский округ	97,4	1,6		0,1					Сл.	Д.А. Сабанеев	Черников, 1951, таблица IV; Гришин, 1960, приложение V
3	Кинжал	д. Седельникова, Красноярский округ	98,5	0,1	1,2	Сл.	Сл.	0,05	0,1		Сл.	Д.А. Сабанеев	Черников, 1951, таблица IV; Гришин, 1960, приложение V
4	Кинжал	д. Татарская, Красноярский округ	98	0,4	0,7	0,6	Сл.	0,01	0,1			Д.А. Сабанеев	Черников, 1951, таблица IV; Гришин, 1960, приложение V
5	Кинжал	д. Побережки, Ачинский округ	98,9	1,5		Сл.		Сл.	0,05		Сл.	Д.А. Сабанеев	Черников, 1951, таблица IV; Гришин, 1960, приложение V
6	Кинжал	д. Седельникова, Минусинский округ	67,9	1,9		0,4	сл.	сл.	0,2		сл.	Д.А. Сабанеев	Черников, 1951, таблица IV; Гришин, 1960, приложение V
7	Кинжал	д. Быскар, Красноярский округ	95,7	1,9	1,3	0,4		сл.	сл.			Д.А. Сабанеев	Черников, 1951, таблица IV; Гришин, 1960, приложение V
8	Кинжал	д. Янова, Минусинский округ	93,9	5		0,4			Сл.			Д.А. Сабанеев	Черников, 1951, таблица IV; Гришин, 1960, приложение V
9	Кинжал	д. Тесь, Минусинский округ	91,9	7,4		0,5		0,02	Сл.			Д.А. Сабанеев	Черников, 1951, таблица IV; Гришин, 1960, приложение V
10	Кинжал	д. Кильская, Минусинский округ	88,1	10,1	0,8	0,4		Сл.	0,05			Д.А. Сабанеев	Черников, 1951, таблица IV; Гришин, 1960, приложение V
11	Кинжал	окрестности Красноярска	87,4	11,6	0,8	0,2		Сл.				Д.А. Сабанеев	Черников, 1951, таблица IV; Гришин, 1960, приложение V
12	Наконечник стрелы	Минусинский округ	86,35	13,63					Сл.	0,15		Л.И. Каштанов	Каштанов, 1951, таблица 11; Гришин, 1960, приложение V
13	Шило	Минусинский округ	87,01	12,4	Сл.				0,07	0,53		Л.И. Каштанов	Каштанов, 1951, таблица 11; Гришин, 1960, приложение V
14	Шило	Минусинский округ	88,49	11,23	Сл.				0,04	0,23		Л.И. Каштанов	Каштанов, 1951, таблица 11; Гришин, 1960, приложение V
15	Долото	Минусинский округ	89,03	9,41		1,2		Сл.	0,02	0,36		Л.И. Каштанов	Каштанов, 1951, таблица 11; Гришин, 1960, приложение V
16	Нож	Минусинский округ	91,53	7,82					0,17	0,19		Л.И. Каштанов	Каштанов, 1951, таблица 11; Гришин, 1960, приложение V
17	Шило	Минусинский округ	91,6	7,19		Сл.			0,1	1,07		Л.И. Каштанов	Каштанов, 1951, таблица 11; Гришин, 1960, приложение V
18	Наконечник стрелы	Минусинский округ	92,01	7,78		Сл.			Сл.	0,12		Л.И. Каштанов	Каштанов, 1951, таблица 11; Гришин, 1960, приложение V
19	Нож	Минусинский округ	92,73	6,84		Сл.			0,03	0,4		Л.И. Каштанов	Каштанов, 1951, таблица 11; Гришин, 1960, приложение V

№	Предмет	Происхождение	Cu	Sn	Zn	Pb	Au	Ag	Fe	Ni	Sb	Аналитик	Источник
20	Нож	Нижний Абакан, раскопки В.В. Радлова	93,28	6,42		Сл.			0,17	0,15		Л.И. Каштанов	Каштанов, 1951, таблица 11; Гришин, 1960, приложение V
21	Нож	Минусинский округ	94,28	4,58		0,42			Сл.	0,18		Л.И. Каштанов	Каштанов, 1951, таблица 11; Гришин, 1960, приложение V
22	Нож	Минусинский округ	95,13	3,62					0,94	0,22		Л.И. Каштанов	Каштанов, 1951, таблица 11; Гришин, 1960, приложение V
23	Кельт	Неизв.	95,52	4,32					0,08			Л.И. Каштанов	Гришин, 1960, приложение V
24	Серп	Минусинский округ	95,89	2,75		0,41			0,06	0,64		Л.И. Каштанов	Каштанов, 1951, таблица 11; Гришин, 1960, приложение V
25	Серп	Минусинский округ	97,07	2,16		0,28			Сл.	0,24		Л.И. Каштанов	Каштанов, 1951, таблица 11; Гришин, 1960, приложение V
26	Нож	Минусинский округ	97,08	1,82		Сл.	0,5		0,3	0		Л.И. Каштанов	Каштанов, 1951, таблица 11; Гришин, 1960, приложение V
27	Кельт	Минусинский округ	97,11	2,53					Сл.	0,14		Л.И. Каштанов	Каштанов, 1951, таблица 11; Гришин, 1960, приложение V
28	Серп	Минусинский округ	97,62	1,59		0,45			0,27	0,1		Л.И. Каштанов	Каштанов, 1951, таблица 11; Гришин, 1960, приложение V
29	Нож	Минусинский округ	97,67	2,73					0,1	0,4		Л.И. Каштанов	Каштанов, 1951, таблица 11; Гришин, 1960, приложение V
30	Наконечник стрелы	Минусинский округ	97,97	Сл.			Сл.		0,23			Л.И. Каштанов	Каштанов, 1951, таблица 11; Гришин, 1960, приложение V
31	Нож	Минусинский округ	98,18	0,24					Сл.	1,08		Л.И. Каштанов	Каштанов, 1951, таблица 11; Гришин, 1960, приложение V
32	Нож	Неизв.	98,3	1,33		0,5			0,09			Л.И. Каштанов	Гришин, 1960, приложение V
33	Нож	Ачинский округ, раскопки Проскурякова	98,33	1,51					0,11	0,11		Л.И. Каштанов	Каштанов, 1951, таблица 11; Гришин, 1960, приложение V
34	Наконечник стрелы	Минусинский округ	98,48	1,28					0,12	0,2		Л.И. Каштанов	Каштанов, 1951, таблица 11; Гришин, 1960, приложение V
35	Нож	Минусинский округ	98,61	1,7					0,09			Л.И. Каштанов	Каштанов, 1951, таблица 11; Гришин, 1960, приложение V
36	Нож	Минусинский округ	95,65	0,66		0,35			0,15	0,25		Л.И. Каштанов	Каштанов, 1951, таблица 11; Гришин, 1960, приложение V
37	Нож	Красноярский округ, раскопки Проскурякова	98,9	0,81					0,21	0,11		Л.И. Каштанов	Каштанов, 1951, таблица 11; Гришин, 1960, приложение V
38	Нож	Минусинский округ	99,69						Сл.	0,25		Л.И. Каштанов	Каштанов, 1951, таблица 11; Гришин, 1960, приложение V
39	Нож	Минусинский округ	99,93	0,29		0,13			0,02			Л.И. Каштанов	Каштанов, 1951, таблица 11; Гришин, 1960, приложение V
40	Долото	Минусинск	95,4		3,25	0,78			0,49			А.В. Королев	Королев, 1954, таблица 1; Гришин, 1960, приложение V
41	Нож	Неизв.	92	7,24		0,76						А.В. Королев	Гришин, 1960, приложение V

Таким образом, во второй половине XIX в. были получены первые представления о составе сплавов на медной основе с территории Сибири. Определяемый набор элементов (в основном медь, олово и железо) сказывался на формировавшейся картине древней металлургии, включавшей изделия из меди и оловянной бронзы. Основной контингент аналитиков был представлен профессорско-преподавательским составом Санкт-Петербурга, Москвы и Томска. В процессе накопления знаний о составе древнего металла сегодня трудно переоценить значение инициатив проведения химического анализа, исходивших от В.В. Радлова и В.М. Флоринского.

Трудности аналитического направления в первой половине XX в. Первая половина XX в., пожалуй, – самое противоречивое время в истории исследований тагарского цветного металла. На протяжении длительного времени тагарские вещи (хотя бы в качестве случайных находок) больше не выступали объектом аналитических работ. Первая четверть двадцатого века вообще демонстрирует почти полное отсутствие публикаций с результатами анализов. Новых энтузиастов не появлялось. Однако именно в этот период началось оформление археологического знания о культуре Минусинских котловин эпохи раннего железа: в 1923 г. С.А. Теплоухов выделил тагарскую культуру, назвав ее минусинской курганной, а в 1929 г. С.В. Киселев предложил назвать культуру собственно тагарской. Потребовалось еще целое десятилетие, чтобы металлургия бронзы тагарской археологической культуры и ее металл выступили предметом исследования археологов.

Причины такого положения дел с химией тагарского металла кроются в процессах, протекавших в целом в естественнонаучной составляющей археологии того времени. Сложные переплетения положительных и отрицательных тенденций ее развития в 1930-е гг. не позволяют оценивать их однозначно.

В 1933 г. немецкими физиками и металлургами В. Виттером и Й. Винклером были опубликованы первые результаты спектрального анализа археологического металла [1. С. 72]. Однако вплоть до работ И.Р. Селиханова (в 1950-е гг.) в России в основном применялся качественный спектральный анализ [Там же].

В 1933 г. под руководством академика И.И. Мещанинова начала работу особая комиссия металлов при ГАИМК. В ее задачи входили: «...проработка геологических данных о месторождениях, изучение письменных источников о рудных разработках, выявление этих разработок, изучение техники древних горных работ и металлообработки, выявление районов изготовления металлов и сплавов, историко-химическое изучение археологических материалов» [Там же]. Однако прежде всего комиссию «интересовали золото и олово. Медь отодвигалась на второй план» [Там же. С. 71].

Несмотря на синхронность с первыми попытками по применению спектрального анализа и попытки организационного упорядочения аналитических работ усилиями структурных подразделений ГАИМК в виде сначала Института археологической технологии (1919), а затем Лаборатории исторической технологии (1931), 1930-е гг. следует все же признать временем спада естественнонаучных исследований. Эта мысль была высказана Б.А. Колчиным и Я.А. Шером со следующей аргументацией: «Большое количество белых пятен на археологической карте России отвлекало внимание археологов от камеральных и кабинетных исследований. Небывалый дотоле в России подъем в области геологии, физики и химии требовал от естественников сосредоточения внимания на своих работах. Их связь с археологией слабеяла» [24. С. 84].

Следует, однако, признать, что в рассматриваемый период резко выделяется научная деятельность *Георгия Петровича Сосновского* (1899–1941). В качестве научно-технического сотрудника музея Приенисейского края он принимал участие в археологических разведках под руководством Г. фон Мергарта (1920). Тогда были скопированы петроглифы на плитах могильника Туран, на скалах Тепсей, раскопаны два тагарских кургана близ улуса Откина, плавильная печь у Тагарского озера [25. С. 146–147]. Два кургана тагарского времени были раскопаны им в 1927 г. уже в качестве аспиранта Антропологического института при МГУ [25. С. 149]. В течение своей профессиональной деятельности археолог Г.П. Сосновский разрабатывал проблему древнейших производств, вопросы истории добычи и использования олова, распространения производства бронзовых орудий и оружия в Сибири [Там же. С. 152].

В 1940 г. в пятом выпуске «Кратких сообщений о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры» вышла статья А.А. Иессена и Г.П. Сосновского «К истории использования олова в Приенисейском крае». Ученые поставили вопрос об источниках снабжения Минусинского края оловом. Выбор региона был обусловлен тем, что в эпоху бронзы, «продолжавшейся в местных условиях исторического развития почти до начала нашей эры <...>, район Минусинска дает наибольшую для всей территории СССР (за исключением Кавказа) концентрацию находок бронзовых изделий» [26. С. 45].

Авторами был предпринят анализ 63 металлических изделий из Приенисейского края (к сожалению, данные анализов в их статье не приводятся). Результаты позволили сделать вывод о том, что VIII–III вв. до н.э. – время наибольшего расцвета бронзовой индустрии на Енисее, когда функционировали три очага металлургии и производства бронзы – «Северный (в районе Ангары, Чуны и т.д.), Минусинский и Верхнеенисейский (Тувинский)» [Там же. С. 46]. В статье не используется термин «тагарская культура». Однако это первая публикация, в которой дается качественная

характеристика минусинской металлургии бронзы в раннем железном веке.

Аналитические работы по исследованию тагарских бронз в 1950-е гг. В 1951 г. в статье «Химический состав древних цветных сплавов на территории СССР» Л.И. Каштанов привел результаты анализов бронз. Образцы были предоставлены Историческим музеем МГУ [27. С. 134]. Химик, профессор Московского инженерно-экономического института *Леонтий Иванович Каштанов* применял в возглавляемой им научной группе количественный химический (мокрый) анализ [3. С. 56]. Вещи имели происхождение с территории Минусинского округа (25 образцов), из Красноярского и Ачинского округов (раскопки П.С. Проскуракова), с Нижнего Абакана (раскопки В.В. Радлова) (см. табл. 2). Химически были определены концентрации меди (от 86,35 до 99,93%), олова (до 13,63%), железа (до 9,92%), никеля (до 1,08%), свинца (до 6,35%), золота (в двух образцах), серебра (в двух образцах), цинка (в четырех образцах). Полученные данные позволили Л.И. Каштанову заключить: «Выплавка меди стояла у западносибирской народности на высоком уровне, медь отличается очень малым содержанием примесей» [27. С. 126]. Характерной особенностью состава проанализированных вещей стало содержание никеля, которое «в некоторых случаях столь значительно, что не может быть отнесено за счет примесей из руды. По-видимому, никель в сплавы добавлялся искусственно» [Там же. С. 133–134]. Приведенные в статье концентрации никеля от 0 до 1,08%, на наш взгляд, вполне соответствуют характеристикам естественных элементов-примесей – средний показатель содержания никеля по выборке составляет всего 0,256%. Однако в двух случаях процент никеля немного превышает единицу – в составе медного ножа и шила из оловянистой бронзы (1,08 и 1,07% соответственно). Это допущение об искусственном легировании меди никелем, по всей видимости, следует считать одним из первых шагов на пути к выделению металлургической группы никелистых бронз в последующих историко-металлургических исследованиях 1970–1980-х гг. Е.Н. Черных и Н.Ф. Сергеевой.

Проанализированные химиком бронзы позже были соотнесены археологами с тагарской археологической культурой. Ю.С. Гришин отнес к ней 28 предметов, исследованных Л.И. Каштановым [18. С. 204–205]. О тагарской принадлежности большей части проанализированной коллекции упоминали И.В. Богданова-Березовская и Я.И. Сунчугашев [28. С. 115; 29. С. 11].

В 1960-е гг. работы Л.И. Каштанова получили отрицательную оценку. Специалисты указывали на использование данных разнохарактерных, неполных и даже ошибочных химических анализов, выполненных лабораторией, не связанной с археологической практикой [30. С. 114–116; 1. С. 74].

В 1954 г. А.В. Королев в статье «О ранней культуре обработки металлов в России» привел результаты хи-

мического анализа топора из Красноярского округа и долота из района Минусинска [Там же. С. 35]. В статье вещи датированы II–I тыс. до н.э. и квалифицированы как медные [31. С. 34]. Для топора определено содержание меди (97,5%), для долота – медь (95,4%), железо (0,49%), цинк (3,25%) и свинец (0,78%). Ю.С. Гришин использовал данные по сплаву долота в составе таблиц химических анализов тагарских бронзовых изделий [18. С. 205], в том же контексте им использованы неопубликованные А.В. Королевым данные по составу бронзового ножа, содержащего 7,24% олова и 0,76% свинца [Там же. С. 204] (см. табл. 2). О том, что эти вещи происходят из Минусинского музея, упоминала И.В. Богданова-Березовская [28. С. 115].

Статьи Л.И. Каштанова и А.В. Королева завершали период публикаций химиков о «древностях из металла», исследованных методами химического анализа и требовавших дополнительной работы археологов по идентификации проанализированных вещей и их культурно-хронологической атрибуции.

К настоящему времени опубликовано около тысячи результатов анализа элементного состава изделий из сплавов на медной основе тагарской археологической культуры. Начальный период становления источниковой базы по тагарскому металлу приходится на вторую половину XIX в. Тогда авторами публикаций зачастую выступали собственно аналитики и химики по роду профессиональной деятельности (Г.В. Струве, Д.А. Сабанеев, И.П. Архипов). Постепенно формировалось понимание значения анализа состава древнего металла. В 1960-е гг. указания на сибирские корни проанализированных вещей позволили археологам соотнести часть результатов с тагарской археологической культурой.

Первая половина XX в. была весьма неоднозначным временем в истории историко-металлургических исследований в отечественной археологии. Замедление темпов аналитических работ сочеталось с первыми опытами по спектральному анализу, с работой Комиссии по металлам (1933–1935). Именно в этот период были проведены первые исследования по выявлению взаимосвязей типа «металл – руда» применительно к вопросу об источниках олова в древности. В 1940 г. А.А. Иессеном и Г.П. Сосновским период с VIII по III в. до н.э. назван временем расцвета бронзовой индустрии на Енисее.

В 1950-е гг. ключевыми событиями стали организация Лаборатории археологической технологии в Ленинградском отделении Института археологии АН СССР (1955) [32, 33] и выделение Лаборатории естественнонаучных методов из состава камеральной лаборатории в Институте археологии АН СССР (1967) [34]. К 1968 г. в стране действовали 8 лабораторий спектрального анализа [24. С. 91]. Доступность результатов работы коллег, возможность обращения к имевшейся в стране приборной базе обеспечили высокую степень интегрированности получаемых ре-

зультатов в культурно-хронологические построения, зарождалась практика аналитических приложений к типолого-морфологическим исследованиям. Склады-вались и унифицировались основные приемы описания полученных данных по элементному составу металла.

С 1960-х гг. следует говорить не просто о переходе от химического к количественному спектральному анализу. Новый метод позволил выявить в тагарских сплавах компонент мышьяка, ранее не фиксировавшийся аналитиками. Наступал новый период в истории изучения сплавов на медной основе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Черных Е.Н. Изучение истории древнейшей металлургии в СССР за 50 лет // Краткие сообщения Института археологии. М. : Наука, 1969. Вып. 118. С. 69–83.
2. Селимханов И.Р. Разгаданные секреты древней бронзы. М. : Наука, 1970. 80 с.
3. Дураков И.А. Возникновение «аналитического» направления изучения цветного металла в российской археологии // Восток–Запад: исторический и культурологический аспекты : материалы регион. науч.-практич. конф. Новосибирск : Изд-во НГПУ, 2010. С. 51–60.
4. Муравьева И.Б. Химик и горный инженер: о дарственной надписи Г.В. Струве на книге из библиотеки Н.А. Перетца // Материалы научной конференции, посвященной 185-й годовщине образования Санкт-Петербургского государственного технологического института (технического университета). СПб. : Изд-во СПбГТИ (ТУ), 2013. С. 20–23.
5. Радлов В.В. Сибирские древности: Из путевых записок по Сибири. СПб., 1896. 70 с.
6. Попов Н. О чудских городках и чудских копиях в Минусинском крае // Известия Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. Иркутск, 1873. Т. IV, № 3. С. 132–143.
7. Клеменц Д.А. Древности Минусинского музея. 1886. 185 с.
8. Абалакин В.К. [и др]. Династия астрономов из рода Струве // Немцы в России: три века научного сотрудничества. СПб., 2003. С. 251–265.
9. Арбузов А.Е. Краткий очерк развития органической химии в России. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1948. 224 с.
10. Щербинина О.В. История преподавания химии и устройство химических лабораторий в Санкт-Петербургском технологическом институте // XXII Менделеевская конференция молодых ученых. СПб., 2012. С. 3–5.
11. Радлов В.В. Сибирские древности. СПб., 1888. Т. 1, Вып. 1. 60 с.
12. Ивановский Л.К. Свод анализов древних бронзовых вещей, произведенных различными учеными раньше начала работ Комиссии // Труды Комиссии по производству химико-технических анализов древних бронз. СПб., 1884. С. 27–56.
13. Архипов И.П. Об анализах бронзовых доисторических предметов // Антропологическая выставка 1879 года. М., 1880. Т. 3, ч. 1, вып. 1–3. С. 197–203.
14. Фадеев Г.Н., Ермолаева В.И., Дзуличанская Н.Н. Химики МГУ и МГТУ (МВТУ): 175 лет сотрудничества // Вестник Московского университета. Серия 2. Химия. 2005. Т. 46, № 2. С. 99–103.
15. Черников С.С. К вопросу о составе древних бронз Казахстана // Советская археология. М. ; Л., 1951. Вып. XV. С. 140–162.
16. Сабанев Д.А. Французско-русский словарь главнейших терминов и выражений по горно-заводскому делу и соприкасающимся к нему наукам. СПб. : Типография Императорской Академии наук, 1897. 224 с.
17. Извлечение из протоколов Комиссии по производству химико-технических анализов древних бронз // Труды Комиссии по производству химико-технических анализов древних бронз. СПб., 1884. С. 1–IV.
18. Гришин Ю.С. Производство в тагарскую эпоху // Материалы и исследования по археологии СССР. М., 1960. № 90. С. 116–207.
19. Флоринский В.М. Первообытные славяне по памятникам их доисторической жизни. Томск, 1898. Ч. II. Вып. 2.
20. Некрылов С.А. К 145-летию со дня рождения ординарного профессора по кафедре медицинской химии Императорского Томского университета Фридриха Карловича Крюгера // Сибирский медицинский журнал. 2007. № 2. С. 140.
21. Лебедев Г.С. История отечественной археологии. 1700–1917 гг. СПб. : Изд-во СПб. ун-та, 1992. 464 с.
22. Мамонтов В.Н. Анализы полезных ископаемых Алтайского округа, произведенные в Барнаульской Лаборатории с 1884 по 1905 год. Барнаул : Типолитография Главного управления Алтайского округа, 1907. 52 с.
23. Фролов Я.В. О двух серебряных сосудах из Барнаульского музея, найденных на Гурьевском заводе в 1857 г. // «Музей и наука» : материалы науч.-практ. семинара, посвящ. 25-летию музея «Археология, этнография и экология Сибири» Кемеровского государственного университета. Кемерово, 2002. С. 131–135.
24. Колчин Б.А., Шер Я.А. Некоторые итоги применения естественнонаучных методов в археологии // Краткие сообщения Института археологии. М. : Наука, 1969. Вып. 118. С. 83–100.
25. Китова Л.Ю. Георгий Петрович Сосновский // Российская археология. 2010. № 3. С. 146–153.
26. Иссен А.А., Сосновский Г.П. К истории использования олова в Приенисейском крае // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. М. ; Л., 1940. Вып. 5. С. 45–47.
27. Каитанов Л.И. Химический состав древних цветных сплавов на территории СССР // Труды Моск. инж.-эконом. ин-та им. С. Орджоникидзе. М., 1951. Вып. 1. С. 101–135.
28. Богданова-Березовская И.В. Химический состав металлических предметов из Минусинской котловины // Новые методы в археологических исследованиях. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1963. С. 115–159.
29. Сунчугашев Я.И. Древнейшие рудники и памятники ранней металлургии в Хакасско-Минусинской котловине. М., 1975. 174 с.
30. Аكوпова М.К., Пазухин В.А., Чижов В.А. Могли ли древние мастера выплавлять алюминиевую бронзу? // Краткие сообщения Института археологии. 1963. Вып. 93. С. 114–116.
31. Королев А.В. О ранней культуре обработки металлов в России // Труды по истории техники. М., 1954. Вып. VII. С. 33–50.
32. Шер Я.А. Лаборатория археологической технологии ЛЮ ИА при С.И. Руденко и после него // Радиоуглерод в археологических и палеоэкологических исследованиях : материалы конф., посвящ. 50-летию радиоуглеродной лаборатории ИИМК РАН. СПб. : ИИМК РАН, 2007. С. 25–34.
33. Егорьков А.Н. Спектральный анализ археологического материала в ИИМК РАН // Академическая археология на берегах Невы (от РАИМК до ИИМК РАН, 1919–2014 гг.). СПб. : ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2013. С. 280–291.
34. Черных Е.Н. Лаборатории естественнонаучных методов 50 лет // Аналитические исследования лаборатории естественнонаучных методов. М. : Ин-т археологии РАН, 2009. Вып. 1. С. 6–24.

Savelieva Anna S. Institute of Human Ecology SB RAS (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: antverpen@mail.ru

NON-FERROUS METAL OF THE TAGAR CULTURE: THE HISTORY OF STUDIES OF THE COMPOSITION OF COPPER-BASED ALLOYS IN THE 1860s – 1950s.

Keywords: historiography; the Tagar culture; bronze; chemical analysis; elemental composition.

The paper focuses on the history of the studies of the chemical composition of bronze and copper products of the Tagar archaeological culture in the period from the 1860s to the 1950s. G.V. Struve was one of those who received the first results and published the information about the composition of the knives from the Minusinsk hollow. Materials for chemical analysis were provided to him by V.V. Radlov, the initiator of that analysis. Chemical analyses of archaeological metal, a part of which was later attributed by archaeologists to the Tagar culture, were also conducted in the XIXth century by the chemists F.F. Beilstein, E.F. von Bibr, D.A. Porzhezinski, P.A. Grigoriev, A.A. Kartsev, D.A. Sabaneyev and F.K. Kruger. They were mainly professors of chemistry at universities of Moscow, St. Petersburg and Tomsk. The attempts to organize planning of analytical work on metal study on the territory of Russia in general and Siberia in particular testify to the appearance of the first theoretical basis of application data on the elemental composition of bronzes in historical constructions of the XIXth century. The first organizations of this kind were Chemical-technical commission of the Anthropological exhibition Committee, established in 1877, and the Commission on conduction of chemical-technical analyses of ancient bronzes of the Imperial archaeological society, founded in 1881. Chemical analyses of ancient metal during the mentioned period were carried out by the “wet” method, successive chemical decomposition. Significant difficulties in the ancient metal study in Russia occurred in the first quarter of the XXth century. The crisis phenomena, associated with the methodological gap between the world and Russian sciences and coincided with the beginning of the source base growth represented by a large number of archaeological finds, were overcome by G.P. Sosnovski and due to the discovery of the Tagar culture. A significant proportion of implements of this culture were made from bronze and copper. The final approach to the study of the elemental composition of ancient bronzes by chemical analysis appeared in the 1950s. Analytical work by the chemists L.P. Kashtanov and A.V. Korolev were the last examples of general Siberian metal research. The 1960s are marked by the introduction of mass-spectrum analyses and the appearance of a separate subject study of archaeology dealing with the elemental composition of non-ferrous metals of the Tagar culture.

REFERENCES

- Chernykh, E.N. (1969) Izuchenie istorii drevneyshey metallurgii v SSSR za 50 let [The study of the history of ancient metallurgy in the USSR for 50 years]. In: *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii* [Brief notes of the Institute for Archeology]. Issue 118. Moscow: Nauka. pp. 69-83.
- Selimkhanov, I.R. (1970) *Razgadannye sekrety drevney bronzy* [Deciphered secrets of ancient bronze]. Moscow: Nauka.
- Durakov, I.A. (2010) Vozniknovenie “analiticheskogo” napravleniya izucheniya tsvetnogo metalla v rossiyskoy arkheologii [The emergence of “analytical” trend in the study of nonferrous metals in the Russian archeology]. *Vostok-Zapad: istoricheskiy i kul'turologicheskiy aspekty* [East-West: historical and cultural aspects]. Proc. of the Regional Research Conference. Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical University. pp. 51-60.
- Muraveva, I.B. (2013) Khimik i gornyy inzhener: o darstvennoy nadpisi G.V. Struve na knige iz biblioteki N.A. Perettsa [The chemist and mining engineer: a dedicatory inscription of G.V. Struve on the book from the library of the N.A. Peretz]. *Proc. of the Research Conference dedicated to the 185-th anniversary of St. Petersburg State Technological Institute*. St. Petersburg: SPbGTI (TU). pp. 20-23.
- Radlov, V.V. (1896) *Sibirskie drevnosti: Iz putevykh zapisok po Sibiri* [Siberian Antiquity: From the Siberian travel notes]. St. Petersburg.
- Popov, N. (1873) O chudskikh gorodkakh i chudskikh kopyakh v Minusinskom krae [On Chud towns and mines in Minusinsk region]. *Izvestiya Sibirskogo otdela Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva*. Vol. IV. 3. pp. 132-143.
- Klements, D.A. (1886) *Drevnosti Minusinskogo muzeya* [Antiquities of Minusinsk museum]. Tomsk: Sibirskaya Gazeta.
- Abalakin, V.K. et al. (2003) Dinastiya astronomov iz roda Struve [The Struve: the dynasty of astronomers]. In: Smagin, G.I. (ed.) *Nemtsy v Rossii: tri veka nauchnogo sotrudnichestva* [The Germans in Russia: three centuries of scientific cooperation]. St. Petersburg: RAS. pp. 251-265.
- Arbuzov, A.E. (1948) *Kratkiy ocherk razvitiya organicheskoy khimii v Rossii* [A brief sketch of the development of organic chemistry in Russia]. Moscow, Leningrad: USSR AS.
- Shcherbinina, O.V. (2012) Istoriya prepodavaniya khimii i ustroystvo khimicheskikh laboratorii v Sankt-Peterburgskom tekhnologicheskoye institute [The history of teaching chemistry and chemical laboratories at St. Petersburg Institute of Technology]. *Proc. of the 12th Mendeleev Conference of Young Researchers*. St. Petersburg. pp. 3-5.
- Radlov, V.V. (1888) *Sibirskie drevnosti* [Siberian antiquity]. Vol. 1. St. Petersburg.
- Ivanovskiy, L.K. (1884) Svod analizov drevnikh bronzovykh veshchey, proizvedennykh razlichnymi uchenymi ran'she nachala rabot Komissii [The summary of analysis of ancient bronze items by various scientists before the start of work of the Commission]. In: *Trudy Komissii po proizvodstvu khimiko-tekhnicheskikh analizov drevnikh bronz* [Proceedings of the Commission for the production of chemical-technical analysis of ancient bronzes]. St. Petersburg. pp. 27-56.
- Arkipov, I.P. (1880) Ob analizakh bronzovykh doistoricheskikh predmetov [On the analysis of prehistoric bronze objects]. In: *Antropologicheskaya vystavka 1879 goda* [Anthropological exhibition in 1879]. Vol. 3. Issue 1–3. Moscow: Tipografiya Lavrova. pp. 197-203.
- Fadeev, G.N., Ermolaeva, V.I. & Dvulichanskaya, N.N. (2005) Chemists of moscow state university and N.E. Bauman Moscow State Technical University: 175 years of collaboration. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 2. Khimiya*. 46 (2). pp. 99-103. (In Russian).
- Chernikov, S.S. (1951) K voprosu o sostave drevnikh bronz Kazakhstana [On the composition of the ancient bronzes of Kazakhstan]. In: *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archeology]. Moscow, Leningrad: USSR AS. pp. 140-162.
- Sabaneev, D.A. (1897) *Frantsuzsko-russkiy slovar' glavneyshikh terminov i vyrazheniy po gorno-zavodskomu delu i sopriksayushchimsya k nemu naukam* [The French-Russian Dictionary of the most important terms and phrases for mining and factory and contiguous sciences]. St. Petersburg: The Emperor Academy of Sciences.
- Anon. (1884) Izvlechenie iz protokolov Komissii po proizvodstvu khimiko-tekhnicheskikh analizov drevnikh bronz [An extract from the minutes of the Commission for the production of chemical-technical analysis of ancient bronzes]. In: Ivanovskiy, L.K. (ed.) *Trudy Komissii po proizvodstvu khimiko-tekhnicheskikh analizov drevnikh bronz* [Proceedings of the Commission for the production of chemical-technical analysis of ancient bronzes]. St. Petersburg. pp. I–IV.
- Grishin, Yu.S. (1960) Proizvodstvo v tagarskuyu epokhu [Production in Tagar era]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR*. 90. pp. 116-207.
- Florinsky, V.M. (1898) *Pervobytnye slavyane po pamyatnikam ikh doistoricheskoy zhizni* [The Primitive Slavs in monuments of prehistoric life]. Part 2. Issue 2. Tomsk.
- Nekrylov, S.A. (2007) K 145-letiyu so dnya rozhdeniya ordinarnogo professora po kafedre meditsinskoy khimii Imperatorskogo Tomskogo universiteta Fridrikha Karlovicha Kryugera [To the 145th anniversary of Professor Friedrich Karlovich Kruger, the Department of Medicinal Chemistry of the Imperial Tomsk University]. *Sibirskiy meditsinskiy zhurnal – Siberian Journal of Medicine*. 2. pp. 140.
- Lebedev, G.S. (1992) *Istoriya otechestvennoy arkheologii. 1700–1917 gg.* [The history of national archeology. 1700–1917]. St. Petersburg: St. Petersburg University.
- Mamontov, V.N. (1907) *Analizy poleznykh iskopaemykh Altayskogo okruga, proizvedennyye v Barnaul'skoy Laboratorii s 1884 po 1905 god* [The analyses of mineral resources of Altai Region, from the Barnaul laboratory, 1884 to 1905]. Barnaul: The Main Administration of Altai Territory.
- Frolov, Ya.V. (2002) [About the two silver vessels of the Barnaul museum found on Gurievsk plant in 1857]. *Muzey i nauka* [The Museum and Science]. Proc. of the Research Seminar devoted to the 25th anniversary of the Museum of Archeology, Ethnography and Ecology of Siberia of Kemerovo State University. Kemerovo: Kemerovo State University. pp. 131-135. (In Russian).

24. Kolchin, B.A. & Sher, Ya.A. (1969) Nekotorye itogi primeneniya estestvennonauchnykh metodov v arkhologii [Some results of the use of natural methods in archeology]. In: *Kratkie soobshcheniya Instituta arkhologii* [Brief notes of the Institute for Archeology]. Issue 118. Moscow: Nauka. pp. 83-100.
25. Kitova, L. Yu. (2010) Georgiy Petrovich Sosnovskiy [Georgy Sosnovsky]. *Rossiyskaya arkhologiya – Russian Archeology*. 3. pp. 146-153.
26. Iessen, A.A. & Sosnovskiy, G.P. (1940) K istorii ispol'zovaniya olova v Prieniseyskom krae [On the history of the use of tin in the Yenisei province]. In: *Kratkie soobshcheniya o dokladakh i polevykh issledovaniyakh Instituta istorii material'noy kul'tury* [Brief reports and field studies of the Institute of History of Material Culture]. Issue 5. Moscow, Leningrad: USSR AS. pp. 45-47.
27. Kashtanov, L.I. (1951) Khimicheskiy sostav drevnikh tsvetnykh splavov na territorii SSSR [The chemical composition of ancient non-ferrous alloys in the USSR]. In: *Trudy Moskovskogo inzhenerno-ekonomicheskogo institutes im. S. Ordzhonikidze* [Proc. of Moscow Engineering and Economical Institute named after S. Ordzhonikidze]. Issue 1. Moscow. pp. 101-135.
28. Bogdanova-Berezovskaya, I.V. (1963) Khimicheskiy sostav metallicheskiykh predmetov iz Minusinskoj kotloviny [The chemical composition of metallic objects from Minusinsk depression]. In: Rudenko, S.I. (ed.) *Novye metody v arkhologicheskikh issledovaniyakh* [New methods in archeology]. Moscow, Leningrad: USSR AS. pp. 115-159.
29. Sunchugashev, Ya.I. (1975) *Drevneyshie rudniki i pamyatniki ranney metallurgii v Khakassko-Minusinskoj kotlovine* [The most ancient monuments of the early mines and metallurgy in Khakass-Minusinsk Basin]. Moscow: Nauka.
30. Akopova, M.K., Pazukhin, V.A. & Chizhov, V.A. (1963) Mogli li drevnie мастера выплавлять алюминиевую бронзу? [Could ancient masters smelt aluminum bronze?]. In: *Kratkie soobshcheniya Instituta arkhologii* [Brief reports of the Institute of Archaeology]. Issue 93. Moscow. pp. 114-116.inin
31. Korolev, A.V. (1954) O ranney kul'ture obrabotki metallov v Rossii [On the early culture of metal processing in Russia]. In: *Trudy po istorii tekhniki* [Proceedings on the history of technology]. Issue VII. Moscow: USSR AS. pp. 33-50.
32. Sher, Ya.A. (2007) [The Laboratory of Archaeological Technology of the Leningrad Branch of the Institute for Archeology under S.I. Rudenko and after him]. *Radiouglerod v arkhologicheskikh i paleoekologicheskikh issledovaniyakh* [Radiocarbon in archaeological and paleoecological studies]. Proc. of the Conference devoted to the 50th anniversary of the Radio-Carbon Laboratory of the Institute of the Matrial Culture History. St. Petersburg: IHMC RAS. pp. 25-34. (In Russian).
33. Egor'kov, A.N. (2013) Spektral'nyy analiz arkhologicheskogo materiala v IIMK RAN [Spectral analysis of archaeological material in the IHMC RAS]. In: Nosov, E.N. (ed.) *Akademicheskaya arkhologiya na beregakh Nevy (ot RAIMK do IIMK RAN, 1919–2014 gg.)* [Academic archeology on the banks of the Neva (from RAIMK to IHMC, 1919–2014)]. St. Petersburg: DMITRIY BULANIN. pp. 280-291.
34. Chernykh, E.N. (2009) Laboratorii estestvennonauchnykh metodov 50 let [50 years to the Laboratory of Natural Methods]. In: Chernykh, E.N. (ed.) *Analiticheskie issledovaniya laboratorii estestvennonauchnykh metodov* [Analytical research of the Laboratory of Natural Methods]. Issue 1. Moscow: Institute for Archeology RAS. pp. 6-24.

ОКОЛОКУРГАННЫЕ ЖЕРТВЕННИКИ КАК РАЗНОВИДНОСТЬ ПАМЯТНИКОВ ТАСМОЛИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Тасмолинская археологическая культура долгое время была известна исключительно по материалам погребений. В течение последних 15 лет в Центральном Казахстане получены значительные данные из разных видов памятников. Помимо крупных курганов, поселений, каменных изваяний, сюда относятся околокурганные жертвенники, в большом количестве зафиксированные на территории могильников и одиночных курганов раннего железного века. В ходе исследований автора в Центральном Казахстане раскопана значительная серия таких жертвенных сооружений. Выделяются их несколько разновидностей. Общим признаком их является нахождение на территории могильника сакского времени, нередко и более четкая планиграфическая привязанность к тому или иному кургану. Обзор имеющихся данных показывает, что подобные сооружения изредка изучались и в ранние периоды, в том числе встречались случаи, когда жертвенник сооружен на территории могильника предыдущей эпохи. В околокурганных сооружениях, по мнению автора, совершался обряд жертвоприношения, в котором важное место отводилось коню. Этим объясняется нахождение в таких сооружениях комплектов конской упряжи.

Ключевые слова: Центральный Казахстан; тасмолинская культура; ранний железный век; могильники; жертвенные сооружения.

Простые каменные сооружения, часто находящиеся на территории погребальных ансамблей и называемые в археологической литературе «жертвенниками», «поминальниками», «жертвенными кругами», еще не стали предметом специального рассмотрения в изучении памятников древней эпохи Центрального Казахстана. Это положение характерно для археологии и эпохи бронзы и раннего железного века этого региона. Впрочем, что касается сакской эпохи, такая разновидность памятников еще планомерно не изучалась и во многих других регионах Казахстана.

В период последних 15 лет автором на территории Центрального Казахстана была исследована раскопками группа таких памятников, отнесенных автором к раннему железному веку. Вопросы типологии жертвенников сакской эпохи Центрального Казахстана в силу указанной причины еще не разработаны. На практике полевых исследований встречены разные виды этих сооружений. Ниже рассматриваются несколько разновидностей жертвенников, находящихся на территории могильников и изученных раскопками.

Жертвенники в виде колец, сверху покрытых камнями. Такая разновидность довольно часто встречается в Центральном Казахстане. Раскопки их автором проводились в трех случаях (могильники Серекты-1, Бегазы, Нуркен-2).

На территории могильника Серекты-1 в 14 м восточнее кургана 9 зафиксирована продолговатой формы каменная выкладка, длинной осью ориентированная по линии ЮЮЗ–ССВ. Длина сооружения 6,4 м, ширина 2,7–3,5 м, высота 0,25 м. После удаления дернового слоя и расчистки каменного покрытия четко обособились четыре округлых каменных наброса, ранее слабо фиксируемых на поверхности выкладки (рис. 1). В дальнейшем под тремя набросами были выявлены три кольца, сооруженные из продолговатых обломков плитняка, положенных плашмя на древний горизонт. Под четвертым набросом, крайним южным, четкого кольца не оказалось. Три кольцевидных со-

оружения вытянуты в одну линию с ЮЮЗ на ССВ. Диаметр первого кольца, крайнего северного, – 2,40 м. Через 1 м к югу находится второе кольцо диаметром 1,8 м. Далее на расстоянии 1,4 м расположено третье, диаметр его 1,5 м. Вещевые находки, кости, а также следы огня отсутствуют. Именно такого вида жертвенники изучены автором также на могильниках Бегазы и Нуркен-2. В обоих случаях округлые кольцевидные сооружения вскрыты под каменными выкладками с уплощенной поверхностью, имеющими вид вытянутой полосы из камня и земли. С юго-западной стороны раннесакского кургана 7 могильника Бегазы расчищены два кольца диаметром около 1,7 м, вытянутые по линии С–Ю с незначительным отклонением. Возле кургана 2 (диаметр 54 м, высота 6,1 м) могильника Нуркен-2 были заметны два каменно-земляных всхолмления – с СЗ и ЮВ сторон насыпи (раскопы «В» и «Г»), – под которыми выявлены аналогичные кольца. В раскопе «В» в районе кольца найдены каменная зернотерка длиной 0,46 м и бронзовая бляшка с рельефными изображениями всадника и людей [1–3].

Жертвенники из пяти, семи-восьми, камней, на плане округлые, овальные, прямоугольные. Этот вид жертвенников чаще всего встречен на территории могильников раннего железного века Центрального Казахстана. В ряде случаев они исследовались раскопками. Это шесть объектов на могильнике Бақыбулак, четыре объекта на могильнике Серекты-1, два объекта в группах могильников урочища Акбеит. Таким образом, здесь речь идет о 12 сооружениях, изученных раскопками.

На территории могильника Бақыбулак исследованы автором всего семь жертвенников (табл. 1), шесть из которых относятся к рассматриваемому виду (рис. 2, 3). Планиграфически эти шесть сооружений будто бы привязаны к курганам № 11 и 14, по крайней мере, они расположены вблизи них.

Рис. 1. Кольцевидные жертвенные сооружения под каменным набросом. Могильник Серекты-1

Рис. 2. Жертвенник № 5. Могильник Бакыбулак

Жертвенники № 1–7, расположенные на территории могильника Бақыбулак

№	Привязка к погреб. сооружению	Форма	Размеры, м	Особенности	Находки, следы огня
1	К. 11, западная сторона	Овальная	3,2x2,4	8 крупных камней уложены плашмя	Нет
2	К. 11, западная сторона	Первоначально округлая (?)	Сохранившийся диаметр около 3 м	7 крупных камней уложены плашмя, 1 камень установлен вертикально в виде менгира высотой 0,6 м	Нет, зола, угольки
3	К. 11, западная сторона	Округлая	Диаметр 3 м	8 крупных камней уложены плашмя	Нет
4	К. 14, южная сторона	Овальная (?)	1,7x1,5	8 камней уложены плашмя	Бронзовые предметы конской узды
5	К. 14, юго-западная сторона	Овальная	2,8x1,3	8 крупных камней уложены плашмя	Бронзовые предметы конской узды
6	К. 14, северо-восточная сторона	Округлая	2	8 крупных камней уложены плашмя	Нет
7	К. 14, юго-восточная сторона	Овальная	1,6x1,2	5 больших плит наземной высотой от 0,55 до 2,1 м установлены вертикально	Нет, зола

В жертвенниках № 4 и 5 найдены предметы конской узды, характерные для раннесакского времени востока степей Евразии (рис. 4, 5). Достаточно уникальны изделия из жертвенника № 4 (рис. 4), в числе которых псалий с косыми насечками, удила с упором, 7 застежек, 6 распределителей уздечных ремней. Лицевая поверхность всех предметов покрыта золотой фольгой. Псалий такого типа в Центральном Казахстане и ближайшем окружении аналогов не имеет. Подобные предметы показывают роль и место региона в системе культур раннесакского времени Казахстана и степной Евразии. Рассмотрение ряда вопросов данного контекста выходит за рамки настоящего сообщения.

В урочище Акбеит зафиксированы всего четыре жертвенника. Подверглись раскопкам два из них.

Шесть могильников раннего железного века вытянуты меридиональной полосой, имеющей длину около 8 км. В центральной части этой группы расположено

жертвенное место Акбеит. Здесь, на невысокой уплощенной возвышенности вытянуты в меридиональный ряд три округлой формы жертвенника (№ 1–3) диаметром свыше 3,5 м, составленные из больших валунообразных камней. Из них раскопан один – жертвенник № 3 (рис. 6). Внутри под дерновым слоем встречены зола, прокаленные участки, а также обнаружены в слое дерна кости мелко-рогатого скота (МРС) (тазовая кость, 3 позвонка). Еще один раскопанный жертвенник находится на территории могильника Акбеит-2, в 50 м к юго-западу от кургана № 2. Он состоял из семи крупных камней, форма овальная (размеры 3,7x2,1 м), находок, следов огня не обнаружено.

Из тазовой кости МРС, найденной в жертвеннике № 3, была получена проба для радиоуглеродного анализа. Определения проведены (табл. 2) в лаборатории Королевского Университета Белфаста (Северная Ирландия, Великобритания). Куратор проекта – С.В. Святоко.

Т а б л и ц а 2

AMS ¹⁴C дата проанализированного образца из жертвенника № 3 урочища Акбеит (Центральный Казахстан)

Лабораторный номер	Памятник	¹⁴ C BP	Калиброванная дата (1 Сигма, 68.3)	Калиброванная дата (2 Сигма, 95.4)
UBA-24919	Акбеит, жертвенник №3	312±28	Cal BC 1521–1578 (0,684) 1582–1591 (0,080) 1620–1642 (0,236)	Cal BC 1488–1603 (0,763) 1610–1647 (0,237)

Факт этот интересен. Не получи радиоуглеродную дату от костей, наличие их, мы бы, скорее, объясняли за счет проведенного в древности ритуала. Калиброванные данные тут указывают на период конца XV – первой половины XVII в. Это период Казахского ханства. По поводу этих костей однозначная трактовка исключена, можно привести разное объяснение. Они могли быть остатками от трапезы казахских пастухов или путников, севших отдохнуть внутри каменного сооружения – достаточно удобного, особенно в ветреную погоду. А быть мо-

жет, уже казахи проводили здесь свои ритуалы, которые могли быть близкими по контексту древним. В казахском исламе достаточно места отводилось почитанию именно камней и каменных скоплений, родников, одиноко растущих деревьев (ср. Аулиетас, Аулиеагаш, Аулиебулак, Аулиеколь).

В могильнике Серекты-1 исследованы четыре жертвенника описываемой разновидности (табл. 3). Три объекта составляют меридиональную цепочку, проходящую в 14 м западнее кургана 9. Четвертый расположен вблизи кургана № 11.

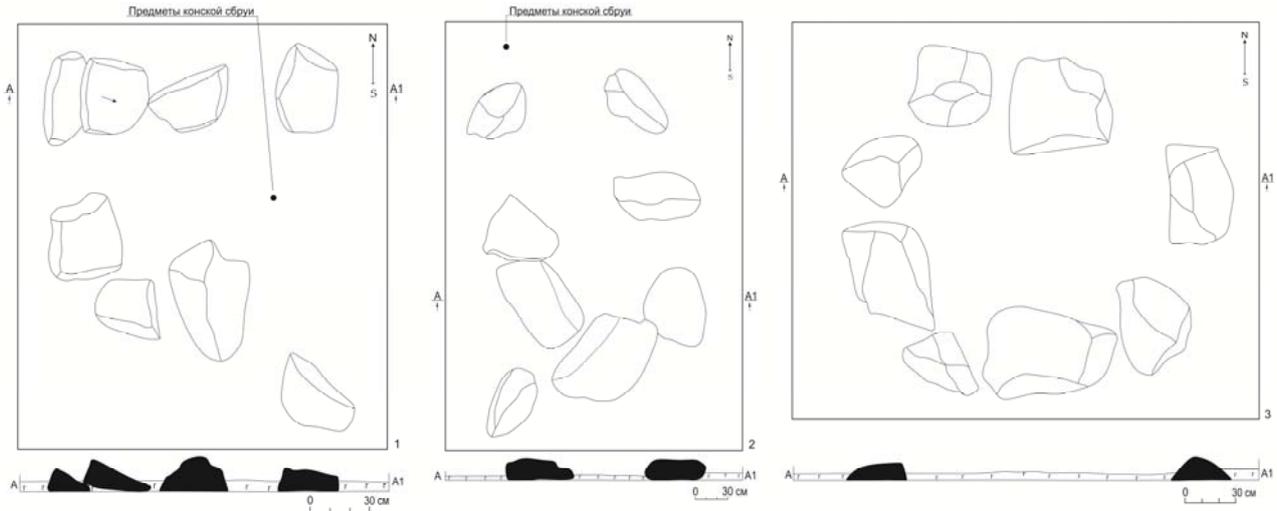

Рис. 3. Жертвенники № 4–6. Планы и разрезы. Могильник Бақыбулак: 1 – жертвенник № 4; 2 – жертвенник № 5; 3 – жертвенник № 6

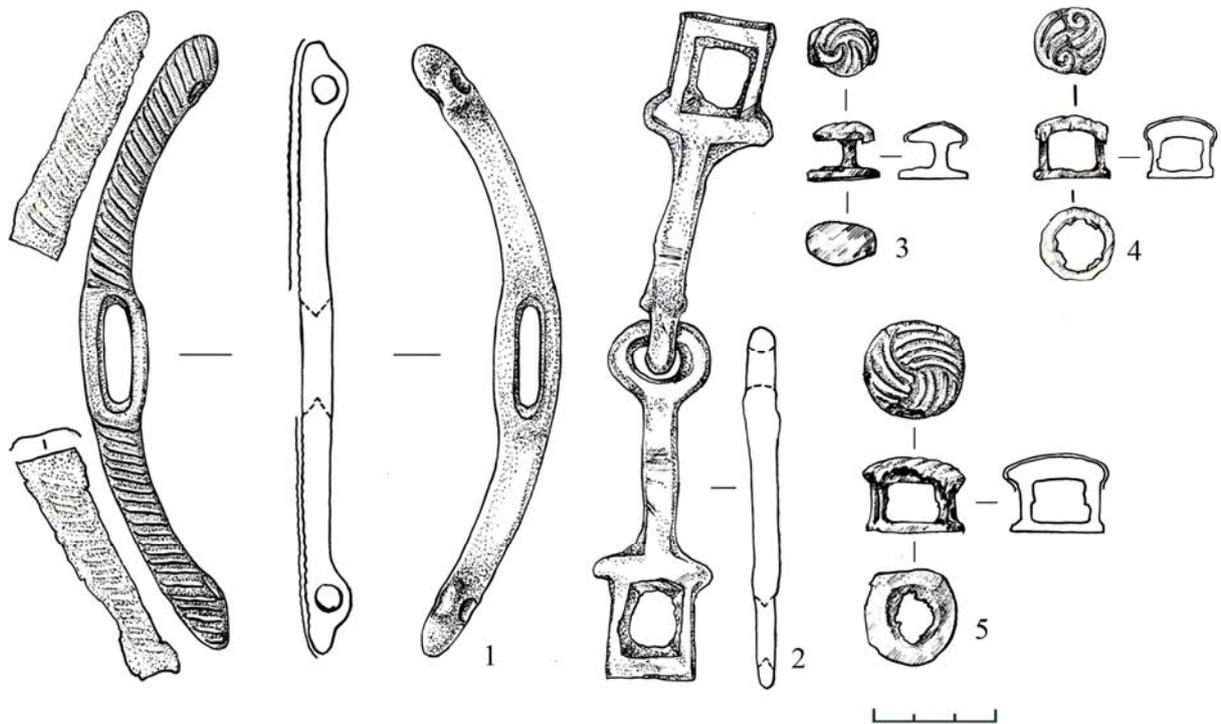

Рис. 4. Бронзовые предметы конской узды из жертвенника № 4, могильник Бақыбулак: 1 – псалий; 2 – удила; 3 – застёжки уздечных ремней; 4, 5 – распределители уздечных ремней

Т а б л и ц а 3

Жертвенники № 1–4, расположенные на территории могильника Серекты-1

№ П/п	Привязка к погреб. сооружению	Форма	Размеры, м	Особенности	Находки, следы огня
1	К. 9, западная сторона	Квадратная	2,1x2,1	4 крупных камня уложены плашмя	Нет
2	К. 9, западная сторона	Квадратная	2,2x2,2	5 крупных камня уложены плашмя	Нет, зола
3	К. 9, западная сторона	Овальная (?)	2,1x1,9	7 крупных камней уложены плашмя, часть камней перемещены	Нет
4	К. 11, юго-восточная сторона	Округлая	2,4	5 крупных камней уложены плашмя	Нет

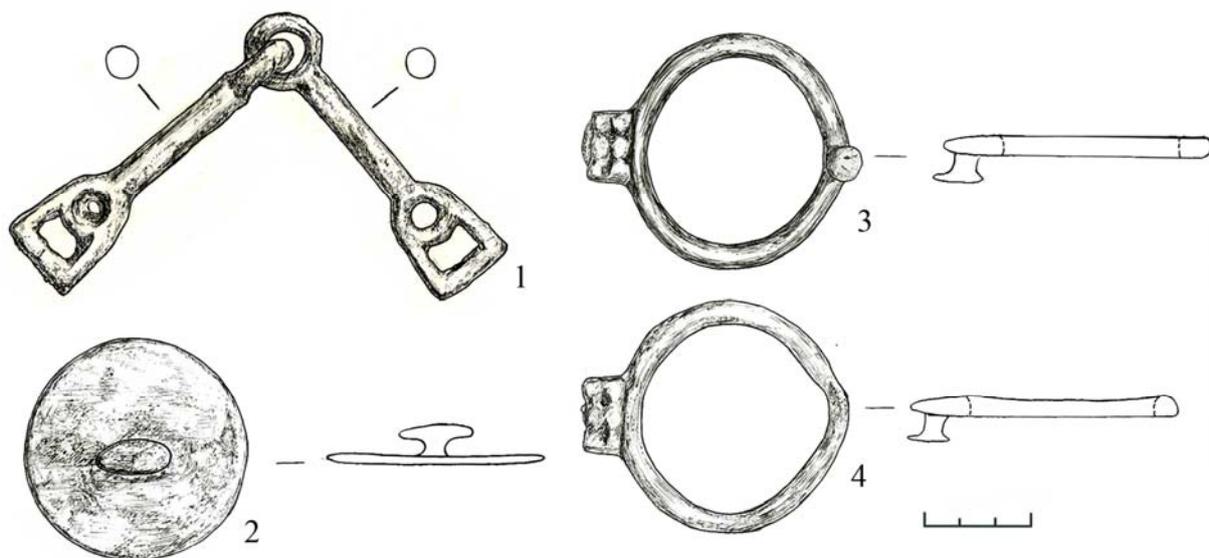

Рис. 5. Бронзовые предметы конской узда из жертвенника № 5, могильник Бақыбулак: 1 – удила; 2 – бляшка; 3, 4 – подпружные пряжки

Рис. 6. Жертвенное место в урочище Акбеит. Жертвенник № 3

Жертвенники из больших вертикальных плит, нижний конец которых вкопан в землю. В могильнике Бақыбулак раскопан один такой жертвенник (см. табл. 1, № 7). Здесь вокруг кургана № 14 расположены всего четыре жертвенника. Из них три относятся к предыдущему типу и представляют собой обычные восьмикаменники (см. табл. 1, № 4–6). Жертвенник

№ 7 (рис. 7) отличается наличием высоких плит, наибольшая высота которых 2,1 м. Таких жертвенников в Центральном Казахстане встречено немного. Один случай зафиксирован на могильнике Колденен. Здесь вблизи крупных курганов с каменно-земляной насыпи расположены аналогичные сооружения из больших плит, вкопанных вертикально.

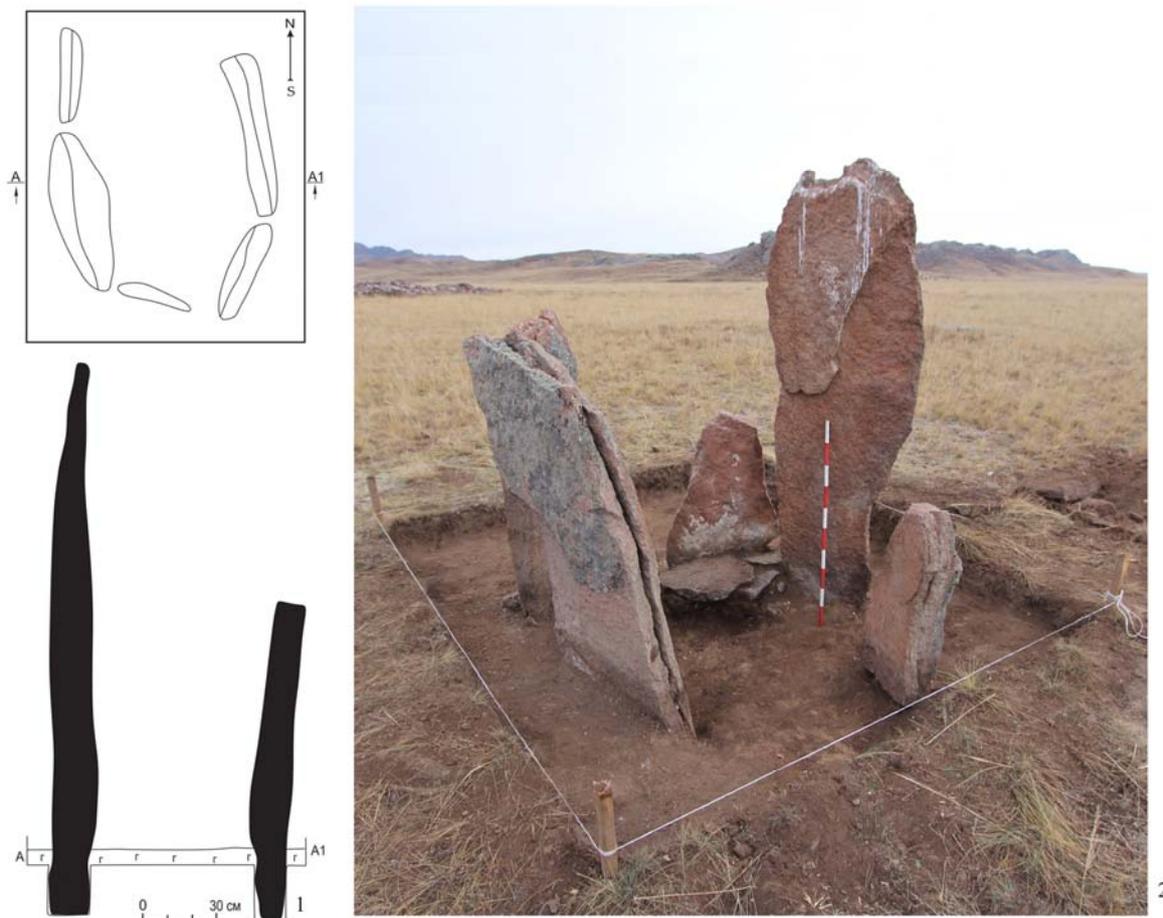

Рис. 7. Жертвенник № 7, могильник Бақыбулак: 1 – план и разрез; 2 – вид с северо-востока

Жертвенники из небольших вертикальных плит, до середины своей высоты скрытых в земле. В ряде случаев встречаются такие объекты в виде круга, прямоугольника. Из ранее раскопанных и документированных памятников сюда следует отнести жертвенник в могильнике Толагай (курган Толагай), исследованный и опубликованный М.К. Кадырбаевым. В жертвеннике были найдены бронзовые удила раннесакского времени [4].

Таким образом, на территории Центрального Казахстана к сегодняшнему дню встречены многочисленные околокурганные жертвенники разных видов. В настоящем сообщении они разбиты на четыре разновидности, или типы. Следует снова подчеркнуть, что настоящая типология их еще не сделана, поэтому приведенные материалы следует принимать на уровне предварительного рассмотрения. Как показали наблюдения в ходе пятнадцатилетней работы, разновидности околокурганных жертвенников пока ограничиваются этими данными.

Наиболее часто встречаемый тип околокурганных жертвенников – это округлые, овальные, прямоугольные сооружения, составленные из 4–5, 7–8 камней. Автором всего раскопано 12 таких жертвенников. Иногда внутри них на древнем горизонте фиксируются следы

разведения огня. В двух случаях найдены комплекты конской узды. Следует отметить, что оба эти случая встречаются на могильнике Бақыбулак, для курганов которого характерна ранняя хронологическая позиция. Судя по трем радиоуглеродным датам, полученным из трех курганов, погребения раннего железного века Бақыбулака относятся к аржано-черногоровскому этапу – по меньшей мере, к периоду VIII в. до н.э. В принципе, эту дату не отрицают технологические особенности изготовления бронзовых предметов конской узды из жертвенников № 4 и 5, детально рассмотренные специалистом из Эрмитажа, кандидатом исторических наук Е.А. Шаблавиной. К тому же состав металла в них, недавно определенный другим видным специалистом из Эрмитажа С.В. Хавриным (материал готовится к публикации), также позволяет отнести эти предметы к раннему этапу раннесакской (раннескифской) эпохи. Возможно, традиция оставления в жертвенниках комплектов конской узды была характерна для раннего этапа существования раннесакских (раннескифских) культур востока степей Евразии, с чем согласуются и ранее полученные данные (Талдысай, Акмустафа, Толагай).

Особый случай, когда жертвенники и менгиры составляют значительную по планиграфии сложную си-

стему, характерен для погребально-поминального комплекса «Курган 37» воинов, кратко рассмотренного автором в специальном сообщении [5].

Ранее были встречены случаи, когда жертвенники с комплектом конской узды находились возле памятников эпохи бронзы. Это – могильники Талдысай [6] и Акмустафа [7, 8].

С курганами и могильниками тасмолинской культуры связаны такие памятники, как менгиры и каменные изваяния. Широкое рассмотрение этой темы выходит за рамки сообщения. Отметим, что такая малоисследованная категория памятников Центрального Казахстана, как менгиры, связана бегазы-дандыбаевской культурой. А.Х. Маргулан в свое время выделил в качестве культовых камней значительную группу «бараньих камней» (койтасы). Он отметил многочисленные местонахождения их, привел их краткие описания [9]. Судя по данным А.Х. Маргулана, можно говорить примерно о 100 местонахождениях таких камней. Как показала некоторая практика работ в Центральном Казахстане, к настоящему времени основная масса их не сохранилась. Одним из нерешенных вопросов остается датировка культовых камней. В отличие от камней, непосредственно связанных с погребальными сооружениями бегазы-дандыбаевской культуры (Бугулы II, Бугулы III и др.), этот вопрос особо касается объектов, находящихся в стороне от могильников. Кстати, именно такие объекты и не сохранились в большинстве случаев. В настоящее время исследователями начаты новые разработки проблемы культовых камней [10, 11].

Менгиры, а также кольца, составленные менгирами, зафиксированы на известном могильнике раннесакского времени Бешатыр в Жетысу [12]. Сейчас в Центральном Казахстане найдено значительное количество менгиров, каменных изваяний раннесакского времени [13, 14]. Обе разновидности камней связаны с погребальными сооружениями, что, видимо, показывает сохранение бегазы-дандыбаевской традиции установки культовых камней.

Околокурганные жертвенники автором связываются с тасмолинской культурой. Следует сказать несколько слов в данном контексте еще о двух типах погребальных памятников раннего железного века Центрального Казахстана. Это выделенные автором памятники коргантасского [15] и карамолинского типов [16]. По поводу коргантасса мнение автора о приходе этого населения с восточных районов Центральной Азии, вроде бы, получило поддержку и дальнейшее развитие у коллег [17, 18].

Важно отметить, что в районе расположения погребений коргантасского типа описываемых околокурганных жертвенников пока убедительно не было зафиксировано. Другое дело – памятники карамолинского типа. Могиль-

ник Карамола, изученный автором на юго-восточной периферии Карагандинской области, состоит из семи курганов, объединенных в три близлежащие группы. В могильнике зафиксировано всего шесть околокурганных жертвенников – по два в составе каждой группы. Раскопанный жертвенник № 1 состоял из восьми камней, форма овально-вытянутая (размер 2,2x1,45 м). Находки, следы разведения огня отсутствуют.

По археологическим материалам (конструкция, находки) и двум радиоуглеродным анализам, выполненным по образцам из двух курганов, дата могильника Карамола была определена в рамках IV–III вв. до н.э. с оговоркой, что в дальнейшем дата памятников этого типа может быть удревнена до V в. включительно [16]. К настоящему моменту автором получены две радиоуглеродные даты из двух курганов могильника Тасарал-3 на юге Карагандинской области, изученных совместно с Карагандинским областным историко-краеведческим музеем (курган № 5: шифр SPb-1442; курган № 6: шифр SPb-1441). По материалу и радиоуглероду курганы могут быть отнесены к периоду второй половины VI–IV вв. до н.э. (материал готовится к печати). По своим материалам курганы Тасарала-3 близки к курганам Карамолы, в перспективе не исключена возможность отнесения их также к карамолинскому типу. Как уже указывалось автором [16, 19], памятники карамолинского типа, по-видимому, показывают бытование на южных, юго-восточных, восточных окраинах Центрального Казахстана (шире – Казахского мелкосопочника), а также на территориях далее к югу и востоку не обозначенного еще в науке одного этнического массива. Ранние памятники этого круга, возможно, в будущем будут хронологически определены, по меньшей мере, с VI в. до н.э. В этом отношении интересны некоторые немногочисленные памятники Восточно-Казахстанской области, традиционно называемые «усуньскими», «раннеусуньскими».

В данном случае важно для нас уточнить, что околокурганные жертвенники из восьми камней тоже присутствуют на могильниках карамолинского типа. Это, в свою очередь, показывает близость карамолинских памятников к культурным образованиям сакского круга.

По мнению автора, тасмолинские околокурганные жертвенники рассмотренных видов, как и культовые камни в виде менгиров и стел, генетически связаны, как и эта культура в целом, с предшествующей культурой бегазы-дандыбаевской эпохи Центрального Казахстана. В эпоху поздней бронзы, как и в андроновское время, в степях Центрального Казахстана были широко распространены каменные жертвенники, культовые камни [9, 20].

ЛИТЕРАТУРА

1. Бейсенов А.З. Работы на могильнике Нуркен-2 // Историко-культурное наследие Сарыарки. Караганда : КарГУ им. Е.А. Букетова, 2007. С. 173–197.

2. Бейсенов А.З., Джумабекова Г.С. Бляшка с мифологическим сюжетом из Центрального Казахстана // Известия Алтайского государственного университета. 2014. № 4. С. 42–45.
3. Бейсенов А.З. Древние сокровища Сарыарки. Алматы : Институт археологии, 2014. 192 с. (на каз., рус., англ. языках).
4. Кадырбаев М.К. О некоторых памятниках ранних кочевников Центрального Казахстана // Известия АН КазССР. 1958. Сер. история, археология и этнография. Вып 1. (6). С. 95–104.
5. Бейсенов А.З. Погребально-поминальный комплекс «курган 37 воинов» // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер. Социально-гуманитарные науки. 2015. Т. 15, № 1. С. 6–12.
6. Бейсенов А.З. К изучению памятников раннего этапа сакской культуры Центрального Казахстана // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н.э. – V в. н.э.) : доклады междунар. науч. конф. Тирасполь, 2002. С. 208–212.
7. Курманкулов Ж. Новые материалы VIII–VII вв. из Центрального Казахстана // Маргулановские чтения : сб. матер. конф. Алма-Ата : ИИАЭ АН КазССР, 1989. С. 145–147.
8. Бейсенов А.З. Памятники верховьев реки Атасу в Центральном Казахстане // Вестник Томского государственного университета. История. 2015. № 3 (35). С. 11–122.
9. Маргулан А.Х. Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана. Алма-Ата : Наука, 1979. 360 с.
10. Ярыгин С.А. «Койтасы» Центрального Казахстана эпохи поздней бронзы в контексте формирования раннесакских культур степной Евразии // Археология Казахстана в эпоху независимости: итоги, перспективы : материалы междунар. науч. конф., посвященной 20-летию Независимости Республики Казахстан и 20-летию Института археологии им. А.Х. Маргулана КН МОН РК. Алматы : Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2011. Т. I. С. 408–416.
11. Ермоленко Л.Н., Касенова А.Д. Вклад А.Х. Маргулана в изучении древней каменной культуры Центрального Казахстана // Вестник Кемеровского государственного университета. История. 2014. Т. 2, Вып. 3 (59). С. 20–23.
12. Акишев К.А., Кушаев Г.А. Древняя культура саков и усуней долины р. Или. Алма-Ата : АН КазССР, 1963. 298 с., прил.
13. Бейсенов А.З. Исследование кургана сакского времени с каменным изваянием на могильнике Кособа (Центральный Казахстан) // Древние и средневековые каменные изваяния Центральной Азии : сб. ст. Барнаул : АлтГУ, 2014. С. 7–16.
14. Бейсенов А.З., Ермоленко Л.Н. Новые каменные изваяния сакского времени из Сарыарки // Вестник Кемеровского государственного университета. 2014. № 3 (59). Т. 3. С. 36–40.
15. Бейсенов А.З. К вопросу о выделении памятников коргантасского типа в Восточной Сарыарке (вторая половина – конец I тыс. д.н.э.) // Этнокультурные процессы на территории Казахстана (древность, средневековье, современность). Алматы, 1995. С. 55–61.
16. Бейсенов А.З. О памятниках карамолинского типа в Восточной Сарыарке (вторая половина I тыс. до н. э.) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия История, филология. 2015. Т. 13, Вып. 7. С. 68–79.
17. Таиров А.Д. Памятники «коргантасского типа»: взгляд со стороны // Изучение памятников археологии Павлодарского Прииртышья. Павлодар, 2006. С. 182–199.
18. Шульга П.И. О захоронениях коргантасского типа // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов степной Евразии : тез. докл. круглого стола, посв. 20-летию Независимости Республики Казахстан. Караганда, 2011. С. 117–120.
19. Бейсенов А.З. Изучение памятников I тысячелетия до н.э. Центрального Казахстана // Казахское ханство в потоке истории : сб. ст. Алматы : Ин-т археологии им. А.Х. Маргулана, 2015. С. 525–536.
20. Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата : Наука, 1966. 435 с.

Beisenov Arman Z. Institute of Archaeology after A.H. Margulan (Alma-Ata, Republic of Kazakhstan). E-mail: azbeisenov@mail.ru

SACRIFICIAL CONSTRUCTIONS NEAR KURGANS AS TYPES OF TASMOLA CULTURE MONUMENTS.

Keywords: Central Kazakhstan; Tasmola culture; Early iron age; burials; sacrificial constructions.

Tasmola culture of Central Kazakhstan has been studied for a long time based only on burials. Over the last 15 years during the research works the author has received significant data from the different categories of monuments. The sacrificial constructions located near the graves were investigated for the first time. The article discusses the group of sacrificial monuments studied in Central Kazakhstan. According to the author, main features of these excavated items can be divided into several types. 1) The sacrificial constructions in the form of rings, which are covered by small stones on top. Before the excavation such an object looks as a continuous band of stones, under which there are one or more annular rings with the diameter of 1.5–2 m, arranged into a single line. This kind of altars in the cemeteries were excavated by the author in Serekty 1, and Nurken 2, Begazy. 2) Oval or round rings, not covered by stones or earth. Their length or diameter is 1.5–3 m. These facilities are located mostly on the west side of burials at a distance of several meters. It is the most common form of sacrificial structures of Tasmola culture and can be met in many cemeteries. 11 constructions were excavated by the author in the cemeteries Akbeit, Serekty-1 and Bakybulak. Sacrificial rectangular structures. From previous type they differ only in the shape of a square or rectangle. Three constructions of this type were revealed in the burial Bakybulak. 3) The construction, which is made of high vertical panels. The lower end plates are dug in the ground. In one of such constructions of the burial Bakybulak plates up to 2.1 m were found. 4) In the early period M.K. Kadyrbaev in the burial Tolagay excavated the construction, which consists of large panels dug into the ground. Bronze items of horse bridle were found in the constructions № 4 and № 5 of the burial Bakybulak (type 2). The same items are found in the construction Tolagay (type 4). A bronze plaque with mythological picture was found near the burial mound 2 Nurken-2 on one ring (type 1). According to the author, the ancient people made a symbolic sacrifice in the sacrificial constructions of Tasmola culture. Most often it was associated with a horse. Harness items of Tasmola culture found in small structures within the burial of the Bronze Age and Akmustafa Taldysai are connected with the same ritual.

REFERENCES

1. Beisenov, A.Z. (2007) Raboty na mogil'nikе Nurken-2 [The works on the cemetery Nurken-2]. In: Loman, V.G. (ed.) *Istoriko-kul'turnoe nasledie Saryarki* [Historical and Cultural Heritage of Saryarka]. Karaganda: KarSU. pp. 173-197.
2. Beisenov, A.Z. & Jumabekova, G.S. (2014) The plaque with the mythological subject from Central Kazakhstan. *Izvestiya Altayskogo gosuniversiteta – The News of Altai State University*. 4. pp. 42-45. (In Russian).
3. Beisenov, A.Z. (2014) *Drevnie sokrovishcha Saryarki* [Ancient treasures of Saryarka]. Almaty: Institute of Archaeology.
4. Kadyrbaev, M.K. (1958) *O nekotorykh pamyatnikakh rannikh kochevnikov Tsentral'nogo Kazakhstana* [Some monuments of early nomads of Central Kazakhstan]. *Izvestiya AN KazSS*. 1(6). pp. 95-104.
5. Beisenov, A.Z. (2015) Burial and ritual complex “Kurgan 37 Warriors”. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Sotsial'no-Gumanitarnye nauki – Bulletin of the South Ural State University. Humanities and Social Sciences*. 15 (1). pp. 6-12. (In Russian).
6. Beisenov, A.Z. (2002) K izucheniyu pamyatnikov rannego etapa saks koy kul'tury Tsentral'nogo Kazakhstana [On the monuments of the early Saka culture of Central Kazakhstan]. In: Yarovoy, E.V. (ed.) *Drevneyshie obshchnosti zemledel'tsev i skotovodov Severnogo Prichernomor'ya (V tys. do n.e. – V v. n.e.)* [The oldest community of farmers and ranchers in the Northern Black Sea Region (5th BC – 5th AD)]. Tiraspol: Tipar. pp. 208-212.

7. Kurmankulov, Zh. (1989) [New materials of the 8th – 7th centuries from Central Kazakhstan]. *Margulanovskie chteniya* [The Margulan Readings]. Proc. of the Conference. Alma-Ata: Institute of History, Archeology and Ethnography of the KazSSR. pp. 145-147. (In Russian).
8. Beisenov, A.Z. (2015) Monuments of the upper river Atasu river in Central Kazakhstan. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 3(35). pp. 11-122. (In Russian).
9. Margulan, A.Kh. (1979) *Begazy-dandybaevskaya kul'tura Tsentral'nogo Kazakhstana* [The Begazy-Dandybay culture of Central Kazakhstan]. Alma-Ata: Nauka.
10. Yarygin, S.A. (2011) “Koytasy” Tsentral'nogo Kazakhstana epokhi pozdney bronzy v kontekste formirovaniya rannesakskikh kul'tur stepnoy Evrazii [“Koytasy” of Central Kazakhstan in the late Bronze Age during the formation of early Saka cultures of the Eurasian steppe]. *Arkheologiya Kazakhstana v epokhu nezavisimosti: itogi, perspektivy* [The Kazakhstan Archeology in the era of independence: results and prospects]. Proc. of the International Conference. Vol. 1. Almaty: Institute of Archeology. pp. 408-416.
11. Ermolenko, L.N. & Kasenova, A.D. (2014) A.Kh. Margulan's contribution to the research of ancient stone sculpture of central Kazakhstan. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Bulletin of Kemerovo State University*. 3(59). Vol. 2. pp. 20-23. (In Russian).
12. Akishev, K.A. & Kushaev, G.A. (1963) *Drevnyaya kul'tura sakov i usuney doliny r. Ili* [The ancient culture of Saka and Usuns of the Ili river]. Alma-Ata: KazSS AS, 1963. 298 s., pril.
13. Beisenov, A.Z. (2014) Issledovanie kurgana saksakogo vremeni s kamennym izvayaniem na mogil'nike Kosoba (Tsentral'nyy Kazakhstan) [The exploration of the Saka mound with a stone statue in the cemetery Kosoba (Central Kazakhstan)]. In: *Drevnie i srednevekovye kamennye izvayaniya Tsentral'noy Azii* [Ancient and medieval stone sculptures of Central Asia]. Barnaul: Altai State University. pp. 7-16.
14. Beisenov, A.Z. & Ermolenko, L.N. (2014) New stone statues of the Saka period from Saryarka. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Bulletin of Kemerovo State University*. 3(59). Vol. 3. pp. 36-40. (In Russian).
15. Beisenov, A.Z. (1995) K voprosu o vydelenii pamyatnikov korgantasskogo tipa v Vostochnoy Saryarke (vtoraya polovina – konets I tys. d.n.e.) [On the Korgantas-type monuments in Eastern Sary-Arka (the late 1st millennium BC)]. In: Toleubaev, A.T. (ed.) *Etnokul'turnye protsessy na territorii Kazakhstana (drevnost', srednevekov'e, sovremennost')* [Ethno-cultural processes on the territory of Kazakhstan (Ancient Times, the Middle Ages, the present)]. Almaty: Sanat. pp. 55-61.
16. Beisenov, A.Z. (2015) O pamyatnikakh karamolinskogo tipa v Vostochnoy Saryarke (vtoraya polovina I tys. do n. e.) [About the Karamolinsk-type monuments in Eastern Sary-Arka (the late I millennium BC)]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Istoriya, filologiya*. 13(7). pp. 68-79.
17. Tairov, A.D. (2006) Pamyatniki “korgantasskogo tipa”: vzglyad so storony [The Korgantas-type monuments: an outside perspective]. In: Marts, B.Ts. (ed.) *Izuchenie pamyatnikov arkheologii Pavlodarskogo Priirtysh'ya* [The archaeological monuments of Pavlodar region near the Irtysh]. Pavlodar: EKO. pp. 182-199.
18. Shulga, P.I. (2011) O zakhroneniya korgantasskogo tipa [About the Korgantas-type burials]. *Sakskaya kul'tura Saryarki v kontekste izucheniya etnosotsiokul'turnykh protsessov stepnoy Evrazii* [The Saka culture of Sary-Arka and the ethno-socio-cultural processes of the steppe Eurasia]. Proc. of the Round Table. Karaganda. pp. 117-120.
19. Beisenov, A.Z. (2015) Izuchenie pamyatnikov I tisyacheletiya do n.e. Tsentral'nogo Kazakhstana [The archeological monuments of the 1st millennium BC in Central Kazakhstan]. In: *Kazakhskoe khanstvo v potoke istorii* [The Kazakh Khanate in the flow of history]. Almaty: Institute of Archeology. pp. 525-536.
20. Margulan, A.Kh., Akishev, K.A., Kadyrbaev, M.K. & Orazbaev, A.M. (1966) *Drevnyaya kul'tura Tsentral'nogo Kazakhstana* [The ancient culture of Central Kazakhstan]. Alma-Ata: Nauka, 1966.

УДК 903/904 (574.31)
DOI 10.17223/19988613/36/17

А.З. Бейсенов, Е.А. Шаблавина

ОСОБЕННОСТИ ЛИТЬЯ ПРЕДМЕТОВ КОНСКОГО СНАРЯЖЕНИЯ
ТАСМОЛИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Одной из неизученных сторон тасмолинской культуры Центрального Казахстана являются особенности изготовления различных металлических изделий. Как известно, помимо типологической характеристики предметов, одними из важнейших вопросов выступают способы и методы их изготовления. На территории могильника Бақыбулак, в районе расположения курганов раннесакской эпохи, раскопками были исследованы жертвенные сооружения небольших размеров, в двух из них обнаружены комплекты конского снаряжения. На основании данных изучения вещей трасологическим методом получены интересные результаты. Удила отлиты аржано-черногорским способом. На основании всех полученных данных сделан вывод о единстве производственной традиции тасмолинской и алды-бельской культур.

Ключевые слова: Центральный Казахстан; тасмолинская культура; раннесакский период; погребения; трасологический метод.

Ничто так не характеризует традиционную производственную культуру, как выпуск массовой однотипной продукции, для изготовления которой применялся определенный набор технических навыков, способов и приемов. В настоящей работе рассматривается техника изготовления некоторых рядовых металлических предметов от конской упряжи тасмолинской культуры Центрального Казахстана, найденных экспедицией Института археологии им. А.Х. Маргулана. Руководитель работ – начальник экспедиции, канд. ист. наук А.З. Бейсенов.

В 2009–2014 гг. проводились исследования памятников одновременного могильника Бақыбулак, находящегося на территории Каркаралинского района Карагандинской области. В составе могильника имеются погребальные сооружения эпохи бронзы, раннего железного века. В районе курганов раннего железного

века находятся каменные жертвенники, чаще овальной формы, расположенные с западной стороны насыпей и составленные из крупных камней. К западу от могильника, на расстоянии 0,35 м, находится одноименное поселение, давшее материалы нуринской (Федоровской) культуры [1]. Исследованные погребальные сооружения эпохи бронзы также относятся к этой культуре [2]. В жертвенниках № 4, 5, расположенных вблизи кургана № 14, были найдены комплекты предметов конского снаряжения.

Из уцелевших костей людей, захороненных в курганах № 14 и 15, были получены пробы для радиоуглеродного анализа. Определения проведены (таблица) в лаборатории Королевского Университета Белфаста, (Северная Ирландия, Великобритания). Куратор проекта – С.В. Святко.

AMS ¹⁴C даты проанализированных образцов из курганов № 14 и 15 могильника Бақыбулак (Центральный Казахстан)

Лабораторный номер	Памятник	¹⁴ C BP	Калиброванная дата (1 Сигма, 68,3)	Калиброванная дата (2 Сигма, 95,4)
UBA-28344	Могильник Бақыбулак курган 14	2605±27	Cal BC 809–783 (1,000)	Cal BC 835–756 (0,989) 679–671 (0,007) 603–599 (0,004)
UBA-23666	Могильник Бақыбулак курган 15	2567±30	Cal BC 801–763 (1,000)	Cal BC 807–748 (0,785) 684–667 (0,059) 640–588 (0,125) 580–558 (0,031)

Исследованные курганы № 14 и 15 могильника Бақыбулак входят в круг памятников раннесакского времени востока степной Евразии. По наибольшим значениям калиброванных дат по Сигма 1 и Сигма 2 эти памятники, по-видимому, следует отнести к периоду рубежа IX–VIII – первой половины VIII в. до н.э.

Наиболее интересный комплект происходит из раскопок жертвенника № 4 могильника Бақыбулак (рис. 1). Данный объект расположен вблизи кургана № 14. Результаты исследования получены на основании данных изучения вещей трасологическим методом.

Псалли (могильник Бақыбулак, жертвенник № 4) напускные, дугообразной формы, украшенные с лицевой стороны косыми насечками (рис. 2, 1). Размеры,

рисунок, расположение боковых круглых и центрального прямоугольного отверстий на обоих предметах одинаковое. Незначительные расхождения вызваны механической обработкой изделий. Поверхность предметов зачищена, за исключением канавок орнамента. Круглые отверстия разные, неровной формы, изнутри не обработаны (рис. 2, 3). На стенках центрального прямоугольного отверстия и торцах предметов четко фиксируются литейные швы (рис. 2, 2). Все технические признаки указывают, что псалли были отлиты в двусторчатых глиняных формах, сделанных оттиском одного шаблона. Судя по характерным следам и форме косых насечек, шаблон был вырезан из кости. На нем был дефект, возможно, трещи-

на или выщерблина, которой мастер предал квадратную форму, предотвратив от дальнейшего поврежде-

ния орнамента. Этот изъян сдублировался на обеих отливках (рис. 2, 4).

Рис. 1. Уздечный комплект, могильник Бақыбулак, жертвенник № 4

Рис. 2. Псалии, могильник Бақыбулак, жертвенник № 4:
1 – одинаковые изделия, отлитые по одному шаблону; 2 – зачищенные литейные швы на стенках прямоугольного отверстия и торцах предмета; 3 – разные круглые отверстия на одинаковых отливках; 4 – сдублированный дефект на обеих отливках

Несмотря на распространенность напускных псалий в памятниках тасмолинской культуры Центрального Казахстана и раннесакских комплексах Приаралья (Уйгарак), данный орнаментированный экземпляр является пока единственной находкой в этом регионе. Но наличие шаблона, по которому изготовлена эта пара, предполагает вероятность тиражирования таких же вещей, пока не найденных.

Удила (могильник Бақыбулак, жертвенник № 4) состоят из двух подвижных частей – симметричного и асимметричного звеньев, каждое из которых с одной стороны завершается прямоугольным окончанием с упором, а противоположное – кольцом (рис. 3, 1).

Обе детали скреплены между собой простейшим глухим звеньевым соединением – кольца вставлены друг в друга взаимно перпендикулярно. Размерами, формой, конструктивными особенностями две части удила почти идентичны, за исключением оформления и расположения некоторых деталей и кольцевых звеньев – одно из них развернуто на 90°. Отличия связаны со спецификой изготовления и устройством шаблона и литейной формы.

Несмотря на то что удила отлиты с неразъемными круглыми окончаниями, каждую часть делали поочередно. Сначала изготавливали симметричное звено. Из деревянной основы вырезали деталь в форме стержня, полукруглого в сечении, с прямоугольной рамкой. Следы фактуры дерева (продольные волокна) и его обработка (обстругивание) четко фиксируются на по-

верхности бронзовых изделий (рис. 3, 4). Затем стержень с торцевой стороны был расщеплен и в образованную щель вставлена петля, согнутая из воскового жгута. На изделии в основании кольцевого звена прослеживается шов от соединения восковых концов жгута. При фиксации воскового звена в полости стержня один из расщепленных концов зажима на оборотной стороне шаблона треснул, поэтому стержень обвязали тонкой веревочкой (рис. 3, 2). С помощью этого поврежденного инструмента в глине были сделаны отпечатки в лицевой и оборотной створках литейной формы. Литниковый канал подвели со стороны отгиска прямоугольной рамки. После окончательной подготовки литейной формы в нее заливали расплав мышьяковистой меди со следами присутствия олова (Анализ металла рассматриваемых казахстанских предметов выполнен рентгенофлюоресцентным методом в Отделе научно-технической экспертизы Государственного Эрмитажа С.В. Хавриным.). На предмете четко прослеживаются место излома зажима шаблона, обмотка веревочкой, боковые литейные швы от совмещения ство-

рок и отломанный литник в виде небольшого выступа. После литья окончания и боковые швы на стержне отливки были механически обработаны, о чем свидетельствует наличие царапин от абразива.

На следующем этапе изготовления удила формировалось второе подвижное звено и соединялось в неразъемную конструкцию с первой деталью. Исходя из идентичных габаритов и конструктивных деталей второй части удила с первой, в данном случае использовался прежний поврежденный шаблон. На нем восковое кольцо развернули на 90° и разрезали по середине. Внутри завели облепленное комочком глины бронзовое симметричное звено и концы воскового кольца свели вместе, изолируя тем самым металлическое звено от соприкосновения с восковым. Затем на шаблоне формировали лицевую и оборотную створки литейной формы. От соприкосновения внешних створок формы с комком глины (внутренняя часть формы) на отливке кольца асимметричного звена отпечатались характерные литейные швы от такого вида устройства литейной формы (рис. 3, 3).

Рис. 3. Удила, могильник Бақыбулак, жертвенник № 4: 1 – симметричное и асимметричное звенья, отлитые по одному составному шаблону, с лицевой стороны; 2 – оборотные стороны звеньев с местом излома зажима шаблона и обмотка его веревочкой; 3 – литейные швы на кольце и торце асимметричного звена; 4 – фрагмент звена со следами фактуры дерева

Удила аналогичной конструкции, сделанные подобным способом, были найдены К.В. Чугуновым в захоронении четырнадцати взнузданных лошадей сопроводительной могилы № 16 элитного погребально-поминального комплекса алды-бельской культуры Аржан-2, датируемого VII в. до н.э. [3. Taf. 127–139]. Среди конского снаряжения выявлено двенадцать комплектов почти одинаковых удил. Предметы были отлиты специально для погребения. Тиражирование литейных форм выполнялось с помощью составного шаблона – в отрезок трубки сухого стебля с одного конца было вставлено вырезанное из дерева прямоугольное окончание с упором, а с другого – восковое звено [4. С. 147–148, ил. 44–45]. При ремонте шаблона стебель в основаниях звеньев обматывали тонкой веревочкой. Этим объясняется наличие части удил с отпечатками веревочек, а на одной паре – отсутствие таковых. Неразъемное соединение симметричных звеньев с асимметричными происходило вышеописанным методом, за счет разрезания воскового кольца и нанизывания на него обмазанного глиной бронзового звена. Таким же образом сделаны удила с прямоугольными окончаниями, но без упора, найденные в составе клада № 1 из этого памятника [3. Taf. 142, 9]. Несмотря на некоторые различия в нюансах изготовления составного шаблона из Аржана-2 и Бақыбулак, можно констатировать, что все эти удила представляют разновидности одного способа литья, характерного для единой производственной культуры. Таких вариаций в изготовлении шаблонов может быть множество. Каждый мастер индивидуально конструировал инструмент для тиражирования. Но задачу с неразъемным соединением все решали одинаково.

Необходимо также отметить ближайшее конструктивное сходство удил из могильников Бақыбулак жертвенника № 4, Тасмола I кургана 19, Тасмола V кургана 3 и клада в могильнике Сыпучий Яр [5. Табл. 1, 3–5, 9; 6; 7. С. 183, рис. 6, 42, 57]. По рисункам нельзя судить об их техническом исполнении, но с большей долей вероятности можно утверждать, что они отлиты тем же способом. Дальнейшее изучение этих предметов позволит установить правомерность данного заключения.

Иллюстрацией вариативности конструкции шаблона могут служить еще одна пара удил с дополнительным колечком внутри стремевидных окончаний из могильника Бақыбулак, жертвенника № 5 (рис. 4, 1). Оба звена удил по всем параметрам одинаковые за исключением соединительных круглых окончаний. Они также отлиты с помощью одного составного шаблона. Стремевидное окончание с дополнительным отверстием вырезано из куска дерева, а круглое кольцо согнуто из воска. Эти детали вставлены, скорее всего, в полую трубку, свидетельством чего является наличие швов в местах присоединения окончаний к торцам стержня (рис. 4, 1). Изготовление створок форм, отливка симметричного звена и последующая сборка в не-

разъемное соединение с асимметричной деталью производились вышеописанным способом. Доказательством этого являются следы на изделии: литейные боковые швы от совмещения створок и швы на круглом окончании в месте изоляции воскового кольца от залепленного в глину бронзового (рис. 4, 1). Подобной конструкции предметы – достаточно частые находки в памятниках Центрального Казахстана (Тасмола V, курганы 2 и 6; Толагай; район Каркаралинска), которые, очевидно, выполнены так же, но для окончательных выводов требуется отдельное их изучение [7. С. 183, рис. 6, 50–53, 55; 8].

Аналогичным шаблоном были сделаны удила, найденные в захоронении четырнадцати лошадей могилы 16 кургана Аржан-2. Эта вещь в наборе с трехдырчатыми псалями является единственным отличающимся комплектом среди остальных тринадцати однотипных конских гарнитур, состоящих из удил с прямоугольными окончаниями и упором и насаженными на них напускными псалями [3. Taf. 126, 5–7; 5, 103, табл. 1, 4; 9. С. 434]. Здесь стремевидные окончания с дополнительным колечком были вырезаны из дерева, а противоположное кольцо согнуто из воска. Оба конца вставлены в полую трубку. На отливках звеньев в основаниях круглых концов имеются следы от обмотки тонкой веревочкой, что указывает на дополнительное укрепление и, возможно, ремонт трубки при изготовлении шаблона. Подвижное неразъемное соединение частей удил выполнено, как и в вышеописанных случаях (на удилах с прямоугольными окончаниями и упором или стремевидными с дополнительным колечком окончаниями могильников Бақыбулак и Аржан-2), посредством глиняной «пробки». Эти данные дают дополнительное основание синхронизировать производство удил в культурном и хронологическом контексте.

Помимо рассмотренного способа изготовления удил таким же манером производился их ремонт. В могильнике Бирлик, кургане 9 найдены удила со стремевидными окончаниями, оба звена которых по размерам и конфигурации отличаются друг от друга (рис. 4, 2). Круглые петли в месте подвижного соединения сильно изношены в процессе эксплуатации удил. В основании стремевидного окончания симметричного звена имеются выступы. Исходя из особенностей формы, оно было отлито по восковой модели. Пластины из воска согнули дугой и внутрь впаяли круглую перемычку. К вершине сгиба присоединили восковой стержень, а к его противоположному торцу припаяли восковое кольцо. С помощью этой модели были изготовлены две створки литейной формы, что подтверждается наличием литейных швов на предмете. Часто при отливке вещей восковые модели полностью заформовывают в глину, но в данном случае была сделана разъемная форма, поскольку эту модель должны были использовать для изготовления асимметричного звена. Однако второе звено удил имеет иную форму, так как оно было отлито по-другому со-

ставному шаблону, круглая петля и стержень которого были сформированы из воска. Стремевидное окончание, вероятно, было вырезано из кости или дерева. Для окончательного определения материала необходим анализ серии подобных изделий. В любом случае присоединение модели к готовому симметричному звену, а также изготовление разъемной литейной формы происходили, как и у выше описанных. Различие звеньев этих удил связано с ремонтом и заменой поврежденного или изношенного асимметричного звена, которое изначально было идентично симметричному. В большинстве случаев удила, найденные в Казахстане и Туве, имеют оба одинаковых звена. Следовательно, новое звено из оловянистой бронзы с содержанием мышьяка на бирликском экземпляре было сделано позже симметричного – со стремевидным окончанием и выступами. Такая последовательность подтверждается и литейными швами на круглом конце асимметричного звена, сформированными глиняным сердечником, изолирующим бронзовую часть удила от восковой.

Удила с аналогичным типом стремевидных окончаний, как на восстановленном звене из кургана 9 могильника Бирлик, происходят из кургана Аржана-1. Здесь также пары звеньев почти на каждом удилах одинаковые и отлиты по моделям в разъемных формах. Среди них есть отремонтированные удила из камеры 1, одно звено которых имеет стремевидное окончание, а второе – круглое [10. С. 42, рис. 28, 2]. Их починка подтверждается не только наличием разных звеньев, но и разным составом металла. Более раннее звено со стремевидным окончанием было отлито из мышьяковистой бронзы, отремонтированное звено с круглым окончанием – из оловянистой [11. С. 87–88]. Последующие исследования большой серии удил из раннескифских и скифских памятников на предмет техники их изготовления, ремонта и состава сплавов позволит уточнить типологию и хронологию этой категории предметов.

Рассмотренный тип конструкции удил и способ их литья является одним из вариантов аржано-черногоровского способа изготовления бронзовых удил, выделенного Р.С. Минасяном на основе изучения находок с территории Алтая, Минусинской котловины, Украины и Северного Кавказа [4. С. 147–149; 12. С. 157–159]. Из-за отсутствия информации автором было высказано предположение, что этим способом должны быть сделаны вещи, происходящие с территории Казахстана, Монголии и Китая. Проанализированные изделия тасмолинской культуры в полной мере подтверждают справедливость допущенного заключения.

Пронизи – застежки уздечных ремней (могильник Бақыбулак, жертвенник № 4) – в количестве семи экземпляров (рис. 5, 1) по конструктивному принципу схожи с уздечными распределителями, которые будут рассмотрены ниже. Они состоят из двух пластин, соединенных

между собой толстым штифтом. С лицевой стороны все предметы этой серии одинаковые, орнаментированные солярно-вихревой композицией, или «плетеным узлом» [13. С. 290–294], но у них разные оборотные пластины, а также конфигурация и позиция штифтов. Характер исполнения рисунка и наличие одинаковых изделий свидетельствует о применении шаблона, вырезанного из дерева или кости. Примером резьбы с подобным орнаментом является костяная обойма, происходящая из могилы 13 кургана Аржан-2 [3. Taf. 91, 9; 106, 4].

Расположение литейных швов только на торцах верхней и нижней пластины указывает на трехчастную (трехъярусную) конструкцию литейной формы (рис. 5, 1). С помощью шаблона формовали лицевую и среднюю створки (шаблон помещали между двумя кусками глины, тем самым образуя лицевую и промежуточную части формы). Поверх второй створки клали тонкую подпрямоугольную деревянную пластинку (на одной из застежек осталась характерная выщерблина от отколовшейся деревянной щепки), которую сверху покрывали еще одним куском глины. После изготовления оттисков в створках резной шаблон и тонкую пластину удаляли из глины. В промежуточной створке делали сквозной канал под штифт, который соединяет верхнюю и нижнюю пластины. Обратную створку в середине оттиска деревянной пластинки также протыкали насквозь, формируя литниковый канал для заливки жидкого металла. На оборотной стороне застежек, в центре пластинок, четко фиксируются небольшие круглые «пяточки» – зачищенные основания удаленных литников (рис. 5, 1). В данном случае, несмотря на использование шаблона, литейную форму и литниковый канал для каждой отливки изготавливали индивидуально. Этим и объясняется различие оборотных сторон изделий. После механической обработки отливок лицевые стороны предметов покрывали квадратными листочками золотой фольги.

По этому же принципу были изготовлены две серии *распределителей уздечных ремней* (могильник Бақыбулак, жертвенник № 4). Первая партия состоит из двух крупных экземпляров, вторая – из четырех (рис. 5, 2). Конструкция распределителей представляет собой две пластины (верхняя – с орнаментом «плетеный узел», нижняя – в виде овальной рамки), соединенные между собой четырьмя штифтами-стойками. Внутри каждой группы лицевые стороны изделий и расположение стоек идентичны, а овальные рамки разные. Данные признаки указывают на использование деревянного или костяного шаблона, вырезанного вместе с четырьмя стойками. Литейные швы располагаются на торцах верхних и нижних пластин и на штифтах, что, как и в предыдущем случае, свидетельствует о применении трехчастных (трехъярусных) литейных форм (рис. 5, 2).

Рис. 4. Удила: 1 – удила, могильник Бақыбулак, жертвенник № 5; 2 – удила, могильник Бирлик, курган 9

Рис. 5. Застежка и распределители уздечных ремней:
 1 – литейные швы и основание литника на застежке уздечного ремня, могильник Бақыбулак, жертвенник № 4;
 2 – литейные швы и основание литника на распределителях уздечного ремня, могильник Бақыбулак, жертвенник № 4

Отпечатком шаблона в глине изготавливали лцевые створки с сердечниками крестовидной формы. Для формирования оборотных створок с отгиском овальной рамки применяли шаблоны соответствующей формы, сделанные из тонких пластин. С этой же стороны делали и литниковый канал, месторасположение которого фиксируется на предметах в виде небольшого зачищенного круглого выступа (рис. 5, 2). Единообразие рисунка, конструктивных особенностей предметов и способ их изготовления позволяют отнести уздечные застезки и обе партии рас-пределителей к работе одного мастера, который, вероятно, делал для этого комплекта и выше описанную пару псалив.

Таким образом, изучение некоторых предметов конской упряжи из могильников Бақыбулак и Бирлик, характерных для тасмолинской культуры Цен-

трального Казахстана, позволило установить, что серийное изготовление изделий производили литьем в составных глиняных формах, сделанных по вырезанным костяным или деревянным шаблонам. Этот метод производства характерен для кочевников и выделяет его на фоне ближневосточной и греческой работы. Удила отлиты аржано-черногоровским способом. Наличие среди удил экземпляров с разными звеньями объясняется ремонтом последних. Замена утраченного звена и крепление его в подвижное неразъемное соединение со старым звеном происходила по тому же принципу, как и первоначальное изготовление предмета. Техническое и конструктивное сравнение рассмотренных удил Центрального Казахстана и Тувы позволяет сделать вывод о единстве производственной традиции тасмолинской и алды-бельской культур.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бейсенов А.З., Ломан В.Г. Древние поселения Центрального Казахстана. Алматы : Ин-т археологии им. А.Х. Маргулана, 2009. 264 с.
2. Бейсенов А.З., Варфоломеев В.В., Касеналин А.Е. Памятники бегазы-дандыбаевской культуры Центрального Казахстана. Алматы : Ин-т археологии им. А.Х. Маргулана ; НИЦИА Бегазы-Тасмола, 2014. 192 с.+20 цв. ил.
3. Çugunov K., Parzinger H., Nagler A. Der skythenzeitliche Fürstenkurgan Aržan 2 in Tuva // Archäologie in Eurasien. Band 26. Mainz am Rhein, 2010. 330 s. (Чугунов К., Парцингер Г., Наглер А. Царский курган скифского времени Аржан 2 в Туве // Археология в Евразии. Группа 26. Майнц на Рейне, 2010. 330 с.)
4. Минасян Р.С. Металлообработка в древности и Средневековье. СПб., 2014. 472 с.
5. Чугунов К.В. Уздечные комплекты алды-бельской культуры в контексте развития конского снаряжения // Снаряжение кочевников Евразии: сб. науч. тр. Барнаул, 2005. С. 103–108.
6. Семенов Вл. А. Сыпучий Яр – могильник алды-бельской культуры в Туве // Евразия сквозь века : сб. науч. тр., посвящ. 60-летию со дня рождения Д.Г. Савинова. СПб., 2001. С. 167–172.
7. Таиров А.Д. Кочевники Урало-Казахстанских степей в VII–VI вв. до н.э. Челябинск, 2007. 274 с., ил.
8. Культура ранних кочевников Казахстана: Археологические коллекции. Алматы : ЦГМ, 2009. 428 с.
9. Чугунов К.В., Наглер А., Парцингер Г. Продолжение исследований кургана Аржан-2 в Туве // Археологическое обозрение 2002 года. М., 2003. С. 434–435.
10. Грязнов М.П. Аржан. Царский курган раннескифского времени. Л., 1980. 62 с.
11. Пяткин Б.Н. Результаты спектрального анализа бронз кургана Аржан // Древние горняки и металлурги Сибири. Барнаул, 1983. С. 84–96.
12. Минасян Р.С. Способы литья бронзовых удил в предскифское и скифское время // Элитные курганы степей Евразии в скифо-сарматскую эпоху. СПб., 1994. С. 157–163.
13. Смирнов Н.Ю. «Плетеный узел» раннескифской культуры (орнаментальный мотив в контексте культурогенеза) // Изобразительные памятники: стиль, эпоха, композиции. СПб., 2004. С. 290–294.

Beisenov Arman Z. Institute of Archaeology after A.H. Margulan (Alma-Ata, Republic of Kazakhstan). E-mail: azbeisenov@mail.ru; Shablavina Ekaterina A. The State Hermitage museum (St. Petersburg, Russian Federation). E-mail: arnoldovna@yandex.ru

FEATURES OF CASTING SADDLERY ITEMS IN TASMOLA CULTURE.

Keywords: Central Kazakhstan; Tasmola culture; the early Sak period; burials; trasological method.

The present article discusses the details of the horse bridle in Tasmola culture which were received during archaeological excavations under the direction of Arman Z. Beisenov. Items, cast from bronze, come from the early Saka time from the territory of Central Kazakhstan. In particular, items from the burial Bakybulak were valuable for the studies of ancient technologies. The burial is located on the territory of Karkarala district of Karaganda region. As part of this burial and in addition to burials of the Saka era, two stone churches, which are called "altars" (the place of sacrifice), were excavated. Psalms, bits and items used to secure bridle straps were found in the altars № 4 and № 5. Items from the burial Bakybulak and bits from the burial Birlık were subjected to trasological analysis. To compare the received results data from studies of similar products from Aldy-Belsky monuments in Tuva was used. Studying subjects by trasological method allowed to say that the Bakybulak findings were cast and replicated in composite clay forms. Such forms were prepared using bone or carved wooden templates. Some examples of this technique are bits made by Arzhan-Chernogorov method. According to the results of special research works, it was found that this method of production is common for the early culture of the nomads. The presence of specimens with different units among bits can be explained by the repair of the latter. Replacing the lost link and fastening it to the movable permanent connection to the old bridge took place in the same way as the original manufacturing of the subject. Technical and constructive comparison of the studied bits of Central Kazakhstan and Tuva suggests certain unity of Tasmola industrial tradition and Aldy-Bel culture. Earlier in the works of researchers it was repeatedly noted that the proximity of monuments of the early Saka time these two regions were located far enough away from each other. This new data further underscore the urgency of research of the nature of ethno-cultural contacts and mutual influences between the population of these territories. Some attention is drawn to the importance of the findings of a comprehensive study of Tasmola cultural monuments in Central Kazakhstan. These data can be considered as the first results of the trasological analysis of saddlery items in this culture.

REFERENCES

1. Beysenov, A.Z. & Loman, V.G. (2009) *Drevnie poseleniya Tsentral'nogo Kazakhstana* [The ancient settlement in Central Kazakhstan]. Almaty: Institute of Archeology.
2. Beysenov, A.Z., Varfolomeev, V.V. & Kasenalin, A.E. (2014) *Pamyatniki begazy-dandybaevskoy kul'tury Tsentral'nogo Kazakhstana* [The monuments of Begazy-Dandybay culture of Central Kazakhstan]. Almaty: Institute of Archeology; NITsIA Begazy-Tasmola.
3. Čugunov, K., Parzinger, H., & Nagler, A. (2010) Der skythenzeitliche Fürstenkurgan Aržan 2 in Tuva. *Archäologie in Eurasien*. 26. Mainz am Rhein.
4. Minasyan, R.S. (2014) *Metalloobrabotka v drevnosti i srednevekov'e* [Metalwork in ancient and medieval times]. St. Petersburg: Ermitazh.
5. Chugunov, K.V. (2005) Uzdechnye komplekty aldy-bel'skoy kul'tury v kontekste razvitiya konskogo snaryazheniya [Bridle sets of Aldy-Belsky culture in the context of horse equipment development]. In: Tishkin, A.A. (ed.) *Snaryazhenie kochevnikov Evrazii* [The equipment of Eurasian nomads]. Barnaul: Altai State University. pp. 103-108.
6. Semenov, V.I.A. (2001) Sypuchiy Yar – mogil'nik aldy-bel'skoy kul'tury v Tuve [Sypuchiy Yar – a burial of Aldy-Belsky culture in Tuva]. In: Astakhov, S.N. (ed.) *Evraziya skvoz' veka* [Eurasia through the centuries]. St. Petersburg: ST. Petersburg State University. pp. 167-172.
7. Tairov, A.D. (2007) *Kochevniki Uralo-Kazakhstanskikh stepey v VII–VI vv. do n.e.* [The nomads of Ural-Kazakhstan steppes in the 7th-6th centuries BC.]. Chelyabinsk: South Ural State University.
8. Anon. (2009) *Kul'tura rannikh kochevnikov Kazakhstana: Arkheologicheskie kolleksii* [The culture of the early nomads of Kazakhstan: Archeological Collections]. Almaty: TsGM.
9. Chugunov, K.V., Nagler, A. & Partsinger, G. Prodlzhenie issledovaniy kurgana Arzhan-2 v Tuve [The continued exploration of Arzhan-2 in Tuva]. In: *Arkheologicheskoe obozrenie 2002 goda* [Archaeological Review 2002]. Moscow. pp. 434-435.
10. Gryaznov, M.P. (1980) *Arzhan. Tsarskiy kurgan ranneskifskogo vremeni* [Arzhan. The royal early Scythian mound]. Leningrad: Nauka.
11. Pyatkin, B.N. (1983) Rezul'taty spektral'nogo analiza bronz kurgana Arzhan [The results of spectral analysis of bronzes from Arzhan]. In: Kiryushin, Yu.F. (ed.) *Drevnie gornyaki i metallurgi Sibiri* [Ancient miners and metallurgists of Siberia]. Barnaul: Altai State University. pp. 84-96.
12. Minasyan, R.S. (1994) Sposoby lit'ya bronzovykh udil v predskifskoe i skifskoe vremya [Methods of casting bronze fishing rods in pre-Scythian and Scythian time]. In: *Elitnye kurgany stepey Evrazii v skifo-sarmatskuyu epokhu* [Elite mounds of Eurasian steppes in the Scythian-Sarmatian period]. St. Petersburg: Fundamental Research Fund, RAS. pp. 157-163.
13. Smirnov, N.Yu. (2004) "Pletenny uzel" ranneskifskoy kul'tury (ornamental'nyy motiv v kontekste kul'turogeneza) [The bound knot of the Early Scythian culture (the ornamental motif in the context of cultural genesis)]. *Izobrazitel'nye pamyatniki: stil', epokha, kompozitsii* [The monuments of Fine Arts: style and epoch of the composition]. Proc. of the Research Conference. St. Petersburg. 1st to 4 th December 2004. St. Petersburg. pp. 290-294.

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ

УДК 39

DOI 10.17223/19988613/36/18

М.З. Хабибуллин

НАРОДЫ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ В РАКУРСЕ ИСТОРИКО-КОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ЯКОВА ДМИТРИЕВИЧА КОБЛОВА

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Державный (имперский) дискурс по национальному образованию народов Поволжья и Приуралья в конце XIX – начале XX в.», проект № 14-11-16015 а/В/ 2015.

Изучение деятельности и научного наследия общественного деятеля, противомусульманского и противоязыческого миссионера Казанской епархии, богослова, педагога, выпускника Казанской духовной академии Якова Дмитриевича Коблова представляет большой научный и практический интерес. Исследуя историю татарского конфессионального образования, развитие ислама у татар и язычества у марийцев, роль мусульманской общины, духовенства, вопросы исламоведения, он внес значительный вклад в изучение истории и этнографии тюркских и финно-угорских народов Среднего Поволжья. В основу исследования легли новые архивные материалы и источники, позволившие автору дать комплексную оценку проблемы.

Ключевые слова: Я.Д. Коблов; Казанская духовная академия; этнография; народы России; миссионерские отделения.

В последние десятилетия в России, в связи с усилением национального компонента, актуализировалась проблема развития профессиональных компетенций в решении межконфессиональных проблем, межнациональных конфликтов и снятия напряженности. Все большее значение приобретают гуманитарные науки, связанные с изучением этнических свойств и явлений, национальных структур и отношений. Изучение истории, этнографии, культурного наследия и языков народов и народностей России приобретает важное теоретическое и практическое значение. Все чаще внимание ученых, политиков обращено к проблемам историко-этнографического характера, к процессам культурного развития России в дореволюционный и советский периоды. В этом отношении обращение к опыту крупного научного, учебного центра России – Казанской духовной академии – представляется очень важным и актуальным явлением. И это не случайно, поскольку именно здесь во второй половине XIX – начале XX в. проводились научные исследования по изучению истории, этнографии, культуры и языков финно-угорских, тюркских и монгольских народов Поволжья, Приуралья и Сибири. Преподаватели единственных в России миссионерских отделений профессионально изучали историю и учение христианства, ислама, буддизма, языческие верования народов и народностей.

Необходимо отметить, что исследование религиозных систем и языков нерусских народов приобрело здесь особенности, свойственные «казанской школе» с ее практической миссионерской направленностью. Выполняя государственный заказ по проведению широкомасштабной миссионерской политики на основе русского языка и православия, преподаватели и выпускники академии сумели выработать только присущие ей методы и приемы исследования, создать интересные труды по истории и этно-

графии. Именно здесь реализовывались на практике новые идеи и формировалась плеяда талантливых ученых, среди которых необходимо выделить Н.И. Ильминского [1], Е.А. Малова [2], Н.П. Остроумова [3], М.А. Машанова [4], П.К. Жузе [5], Я.Д. Коблова [6] и др. Как отмечал российский исламовед, профессор Кельнского университета Марк Батунский, студенты, выпускники и преподаватели миссионерских отделений Казанской духовной академии «являлись первыми в России профессиональными миссионерами-исламооведами» [7. Р. 261].

Несмотря на то что давно существовала нехватка высшего религиозного учебного заведения, которое осуществляло бы подготовку священнослужителей и преподавателей, Казанская духовная академия были открыта лишь в 1842 г. [8. С. 3]. С 1818 г. Казанский учебный округ находился в ведении окружного правления Московской духовной академии. Тогда были открыты три духовные академии: в Киеве, Москве и Санкт-Петербурге. Казань включили в Московский округ, а Казанскую духовную семинарию (1797–1818) закрыли. Игнорирование Казани как важного учебного центра сразу же повлекло за собой большие проблемы. Казанский округ имел огромную территорию, в нее входили Казанская, Нижегородская, Симбирская, Пензенская, Тамбовская, Саратовская, Астраханская, Оренбургская, Вятская, Пермская, Тобольская, Томская, Енисейская, Иркутская губернии и Якутская область. Этот округ занимал громадное пространство почти в 200 000 кв. миль с 12 духовными семинариями (Казанская, Нижегородская, Симбирская, Пензенская, Тамбовская, Саратовская, Астраханская, Оренбургская в г. Уфа, Вятская, Пермская, Тобольская и Иркутская), 38 уездными и 42 приходскими училищами, из которых камчатское училище, составлявшее крайний пункт округа, располагалось от Москвы почти в 12 000 верстах.

Одной из самых главных причин открытия Казанской духовной академии в 1842 г. для правительства и высшей церковной власти стало «желание научно осветить сложный инородческий вопрос в России и выработать рациональные меры к сближению многомиллионного инородческого мира с коренным населением империи на почве религии и культуры» [9. С. 634]. Среди других функций академии А.А. Царевский называл воспитание будущих пастырей церкви, борьбу с расколом в православии и «проповедование Евангельского учения» между многочисленными «иноверцами» Восточной России и Сибири [10. С. 209]. Но ее самой важной прерогативой, безусловно, было изучение языков нерусских народов России для ведения среди них активной миссионерской деятельности. Для выполнения данных задач необходимо было создать условия по подготовке специалистов, хорошо владеющих знаниями по истории, этнографии, культуре, лингвистическим особенностям языков финно-угорских, тюркских и монгольских народов Поволжья, Приуралья и Сибири. Многие из перечисленных обязанностей были возложены на миссионерские отделения Казанской духовной академии [11. С. 5]. Руководство академии, определив наиболее распространенные языки у нерусских народов, проживающих на территории Среднего Поволжья и восточных окраинах Российской империи, открыло в 1845 г. две кафедры: 1) турецкий, татарский и арабский языки и 2) монгольский и калмыцкий языки [12. Л. 1]. А в начале 1854/55 учебного курса произошло открытие единственных в России миссионерских отделений: «Иноверцы и язычники, находящиеся в Епархиях Казанского духовно-учебного округа, трех родов: а) татары, б) народы монгольского племени, в) чуваша, черемисы и вотяки. Все сие племена говорят разными языками и имеют каждый свои собственные заблуждения в отношении к вере: посему 1) Необходимо открыть при Казанской духовной академии три параллельные миссионерские отделения для образования наставников Семинарий и миссионеров, имеющих действовать на а) татар, на б) монгольское племя и на в) чуваш, черемис и вотяков. 2) В сии отделения должны быть помещаемы те студенты высшего и низшего отделения, которые изъявляют желание быть по окончании Академического курса или миссионерами или наставниками» [13. Л. 39].

Таким образом, в академии были открыты 4 миссионерских отделения, это: 1) противораскольническое, 2) противомусульманское, 3) противобуддистское и 4) черемисско-чувашское. С этого времени можно говорить о специфической миссионерской направленности образования Казанской духовной академии по сравнению с другими аналогичными академиями.

Миссионерские отделения за весь период своего существования (1854–1920) подготовили большое количество миссионеров, священнослужителей, ученых, специалистов по истории, этнографии и языков финно-

угорских, тюркских и монгольских народов России. Преподаватели миссионерского противомусульманского отделения Н.И. Ильминский, Г.С. Саблуков, Е.А. Малов, В.Т. Тимофеев, Н.П. Остроумов, М.А. Машанов занимались изучением истории, этнографии, культуры, языка народов Среднего Поволжья и Приуралья, организацией учебно-воспитательного процесса в начальных школах и духовных семинариях, разработкой эффективных педагогических концепций, проведением педагогических съездов для учителей и подготовкой квалифицированных специалистов для ведения просветительской деятельности и изучения ислама, буддизма и религиозных верований.

Среди выпускников миссионерского противомусульманского отделения выделяется богослов, общественный деятель, педагог Яков Дмитриевич Коблов (1876–?). Являясь учеником Е.А. Малова и М.А. Машанова, он связал свою деятельность с изучением тюркских и финно-угорских народов Среднего Поволжья. В его трудах рассматривалась история татарского конфессионального образования, развитие ислама у татар и язычества у марийцев, роль мулл, вопросы исламоведения и др.

В 1900–1908 гг. Я.Д. Коблов работал казанским противомусульманским и противоязыческим миссионером Казанской епархии, в 1908–1914 гг. – инспектором народных училищ Казанского уезда Казанской губернии, с 1914 г. – Киевского учебного округа.

Послереволюционную деятельность Я.Д. Коблова в какой-то степени удалось проследить О.В. Чикуровой [14. С. 251–257]. Она полагает, что события 1917 г. заставили Я.Д. Коблова покинуть Киев и вернуться в Казанскую духовную академию. В 1919 г. ученому пришлось уехать на Дальний Восток. В 1920–1921 гг. он состоял в должности профессора философии историко-филологического факультета Государственного дальневосточного университета и преподавал историю педагогических учений, общий курс педагогики, психологию воли. По инициативе Я.Д. Коблова здесь была создана кафедра педагогики, которая занималась подготовкой педагогических кадров с учетом местных условий и потребностей. В 1921 г. Я.Д. Коблов обращается к руководству университета с просьбой о переводе его на кафедру педагогики: «Так как по характеру исполненных мною работ и работ намеченных я занимаюсь преимущественно в области педагогики в широком смысле этого слова, в ней проходит моя специализация, и в настоящее время я читаю исключительно дисциплины педагогические» [Там же. С. 252–253].

Руководство удовлетворило просьбу профессора, а Я.Д. Коблов сумел использовать свой огромный педагогический и практический опыт, приобретенный еще в Казани. В 1923/24 академическом году в результате вузовской «чистки» Коблов, как бывший миссионер, был лишен должности доцента, ущемлен в своих правах и был вынужден работать преподавателем русского

языка на Владивостокском вечернем рабочем факультете. К сожалению, дальнейшая судьба научной, административной и образовательной деятельности ученого теряются в корнях трагической истории того периода.

По роду своей профессиональной деятельности Я.Д. Коблову удалось создать интересные этнографические работы о народах Среднего Поволжья, которые представляют огромный интерес для современных исследователей [15]. В ходе многочисленных поездок по деревням и селам Казанской губернии ему удалось собрать значительный этнографический материал о многонациональном народе Казанской губернии [16], их культуре, быте, религиозных верованиях [17], системе образования [18] и учебных заведениях [19]. В своих работах он уделяет значительное внимание изучению деятельности мусульманского духовенства [20], конфессиональным школам татар [21], их мифологии [22], татарским мусульманским праздникам [23], религиозным обрядам и обычаям [24] и т.д.

В процессе многолетнего проживания различных национальных и конфессиональных групп в едином этнокультурном пространстве происходило постепенное взаимопроникновение культур, некоторых национальных и бытовых традиций, религиозных обрядов. Для многих нерусских народов, исповедующих различные религии и в течение столетий проживающих в непосредственной близости, некоторые обычаи и обряды других этноконфессиональных групп сельского населения со временем переставали восприниматься как небогоугодное дело. В этом отношении особый интерес представляет проникновение в культурно-бытовую среду татарской деревни некоторых православных праздников. Так, подтверждение этому мы находим в работе Я.Д. Коблова «О татарских мусульманских праздниках» [23]. Он отмечал, что в селениях со смешанным населением мусульмане празднуют православные праздники, не придавая им религиозного значения. В качестве примера он приводил деревни Тетюшского уезда Казанской губернии, в которых отмечали Покров, а также Свияжского уезда, в которых праздновали день Тихвинской Божьей матери и др.

Среди праздников, которые отмечали татары, он выделяет торжества, связанные с сельским хозяйством, – Сабантуй и Джиин. Рассматривая их, Коблов указывает на многонациональный характер мероприятий. Так, сабантуй, отмечает он, – «самое веселое время у татар-мусульман. Поэтому на это празднество всегда стекается народу очень много, бывают и иноверцы – русские и др.» [Там же. С. 37–38]. Сабантуй отмечали весной в течение недели непосредственно перед началом полевых работ. В этот день жители деревень собирались на лугу или в поле и начинали праздновать. Сабантуи проходили очень весело и шумно, устраивались различные игры и конкурсы, в которых многонациональный народ соревновался в борьбе, беге, скачках на лошадях и др. Как правило, народный праздник сочетался с ярмарками и базарами. Другим популярным у

народа праздником считался Джиин. На нем также присутствовали представители различных народов, отмечали его летом перед началом жатвы. В этот день проводились ярмарки, а веселые гуляния сопровождались многочисленными конкурсами и играми. Совместное времяпрепровождение было характерным и для религиозных праздников.

Я.Д. Коблов по специфике своей профессии, будучи епархиальным противомусульманским миссионером, уделял большое внимание проблемам религиозно-нравственного состояния татар в мусульманской общине (махалля). Он отмечал, что огромное влияние на формирование и развитие мусульманских общин, на осуществление их функций и деятельность религиозных институтов в дореволюционный период оказывали муллы. Они совершали все обряды жизненного цикла (имянаречение, бракосочетание и захоронение усопших и др.), выступали в качестве судей по гражданским делам, были учителями и являлись духовными авторитетами для членов руководимых ими религиозных общин.

Фигуре муллы в жизни мусульман Среднего Поволжья Я.Д. Коблов придавал большое значение, свои взгляды и рассуждения он изложил в своей работе «О магометанских муллах (религиозно-бытовой очерк)» [20]. «...Муллы, – писал он, – являются главными представителями мусульман как в духовных, так и в житейских делах и имеют огромное влияние на паству» [Там же. С. 12]. Основываясь на своих наблюдениях, миссионер описал повседневные обязанности муллы, его жилище, уровень жизни, степень влияния на членов своих общин. Данный труд Коблова является ярким историческим свидетельством о жизни мусульман Поволжья, религиозной деятельности и быте духовных лиц в конце XIX – начале XX в., дает общую характеристику духовенству и татарскому народу с миссионерских позиций.

Содержание образования, учебный процесс, внутренний распорядок медресе и мектебов Я.Д. Коблов подробно описывает в работе «Конфессиональные школы казанских татар» [21]. Ученый обращает внимание на некоторые дидактические особенности старометодного медресе. Этот труд написан им в период позднего развития кадимистской системы, когда уже шла общественная оценка новометодных школ, поэтому содержит интересные сведения о целях образования, однако сквозь призму миссионерской пропаганды распространения среди татар русско-татарских училищ, что соответствовало интересам государственной политики ассимиляции и интеграции мусульманских народов на основе православия и русского языка.

Свои наблюдения за тюркскими и финно-угорскими народами Я.Д. Коблов обобщил в работе «О татаризации инородцев Приволжского края», с которой в качестве докладчика выступил на миссионерском съезде в г. Казани 13–26 июня 1910 г. Как следует из названия работы, татары стали главным предметом исследова-

ния. «Татары-магометане, – отмечал он, – среди инородческих племен Приволжского края занимают господствующее положение. Они превосходят других инородцев численностью, твердостью своих религиозных воззрений, устойчивостью и постоянством обычаев и нравов, сложившихся у них под влиянием магометанской религии. Влияние татар-магометан на соседние инородческие племена – чуваш, черемис и вотяков – вполне понятно и не может вызывать особенного удивления. Здесь сказывается общеизвестный исторический закон, по которому из двух народов или племен тот народ или то племя подчиняет себе своего соседа, которое сильнее и в физическом отношении, а главное по своему культурному, духовному развитию. Этот закон, как нельзя лучше, находит свое воплощение и осуществление в жизни наших инородцев. Татары, как национальность по сравнению с другими инородческими племенами наиболее сильная, подчиняют своему влиянию национальности слабые, мало способные, мало развитые, обезличивают их и объединяют с собой» [16. С. 3].

Одной из самых главных причин татаризации народов Среднего Поволжья и распространения среди них ислама, по мнению Коблова, являлось совместное проживание с татарским населением. Другим немаловажным фактором «отатаривания» народов Среднего Поволжья и распространения среди них ислама является создание сети модельных учреждений и развитие просвещения и образования. Основная задача татарской школы, по его мнению, заключается прежде всего в изучении учения ислама и формировании на ее основе у учащихся религиозного мировоззрения и мирозерцания, «с которым ученик остается на всю жизнь и о котором разбиваются всякие попытки расширить его кругозор или вообще повлиять на него в том или ином отношении. Важно здесь не количество познаний, а та стойкость и убежденность в своих воззрениях, та уверенность в правоте своих верований, доходящая до фанатизма, с которыми выходит магометанин в жизнь и которые у других наций не вырабатываются в питомцах школ даже высшего общеобразовательного типа» [Там же. С. 8].

В своей работе Я.Д. Коблов уделяет большое внимание рассмотрению деятельности мусульманских мулл и проповедников среди крещеных и некрещеных тюркских и финно-угорских народов Среднего Поволжья (чувашей, марийцев, удмуртов и др.). «Муллы в татарской деревне, – отмечал он, – все: совершитель молитвенных обрядов, учитель детей, советник во всех житейских делах и даже судья. Неудивительно, что муллы пользуются в татарских деревнях огромным влиянием. Благодаря этому религиозное настроение магометан, их убежденность и устойчивость в своих взглядах, полученных в школе, не ослабевают, а, наоборот, под умелым руководством мулл – закрепляются в них на всю жизнь и усиливаются. Вот те существенные отличительные черты в жизни и воззрениях татар-магометан, которыми можно объяснить их влия-

ние на инородцев и успех их пропагандистской деятельности» [Там же. С. 9].

Я.Д. Коблов, приводя в своей работе многочисленные примеры пропагандистской деятельности татар, отмечает равнодушие русского населения к приобщению к православной религии приверженцев других религиозных верований, и даже враждебность и неприязнь к ним: «В противоположность татарам русские не стараются сблизиться с инородцами; проявляют к ним, по большей части, прямо-таки враждебное отношение, награждая их при всяком случае не особенно лестными названиями» [Там же. С. 13]. При таком отношении русских к представителям других народов, по мнению Коблова, не может идти речи о сближении и дружбе. Насмешки, ругательства, притеснения вызывали ответную реакцию тюркских и финно-угорских народов, и отнюдь не положительную для гармонизации межэтнических и межконфессиональных отношений. Таким положением дел умело пользуются татары. Они приобщают народы Поволжья к татарскому языку, обычаям и нравам, становятся семейными учителями, обучая мусульманским молитвам, обрядам и татарской грамоте, строят мечети, помогают материально.

В Среднем Поволжье татаризации и исламизации подвергались все народы, но, в отличие от крещеных татар, это проходило не в таких массовых масштабах. «Влияние ислама между язычниками – чувашами и черемисами, – писал Коблов, – начинает прогрессивно обнаруживаться и дает себя чувствовать повсеместно, где они живут совместно с татарами или окружены ими. К разряду окончательно отатарившихся можно отнести чуваш Тетюшского уезда, деревень: Кукшим, Белая Волошка, Утеево-Биково, Сугуты. С большим доброжелательством относятся к татарам и усваивают их обычаи чуваш Чистопольского уезда, например, деревни Татарской Сунчелеевой, живущее совместно с татарами, и деревни Салдакаевой Тюряньского прихода, где были уже примеры отпадения в магометанство. В положении окончательно отатаривающихся, хотя и сохранивших некоторые признаки национальных черт, оказываются чуваш многих сел и деревень Цивильского уезда, например, деревни Тенеевой Гипшинского прихода, где уже построена мечеть, деревни Полевое Байбахтино Кошелеевского прихода, жители которой в 1905 г. подавали прошение об отчислении их в ислам, и деревни Водоял (Суты), Ново-Чурагпевского прихода, где можно наблюдать среди чуваш примеры двоеженства по обычаю татар» [Там же. С. 21].

Не в меньшей степени, если не в большей, чем чуваш, по мнению Коблова, подвержены влиянию татар марийцы Казанской губернии (восточная часть Царевкокшайского уезда, Казанского и Мамадышского уездов, марийцы Бирского и Мензелинского уездов Уфимской губернии и части Малмыжского уезда Вятской губернии).

Я.Д. Коблов дает характеристику религиозного состояния всех тюркских и финно-угорских народов

Среднего Поволжья. По замечанию исследователя, все они испытывали серьезное влияние со стороны татар-мусульман. Однако в самом тяжелом положении находились удмурты, особенно удмурты Мамадышского уезда Казанской губернии. «Эта народность, – писал он, – ослабившая свои физические и духовные силы непомерным употреблением национального напитка “кумыжски”, является наиболее податливой в отношении татарского влияния. Религиозное состояние вотяков Мамадышского уезда, в виду того, что они со всех сторон окружены татарами, крайне печально. Многие из них склонны к исламу, почти все они говорят по-татарски. Вотяки же некоторых приходов окончательно и бесповоротно отатарились. Таковы, например, жители деревень Старая Русь, Важетур Уряс Учинского прихода, некоторые из деревень Нырбинского прихода. Они все более или более утрачивают свои национальные черты – язык, костюм и все обычаи, и даже стыдятся и обижаются, когда их называют вотяками. Во всех отношениях они желают уподобиться татарам, включительно до усвоения магометанской религии» [16. С. 24–25]. Не в лучшем нравственно-религиозном положении, по мнению исследователя, находились и удмурты других губерний.

Фактически из доклада казанского противомусульманского и противоязыческого миссионера Казанской епархии Я.Д. Коблова следует, что мероприятия Российского государства и Русской православной церкви, направленные на русификацию и христианизацию народов Среднего Поволжья, не достигли ожидаемых результатов. Действия русских миссионеров натолкнулись на активное, хорошо организованное и массовое противодействие со стороны татарского народа, подчинившего своему просветительскому и культурному влиянию тюркские и финно-угорские народы Волго-

Камья. Сам Я.Д. Коблов писал по этому поводу: «Как видно из краткого обозрения религиозного и бытового состояния инородцев Приволжского края, пропагандистская деятельность татар-магометан идет вполне успешно и достигает более чем удовлетворительных результатов. Если дело так будет продолжаться и дальше, то грозит опасность полной татаризации если не всех, то значительной части инородцев Приволжского края. И вместо разрозненных мелких народностей в недалеком будущем мы увидим сплоченную фанатичную магометанскую массу. Ведь на таком положении, как приволжские инородцы, находились некогда киргизы и башкиры, а теперь они уже не отделяют себя от татар и действуют с ними совместно и вполне единодушно. В настоящее время в Бирском уезде Уфимской губернии трудно различить татарина, башкирина и черемисина; все они выглядят татарами. На ту ступень, на которой находятся теперь киргизы, башкиры и части черемисы Бирского уезда, могут стать и другие инородцы, что поведет их уже к окончательной татаризации» [Там же. С. 26].

Таким образом, Яков Дмитриевич Коблов своей практической деятельностью и обширным творческим наследием внес значительный вклад в изучение этнографии финно-угорских и тюркских народов Среднего Поволжья. Многие современные исследователи обращаются к трудам ученого, поскольку они иногда являются единственным источником информации о жизни простого народа. В своих трудах он с миссионерских позиций анализировал причины татаризации и исламизации народов Среднего Поволжья и методы борьбы с ним. Как ученому ему удалось собрать значительный этнографический материал о многонациональном народе Казанской губернии, их культуре, быте, религиозных верованиях, системе образования и т.д.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ильминский Н.И. Казанская крещено-татарская школа. Материалы для истории просвещения. Казань, 1887.
2. Малов Е.А. О крещеных татарах (из миссионерского дневника). Казань, 1891.
3. Остроумов Н.П. Первый опыт словаря народно-татарского языка по выговору крещеных татар Казанской губернии. Казань, 1876.
4. Машанов М.А. Заметка о религиозно-нравственном состоянии крещеных татар Казанской губернии Мамадышского уезда. Казань, 1875.
5. Жузе П.К. Мутазилиты. Догматико-историческое исследование в области ислама. Казань, 1899.
6. Коблов Я.Д. Религиозные обряды и обычаи татар-магометан (При наречении имени новорожденному, свадебные обряды и похороны.) Казань, 1908.
7. *Batunsky M.* Russian missionary literature on islam // *Zeitschrift fur Religions und Geistesgeschichte.* 1987. № 38.
8. Бердников И.С. Краткий очерк учебной и ученой деятельности Казанской духовной академии за 50 лет ее существования. 1842–1892 гг. Казань, 1892.
9. Миссионерское отделение при Казанской духовной академии и внутренняя миссия в России // Церковно-общественная жизнь. 1906. № 18.
10. Царевский А.А. 50-летний юбилей Казанской духовной академии. Казань, 1893.
11. Знаменский П.В. История Казанской духовной академии за I дореформенный период его существования. 1842–1870. Казань, 1892. Вып. II.
12. Национальный архив Республики Татарстан (далее – НА РТ). Ф. 10. Оп. 1. Д. 463.
13. НА РТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 827.
14. Чикурова О.В. «Без педагогической подготовки нельзя быть учителем» (Профессор Я.Д. Коблов и создание кафедры педагогики в Дальневосточном университете) // Гасырлар авазы. 2014. № 1–2. С. 251–257.
15. Коблов Я.Д. Граф Л.Н. Толстой и мусульмане (по поводу переписки Л.Н. Толстого с казанскими татарами). Казань, 1904.
16. Коблов Я.Д. О татаризации инородцев Приволжского края // Миссионерский съезд в г. Казани 13–26 июня 1910 года. Казань, 1910.
17. Коблов Я.Д. Религиозные обряды и обычаи татар-магометан (При наречении имени новорожденному, свадебные обряды и похороны). Казань, 1908.
18. Коблов Я.Д. Мечты татар-магометан о национальной общеобразовательной школе. Казань, 1908.
19. Коблов Я.Д. Татарские мусульманские школы (медресе) // Церковно-общественная жизнь. 1906. № 9.
20. Коблов Я.Д. О магометанских муллах. Религиозно-бытовой очерк. Казань, 1907.
21. Коблов Я.Д. Конфессиональные школы казанских татар. Казань, 1916.
22. Коблов Я.Д. Мифология казанских татар. Казань, 1910.

23. Коблов Я.Д. О татарских мусульманских праздниках. Казань, 1907.
 24. Коблов Я.Д. Народные представления магометан о рае и аде. Казань, 1907.

Khabibullin Mars Z. Institute Tatar Encyclopedia and Regional Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (Kazan, Russian Federation). E-mail: kazanmars@rambler.ru

**THE PEOPLES OF THE MIDDLE VOLGA REGION IN THE PERSPECTIVE OF HISTORICAL-RELIGIOUS STUDIES
 YAKOVA DMITRIEVICHA KOBLOVA.**

Keywords: Ya.D. Koblov; Kazan Theological Academy; ethnography; the people of Russia; the missionary department.

In recent decades the study of the history, ethnography, cultural heritage and languages and peoples of Russia takes on important theoretical and practical significance. Increasingly, the attention of scientists, politicians turned to the problems of historical and ethnographic character, to the processes of cultural development of Russia in pre-revolutionary and Soviet periods. In this respect the appeal to the experience of large scientific and educational center of Russia – Kazan Theological Academy is very important and relevant. It is not coincidence, because it is here in the second half of XIX – early XX centuries he conducted research on the history, ethnography, culture and languages of the Finno-Ugric, Turkish and Mongolian peoples of the Volga region, the Urals and Siberia. Teachers an only Russian missionary offices professionally studied the history and teachings of Christianity, Islam, Buddhism, pagan beliefs and peoples. It should be noted that the study of religious systems and languages of non-Russian peoples have acquired here features peculiar to "Kazan school" with its practical missionary orientation. Fulfilling the state order to conduct large-scale missionary policy on the basis of the Russian language and Orthodoxy, teachers and graduates of the Academy has managed to produce only its inherent methods and techniques of research, to create interesting works on the history and Ethnography. Here are put into practice new ideas and formed a galaxy of talented scholars, including N.I. Ilminsky, E.A. Malov, N.P. Ostroumov, M.A. Mashanov, P.K. Jousset, J.D. Koblov, etc. Among the graduates of the missionary anti-Islam Department outstanding theologian, social activist, teacher – J.D. Koblov (1876-?). In 1900–1908. J.D. Koblov worked as a kazan anti-Islam and anti-Paganism missionary of the Kazan diocese, in 1908–1914 as an inspector of national schools of Kazan county of Kazan province, 1914 – the Kiev educational district, 1920–1924 – Professor of the far Eastern State University. J.D. Koblov managed to create an interesting ethnographic work about the peoples of the Middle Volga region, which are of great interest to modern researchers. During numerous visits to the villages of the Kazan province, he was able to gather a wealth of ethnographic material on multinational people of Kazan province, their culture, way of life, religious beliefs, education system and educational institutions. In his works he pays considerable attention to the study of the activities of the Muslim clergy, confessional schools of Tatars, their mythology, tatar muslim holidays, religious law and customs, etc. As a scientist he was able to gather a wealth of ethnographic material on multinational people of Kazan province, their culture, way of life, religious beliefs and the education system, etc.

REFERENCES

- Ilminsky, N.I. (1887) *Kazanskaya kreshcheno-tatarskaya shkola* [The Kazan baptized Tatar school]. Kazan: V.M. Klyuchnikov.
- Malov, E.A. (1891) *O kreshchenykh tatarakh (iz missionerskogo dnevnika)* [About baptized Tatars (from the missioner's diary)]. Kazan' Typography of the Imperial University.
- Ostroumov, N.P. (1876) *Pervyy opyt slovary narodno-tatarskogo yazyka po vygovoru kreshchenykh tatar Kazanskoy gubernii* [The first experience of the People's Dictionary of the Tatar language based on the dialect of the baptized Tatars of Kazan province]. Kazan.
- Mashanov, M.A. (1875) *Zametka o religiozno-nravstvennom sostoyanii kreshchenykh tatar Kazanskoy gubernii Mamadyshskogo uезда* [A note on the religious and moral state of the baptized Tatars of Mamadyshsky County, Kazan province]. *Izvestiya po Kazanskoy eparkhii*. 1st January. Kazan.
- Zhuze, P.K. (1899) *Mytazilya. Dogmatiko-istoricheskoe issledovanie v oblasti islama* [The Mutazilia. Dogmatists and historical research of Islam]. Kazan: V.M. Klyuchnikov.
- Koblov, Ya.D. (1908) *Religioznye obryady i obychai tatar-magometan. (Pri narechenii imeni novorozhdennomu, svadebnye obryady i pokhorony)* [Religious rites and customs of the Tatars-Moslems. (Naming the newborn, wedding ceremonies and funerals)]. Kazan.
- Batunsky, M. (1987) Russian missionary literature on islam [Russian missionary literature on Islam]. *Zeitschrift fur Religions und Geistesgeschichte*. 38.
- Berdnikov, I.S. *Kratkiy ocherk uchebnoy i uchenoy deyatel'nosti Kazanskoy dukhovnoy akademii za 50 let ee sushchestvovaniya. 1842–1892 gg.* [A brief sketch of the educational and scientific activities of the Kazan Theological Academy for 50 years. 1842–1892] Kazan.
- Anon. (1906) *Missionerskoe otdelenie pri Kazanskoy dukhovnoy akademii i vnutrennyaya missiya v Rossii* [The Missionary Department of the Kazan Theological Academy and the internal mission in Russia]. *Tserkovno-obshchestvennaya zhizn'*. 18.
- Tsarevsky, A.A. (1893) *50-letniy yubiley Kazanskoy dukhovnoy akademii* [The 50th anniversary of the Kazan Theological Academy]. Kazan, 1893.
- Znamensky, P.V. (1892) *Istoriya Kazanskoy dukhovnoy akademii za I doreformenny period ego sushchestvovaniya. 1842–1870* [The history of the Kazan Theological Academy in the 1st pre-reform period. 1842–1870]. Kazan: Imperial University.
- The National Archives of the Republic of Tatarstan (NA RT). Fund 10. List 1. File 463.
- The National Archives of the Republic of Tatarstan (NA RT). Fund 10. List 1. File 827.
- Chikurova, O.V. (2014) "Bez pedagogicheskoy podgotovki nel'zya byt' uchitelem" (Professor Ya.D.Koblov i sozdanie kafedry pedagogiki v Dal'nevostochnom universitete ["It is impossible to be a teacher without teacher training" (Professor Ya.D.Koblov and formation of the Department of Pedagogy in the Far Eastern University)]. *Gasyrlar avazy*. 1-2. pp. 251-257.
- Koblov, Ya.D. (1904) *Graf L.N.Tolstoy i musul'mane (po povodu perepiski L.N.Tolstogo s kazanskimi tatarami)* [Count Leo Tolstoy and the Muslims (about Leo Tolstoy's correspondence with the Kazan Tatars)]. Kazan: Imperial University.
- Koblov, Ya.D. (1910) [About tatarization of foreigners in Volga Region]. *Missionerskiy s'ezd v g. Kazani* [Missionary Congress in Kazan]. Kazan. 13th to 26th June 1910. Kazan. (In Russian).
- Koblov, Ya.D. (1908) *Religioznye obryady i obychai tatar-magometan. (Pri narechenii imeni novorozhdennomu, svadebnye obryady i pokhorony)* [Religious rites and customs of the Tatars-Moslems. (Naming the newborn, wedding ceremonies and funerals)]. Kazan.
- Koblov, Ya.D. (1908) *Mechty tatar-magometan o natsional'noy obshcheobrazovatel'noy shkole* [Dreams of Tatars Mohammedans about the national secondary school]. Kazan.
- Koblov, Ya.D. (1906) *Tatarskie musul'manskije shkoly (medrese)* [Tatar Muslim schools (madrassas)]. *Tserkovno-obshchestvennaya zhizn'*. 9.
- Koblov, Ya.D. (1907) *O magometanskikh mullakh. Religiozno-bytovoy ocherk* [About Mohammedan mullahs. A religious and household survey]. Kazan: Iman.
- Koblov, Ya.D. (1916) *Konfessional'nye shkoly kazanskikh tatar* [The confessional schools of the Kazan Tatars]. Kazan: Central Typography.
- Koblov, Ya.D. (1910) *Mifologiya kazanskikh tatar* [Mythology of the Kazan Tatars]. Kazan: Imperial University.
- Koblov, Ya.D. (1907) *O tatarskikh musul'manskikh prazdnikakh* [About the Tatar Muslim holidays]. Kazan', 1907.
- Koblov, Ya.D. (1907) *Narodnye predstavleniya magometan o rae i ade* [The Mohammedans understanding of heaven and hell]. Kazan.

УДК 94 (470) : 930
DOI 10.17223/19988613/36/19

О.В. Ратушняк

ИЗУЧЕНИЕ КАЗАЧЬЕГО ЗАРУБЕЖЬЯ В РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Анализируется процесс изучения казачьего зарубежья в российской историографии. Исследуются основные темы, получившие свое развитие в трудах российских историков: численность и география, общественно-политическая и культурная жизнь, участие во Второй мировой войне казаков-эмигрантов. Объектом исследования выступили работы, посвященные непосредственно казачьей эмиграции. Выделены научные проблемы, которые не получили еще достаточного внимания со стороны исследователей, в первую очередь история казачьего зарубежья после окончания Второй мировой войны.

Ключевые слова: российская историография; казачество; казачья эмиграция; казаки-эмигранты.

Казачья эмиграция, являясь составной частью российского зарубежья, некоторое время оставалась вне поля зрения российских исследователей. Однако в начале 1990-х гг. в силу ряда факторов ситуация начинает меняться и казачья проблематика постепенно становится одной из востребованных в российской исторической науке. Это связано не только с тем, что расширяется и углубляется общее поле исследования российского зарубежья, открывается доступ к значительному количеству источников. В немалой степени обращение историков к проблемам казачьей эмиграции связано с ростом внимания к казачеству вообще, обусловленное развитием казачьего движения в постсоветской России и в первую очередь в традиционных казачьих регионах (Ростовской области, Краснодарском крае и т.д.).

В 1990-х гг. казачья эмиграция начинает активно изучаться в качестве самостоятельного феномена российской эмиграции, а в российской историографии формируется целое направление, предметом которого становится изучение казачьего зарубежья.

Целью настоящего исследования является анализ изучения казачьего зарубежья в российской исторической науке. Сделана попытка отразить максимальный круг направлений и тем, затронутых в рамках данной проблематики. Автор стремился показать не столько разнообразие точек зрения на те или иные проблемы, сколько разнообразие самих проблем, поднятых российскими исследователями. Это определило структуру статьи и выбор анализируемой литературы. Предпочтение отдавалось работам, посвященным конкретной проблеме (даже если материал излагался в них в форме тезисов). Данный подход и поставленные задачи определили и то, что в качестве объекта анализа выступили работы, посвященные непосредственно казачьей эмиграции, в то время как исследования, направленные на изучение в целом различных аспектов российского зарубежья, остались в стороне.

Одной из первых поднятых российскими исследователями казачьего зарубежья проблем стало выяснение численности казаков за границей и анализ их географического размещения. Как верно заметила В.Д. Зимина, расселение и численность казачьей диас-

поры – «это отправная точка исследования казачьей эмиграции» [1. С. 71]. Несмотря на важность этой проблемы, единого мнения о численности зарубежного казачества у исследователей нет. В частности, Ю.К. Кириенко называет общую цифру казаков, ушедших за рубеж в ходе Гражданской войны в России, – более 80 тыс. человек [2. С. 165]. По мнению И.А. Мартышко, «около 200 000 казаков были вынуждены уйти за границу» [3. С. 66]. Исследуя численность казачества юго-востока европейской части России за рубежом, О.В. Ратушняк уточняет, что только донцов, кубанцев и терцев оказалось в эмиграции более 55 тыс. человек [4. С. 72]. А.Л. Худобородов считает, что «утверждения о 70–80 тыс. казаков в эмиграции не подтверждаются ссылками на источники и документы», и поэтому присоединяется к исследователям, которые говорят о 40 тыс. казаков-эмигрантов [5. С. 11].

Определяя численный состав казачьего зарубежья, важно учитывать процесс реэмиграции казаков-эмигрантов, который, несомненно, внес определенные и довольно значительные коррективы в изменение их численности. Первым поднял проблему репатриации казачества Я.А. Перехов, исследование которого охватывало только первые 5 лет эмиграции и основывалось преимущественно на советских источниках [6]. Однако его данные в значительной степени совпадают с данными О.В. Ратушняка, полученными путем анализа преимущественно зарубежных источников. Так, по расчетам О.В. Ратушняка, только в первый год эмиграции около 15 тыс. казаков из Европы вернулись в Россию [4. С. 72]. К 1929 г. за границей осталось немногим более 25 тыс. донцов, кубанцев и терцев [Там же. С. 84]. И это без учета значительного количества казаков, ушедших в Китай. В целом, следует признать, что в результате репатриации (и частично смерти) за рубежом осталось менее половины казаков-эмигрантов от числа ушедших в эмиграцию.

В вопросе о расселении казаков-эмигрантов историки единодушно указывают среди государств, принявших основную массу казачества: Болгарию, Китай, Францию, Чехословакию и Королевство сербов, хорватов, словенцев (КСХС). При этом подавляющее большинство казаков юго-востока европейской части

России эмигрировали на запад, а главным перевалочным пунктом была Турция. В Болгарии расположились преимущественно донцы, а в КСХС/Югославии – кубанцы. Помимо упомянутых государств, часть казаков размещалась в Польше и Германии. Транзитными странами, кроме Турции, выступили Греция, Грузия, Румыния и Финляндия. Казаки Оренбурга, Семиречья, Урала, сибирских и дальневосточных казачьих войск уходили в основной массе в Китай [7, 8]. При анализе распределения казаков-эмигрантов по странам историки обращают внимание и на географию размещения казачьих организаций и объединений за рубежом [9].

Подавляющее большинство исследований по истории казачьей эмиграции, вышедших в 1990-х гг., базируется на материалах, опубликованных в эмигрантской печати (основной источник – казачья пресса). Это связано с тем, что данного рода источники стали раньше доступнее исследователям, чем архивные материалы. В 1990-е гг. шел преимущественно процесс выявления документальных источников по истории зарубежного казачества, их научная обработка и осмысление. Скорее всего, это и имела в виду В.Д. Зиминая, говоря о специфике источниковой базы по истории казачьего зарубежья и отмечая, что «весь ее комплекс пока труднодоступен для отечественных историков, за исключением, пожалуй, эмигрантской казачьей прессы 20–30-х гг., довольно широко представленной в фондах центральных архивов и библиотек» [1. С. 70]. Поэтому, анализируя источниковую базу, первоначальное внимание историков было сосредоточено именно на эмигрантской периодике [10]. По мере ввода в научный оборот все более широкого круга источников (архивные материалы, мемуары, пресса) они становятся предметом специального исследования историков [11]. Е.Ф. Кринко проанализировал комплекс документов, которые дают информацию об участии казаков-эмигрантов во Второй мировой войне [12]. Внимание исследователей было также обращено на возможности местных архивов в раскрытии проблем, связанных с изучением казачьей эмиграции [13].

Интересные возможности по исследованию казачьего зарубежья предоставляют и зарубежные фонды. Например, Е.И. Белова и Е.Е. Седова провели детальный анализ материалов Объединенной казачьей станицы в Бельгии, хранящихся в Королевском музее армии и военной истории в Брюсселе [14]. Громадный круг источников по истории казачьей эмиграции заставляет исследователей обращаться и к методологическим проблемам их использования. Так, Е.Б. Богдан акцентировала внимание на необходимости сравнительного анализа источников различного происхождения для получения более полного и точного ответа на дискуссионные вопросы в рамках изучения казачьего зарубежья [15. С. 270].

Среди проблем, привлечших внимание историков, отметим проблему развития общественно-политической мысли казачьей части российского

зарубежья в условиях эмиграции. Одним из первых к этой теме обратился А.Ю. Стрельников [16]. Обобщающим трудом по данной проблеме можно признать исследование О.В. Ратушняка и А.Л. Худобородова [17].

Ю.К. Кириенко предпринял попытку исследовать трактовку зарубежным казачеством понятия «казачество – народ» [18], а также проанализировал споры среди казаков-эмигрантов о дальнейшей судьбе казачества [19]. Им было, в частности, отмечено, что в казачьей среде в определенной степени наблюдались те же процессы и тенденции, которые были характерны для всего российского зарубежья в целом. Например, факт разложения и раскола, существовавших до эмиграции политических партий, движений и групп, замена их новыми идейными течениями и организациями [Там же. С. 8].

Проблема будущего казачества и казачьих краев и областей лежала в основе большинства общественно-политических споров и идейных разногласий в среде казачьей эмиграции. С ней, в той или иной степени, были связаны все остальные политические проблемы, включая проблему происхождения казачества. Так, В.Д. Зиминой был рассмотрен еще один из аспектов политических исканий казачьего зарубежья. А именно – взгляды различных групп казаков-эмигрантов на будущее существование России [20]. С этим вопросом естественно был связан и вопрос о будущем казачьих краев и областей. О.В. Ратушняк проанализировал взаимоотношения одного из ведущих общественно-политических органов казачьего зарубежья Объединенного совета Дона, Кубани и Терека с великим князем Николаем Николаевичем [21]. Он же выделил основные общественно-политические группы, сложившиеся в кубанской диаспоре [22. С. 162–164].

Я.А. Перехов показал проникновение сменовеховских идей в казачью эмиграцию. Интересно его наблюдение, что сменовеховская идея «на уровне бессознательного патриотизма и тоски по Родине... в первую очередь захватила рядовых казаков, а затем и казачью интеллигенцию» [23. С. 75]. Предметом научного анализа стали идеология и деятельность вольно-казачьего движения за рубежом, игравшего значительную роль в общественно-политической жизни казачьего зарубежья [24].

Г.И. Малышенко исследовал идейно-политические взгляды республиканско-демократической части эмигрантского казачества [25], а также казаков-самостийников [26]. Им же был сделан комплексный анализ общественно-политической жизни казачества в Китае [27].

Анализируя общественно-политическую жизнь российской эмиграции в Китае, О.И. Сергеев особое внимание обратил на проникновение в казачью среду фашистских идей [28]. Объектом научных изысканий становились и отдельные организации зарубежного казачества, такие как Общеказачий сельскохозяйственный союз [29], Казачий союз в Париже [30], Ка-

зачий союз в Шанхае [31], Комитет освобождения Кубани [32].

В меньшей степени, чем общественно-политическая жизнь казаков-эмигрантов, получила развитие проблема их социально-экономической адаптации к жизни за рубежом. Наиболее полно она была затронута в специальном исследовании О.В. Ратушняка [33]. Е.Н. Комиссарова особый акцент сделала на кризисе в процессе социальной адаптации казаков-эмигрантов [34]. Предметом исследования Е.Ф. Кринко стал процесс социализации представителей кубанского казачества за рубежом [35]. Особую роль в адаптации казаков-эмигрантов сыграло присущее казачеству стремление к самоуправлению [36]. Немаловажным было и значение церкви, а также конфессиональная принадлежность казачества к православию. Это облегчало процесс адаптации в странах с близкой казачьям православной культурой: Болгарии, Греции, Югославии [37]. Процесс адаптации зависел в значительной степени от возраста эмигрантов. И в этом плане интерес представляют исследования В.А. Гурковского [38] и О.В. Ратушняка [39], предметом которых стала судьба донских кадетов за рубежом.

Немаловажное значение для осмысления проблем, связанных с историей казачьего зарубежья, имеет изучение их жизни в конкретных странах. С.В. Телепень проанализировал формирование белоказачьих частей на территории Польши [40]. Интересен и его замысел: связать историю кубанских казаков с историей Польши до и после революции 1917 г. [41]. Изучение казачьей эмиграции в Польше продолжил О.В. Ратушняк [42]. Предметом исследований становятся жизнь и деятельность казаков-эмигрантов и в других странах: Англии [43], Болгарии [44], Китае [45], Румынии, Финляндии, Германии [46]. Несмотря на то что в Италии казаки были сравнительно недолго, тема пребывания их в данном государстве была затронута в статьях Г.А. Баутдинова [47], М.Г. Талалай [48] и М.В. Шкаровского [49]. Конечно, историки не могли обойти внимание и жизнь казаков в Чехословакии – стране, сыгравшей значительную роль в сохранении культуры казачьего зарубежья. Положению казаков в Чехословакии посвятили свои работы О.В. Ратушняк [50] и Е.Б. Парфенова [51]. Как и в случае с российской эмиграцией, географические границы исследований по истории казачества распространяются и на отдельные регионы – Европа [52] и Дальний Восток [27]. Порой, напротив, географические рамки научной проблемы сужаются до отдельного района (Чаталджинский район в Турции) и острова (Лемнос в Греции) [53]. Исследования российских историков, посвященные пребыванию казаков в той или иной стране, публикуются и за рубежом, например в Белоруссии [54], Болгарии [55], Грузии [56].

Основное внимание исследователей приковано к межвоенному периоду пребывания казаков в эмиграции. Но есть и исключения. Первый год существования

казаков за рубежом был одним из самых сложных с точки зрения адаптации их к жизни в эмиграции и выбора своего дальнейшего пути [57]. Неслучайно этот период становится предметом специального исследования О.В. Ратушняка [58]. Научный интерес представляет и анализ жизни военнопленных и интернированных казаков, часть из которых приняли впоследствии решение остаться за границей [59].

Появляются первые работы о казаках-эмигрантах, посвященные непосредственно периоду Второй мировой войны. Это статья К.М. Александрова [60] и монография П.Н. Крикунова [61]. Данный период в плане изучения казачьей эмиграции интересен, в том числе, и тем, что в ходе Второй мировой войны произошел очередной выход населения казачьих краев и областей за границу. Естественно, что в эмиграции впоследствии пытались остаться те казаки, которые сражались на стороне Германии [62]. Особый интерес представляет сам процесс зарождения и развития сотрудничества казаков (как старых эмигрантов, так и новых) с Третьим Рейхом [63]. В процессе ухода казаков из своих краев и областей на запад вместе с германскими войсками по распоряжению германских властей было создано казачье объединение – Казачий Стан, объединивший со временем не только казаков, покинувших СССР в годы Второй мировой войны, но и казаков-эмигрантов более раннего периода [64]. К.М. Александров показал процесс образования Казачьего Стана [65], а также его деятельность и взаимоотношения с Главным управлением казачьих войск в 1944 г. [66] М.В. Шкаровский особое внимание уделил организации церковной жизни данного казачьего объединения [49], а О.В. Ратушняк – его деятельности на территории Белоруссии [54].

Анализируя участие казачества во Второй мировой войне, некоторые историки рассматривали его в контексте проблемы коллаборационизма. В этом плане можно привести работы С.И. Дробязко [67], О.В. Ратушняка [68] и А.П. Скорика [69].

Особый интерес представляет исследование Е.Ф. Кринко, который на примере кубанцев рассмотрел участие в Великой Отечественной войне не только казаков, сотрудничавших с Третьим Рейхом, но и воевавших на стороне СССР [70].

Учитывая, что полотно истории соткано из разного рода фактов, событий и явлений, историки зачастую обращаются к изучению и осмыслению какого-либо одного события. В частности, В.И. Черный предпринял попытку осмыслить причины, приведшие к выдаче англичанами казаков, сражавшихся на стороне Германии, советским властям в мае – июне 1945 г. в районе Лиенца [71].

В ряде работ исследователи акцентировали особое внимание на пребывании в эмиграции представителей конкретного казачьего войска: донцов [72], кубанцев [73], терцев [74], астраханских [75], амурских [76] и оренбургских казаков (А.В. Апрельков и Л.А. Попов [77], А.В. Ганин [78]). Большинство работ охватывает

период с начала эмиграции до начала или окончания Второй мировой войны. На этом фоне выгодно предстает исследование С.Н. Якаева, в котором была предпринята попытка осветить некоторые основные стороны социально-политической и культурной жизни кубанцев за весь период их пребывания в эмиграции [79].

Не осталась без внимания исследователей проблема культуры казачьего зарубежья [80]. При этом, не оспаривая тот факт, что казачья эмиграция является составной частью российского зарубежья, исследователи обращают свое внимание на особенности культуры казаков-эмигрантов [81].

Одним из ярких явлений культурной жизни казачьего зарубежья были знаменитые казачьи хоры. И в этом плане интерес представляет исследование К.Н. Хохульникова, посвященное кубанским казачьим хорам [82]. Была сделана попытка рассмотреть актуальную и в настоящее время идею самосознания казачества на примере литературы кубанской эмиграции [83]. Исследователями отмечена роль, которую играла церковь в жизни казаков-эмигрантов [84]. В условиях эмиграции большое значение играло стремление эмигрантов к сохранению своей национальной и культурной идентичности. Каким образом казачество стремилось к этому, стало предметом исследования Л.П. Муромцевой [85]. Важную роль в сохранении казачьего самосознания и идентичности играли казачьи регалии – знамена, грамоты и другие пожалования российских императоров за службу казачеству. О судьбе

регалий Кубанского казачьего войска повествуется в работе С.Н. Якаева [86].

Особое направление в российской историографии образуют исследования, посвященные деятелям эмиграции, сыгравшим значительную роль в общественно-политической или культурной жизни казачьего зарубежья. Среди подобного рода исследований упомянем работы А.В. Дюкарева [87], Н.А. Корсаковой [88] и Б.Ф. Мартынова [89].

Анализ российской историографии в плане изучения казачьего зарубежья показал, что в целом в большей или меньшей степени многие проблемы нашли свое отражение в работах российских исследователей. Хотя при этом еще остается значительное поле слабоизученных аспектов данной темы. Подавляющее большинство исследований велось в хронологических рамках периода, охваченного 1920–1945 гг. История казачьего зарубежья послевоенного периода до сих пор остается белым пятном в российской исторической науке и требует своего внимания. Период после 1945 г. интересен и тем, что казаки, оставшиеся за рубежом, фактически оставили надежду на возвращение в родные края. Более того, их пугала сама перспектива такого возвращения. Они стали более активно встраиваться в социально-политическую и социально-экономическую жизнь принимающих государств, приняв их гражданство. Таким образом, послевоенная история казачьего зарубежья в значительной степени уже не только часть истории Русского мира, но и часть истории зарубежных стран.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зими́на В.Д. Эмигрантская казачья пресса 20–30-х гг. как исторический источник // Преподавание и изучение историографии и источниковедения отечественной истории: проблемы, опыт, поиски, решения. Тверь, 1992. С. 70–80.
2. Кириенко Ю.К. Казачье зарубежье (страны рассеяния, численность, организация) // Казачество в истории России : тез. докл. Междунар. науч. конф. Краснодар, 1993. С. 164–167.
3. Мартышко И.А. Казачья эмиграция после 1917 г. (волны и география переселения) // Казачий Петербург : сб. ст. СПб., 1995. С. 65–67.
4. Ратушняк О.В. Казачество в эмиграции (1920–1945 гг.). Краснодар, 2013. 245 с.
5. Худобородов А.Л. Вдали от родины: российские казаки в эмиграции. Челябинск, 1996. 112 с.
6. Перехов Я.А. О реэмиграции казачества (1921–1925 гг.) // Известия Северо-Кавказского научного центра высшей школы. Общественные науки. 1983. № 2. С. 67–72.
7. Пеньковский Д.Д. Казачество: исход и возрождение (1920–2011 гг.). М. : Национальный институт бизнеса, 2011. 556 с.
8. Ратушняк О.В., Худобородов А.Л. Расселение и организация казачества за рубежом // Очерки традиционной культуры казачеств России. Краснодар, 2005. С. 550–559.
9. Ратушняк О.В. К вопросу о географическом размещении казаков и казачьих объединений в эмиграции в 1920–1930-е годы // Историко-географический сборник. Краснодар, 2007. Вып. 1. С. 298–301.
10. Ратушняк О.В. История кубанских казаков в эмигрантской казачьей периодике // Из дореволюционного прошлого кубанского казачества : сб. науч. тр. Краснодар, 1993. С. 172–180.
11. Ратушняк О.В. Источники по истории кубанского казачьего зарубежья // Казачество России: история и современность : тез. Междунар. науч. конф. г. Геленджик (окт. 2002 г.). Краснодар, 2002. С. 124–126.
12. Кри́нко Е.Ф. Участие казачества в Великой Отечественной войне: основные источники и их информационные возможности // Источниковедческие проблемы в исследованиях по истории казачества XX века. Волгоград, 2013. С. 85–87.
13. Ратушняк О.В. Источники по истории и культуре казачьего зарубежья в Государственном архиве Краснодарского края // Источниковедческие проблемы в исследованиях по истории казачества XX века. Волгоград : Изд-во Волгоград. филиала ФГБОУ ВПО РАНХиГС, 2013. С. 147–151.
14. Белова Е.И., Седова Е.Е. Документы «Объединенной казачьей станицы в Бельгии» в Королевском музее армии и военной истории в Брюсселе // Отечественные архивы. 2009. № 6. С. 75–82.
15. Богдан Е.Б. Казачество в эмиграции: вопросы сравнительного анализа источников // Источниковедение и компаративный метод в гуманитарном знании. М. : РГГУ, 1996. С. 268–270.
16. Стрельников А.Ю. Политические течения в казачьей эмиграции в 1930-е годы. М. : МГУ, 1995. 23 с. Рукопись деп. в ИНИОН РАН.
17. Ратушняк О.В., Худобородов А.Л. Общественно-политические искания казачьего зарубежья // Очерки традиционной культуры казачеств России / под общ. ред. Н.И. Бондаря. Краснодар, 2005. С. 559–569.
18. Кириенко Ю.К. Трактовка понятия казачество – народ в зарубежье // Возрождение казачества (история, современность, перспективы) : сб. науч. ст. Ростов н/Д, 1995. С. 77–78.
19. Кириенко Ю.К. Казачество в эмиграции: споры о его судьбах (1921–1945 гг.) // Вопросы истории. 1996. № 10. С. 3–18.

20. Зими́на В.Д. Казачья эмиграция 20-х–30-х гг. XX столетия о путях развития России // Возрождение казачества (история, современность, перспективы) : сб. науч. ст. Ростов н/Д, 1995. С. 76–77.
21. Ратушняк О.В. К вопросу о взаимоотношениях Объединенного совета Дона, Кубани и Терека с великим князем Николаем Николаевичем // Кубанское казачество: три века исторического пути : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (ст. Полтавская Краснодарского края, 23–27 сентября 1996 г.). Краснодар, 1996. С. 197–200.
22. Ратушняк О.В. К вопросу о политических исканиях кубанской казачьей диаспоры за рубежом // Казачество в истории России : тезисы док. Междунар. науч. конф. (к 200-летию Екатеринодара-Краснодара и 43 кубанских станиц). Краснодар, 1993. С. 160–164.
23. Перехов Я.А. Сменовеховство и казачья эмиграция // Возрождение казачества (история, современность, перспективы) : сб. науч. ст. Ростов н/Д, 1995. С. 74–76.
24. Ратушняк О.В. Вольно-казачье движение за рубежом (1920–1930-е гг.) // Клио. Журнал для ученых. СПб., 1999. № 2 (8). С. 212–217.
25. Мальчи́енко Г.И. Идеино-политические взгляды казачьей республиканско-демократической эмиграции 1920–1990 гг. // Гуманитарные знания. Сер. Преемственность: Исторические исследования. Омск, 1998. № 2. С. 209–212.
26. Мальчи́енко Г.И. Политическая программа и тактические установки самостоятельной казачьей эмиграции, 1920–1930 гг. // Ежегодник Омского государственного педагогического университета. 1998. № 2. С. 202–207.
27. Мальчи́енко Г.И. Общественно-политическая жизнь российского казачества в Дальневосточной эмиграции (1920–1945 гг.). Омск, 2006. 436 с.
28. Сергеев О.И. Из истории политической жизни Российской эмиграции в Китае: фашизм и казачество // Вопросы истории гражданской войны и интервенции на Дальнем Востоке : сб. ст. Владивосток, 1994. С. 49–58.
29. Ратушняк О.В. Общеказачий сельскохозяйственный союз: образование, цели и задачи, деятельность (1921–1923 гг.) // Проблемы историографии и истории Кубани : сб. науч. тр. Краснодар, 1994. С. 188–198.
30. Гаврилов А.Н. Казачий союз – самая массовая общественно-политическая организация казачьей эмиграции // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2013. № 1. С. 39–44.
31. Фо́мин В.Н., Фо́мин К.В. История Казачьего союза в Шанхае // Проблемы социально-политического развития Российского общества. Воронеж, 1998. Вып. 3. С. 97–102.
32. Ратушняк О.В. Образование и деятельность Комитета освобождения Кубани в Грузии // Возрождение казачества (история, современность, перспективы) : тезисы докладов, сообщений, выступлений на V Междунар. (Всероссийской) науч. конф. Ростов н/Д : Изд-во НМЦ «Логос», 1995. С. 72–73.
33. Ратушняк О.В. Адаптация казаков-эмигрантов к жизни в зарубежье (1920–1960-е гг.) // Историческая и социально-образовательная мысль. 2014. № 6-2. С. 156–158.
34. Комиссарова Е.Н. Кризис социальной адаптации казачества за рубежом // Нансеновские чтения 2007. СПб. : Сударья, 2008. С. 315–326.
35. Кринко Е.Ф. Кубанская казачья эмиграция: процесс социализации (1920–1940 гг.) // Кубанское казачество: три века исторического пути. Краснодар, 1996. С. 122–124.
36. Ратушняк О.В. Об опыте казачьего самоуправления за рубежом // Становление казачьего самоуправления : докл. и тез. науч.-практ. конф. (26–27 февраля 1998 г.). Ростов н/Д, 1998. С. 109–111.
37. Ратушняк О.В. Казачье зарубежье и церковь // Культурная жизнь юга России. 2014. № 4. С. 67–69.
38. Гурковский В.А. Пребывание Донского императора Александра III кадетского корпуса в Египте // Военно-исторический журнал. 2010. № 6. С. 59–63.
39. Ратушняк О.В. К вопросу о судьбе донских кадетов за рубежом // Историко-культурное наследие и современность : материалы республиканской науч.-практ. конф. (г. Ейск, 20–24 июня 1995 г.). Краснодар, 1995. С. 74–77.
40. Телепень С.В. Кубанские и другие белоказачьи формирования в Польше (1920–1922 гг.) // Историко-культурное наследие и современность : материалы республикан. науч.-практ. конф. Краснодар, 1995. С. 90–92.
41. Телепень С.В. Кубанские казаки в Польше в середине 1910 – начале 1920-х годов // Вопросы северокавказской истории. Армавир, 1996. Вып. 1. С. 79–84.
42. Ратушняк О.В. Казаки-эмигранты в Польше в первой половине 1920-х гг. // Мир славян Северного Кавказа. Краснодар, 2013. Вып. 7. С. 211–218.
43. Ратушняк О.В. Казаки в Англии в 1920-е – 1970-е гг. // Теория и практика общественного развития. 2015. № 3. С. 97–99.
44. Ратушняк О.В. Казаки-эмигранты в Болгарии (1920 – 1930-е гг.) // «Да кто душу положит за други своя...» (К 130-летию участия Русского дворянства в освобождении православного населения Балкан от османского ига) : материалы II Междунар. Дворянских чтений (Краснодар, 2006). Краснодар, 2006. С. 67–74.
45. Сергеев О.И. Жизнь казачества в условиях зарубежья (Китай): опыт сохранения традиций // Казачество Дальнего Востока России во второй половине XIX – XX вв. : сб. науч. ст. Хабаровск, 2006. С. 150–160.
46. Ратушняк О.В. Казаки в Румынии, Финляндии и Германии // Российское казачество: проблемы истории и современность : материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Тимашевск, 2006). Краснодар, 2006. С. 203–206.
47. Баутдинов Г. Казаки в Италии // Новое время. 1992. № 45. С. 28–31.
48. Талалай М.Г. «Казачья земля» в Италии // Наука, культура и политика русской эмиграции : сб. ст. и материалы всерос. науч. конф. СПб., 24–26 июня 2002. СПб., 2004. С. 53–57.
49. Шкаровский М.В. Казачий стан в Северной Италии и его церковная жизнь // Русские в Италии: Культурное наследие эмиграции : междунар. науч. конф. / сост., науч. ред. М.Г. Талалай. М. : Русский путь, 2006. С. 190–208.
50. Ратушняк О.В. Казаки в Чехословакии (ЧСР) // Творческое наследие Ф.А. Щербини и современность. Краснодар, 1999. С. 97–99.
51. Парфенова Е.Б. Казачья эмиграция в Чехословакии // Русская эмиграция в Чехословакии : сб. науч. тр. СПб., 1997. С. 27–32.
52. Ратушняк О.В. Казаки-эмигранты в Европе (1920-е гг.) // Из истории стран Запада в новейшее время : сб. науч. тр. Краснодар, 1999. С. 6–20.
53. Ратушняк О.В. Казаки в Чаталджинских лагерях и на Лемносе // Кубанский сборник : сб. науч. ст. по истории края / под ред. О.В. Матвеева. Краснодар. 2006. Т. 1 (22). С. 195–209.
54. Ратушняк О.В. Казачий стан в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны // Победа – одна на всех : материалы междунар. науч.-практ. конф. Витебск : ВГУ им. П.М. Машерова, 2014. С. 183–186.
55. Ratushnyak O.V. Cossack emigrants in Bulgaria (1920–1930) // Anthropology, archaeology, history and philosophy. Conference proceedings. Sofia. 2014. P. 467–472.
56. Ратушняк О.В. Казаки-эмигранты (в Грузии): к вопросу взаимоотношений // Civilization researches. Georgia : Tbilisi, 2013. № 11. P. 115–122.
57. Ратушняк О.В. Южнороссийское казачество в первый год своей эмиграции // Проблемы истории казачества : сб. науч. тр. Волгоград : Изд-во Волгоград. гос. ун-та, 1995. С. 132–149.
58. Ратушняк О.В. Казачество Юго-Востока Европейской части России в первый год своей эмиграции (1920–1921 гг.) // Историческая и социально-образовательная мысль. 2013. № 1 (17). С. 31–39.
59. Ратушняк О.В. Военнопленные и интернированные казаки в Германии после Первой мировой и Советско-польской войн // Первая мировая война: Великая и неизвестная : материалы междунар. науч.-просвет. конф. Краснодар : Традиция, 2014. С. 195–198.
60. Александров К.М. Казачество России в 1941–1943 гг.: неизвестные страницы истории // Новый Часовой. 1995. № 3. С. 76–96.
61. Крикунов П. Казаки между Гитлером и Сталиным. М., 2005. 607 с.

62. Ратушняк О.В. Участие казачества во Второй мировой войне на стороне Германии // Теория и практика общественного развития. 2013. № 3. С. 125–129.
63. Ратушняк О.В. Третий Рейх и казачество: к вопросу о взаимоотношениях в годы Второй мировой войны // Былые годы. Российский исторический журнал. Сочи, 2013. № 3. С. 101–106.
64. Ратушняк О.В. Казачий стан: от создания до выдачи // Коренной перелом в Великой Отечественной войне: к 70-летию освобождения Дона и Северного Кавказа. Ростов н/Д, 2013. С. 135–140.
65. Александров К.М. Казачество России во Второй мировой войне: к истории создания Казачьего Стана (1942–1943 гг.) // Новый Часовой. Русский военно-исторический журнал. 1997. № 5. С. 163–177.
66. Александров К.М. Казачий Стан и Главное управление Казачьих Войск в 1944 г. // Новый Часовой. СПб., 1998. № 6–7. С. 187–195.
67. Дробязко С.И. Политика коллаборационизма и казачий вопрос в годы Второй мировой войны // Наши вести. 1996. № 445. С. 13–15.
68. Ратушняк О.В. Казаки в годы Второй мировой войны: проблема коллаборационизма // Личность. Общество. Государство. Проблемы развития и взаимодействия : материалы всерос. науч.-просвет. конф. Краснодар : Традиция, 2012. С. 234–236.
69. Скорик А.П. К вопросу о казачьем коллаборационизме в годы Великой Отечественной войны // Великая Отечественная война в пространстве исторической памяти российского общества : материалы междунар. науч. конф. (28–29 апреля 2010 г., Ростов-на-Дону – Таганрог). Ростов н/Д : Изд-во ЮНЦ РАН, 2010. С. 283–290.
70. Кринко Е.Ф. Кубанское казачество накануне и в годы Великой Отечественной войны // Память жива в веках. Возвращение к истокам: об участии казаков в войнах XVIII–XX вв. Краснодар : Диапазон-В, 2006. С. 239–276.
71. Черный В.И. Путь к трагедии казачества в Лиенце // Казачество в истории России. Краснодар, 1993. С. 173–176.
72. Ратушняк О.В. Донское и кубанское казачество в эмиграции (1920–1939 гг.). Краснодар, 1997. 164 с.
73. Ратушняк О.В. Кубанское казачество в эмиграции (1920–1939 гг.) // Историческая и социально-образовательная мысль. 2013. № 4 (20). С. 34–41.
74. Ратушняк О.В. Терские и астраханские казаки в эмиграции (1920–1939 гг.) // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2013. № 3. С. 242–245.
75. Антропов О.О. Астраханские казаки в эмиграции // Вопросы истории. 1997. № 11. С. 137–142.
76. Пушкарев В.А. Мурские казаки в Китае: опыт сохранения традиций (1918–1945) // Россия и АТР. 2013. № 3 (81). С. 17–29.
77. Априлков А.В., Попов Л.А. Оренбургские казаки в эмиграции // Оренбургское казачье войско. Исторические очерки. Челябинск, 1994. С. 131–143.
78. Ганин А.В. Оренбургское казачье войско в Гражданской войне и в эмиграции. 1917–1945 гг. // Военно-исторический журнал. 2006. № 8. С. 25–30.
79. Якаев С.Н. Кубанское зарубежье в 20–80 гг. XX века // Новейшие исследования по истории Кубани. Краснодар, 1992. С. 13–26.
80. Ратушняк О.В., Худобородов А.Л. Культурное наследие казачьей эмиграции // Очерки традиционной культуры казачеств России. Краснодар, 2005. С. 569–577.
81. Ратушняк О.В. Особенности культурно-бытового уклада казачьего зарубежья // Российское Зарубежье: история и современность. М., 1998. С. 34–40.
82. Хохульников К.Н. Кубанские казачьи хоры в эмиграции // Культурная жизнь Юга России. 2003. № 1. С. 20–21.
83. Чумаченко В.К. Идея самосознания казачества в литературе кубанской эмиграции // Человек в мире искусства: информационные аспекты. Краснодар, 1994. Ч. 1. С. 137–139.
84. Ратушняк О.В. Церковь в жизни казаков-эмигрантов // Голос минувшего. Краснодар, 2012. № 3–4. С. 52–55.
85. Муромцева Л.П. Сохранение историко-культурной идентичности русского казачества в эмиграции // Отечественная история. 2008. № 3. С. 77–86.
86. Якаев С.Н. Одиссея казачьих регалий. Краснодар, 1992. 99 с.
87. Дюкарев А.В. Общественно-политическая деятельность войскового атамана Кубанского казачьего войска в эмиграции В.Г. Науменко // Научная мысль Кавказа. 2009. № 2. С. 92–97.
88. Корсакова Н.А. Атаман В.Г. Науменко. Страницы биографии // Атаман В.Г. Науменко и его «Хроника». Краснодар : ОИПЦ «Перспективы образования», 2006. С. 28–39.
89. Мартынов Б.Ф. Парагвайский Миклухо-Маклай. Повесть о генерале Беляеве. М. : ИЛА РАН, 1993. 112 с.

Ratushnyak Oleg V. Kuban State University (Krasnodar, Russian Federation). E-mail: oleg_ratushnyak@mail.ru

STUDYING THE COSSACK ÉMIGRÉ IN RUSSIAN HISTORIOGRAPHY.

Keywords: Russian historiography; the Cossacks; Cossack emigration; Cossack-emigrants.

The purpose of this research is analysis of the Russian historiography on the Cossack émigré. The object of research is presented by the papers devoted directly to the Cossack émigré. Naturally one of the pressing issues is figuring out the number of Cossacks abroad and analysis of their geographical allocation. In regard to settlement of the Cossack emigrants historians unanimously call Bulgaria, China, France, Czechoslovakia and Yugoslavia among the countries which sheltered the main part of the Cossacks. However the majority of the Cossacks of the South-East of the European part of Russia emigrated to the West and their main transfer point was Turkey. Don Cossacks located mainly in Bulgaria and Kuban Cossacks settled in Serbia. Besides the named countries some Cossacks were placed in Poland and Germany. Beside Turkey the transit countries were Greece, Georgia, Romania and Finland. Cossacks of Orenburg, Semirechye, Ural and also Siberian and Far East Cossacks were mainly leaving for China. During the country analysis of the Cossack emigrants allocation historians put their attention also to the geography of the disposal of the Cossack organizations and unions abroad. The great majority of the research works on the history of the Cossack emigration that were issued in 1990s are based on the material that had been published in the emigrant press. With the input of wider circle of sources (archive documents, memoirs, press) into the scientific turnover they become the subject of separate research. Great circle of the sources on the history of the Cossack emigration make researchers deal also with methodological problems of their use. Among the problems that attracted the researchers' attention we should note the problem of development of sociopolitical thought of the Cossack emigrants. The problem of their socioeconomic adaptation to the life abroad gained traction in a lesser degree. The study of the Cossack life in certain countries has great importance for understanding problems connected with the history of the Cossack émigré. The problem of the Cossack émigré culture also wasn't neglected by the researchers. Some part of papers put particular emphasis on staying abroad of members of certain Cossack armies. Special attention in Russian historiography is being put by the research papers devoted to the émigré personalities who had play significant role in sociopolitical or cultural life of the Cossack émigré. The main attention of the researches is compelled to the interbellum period of the Cossacks' staying abroad, that include years of the World War II. History of the interbellum period Cossack émigré still is the blank page in the Russian historical studies.

REFERENCES

1. Zimina, V.D. (1992) Emigrantskaya kazach'ya pressa 20–30-kh gg. kak istoricheskiy istochnik [Emigrant Cossack press of the 1920–1930-ies as a historical source]. In: Efremneko, N. (ed.) *Prepodavanie i izuchenie istoriografii i istochnikovedeniya otechestvennoy istorii: problemy, opyt, poiski, resheniya* [Teaching and learning historiography and source studies of national history: problems, experience, research, decisions]. Tver: Tver State University. pp. 70–80.
2. Kirienko, Yu.K. (1993) [Cossacks abroad (countries, number, organization)]. *Kazachestvo v istorii Rossii* [Cossacks in Russian history]. Proc. of the International Research Conference. Krasnodar: KSU. pp. 164–167. (In Russian).
3. Martyshko, I.A. (1995) Kazach'ya emigratsiya posle 1917 g. (volny i geografiya pereseleniya) [Cossack emigration after 1917 (stages and geography of migration)]. In: *Kazachiy Peterburg* [Cossack Petersburg]. St. Petersburg. pp. 65–67.
4. Ratushnyak, O.V. (2013) *Kazachestvo v emigratsii (1920–1945 gg.)* [Cossacks in emigration (1920–1945)]. Krasnodar: Kuban State University.
5. Khudoborodov, A.L. (1996) *Vdali ot rodiny: rossiyskie kazaki v emigratsii* [Away from home: the Russian Cossacks in emigration]. Chelyabinsk: Institut.
6. Perekhov, Ya.A. (1983) O reemigratsii kazachestva (1921–1925 gg.) [On the re-emigration of the Cossacks (1921–1925)]. *Izvestiya Severo-Kavkazskogo nauchnogo tsentra vysshey shkoly. Obshchestvennye nauki*. 2. pp. 67–72.
7. Penkovsky, D.D. (2011) *Kazachestvo: iskhod i vozrozhdenie (1920–2011 gg.)* [The Cossacks: exodus and revival (1920–2011)]. Moscow: National Institute for Business.
8. Ratushnyak, O.V. & Khudoborodov, A.L. (2005) Rasselenie i organizatsiya kazachestva za rubezhom [Settlement of the Cossacks abroad]. In: Bondar, N.I. (ed.) *Ocherki traditsionnoy kul'tury kazachestv Rossii* [Sketches of traditional culture of the Cossacks of Russia]. Krasnodar: Office of the Presidential Administration of the Russian Federation for the Cossacks. pp. 550–559.
9. Ratushnyak, O.V. (2007) K voprosu o geograficheskom razmeshchenii kazakov i kazach'ikh ob"edineniy v emigratsii v 1920–1930-e gody [On the geographical distribution of the Cossacks and Cossack organizations in emigration in 1920–1930-ies]. In: Avramenko, A.M. (ed.) *Istoriiko-geograficheskiy sbornik* [History and Geography Collection]. Krasnodar: Kartika. pp. 298–301.
10. Ratushnyak, O.V. (1993) Istoriya kubanskikh kazakov v emigrantskoy kazach'ey periodike [The history of the Kuban Cossacks in the Cossack emigration periodicals]. In: Ratushnyak, O.V. (ed.) *Iz dorevolutsionnogo proshlogo kubanskogo kazachestva* [From the pre-revolutionary past of the Kuban Cossacks]. Krasnodar: Kuban State University. pp. 172–180.
11. Ratushnyak, O.V. (2002) [Sources on the history of Kuban Cossack abroad]. *Kazachestvo Rossii: istoriya i sovremennost'* [The Cossacks of Russia: History and Modernity]. Proc. of the International Research Conference. Gelendzhik. October. 2002. Krasnodar. pp. 124–126.
12. Krinko, E.F. (2013) [The participation of the Cossacks in the Great Patriotic War: the main sources of information and opportunities]. *Istochnikovedcheskie problemy v issledovaniyakh po istorii kazachestva XX veka* [The source study problems in the research on the history of the Cossacks of the 20th century]. Proc. of the All-Russian Research Conference. Volgograd. 17th to 18th October 2013. Volgograd: The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. pp. 85–87. (In Russian).
13. Ratushnyak, O.V. (2013) [The sources of the history and culture of the Cossack abroad at the State Archives of the Krasnodar Territory]. *Istochnikovedcheskie problemy v issledovaniyakh po istorii kazachestva XX veka* [The source study problems in the research on the history of the Cossacks of the 20th century]. Proc. of the All-Russian Research Conference. Volgograd. 17th to 18th October 2013. Volgograd: The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. pp. 147–151. (In Russian).
14. Belova, E.I. & Sedova, E.E. (2009) Dokumenty “Ob”edinennoy kazach'ey stanitsy v Bel'gii” v Korolevskom muzee armii i voennoy istorii v Bryussele [Documents of “The Joint Cossack village in Belgium” in the Royal Museum of Army and Military History in Brussels]. *Otechestvennyye arkhivy*. 6. pp. 75–82.
15. Bogdan, E.B. (1996) Kazachestvo v emigratsii: voprosy sravnitel'nogo analiza istochnikov [The Cossacks in emigration. Issues of source comparative analysis]. In: Muraviev, V.A. (ed.) *Istochnikovedenie i komparativnyy metod v gumanitarnom znaniy* [Sources studies and comparative method in the Humanities]. Moscow: Russian State University for the Humanities. pp. 268–270.
16. Strel'nikov, A.Yu. (1995) *Politicheskie techeniya v kazach'ey emigratsii v 1930-e gody* [Political currents in the Cossack emigration in the 1930-s]. Moscow: Moscow State University.
17. Ratushnyak, O.V. & Khudoborodov, A.L. (2005) Obshchestvenno-politicheskie iskaniya kazach'ego zarubezh'ya [The social and political quest of Cossacks abroad]. In: Bondar, N.I. (ed.) *Ocherki traditsionnoy kul'tury kazachestv Rossii* [Sketches of traditional culture of the Cossacks of Russia]. Krasnodar: Office of the Presidential Administration of the Russian Federation for the Cossacks. pp. 559–569.
18. Kirienko, Yu.K. (1995) [The interpretation of the concept of the Cossacks as the people in foreign countries]. *Vozrozhdenie kazachestva (istoriya, sovremennost', perspektivy)* [The revival of the Cossacks (the past, present and future)]. Proc. of the 5th International Research Conference. Rostov on Don: Logos. pp. 77–78. (In Russian).
19. Kirienko, Yu.K. (1996) Kazachestvo v emigratsii: spory o ego sud'bakh (1921–1945 gg.) [The Cossacks in emigration: debates about their fate (1921–1945)]. *Voprosy istorii*. 10. pp. 3–18.
20. Zimina, V.D. (1995) [The Cossack emigration of the 1920–1930-ies about the development of Russia]. *Vozrozhdenie kazachestva (istoriya, sovremennost', perspektivy)* [The revival of the Cossacks (the past, present and future)]. Proc. of the 5th International Research Conference. Rostov on Don: Logos. pp. 76–77. (In Russian).
21. Ratushnyak, O.V. (1996) [On the relationship of the Joint Council of the Don, Kuban and Terek with the Grand Duke Nicholas]. *Kubanskoe kazachestvo: tri veka istoricheskogo puti* [Kuban Cossacks: three centuries of the historical path]. Proc. of the International Research Conference. Poltavskaya, Krasnodar Territory. 23rd to 27th September 1996. Krasnodar. pp. 197–200. (In Russian).
22. Ratushnyak, O.V. (1993) [On the political quest of the Kuban Cossack communities abroad]. *Kazachestvo v istorii Rossii* [Cossacks in Russian history]. Proc. of the International Research Conference. Krasnodar: KSU. pp. 160–164. (In Russian).
23. Perekhov, Ya.A. (1995) [The Smenovkhovtsy and Cossack emigration]. *Vozrozhdenie kazachestva (istoriya, sovremennost', perspektivy)* [The revival of the Cossacks (the past, present and future)]. Proc. of the 5th International Research Conference. Rostov on Don: Logos. pp. 74–76. (In Russian).
24. Ratushnyak, O.V. (1999) Vol'no-kazach'e dvizhenie za rubezhom (1920–1930-e gg.) [The Free-Cossack movement abroad (1920–1930-ies)]. *Klio. Zhurnal dlya uchemykh*. 2(8). pp. 212–217.
25. Malysenko, G.I. (1998) Ideyno-politicheskie vzglyady kazach'ey respublikansko-demokraticeskoy emigratsii 1920–1990 gg. [The ideological and political views of the Cossack republican-democratic emigration in 1920–1990 -ies]. *Gumanitarnye znaniya. Preemstvennost': Istoricheskie issledovaniya*. 2. pp. 209–212.
26. Malysenko, G.I. (1998) Politicheskaya programma i takticheskie ustanovki samostiynoy kazach'ey emigratsii, 1920–1930 gg. [The political program and tactical setup of the separatist Cossack emigration in 1920–1930]. *Ezhegodnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2. pp. 202–207.
27. Malysenko, G.I. (2006) *Obshchestvenno-politicheskaya zhizn' rossiyskogo kazachestva v Dal'nevostochnoy emigratsii (1920–1945 gg.)* [Social and political life of the Russian Cossacks in the Far East emigration (1920–1945)]. Omsk: Omsk State Agrarian University.
28. Sergeev, O.I. (1994) Iz istorii politicheskoy zhizni Rossiyskoy emigratsii v Kitae: fashizm i kazachestvo [From the history of the political life of the Russian emigration in China: fascism and Cossacks]. In: *Voprosy istorii grazhdanskoy voyny i interventsii na Dal'nem Vostoke* [The history of the Civil War and Intervention in the Far East]. Vladivostok. pp. 49–58.

29. Ratushnyak, O.V. (1994) Obshchekazachiy sel'skokhozyaystvennyy soyuz: obrazovanie, tseli i zadachi, deyatel'nost' (1921–1923 gg.) [The All-Cossacks Agricultural Union: formation, goals and objectives, activities (1921–1923)]. In: *Problemy istoriografii i istorii Kubani* [Problems of historiography and history of Kuban]. Krasnodar: Kuban State University. pp. 188–198.
30. Gavrilov, A.N. (2013) Kazachiy soyuz – samaya massovaya obshchestvenno-politicheskaya organizatsiya kazach'ey emigratsii [The Cossack Union – the largest mass socio-political organization of the Cossack emigration]. *Izvestiya vuzov. Severo-Kavkazskiy region. Obshchestvennye nauki*. 1. pp. 39–44.
31. Fomin, V.N. & Fomin, K.V. (1998) Istoriya Kazach'ego soyuza v Shankhae [The History of the Cossack Union in Shanghai]. In: *Problemy sotsial'no-politicheskogo razvitiya Rossiyskogo obshchestva* [Problems of social and political development of the Russian society]. Voronezh: Voronezh State Technological Academy. pp. 97–102.
32. Ratushnyak, O.V. (1995) [The formation and activities of the Committee for the liberation of the Kuban Cossacks in Georgia]. *Vozrozhdenie kazachestva (istoriya, sovremennost', perspektivy)* [The revival of the Cossacks (the past, present and future)]. Proc. of the 5th International Research Conference. Rostov on Don: Logos. pp. 72–73. (In Russian).
33. Ratushnyak, O.V. (2014) Adaptation of the Cossack emigrants to the style of living abroad (1920-ies to the 1960-ies). *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl' – Historical and Social-Educational Idea*. 6-2. pp. 156–158. (In Russian).
34. Komissarova, E.N. (2008) Krizis sotsial'noy adaptatsii kazachestva za rubezhom [The crisis of social adaptation of the Cossacks abroad]. In: *Nansenovskie chteniya 2007* [Nansen Readings 2007]. St. Petersburg: Sudarynya. pp. 315–326.
35. Krinko, E.F. (1996) Kubanskaya kazach'ya emigratsiya: protsess sotsializatsii (1920–1940 gg.) [The Kuban Cossack emigration: the process of socialization (1920–1940)]. *Kubanskoe kazachestvo: tri veka istoricheskogo puti* [Kuban Cossacks: three centuries of the historical path]. Proc. of the International Research Conference. Poltavskaya, Krasnodar Territory. 23rd to 27th September 1996. Krasnodar. pp. 122–124. (In Russian).
36. Ratushnyak, O.V. (1998) [On the experience of the Cossack government abroad]. *Stanovlenie kazach'ego samoupravleniya* [The formation of Cossack self-administration]. Proc. of the Research Conference. Rostov on Don. 26th to 27th February 1998. Rostov on Don. pp. 109–111. (In Russian).
37. Ratushnyak, O.V. (2014) Kazach'e zarubezh'e i tserkov' [The Cossacks abroad and the Church]. *Kul'turnaya zhizn' yuga Rossii – Cultural Studies of Russian South*. 4. pp. 67–69.
38. Gurkovsky, V.A. (2010) Activity of the Don Cadet Corps of Emperor Aleksandr III in Egypt. *Voенно-istoricheskii zhurnal*. 6. pp. 59–63. (In Russian).
39. Ratushnyak, O.V. (1995) [About the fate of the Don Cadets abroad]. *Istoriko-kul'turnoe nasledie i sovremennost'* [Historical and Cultural Heritage and Modernity]. Proc. of the Republican Research Conference. Eysk. 20th to 24th June 1995. Krasnodar. pp. 74–77. (In Russian).
40. Telepen', S.V. (1995) [The Kuban and other White Cossack formations in Poland (1920–1922)]. *Istoriko-kul'turnoe nasledie i sovremennost'* [Historical and Cultural Heritage and Modernity]. Proc. of the Republican Research Conference. Eysk. 20th to 24th June 1995. Krasnodar. pp. 90–92. (In Russian).
41. Telepen', S.V. (1996) Kubanskii kazaki v Pol'she v seredine 1910 – nachale 1920-kh godov [The Kuban Cossacks in Poland in the mid-1910-s – early 1920-s]. In: *Voprosy severokavkazskoy istorii* [Problems of the North Caucasus History]. Issue 1. Armavir. pp. 79–84.
42. Ratushnyak, O.V. (2013) Kazaki-emigranty v Pol'she v pervoy polovine 1920-kh gg. [The Cossack emigrants in Poland in the first half of the 1920-s.]. In: Matveev, O.V. (ed.) *Mir slavyan Severnogo Kavkaza* [The Slavs of the North Caucasus]. Issue 7. Krasnodar: Kuban State University. pp. 211–218.
43. Ratushnyak, O.V. (2015) The Cossacks in England in 1920–1970-s. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya – Theory and Practice of Social Development*. 3. pp. 97–99. (In Russian).
44. Ratushnyak, O.V. (2006) [The Cossacks emigrants in Bulgaria (1920–1930-s)]. “Da kto dushu polozhit za drugi svoya...” (K 130-letiyu uchastiya Russkogo dvoryanstva v osvobodzhenii pravoslavnogo naseleniya Balkan ot osmanskogo iga) [“Who lays down his soul for his friends...” (To the 130th anniversary of the participation of Russian nobility in the liberation of the Orthodox population of the Balkans from the Ottoman yoke)]. Proc. of the 2nd International Nobiliary Readings. Krasnodar. pp. 67–74. (In Russian).
45. Sergeev, O.I. (2006) Zhizn' kazachestva v usloviyakh zarubezh'ya (Kitay): opyt sokhraneniya traditsiy [The life of the Cossacks abroad (China): on preserving traditions]. In: Gallyamova, L.I., Lazareva, S.I., Sergeev, O.I. et al. *Kazachestvo Dal'nego Vostoka Rossii vo vtoroy polovine XIX – XX vv.* [The Cossacks of the Russian Far East in the late 19th – 20th centuries]. Khabarovsk: Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East. pp. 150–160.
46. Ratushnyak, O.V. [The Cossacks in Romania, Finland and Germany]. *Rossiyskoe kazachestvo: problemy istorii i sovremennost'* [The Russian Cossacks: problems of history and modernity]. Proc. of the All-Russian Research Conference. Timashevsk. 2006. Krasnodar. pp. 203–206. (In Russian).
47. Bautdinov, G. (1992) Kazaki v Italii [The Cossacks in Italy]. *Novoe vremya*. 45. pp. 28–31.
48. Talalay, M.G. (2002) [The “Cossack land” in Italy]. *Nauka, kul'tura i politika russkoy emigratsii* [Science, culture and politics of the Russian emigration]. Proc. of the All-Russian Research Conference. St. Petersburg. 24th to 26th June 2002. St. Petersburg. pp. 53–57. (In Russian).
49. Shkarovsky, M.V. Kazachiy stan v Severnoy Italii i ego tserkovnaya zhizn' [The Cossack camp in Northern Italy and its church life]. In: Talalay, M.G. (ed.) *Russkie v Italii: Kul'turnoe nasledie emigratsii* [The Russians in Italy: The Cultural Heritage of the emigration]. Moscow: Russkiy put'. pp. 190–208.
50. Ratushnyak, O.V. (1999) [The Cossacks in Czechoslovakia]. *Tvorcheskoe nasledie F.A. Shcherbiny i sovremennost'* [The Heritage of F.A. Shcherbina and Modernity]. Proc. of the International Research Conference. Krasnodar: KKIDPPO. pp. 97–99. (In Russian).
51. Parfenova, E.B. (1997) Kazach'ya emigratsiya v Chexoslovakii [The Cossack emigration to the Czechoslovakia]. In: *Russkaya emigratsiya v Chexoslovakii* [The Russian emigration in Czechoslovakia]. St. Petersburg. pp. 27–32.
52. Ratushnyak, O.V. (1999) Kazaki-emigranty v Evrope (1920-e gg.) [The Cossack emigrants in Europe (1920)]. In: *Iz istorii stran Zapada v novyesh'ee vremya* [From the history of the West in modern times]. Krasnodar. pp. 6–20.
53. Ratushnyak, O.V. (2006) Kazaki v Chataldzhinskikh lageryakh i na Lemnose [The Cossacks in Çatalca camps and Lemnos]. In: Matveev, O.V. (ed.) *Kubanskiy sbornik* [The Kuban Collection]. Vol. 1 (22). Krasnodar: Kniga. pp. 195–209.
54. Ratushnyak, O.V. (2014) [The Cossack camp in Belorussia during the Great Patriotic War]. *Pobeda – odna na vsekh* [Victory – one for all]. Proc. of the International Research Conference. Vitebsk: VSU. pp. 183–186. (In Russian).
55. Ratushnyak, O.V. (2014) Cossack emigrants in Bulgaria (1920–1930). *Anthropology, archaeology, history and philosophy*. Conference proc. Sofia. pp. 467–472.
56. Ratushnyak, O.V. (2013) Kazaki-emigranty (v Gruzii): k voprosu vzaimootnosheniy [The Cossack immigrants (in Georgia): on the interrelations]. *Civilization researches*. 11. pp. 115–122.
57. Ratushnyak, O.V. (1995) Yuzhnorossiyskoe kazachestvo v pervyy god svoey emigratsii [The Cossacks of South Russia in the first year of their emigration]. In: Ratushnyak, O.V. (ed.) *Problemy istorii kazachestva* [The history of the Cossacks]. Volgograd: Volgograd State University. pp. 132–149.
58. Ratushnyak, O.V. (2013) The Cossacks of the South-Eastern European part of Eussia during the first year of their emigration (1920–1921). *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl' – Historical and Socio-Educational Ideas*. 1(17). pp. 31–39.
59. Ratushnyak, O.V. (2014) [Prisoners of war and interned Cossacks in Germany after World War I and the Polish-Soviet war]. *Pervaya mirovaya vojna: Velikaya i neizvestnaya* [World War I: The Great and Unknown]. Proc. of the International Conference. Krasnodar: Traditsiya. pp. 195–198. (In Russian).
60. Aleksandrov, K.M. (1995) Kazachestvo Rossii v 1941–1943 gg.: neizvestnye stranitsy istorii [The Russian Cossacks in 1941–1943: the unknown pages of history]. *Novyy Chasovoy*. 3. pp. 76–96.
61. Krikunov, P. (2005) *Kazaki mezhdu Gitlerom i Stalinyem* [The Cossacks between Hitler and Stalin]. Moscow: Yauza.

62. Ratushnyak, O.V. (2013) The Cossacks' participation in the World War II in favour of Germany. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya – Theory and Practice of Social Development*. 3. pp. 125-129. (In Germany).
63. Ratushnyak, O.V. (2013) Tretiy Reykh i kazachestvo: k voprosu o vzaimootnosheniyakh v gody Vtoroy mirovoy voyny [The Third Reich and the Cossacks: relations during World War II]. *Bylye gody*. 3. pp. 101-106.
64. Ratushnyak, O.V. [The Cossack camp: From formation to surrender]. *Korennoy perelom v Velikoy Otechestvennoy voyne: k 70-letiyu osvobozhdeniya Dona i Severnogo Kavkaza* [The turning point in the Great Patriotic War: To the 70th anniversary of Liberation of the Don Region and the Northern Caucasus]. Proc. of the International Conference. Rostov on Don. 6th to 7th June 2013. Rostov on Don: SC RAS Publishers. pp. 135-140. (In Russian).
65. Aleksandrov, K.M. (1997) Kazachestvo Rossii vo Vtoroy mirovoy voyne: k istorii sozdaniya Kazach'ego Stana (1942–1943 gg.) [The Russian Cossacks in the Second World War: the history of the Cossack Camp (1942–1943)]. *Novyy Chasovoy*. 5. pp. 163p177.
66. Aleksandrov, K.M. (1998) Kazachiy Stan i Glavnoe upravlenie Kazach'ikh Voysk v 1944 g. [The Cossack Camp and the General Directorate of Cossack Troops in 1944]. *Novyy Chasovoy*. 6-7. pp. 187-195.
67. Drobyazko, S.I. (1996) Politika kollaboratsionizma i kazachiy vopros v gody Vtoroy mirovoy voyny [The policy of collaboration and Cossack question during the Second World War]. *Nashi vesti*. 445. pp. 13-15.
68. Ratushnyak, O.V. [The Cossacks in World War II: the problem of collaboration]. *Lichnost'. Obshchestvo. Gosudarstvo. Problemy razvitiya i vzaimodeystviya* [Personality. Society. State. Problems of development and interaction]. Proc. of the All-Russian Research Conference. Krasnodar: Traditsiya. pp. 234-236. (In Russian).
69. Skorik, A.P. (2010) [On the Cossack collaborators during World War II]. *Velikaya Otechestvennaya voyna v prostranstve istoricheskoy pamyati rossiyskogo obshchestva* [The Great Patriotic War in the historical memory of the Russian society]. Proc. of the International Conference. Rostov on Don – Taganrog. 28th to 29th April 2010. Rostov on Don: YuNTs RAS. pp. 283-290. (In Russian).
70. Krinko, E.F. (2006) Kubanskoe kazachestvo nakanune v i gody Velikoy Otechestvennoy voyny [The Kuban Cossacks on the eve of and during World War II]. In: Prigarin, A.A., Malukalo, A.N., Krinko, E.F. et al. *Pamyat' zhiva v vekakh. Vozvrashchenie k istokam: ob uchastii kazakov v voynakh XVIII–XX vv.* [Memory lives through the centuries. Back to the basics: the participation of the Cossacks in the wars of the 18th – 20th centuries]. Krasnodar: Diapazon-V. pp. 239-276.
71. Chernyy, V.I. (1993) Put' k tragedii kazachestva v Lientse [The way to the tragedy of the Cossacks in Lienz]. *Kazachestvo v istorii Rossii* [Cossacks in Russian history]. Proc. of the International Research Conference. Krasnodar: KSU. pp. 173-176. (In Russian).
72. Ratushnyak, O.V. (1997) *Donskoe i kubanskoe kazachestvo v emigratsii (1920–1939 gg.)* [The Don and Kuban Cossacks in emigration (1920–1939)]. Krasnodar: Kuban State University.
73. Ratushnyak, O.V. (2013) Kubanskoe kazachestvo v emigratsii (1920–1939 gg.) [The Kuban Cossacks in emigration (1920–1939)]. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl' – Historical and Socio-Educational Ideas*. 4 (20). pp. 34-41.
74. Ratushnyak, O.V. (2013) The Terek and Astrakhan' Cossacks's life in emigration (1920–1939). *Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta – The Scientific Bulletin of Pyatigorsk State Linguistic University*. 3. pp. 242-245. (In Russian).
75. Antropov, O.O. (1997) Astrakhanskie kazaki v emigratsii [The Astrakhan Cossacks in emigration]. *Voprosy istorii*. 11. pp. 137-142.
76. Pushkarev, V.A. (2013) Amur Cossacks in China experience to maintain the traditions (1918–1945). *Rossiya i ATR – Russia and the Pasific*. 3 (81). pp. 17-29. (In Russian).
77. Aprelkov, A.V. & Popov, L.A. (1994) Orenburgskie kazaki v emigratsii [Orenburg Cossacks in emigration]. In: Abramovskiy, A.P., Kobzov, V.S., Futoryanskiy, L.I. et al. *Orenburgskoe kazach'e voysko. Istoricheskie ocherki* [The Orenburg Cossack army. Historical essays]. Chelyabinsk: Chelyabinsk State University. pp. 131-143.
78. Ganin, A.V. (2006) Orenburgskoe kazach'e voysko v Grazhdanskoj voyne i v emigratsii. 1917–1945 gg. [The Orenburg Cossack army in the Civil War and in emigration. 1917–1945]. *Voенно-istoricheskij zhurnal*. 8. pp. 25-30.
79. Yakaev, S.N. (1992) Kubanskoe zarubezh'e v 20–80 gg. XX veka [The Kubans abroad in 1920–1980-es]. In: *Noveyshie issledovaniya po istorii Kubani* [The latest research on the history of Kuban]. Krasnodar. pp. 13-26.
80. Ratushnyak, O.V. & Khudoborodov, A.L. (2005) Kul'turnoe nasledie kazach'ey emigratsii [The cultural heritage Cossack emigration]. In: Bondar, N.I. (ed.) *Ocherki traditsionnoy kul'tury kazachestv Rossii* [Sketches of traditional culture of the Cossacks of Russia]. Krasnodar: Office of the Presidential Administration of the Russian Federation for the Cossacks. pp. 569-577.
81. Ratushnyak, O.V. (1998) Osobennosti kul'turno-bytovogo uklada kazach'ego zarubezh'ya [The cultural and community way of the Cossacks abroad]. In: *Rossiyskoe Zarubezh'e: istoriya i sovremennost'* [The Russians Abroad: History and Modernity]. Moscow: Ministry of Culture of the RF. pp. 34-40.
82. Khokhulnikov, K.N. (2003) Kubanskie kazach'i khory v emigratsii [The Kuban Cossack choirs in emigration]. *Kul'turnaya zhizn' Yuga Rossii*. 1. pp. 20-21.
83. Chumachenko, V.K. (1994) Ideya samosoznaniya kazachestva v literature kubanskoj emigratsii [The idea of self-consciousness of the Kuban Cossacks in the literature of emigration]. In: Andreeva, I.M. (ed.) *Chelovek v mire iskusstva: informatsionnye aspekty* [Man in the art world: information aspects]. Part I. Krasnodar: Krasnodar State Academy of Culture. pp. 137-139.
84. Ratushnyak, O.V. (2012) Tserkov' v zhizni kazakov-emigrantov [The church in the life of the Cossack immigrants]. *Golos minuvshogo*. 3-4. pp. 52-55.
85. Muromtseva, L.P. (2008) Sokhranenie istoriko-kul'turnoy identichnosti russkogo kazachestva v emigratsii [Preservation of historical and cultural identity of the Russian Cossacks in emigration]. *Otechestvennaya istoriya*. 3. pp. 77-86.
86. Zhakaev, S.N. *Odisseya kazach'ikh regaliy* [Odyssey of Cossack regalia]. Krasnodar: IMSIT.
87. Dyukarev, A.V. (2009) Obshchestvenno-politicheskaya deyatelnost' voyskovogo atamana Kubanskogo kazach'ego voyska v emigratsii V.G. Naumenko [The political activity of Kuban Cossack ataman V. Naumenko in emigration]. *Nauchnaya mysl' Kavkaza – Scientific Thought of Caucasus*. 2. pp. 92-97.
88. Korsakova, N.A. (2006) Ataman V.G. Naumenko. Stranitsy biografii [Ataman V. Naumenko and his biography]. In: Khamtsova, O. (ed.) *Ataman V.G. Naumenko i ego "Khronika"* [Ataman V.G. Naumenko and his "Chronicle"]. Krasnodar: Perspektivy obrazovaniya. pp. 28-39.
89. Martynov, B.F. (1993) *Paragvayskiy Miklukho-Maklay. Povesť o generale Belyaev* [Paraguayan Maclay. The Story of General Belyaev]. Moscow: ILA RAS.

РЕЦЕНЗИИ И НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

DOI 10.17223/19988613/36/20

Л.Ю. Анисимова

РЕЦЕНЗИЯ: СЕВЕРЬЯНОВ М.Д. ПРИСАЯНЬЕ НА ПЕРЕПУТЬЕ ЭПОХ: ЛЮДИ, СОБЫТИЯ, ФАКТЫ. КРАСНОЯРСК : СИБ. ФЕДЕР. УН-Т, 2015. 580 с.

В конце XX – начале XXI в. в отечественной историографии появилось новое научное направление по изучению сел и деревень, сельских районов, родословных. Творчески работают в этом направлении сибирские исследователи. Только по истории сельских районов в Республике Хакасии издано 5 очерков, в Красноярском крае таких работ более 20, в Иркутской области изданы монография профессора Ю.А. Петрушина по истории Куйтунского района, очерки по истории Тайшетского района. Большое количество очерков по истории сельских районов издано в Западной Сибири. Бурный количественный рост подобных изданий обуславливает необходимость их самостоятельного анализа.

Что же касается рецензируемой монографии М.Д. Северьянова, то в историографии проблемы она занимает особое место. Автор является одним из родоначальников данного научного направления. Его монография «На земле Саянской. История Саянского района Красноярского края» (1987) была одной из первых по истории 3 000 сельских районов СССР. За рукопись данной монографии в 1985 г. автору было присвоено звание лауреата VIII Всесоюзного конкурса молодых ученых и специалистов по общественным наукам. В 1992 г. по просьбе саянцев монография была дополнена, переработана и издана под названием «В плену у города». Через 23 года издана рецензируемая монография, почти в 5 раз объемом больше, чем монография «В плену у города», что позволяет ее отнести к отдельной самостоятельной монографии.

Об актуальности и научно-практической значимости рецензируемой монографии не приходится говорить. Уже первые отклики свидетельствуют о ее востребованности красноярцами. Автор подчеркивает, что «в истории Саянского района тесно переплелись героизм и драма простых людей. Биография у саянцев обыкновенная – незвонкая, трудовая, честная. Так ведь не каждому громкая слава суждена, и не на ней мир держится. А держится на таких надежных людях, как саянцы. Приглядитесь, сколько в простых людях силы, красоты, достоинства, как глубоки и чисты их помыслы» (С. 11).

Т.Т. Подоляк – глава администрации Саянского района: «По дороге возникновения и развития района прошли многие поколения саянцев, обживших и обосновавших эти замечательные места, распахавших поля, построивших деревни и сёла, больницы и школы, создавших предприятия... Монография посвящена молодежи с надеждой на то, что дети, юноши и девушки

проникнутся гордостью за свою малую родину и впишут еще более яркие страницы в её историю» (С. 3).

Рецензируемая монография посвящена Саянскому району, его жителям, осевшим в восточной, подтаежной зоне Саянских гор, украинцам, белоруссам, этносам Прибалтики, Центрально-Черноземных регионов и Поволжья Российской Федерации. В монографии мы находим историю камасинцев, происхождение которых по сей день не установлено. При написании своего труда автор широко использовал как традиционные исторические источники, так и нетрадиционные, а именно: интервьюирование, родословные (Лавриновичей, Павловых), биографии саянцев и др. Большинство уникальных источников введены в оборот впервые. На основе широкого и разнообразного круга исторических источников, литературы автор дает свою интерпретацию аграрных реформ 1861, 1906–1914 гг., коллективизации, контрреформы 1992–2015 гг., которая стала угрозой национальной безопасности РФ. В целом в монографии прослежена аграрная история страны XIX–XXI столетий, показана извилистая государственная аграрная политика, ее последствия для судеб страны и саянцев.

Представляет интерес авторский анализ административной и политической ссылки в царский и советский период истории страны. Автор, с одной стороны, подчеркивает преемственность формы освоения новых регионов страны, а с другой – особенности и специфику ссылки и репрессий в сталинскую эпоху. В 30-е – первой половине 50-х гг. XX в. на территории района было Тугачинское отделение КрасЛАГА. При этом в царский и Советский периоды истории шла добровольная крестьянская колонизация (освоение) регионов.

Отдельным сюжетом в монографии проходит анализ превращения тружеников-хлеборобов в защитников Отечества в Первой и Второй мировых войнах, гражданской и малых войнах XX столетия, единству тыла и фронта в годы Великой Отечественной войны. Неслучайно издание монографии М.Д. Северьянов приурочил к 70-летию Победы над фашистской Германией. Известно, война не заканчивается, пока не захоронен последний солдат. 8 мая 2015 г. саянцы захоронили останки своего земляка Н.С. Петровского, найденные в Смоленской области. Он погиб в 1941 г.

Автор монографии читателям предоставил возможность увидеть повседневную жизнь саянцев в разные

годы. Это история народного образования, культуры, здравоохранения, народного творчества, спорта и отдыха, социальной защиты, пожарной безопасности, дорожной отрасли, правоохранительных органов и др. Можно согласиться с выводом автора о том, что во все времена саянцы жили не только хлебом единым, но и умели радоваться жизни, продолжать её, заботиться о детях и старшем поколении.

М.Д. Северьянов около 40 лет занимается аграрной историей России, Сибири, более 30 лет – историей Саянского района. Выводы его о преимуществе колхозно-совхозной системы над единоличной формой хозяйствования научно выверены, доказательны цифрами и фактами, имеют актуальное научно-практическое значение. Поэтому его монография представляет интерес не только для саянцев, но и широкого круга читателей города и деревни, научных работников, студентов, широкой общественности и политиков. М.Д. Северьянову удалось на примере одного сельского района показать историю всей

страны, т.е. выявить общее и особенное в истории страны и района. Для него Саянский район – не географическое название, а частица РФ. К достоинству монографии следует отнести и то, что автор с любовью и глубоким уважением пишет о своих героях. Около 300 фотографий позволяют глубже понять ту или иную историческую эпоху: царскую, советскую и постсоветскую.

К сожалению, множество проблем и вопросов, которые автор осветил в монографии, не позволили ему их все изложить в проблемно-хронологическом порядке. Автор сам, понимая некоторую фрагментарность в изложении материала, призывает исследователей к дальнейшему углубленному изучению своей малой родины (С. 12).

В целом же монография М.Д. Северьянова «Присяянье на перепутье эпох: люди, события, факты» заметно расширяет историографию проблемы, является самостоятельным исследованием и в историографии аграрной истории Сибири займет свое достойное место.

Anisimova Larisa Y. Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation). E-mail: nastyasever24@yandex.ru

REVIEW: SEVERYANOV M.D. PRISAYANYE AT THE CROSSROADS ERAS: PEOPLE, EVENTS, FACTS. KRASNOYARSK : SIB. FEDER. UN-T, 2015. 580 p.

С.Г. Лузянин

РЕЦЕНЗИЯ: БЫЧКОВА Т.А. СТРАНЫ АЗИИ НА ПУТИ ОТ ТРАДИЦИОННОГО ОБЩЕСТВА К ИНДУСТРИАЛЬНОМУ (XVII – НАЧАЛО XX в.) : УЧЕБ. ПОСОБИЕ / ПОД РЕД. В.П. ЗИНОВЬЕВА. ТОМСК : ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА, 2014. 460 с.

В учебном пособии Т.А. Бычковой «Страны Азии на пути от традиционного общества к индустриальному (XVII – начало XX в.)» на основе широкого круга литературы и источников рассматривается история народов Азии (Китая, Японии, Индии, Ирана и Османской империи) с XVII по начало XX в. как переходный период от традиционного общества к индустриальному, акцентируя при этом внимание на сложных, противоречивых сторонах процесса модернизации, который был не естественным, эндогенным, а навязанным извне (экзогенным) и проходящим в условиях колониальной и полуколониальной зависимости стран Азии.

Особенностью переходного периода, как отмечает автор пособия, стала его длительность – Китай перешел от традиционного общества к индустриальному с середины XIX в. до середины XX в., Индия проделала этот путь в течение 150 лет. Трансформация традиционных экономических, политических, социальных институтов в соответствующие институты индустриального общества определила для стран Азии путь «догоняющего», «периферийного» развития.

Как известно, история нового времени – это история распространения, утверждения и доминирования европоцентристского мира в пределах практически всей планеты. Государства Азии с XVII по начало XX в. прошли свою часть пути вхождения в мировую капиталистическую систему и международное разделение труда, в чём-то сохранив традицию, в чём-то заимствовав правила игры западных стран.

Наиболее важные события рассматриваемого периода в учебном пособии подаются через реакцию стран

Азии на ограничение их суверенитета со стороны стран Запада и последовавшим в результате этого ухудшением качества жизни масс населения.

Правящая элита, пытаясь сохранить власть и в то же время выполнять неравноправные договоры с иностранными державами, занялась реформаторской деятельностью, а население отвечало на политику держав и собственных правителей крестьянскими войнами и восстаниями, революциями. Показаны позитивные и негативные проявления и последствия воздействия колониальной системы на экономическое, политическое и социальное развитие стран Азии.

Пособие Т.А. Бычковой отличает не только раскрытие социально-экономических и политических процессов, но и стремление показать духовные портреты китайца, японца, индийца, иранца, турка периода существования традиционных обществ.

Учебное пособие снабжено контрольными вопросами, сопровождающими все разделы, программой дисциплины «Страны Азии на пути от традиционного общества к индустриальному (XVII – начало XX в.)», а также достаточно обширным списком источников и литературы, написано хорошим литературным языком.

Книгу отличает высокое полиграфическое исполнение.

Пособие рассчитано на студентов международного отделения, а также студентов-историков. Оно позволяет составить представление о тенденциях развития стран Азии в новое время и облегчить понимание современных проблем этих стран.

Luzyanin Sergey G. Institute of Far Eastern Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: lousianin@ifes-ras.ru

REVIEW: BYCHKOVA T.A. THE COUNTRIES OF ASIA ON THE WAY FROM TRADITIONAL SOCIETY TO INDUSTRIAL (XVII – THE BEGINNING OF THE XX CENTURY): THE MANUAL / ED. BY V.P. ZINOVYEV. TOMSK : PUBLISHING HOUSE OF TOMSK STATE UNIVERSITY, 2014.460 p.

В.Г. Кокоулин

**ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ
«ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА. ИСТОРИЯ»
(Ответ на рецензию Н.С. Ларькова «Количество без качества,
или Снова “в кроссовках по истории”»)**

В «Вестнике Томского государственного университета. История» (2015. № 2 (34)) была опубликована рецензия на монографию В.Г. Кокоулина «“Демократическая контрреволюция”: Сибирь, Поволжье, Урал (май–ноябрь 1918 г.)» (Новосибирск, 2014). Автор данной монографии признателен известному специалисту по истории Гражданской войны в Сибири томскому историку Н.С. Ларькову за внимательное прочтение книги и все сделанные им ценные замечания, особенно за отмеченные опечатки в книге, которые обязательно будут исправлены при следующем переиздании монографии. Полностью согласен и с тем, что следовало бы упомянуть изданные воспоминания Н.К. Обухова, хотя в своей монографии я обращался к черновой записи этих мемуаров, хранящейся в архивном деле. В книге, посвящённой революции на Алтае, я подробно разобрал, как «препарировались» воспоминания алтайских партизан от переиздания к переизданию, насколько они разошлись с подлинными рукописями, сохранившимися в архивных делах. Признаюсь, что в данном случае этого не сделал, спасибо Н.С. Ларькову, что он обратил на это внимание. Автор монографии весьма благодарен рецензенту также за то, что он выделил серьёзные дискуссионные проблемы, касающиеся не только периода «демократической контрреволюции» в Сибири, но и в целом истории Гражданской войны в регионе. Однако всё же позволю себе не согласиться с некоторыми положениями, которые сформулировал уважаемый томский историк.

Относительно «демократической контрреволюции» Н.С. Ларьков отмечает, что в монографии не затрагивается тема происхождения контрреволюции в Сибири, а также то, что с приходом к власти адмирала А.В. Колчака эсеровская контрреволюция никуда не исчезла, и приводит конкретные примеры деятельности эсеров в 1919 г. Полностью согласен с автором рецензии. Но в данном случае происходит подмена понятий. Я считаю, что под «демократической контрреволюцией» необходимо понимать не деятельность эсеров и офицерских организаций весной 1918 г. и в 1919 г., а начальный период Гражданской войны в Сибири, который ограничивается хронологическими рамками: 25 мая – 18 ноября 1918 г. Ключевым критерием для такой периодизации является коренной вопрос всякой революции и контрреволюции – о власти. До 25 мая в Сибири у власти были большевики, которые занимали доминирующее положение в Советах, а 18 ноября к

власти пришёл адмирал А.В. Колчак. Естественно, что данный процесс был неравномерным на разных территориях. Например, в Екатеринбурге Советская власть продержалась почти до конца июля, на Дальнем Востоке – до конца августа, но начало этому процессу было положено выступлением чехословацкого корпуса. А что касается эсеров, то они действовали и весной 1918 г., и в 1919 г., но это уже не «демократическая контрреволюция». Кстати, Н.С. Ларьков понимает «демократическую контрреволюцию», как её понимала М.Е. Плотникова, с которой я в данном случае категорически не согласен. Может быть, в книге и стоило написать о том, откуда взялся чехословацкий корпус, как это советует Н.С. Ларьков, но на эту тему есть достаточное количество справочного материала, и любой заинтересовавшийся этой проблемой читатель может обратиться к общедоступным ресурсам.

Замечания Н.С. Ларькова вызвал историографический обзор в моей монографии. Автор рецензии критикует меня, что я будто бы не знаю работ Д.Г. Симонова, В.М. Рынкова и др., посвящённых данной теме. Хорошо, что Н.С. Ларьков не обратил внимание, что я не цитирую В.И. Ленина, который дал яркую и чёткую характеристику периода «демократической контрреволюции». Разумеется, книги В.М. Рынкова, Д.Г. Симонова и других исследователей мне хорошо известны. Но считаю, что историографический обзор не должен превращаться в перечисление всех относящихся и не относящихся к теме имён исследователей только на том основании, что они что-то писали о данном историческом периоде. Историографический обзор должен выделять то новое, что внесли те или иные авторы в разработку конкретной проблемы. Моя монография посвящена политической истории периода «демократической контрреволюции», и я последовательно рассматривал те монографии и основные статьи, которые развивали только данный аспект изучаемой мною темы, в то время как монография Д.Г. Симонова посвящена военному строительству, а монография В.М. Рынкова – проектам и реалиям социальной политики. Вообще, данная тема имеет и другие аспекты – международные отношения, повседневность и т.д. Кстати, если бы Н.С. Ларьков был последователен, то он бы раскритиковал В.Г. Кокоулина за то, что он не знаком с монографией о повседневной жизни в период «демократической контрреволюции»... Разве это не абсурд?!

Н.С. Ларьков критикует меня за то, что я подробно не разобрал недостатки сборников документов под редакцией В.И. Шишкина. Вот что он пишет в рецензии: «По утверждению В.Г. Кокоулина, этому сборнику (посвящённому Уфимской директории. – В.К.) якобы “присущи многочисленные недостатки, которые препятствуют его использованию в научных целях”. Между тем “многочисленные недостатки” на деле свелись лишь к двум-трём несущественным, мелочным придирам на с. 504–505» (С. 125). Давайте, однако, прочитаем, что же пишется на с. 504–505 моей монографии. Позволю себе небольшое самоцитирование со с. 505, выделив ключевой момент: «Имея печальный опыт работы с другим сборником данного составителя (Сибирская Вандея. Новосибирск, 2007), в котором пришлось столкнуться с небрежностью, недобросовестностью составителя при помещении документов в сборник, а также и с прямыми фальсификациями документов (См.: Кокоулин В.Г. Алтай в годы революции, Гражданской войны и “военного коммунизма” (февраль 1917 – март 1921 г.). Новосибирск, 2013. С. 17, 18, 414–416), и, не имея ни времени, ни желания заниматься утомительной проверкой материалов данного сборника и их соответствием архивным делам, я сознательно отказался от его использования в своей работе. Заинтересованный читатель может при желании проделать эту работу самостоятельно». Н.С. Ларьков прав, что если бы я проделал подобную работу и нашёл конкретные недостатки, то избежал бы несправедливых упреков со стороны рецензента. Но в данном случае Н.С. Ларьков вдруг объявил, что В.И. Шишкин мне «неугоден» (с. 125). На самом деле проблема в том, что В.И. Шишкин фальсифицирует источники, а не в каких-то личных счётах, которых у меня и быть не может. Достаточно посмотреть упомянутую выше мою книгу про Алтай, где сборник документов, составленный В.И. Шишкиным, цитируется десятки раз. Хотелось бы также напомнить, что элементарная проверка подлинности источника является азбукой любого исторического исследования. И ничего личного! Готов поклясться, что если когда-то вдруг В.И. Шишкин напишет монографию хотя бы даже о Временном Сибирском правительстве, то я с удовольствием разберу в своём историографическом обзоре как её положительные, так и отрицательные стороны.

Что касается источников, то, естественно, я согласен с тем, что некоторые из них уже введены в научный оборот исследователями. Однако следует заметить, что во всех случаях я старался сослаться на предшественников, когда приводил полную цитату. Однако если источник у предыдущих исследователей пересказывался, а я приводил его в виде цитаты, то ссылался на первоисточник, в большинстве случаев указывая, что документ приводится таким-то исследователем. Следует учитывать и то, что в отличие от статей, монографии пишутся намного дольше, в частности, свою монографию я начал писать в 2006 г., изучив

к этому времени всю доступную мне литературу. За четыре года, пока шёл сбор материалов, выходили многочисленные публикации, которые я по возможности старался учесть в своём исследовании. В 2010 г. книга была закончена и издана пробным тиражом. После этого основной тираж ожидал необходимых для его издания средств. Естественно, что переделать готовый издательский макет уже не было возможности, удалось лишь сделать небольшую вставку во введение и исправить примечания. Поэтому и возникла иллюзия, что я небрежно отнёсся к предшественникам. Кто писал и издавал монографии, надеюсь, правильно поймут ситуацию.

Относительно критики источников Н.С. Ларьков также сделал мне небольшое замечание. Естественно, что все источники подвергались тщательной проверке. Но следует заметить следующее. Например, газетный отчёт о заседании Думы или другого органа власти может не соответствовать реальному ходу заседания, и потому необходимо его сопоставление с другими материалами. Но оценка партийной газеты какого-либо события уже является подлинным источником того, как орган партийной печати выразил своё отношение к данному событию. Всё это тщательно учитывалось, и, может быть, следовало лишь упомянуть, что источники по теме зачастую противоречат друг другу, но утомлять читателя частоколом ссылок и рассказом об исследовательской кухне в монографии мне не хотелось.

Н.С. Ларьков критикует меня за то, что в моей работе соотношение авторского текста и приводимых документов иногда не соответствует неким нормам, а также за то, что почти отсутствуют авторские выводы по параграфам. Рецензент даже проделал большую работу по подсчёту соотношения авторского текста и цитат в отдельных разделах моей монографии. Я согласен, что можно было просто пересказать цитаты – это бы, безусловно, увеличило объём авторского текста. Но зато потерялась бы живость изложения, специфичный стиль документов эпохи, колоритность газетных передовиц, голос живых людей и т.д. А мне этого вовсе не хотелось. Конечно, в нашей стране не было принято так писать монографии. Как правило, это скучный заумный текст, прочитать который даже специалисту по теме зачастую не под силу. На Западе существует такой жанр научных монографий, как документальное повествование, когда исследователь излагает тему, используя текст подлинных источников. В разных книгах процентное соотношение авторского текста и цитат разное, это зависит уже от наличия источников по теме. Мы просто не привыкли к подобным монографиям. Что касается выводов, то здесь также необходимо сделать некоторое пояснение. Н.С. Ларьков, по-видимому, и по возрасту, и по заголовку темы относится к последователям марксистско-ленинской методологии. Но есть и другие методологии, в некоторых из них вообще требуется, чтобы автор не излагал собственную позицию, а приводил только факты без каких-либо коммен-

тариив. Признаюсь, что не стою на столь крайней точке зрения. Но, в то же время, считаю, что монография должна отличаться от статьи тем, что в статье излагается какая-то проблема и потому необходимы выводы, а в монографии можно рассказать о каком-то историческом периоде, о событиях и людях, не становясь в ряды защитников или противников той или иной точки зрения. Хотя, безусловно, моя точка зрения проявилась в полной мере в группировке материала и тех авторских ремарках, которые я делал по ходу текста, а не в конце в виде выводов.

Ещё одним замечанием Н.С. Ларькова, с которым категорически не могу согласиться, является критика меня за то, что я в параграфе, посвящённом Уральскому правительству, соглашаюсь с точкой зрения Е.П. Сичинского, ссылаясь на уже опубликованные источники и не вводя в научный оборот новых. Здесь явный перекося. В данном случае следовало бы сказать, что я учитываю наработки предшественников. На эту сторону обращал однажды внимание В.А. Демидов (См.: Демидов В.А. Письмо в редакцию // Общественно-политическая жизнь Сибири. XX век : межвуз. сб. науч. тр. Новосибирск, 2004. Вып. 6. С. 169–171), когда отвечал на критические замечания Н.С. Ларькова на книгу новосибирского историка А.В. Добровольского (Ларьков Н.С. Рецензия на кн. : Добровольский А.В. Эсеры Сибири во власти и в оп-

позиции (1917–1923 гг.). Новосибирск : Наука, 2002. 398 с. // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История. Филология. 2003. Т. 2. Вып. 2), потому не буду подробно на этом останавливаться, отсылая всех заинтересованных к упомянутым выше письму и рецензии.

И, наконец, философское отступление. Н.С. Ларьков отметил, что пока в изучении «демократической контрреволюции» имеется «количество без качества». Я, признаюсь честно, не совсем понял, что он имел в виду. Насколько я понял, что, например, 4 или, может быть, 5 статей должны перерасти в монографию – это и будет переходом количества в качество. Или, например, 2–3 сборника документов перерастают в монографию – это тоже переход количества в качество? Хотелось бы спросить, кто и где определил, что какое-то количество должно перерасти в качество? Это фактор весьма субъективный. Быть может, на данном этапе исторической науки по данной проблеме куда полезнее нарастание количества, которое и идёт, а новое качество появится, когда придёт время. Но в таком случае лучше идти по истории «в кроссовках», а не в начищенных ботинках и без головы.

В заключение хотелось бы ещё раз поблагодарить Н.С. Ларькова за то, что он дал мне возможность высказать своё видение дискуссионных проблем, которые он затронул в своей рецензии.

Kokoulin Vladislav G. Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: kvladislav@yandex.ru

LETTER TO EDITION «TOMSK STATE UNIVERSITY. JOURNAL OF HISTORY». ANSWER TO REVIEW : LARKOV N.S. QUANTITY WITHOUT QUALITY, OR SUPERFICIAL KNOWLEDGE OF HISTORY // TOMSK STATE UNIVERSITY. JOURNAL OF HISTORY. 2015. No 2 (34). P. 125–128.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АНИСИМОВА Лариса Юльевна, кандидат исторических наук, доцент Юридического института Сибирского федерального университета (г. Красноярск). E-mail: nastyasever24@yandex.ru

БЕЙСЕНОВ Арман Зияденович, кандидат исторических наук, главный научный сотрудник, заведующий отделом первобытной археологии Института археологии им. А.Х. Маргулана Комитета науки Министерства науки и образования Республики Казахстан (г. Алма-Ата, Республика Казахстан). E-mail: azbeisenov@mail.ru

ВОРОШИЛОВА Анна Сергеевна, лаборант лаборатории социально-антропологических исследований Томского государственного университета. E-mail: Annet1010552@mail.ru

ГАЛСТЯН Арег Степанович, аспирант исторического факультета Томского государственного университета. E-mail: galstyanareg@gmail.com

ДАНИЛОВА Валерия Юрьевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Владимирского государственного университета. E-mail: fasikcat@yandex.ru

КОКОУЛИН Владислав Геннадьевич, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории России Новосибирского государственного университета. E-mail: kwladislaw@yandex.ru

КОМИЛОВА Хосият Гуфроновна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и теории международных отношений Российско-Таджикского (славянского) университета (г. Душанбе, Республика Таджикистан). E-mail: khosiyat.komilova@gmail.com

КРАСИЛЬНИКОВА Екатерина Ивановна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и политологии Новосибирского государственного технического университета. E-mail: katrina97@yandex.ru

КУЗНЕЦОВА Анастасия Александровна, аспирантка кафедры истории России Сургутского государственного университета. E-mail: smirnova_aa@list.ru

КУТИЛОВА Лариса Александровна, кандидат исторических наук, доцент Гуманитарного института Сибирского федерального университета (г. Красноярск). E-mail: kutiloval@rambler.ru

ЛУЗЯНИН Сергей Геннадьевич, доктор исторических наук, профессор, заместитель директора Института Дальнего Востока РАН, руководитель Центра изучения российско-китайских отношений, РИК, БРИКС и ШОС ИДВ РАН, профессор МГИМО (У) МИД РФ. E-mail: lousianin@ifes-ras.ru

МАЛЫХИНА Ирина Вячеславовна, кандидат технических наук, доцент кафедры математического моделирования и эконометрии Санкт-Петербургского государственного университета морского и речного флота им. адмирала С.О. Макарова. E-mail: irina.malykhina@gmail.com

ПРИХОДЬКО Юлия Сергеевна, ассистент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Сургутского государственного педагогического университета. E-mail: prichodko1@mail.ru

РАССКАЗЧИКОВА Альбина Андреевна, аспирантка исторического факультета, младший научный сотрудник лаборатории социально-антропологических исследований Томского государственного университета. E-mail: dream91.07@gmail.com

РАТУШНЯК Олег Валерьевич, кандидат исторических наук, доцент, докторант кафедры Новой, Новейшей истории и международных отношений Кубанского государственного университета (г. Краснодар). E-mail: oleg_ratushnyak@mail.ru

САВЕЛЬЕВА Анна Сергеевна, младший научный сотрудник лаборатории археологии Института экологии человека (г. Кемерово). E-mail: antverpen@mail.ru

СОКОЛОВ Николай Николаевич, кандидат исторических наук, доцент исторического факультета Томского государственного университета. E-mail: sokolov.nsokolov@yandex.ru

ТРОЙНИНА Екатерина Юрьевна, аспирантка исторического факультета Томского государственного университета. E-mail: shkrob_katya@mail.ru

ФЕДОСОВ Егор Андреевич, магистрант исторического факультета, младший научный сотрудник лаборатории социально-антропологических исследований Томского государственного университета. E-mail: karamba243@yandex.ru

ХАБИБУЛЛИН Марс Забирович, кандидат исторических наук, доцент, ученый секретарь Института татарской энциклопедии и регионоведения Академии наук Республики Татарстан (г. Казань). E-mail: kazanmars@rambler.ru

ЧЕРНЯК Эдуард Исаакович, доктор исторических наук, профессор, директор института искусств и культуры Томского государственного университета. E-mail: ed.i.chernyak@gmail.com

ШАБЛАВИНА Екатерина Арнольдовна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела археологии Восточной Европы и Сибири Государственного Эрмитажа (г. Санкт-Петербург). E-mail: arnoldovna@yandex.ru

Научный журнал

**ВЕСТНИК
ТОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА
ИСТОРИЯ**

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL OF HISTORY

2015. № 4 (36)

Редактор К.В. Полькина
Оригинал-макет А.Н. Воробьевой
Редактор-переводчик Н.А. Глущенко
Дизайн обложки Яна Якобсона (проект «Пресс-интеграл»,
факультет журналистики ТГУ)

Подписано к печати 18.08.2015 г. Формат 60x84^{1/8}.

Гарнитура Times.

Печ. л. 17; усл. печ. л. 15,8.

Тираж 60 экз. Заказ № 1195.

Журнал отпечатан на полиграфическом оборудовании
Издательского Дома Томского государственного университета
634050, г. Томск, Ленина, 36
Телефон 8+(382-2)–53-15-28